

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ  
ФЕДЕРАЦИИ  
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего  
образования  
«Российский государственный гуманитарный университет»  
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

Клочков Роман Александрович

**ОБРАЗ И РОЛЬ СЛАВЯНСТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РУССКОГО  
ЗАРУБЕЖЬЯ КОРОЛЕВСТВА СЕРБОВ, ХОРВАТОВ И СЛОВЕНЦЕВ. 1918-  
1929 ГОДЫ**

Специальность: 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического  
исследования

Диссертация на соискание ученой степени кандидата  
исторических наук

Научный руководитель:  
доктор исторических наук, профессор С.А. Романенко

Москва – 2026

## ОГЛАВЛЕНИЕ

|                                                                                                                                                                                                                                          |     |
|------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| ВВЕДЕНИЕ .....                                                                                                                                                                                                                           | 4   |
| ГЛАВА 1. СЛАВЯНСТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РУССКОГО<br>ОБЩЕСТВА ДО ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА .....                                                                                                                                              | 59  |
| § 1.1. Славянская идея: ключевые проблемы дискуссий .....                                                                                                                                                                                | 59  |
| § 1.2. Интеллектуальная традиция осмысления славянской проблематики в<br>работах представителей политической мысли России накануне революций<br>1917 г.....                                                                              | 95  |
| § 1.3. Россия и зарубежные славяне: отражение революционных событий и<br>Гражданской войны в дискуссиях о славянстве деятелей антибольшевистского<br>движения.....                                                                       | 114 |
| § 1.4. Прибытие и адаптация: впечатления эмигрантов и общества страны-<br>реципиента.....                                                                                                                                                | 129 |
| ГЛАВА 2. СЛАВЯНСКАЯ ТЕМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ<br>ПОЛИТИЧЕСКИХ КРУГОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В КОРОЛЕВСТВЕ<br>СХС: ПРОТИВОСТОЯНИЕ КОНСЕРВАТОРОВ-МОНАРХИСТОВ,<br>ЛИБЕРАЛОВ-КОНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ И ЭСЕРОВ-РЕСПУБЛИКАНЦЕВ<br>В 1918-1929 ГГ ..... | 154 |
| § 2.1. Специфика славянского исторического нарратива русского зарубежья:<br>«консервативный» VS «либеральный» подходы в оценке славянства .....                                                                                          | 154 |
| § 2.2. Славянство и русские монархисты в Королевстве СХС .....                                                                                                                                                                           | 185 |
| § 2.3. Социалисты-неонародники и «славянский мир»: деятельность и<br>концепции представителей ПСР в эмиграции на территории Королевства СХС<br>.....                                                                                     | 201 |
| § 2.4. Критическое восприятие славянской проблематики новыми течениями<br>общественной мысли: сменовеховцы и евразийцы.....                                                                                                              | 232 |

|                                                                                                                                         |     |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| ГЛАВА 3. СЛАВЯНСТВО И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ<br>ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В КОНТЕКСТЕ<br>МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ 1920-Х ГГ ..... | 241 |
| § 3.1. Славянская тема в дискуссиях русских ученых в КСХС .....                                                                         | 241 |
| § 3.2. Проблема организации механизмов обеспечения безопасности в<br>ЦВиЮВЕ: Малая Антанта и славянский контекст .....                  | 253 |
| Заключение .....                                                                                                                        | 280 |
| Список источников и литературы .....                                                                                                    | 285 |

## ВВЕДЕНИЕ

### **Научная актуальность темы исследования.**

Эмиграция из России после революции в октябре 1917 г. и Гражданской войны 1917-1923 гг. – значимый, многогранный и сложный культурно-исторический феномен. Русские эмигранты, обосновавшись за рубежом после пережитых событий, сформировали особое интеллектуальное пространство. С одной стороны, они стремились сохранить свои идейные традиции – традиций дореволюционной России. С другой стороны, прежняя идейно-теоретическая основа воззрений политического класса и русской интеллигенции преломлялись в свете новых политических и социокультурных реалий в Европе, в частности, в образованных после распада Австро-Венгрии и национальных революций 1918 г. государствах Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы (ЦВиЮВЕ).

Актуальность темы исследования определяется тем, что осмысление представителями русской послереволюционной эмиграции истории отношений между славянскими народами в контексте славянской идеи, обращение эмигрантов к проблеме взаимодействия и взаимосвязи России (или ее образа) со славянами ЦВиЮВЕ в контексте развития международных отношений в 1920-е гг., знаменует собой важный этап в истории развития российского интеллектуального и культурного достояния. Изучение сконструированных в русской интеллектуальной и политической традиции представлений о славянстве, являвшихся одним из элементов исторической мысли русского зарубежья, позволяет прояснить специфику и динамику осмысления славянского мира в современных научных дискуссиях как в России, так и за рубежом.

Часть русской послереволюционной эмиграции в силу жизненных обстоятельств оказалась на территории новых славянских государств ЦВиЮВЕ, что совпало с важным этапом в их историческом развитии. Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), Чехословакия и Польша<sup>1</sup> возникли в результате Первой мировой войны и распада Российской, Австро-Венгерской, Германской и

---

<sup>1</sup> К славянским государствам ЦВиЮВЕ следует отнести и Болгарию, которая провозгласила независимость в 1908 г.

Османской империй, в процессе становления новой – Версальской системы международных отношений. Создание КСХС было провозглашено 1 декабря 1918 г. Сложные отношения между южнославянскими народами в прошлом, попытки найти общие основы для их сближения (вплоть до объединения в одно государство этнически родственных народов) в контексте разных этапов международной и внутривосточной обстановки – все это оставило неизгладимый след в исторической памяти современных славян ЦВиЮВЕ.

**Объект исследования** – славянский исторический нарратив в общественно-политической традиции русского зарубежья.

**Предмет исследования** – представления о славянском мире и перспективах его развития в дискуссиях русских эмигрантов, проживавших в КСХС или имевших с этим государством тесные интеллектуальные и политические связи.

**Хронологические рамки диссертации:** 1918-1929 гг. *Нижняя временная граница* исследования обусловлена началом Гражданской войны в России и образованием в 1918 году независимых славянских государств, в первую очередь Королевства СХС и Чехословакии. Вслед за этим вскоре началась (в 1918 г.) первая волна русской эмиграции в Королевство СХС, представлявшая собой социальный, политический, психологический и интеллектуальный феномен. К этому времени Россия, которая на протяжении XIX в. – начала XX в. претендовала на роль и зачастую воспринималась во внешнем мире как «защитница славянского мира», прежде всего православных славян, в результате революционных событий Октября 1917 г. и утверждения нового идеологического вектора пришедших к власти большевиков – и декларируемого ими принципа «пролетарского интернационализма», выбыла из рядов «славянского мира». Возникла необходимость переосмысления ранее утвердившихся взглядов на славянство и восприятия новых реалий в тесной связи с представлениями о будущем России, ее роли в международных отношениях.

Выбор *верхней временной границы* исследования – 1929 г. – обусловлен тем, что, к концу 1920-х гг. в Королевстве СХС изменились настроения и политическая конъюнктура у различных групп эмигрантов, прежде всего

симпатизировавших российской монархии. К этому времени значительно снижается политическая активность многих политико-идеологических течений и организаций, оформившихся еще в предреволюционный период. Дореволюционные идейно-политические течения (консерваторы – монархисты, либералы – кадеты, социалисты – эсеры) в сознании эмигрантов, в первую очередь молодого поколения, понемногу начали уступать место новым течениям (сменовеховцы, евразийцы).

Изменения международной обстановки подталкивали к новым размышлениям, в том числе и новым трактовкам славянской идеи. Кроме того, 6 января 1929 г. в Белграде произошел государственный переворот, одним из последствий которого стало изменение названия страны: 3 октября 1929 г. Королевство СХС превратилось в Королевство Югославия, что отражало трансформацию идеологических основ государственности и трактовки югославизма.

**Географические рамки исследования.** Королевство СХС, наряду с Чехословакией, а также Польшей и Болгарией, стало одним из военно-политических, интеллектуальных и культурных центров русской эмиграции, русского зарубежья.

**Проблематика исследования.** В диссертационном исследовании рассматривается развитие исторических представлений в различных кругах русского зарубежья в контексте развития сконструированных образов славянского мира. Не только профессиональные историки, но значительная часть образованной части русского общества, публицистов и политиков внесли значительный вклад в формирование славянского исторического нарратива на уровне группового и массового сознания. В связи с этим диссертантом исследуется развитие исторической мысли русского зарубежья на основе различных типов историографических источников (научных, политико-публицистических), отражавших исторические представления, особенности сознания и мышления русской интеллигенции накануне и в годы эмиграции.

Необходимо учитывать, что в реалиях эмиграции, острого психоэмоционального переживания свершившегося – кризисных явлений, затронувших многие сферы жизни, актуализировались дискуссии и о переломе теоретико-методологических основ прежнего позитивизма. Характерны размышления русского историка и теоретика философии истории П.М. Бицилли, обратившегося к идеям представителей неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта, критически отделивших методологию истории (наука об индивидуальном) от естествознания (наука об общем)<sup>2</sup>. Внимание ученого (как и его коллег-эмигрантов) привлек вопрос о сущности и корректности историко-теоретических схем позитивизма, устремленных на открытие законов исторического развития и выявления всеобщего прогресса человечества.

В рамках исследования особое значение приобретает проблема конструирования определенных образов славянства как этнически родственной общности народов. Данные образы коррелировали со схемами, отражавшими мировоззренческую систему и политическое сознание эпохи. По нашему мнению, следует согласиться с М.Г. Вандалковской в том, что историческая мысль русской послереволюционной эмиграции, как особый феномен исторического знания, имеет тесную связь с общественно-политической мыслью<sup>3</sup>. В центре наметившегося интеллектуального процесса оказалось осмысление славянской идеи как мировоззренческой и идейно-теоретической основы формировавшегося образа славянства. Эта рефлексия принимала формы дискуссий эмигрантов о славянстве, его роли и значении в обновившихся реалиях международной политики.

Для раскрытия темы исследования важно учитывать особенности такого направления, как история исторических представлений. Л.П. Репина отметила, что «история историографии как часть интеллектуальной истории» – это «прежде всего история исторической культуры, исторического познания, сознания и мышления, история исторических представлений и концепций, образов прошлого

<sup>2</sup> Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага, 1925. С. 129-248.

<sup>3</sup> Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. М., 2009. С. 5-8.

и “идей истории”, задающих интерпретационные модели и выступающих как мощный фактор личностной и групповой идентичности, общественно-политических размежеваний и идеологической борьбы»<sup>4</sup>.

В контексте не прекращавшихся дискуссий о судьбе России оценивались и возможности сотрудничества между славянами в рамках нового международного порядка. Можно сказать, что некоторые эмигранты, оперируя славянской идеей, рассматривали ее как своеобразный мост, связывающий образ «исконной» России (многими при этом подчеркивалось – небольшевистской) с зарубежными славянами как на духовно-ценностном, так и на политическом уровне. Это относится к южным и западным славянам, составлявшим значительную часть населения новых государственных образований в ЦВиЮВЕ. Однако отношение самих представителей зарубежного славянства к славянской идее, в процессе осмысления общеславянского самосознания на разных уровнях его соприкосновения с узко национальным, было непростым. Нам представляется важным принять во внимание замечание российского исследователя С.А. Романенко о том, что в то же самое время «общеславянское сознание никогда не было исключительно “прогрессивным фактором”, который якобы не входил в противоречие с этническим самосознанием и интересами каждого отдельно взятого славянского народа и процессом его самоопределения»<sup>5</sup>. В связи с этим вырисовывается еще одна проблема: восприятие славянства на фоне обострения межнациональных противоречий среди славянских народов в ЦВиЮВЕ, что также осложнялось устремлениями национальных неславянских меньшинств.

Для раскрытия темы важно также понимание духа времени. Первая мировая война стала своеобразным водоразделом, заставив переосмыслить многие взгляды и идеи предшествовавшей эпохи. Как отметил известный немецкий историк Ю. Остерхаммель, 1920-е гг. ознаменовали в сознании многих современников, осмысливших последствия войны, переход от «длинного века» к новой эпохе, в которой новые идеологии способствовали глубокому разрыву между «прошлым»

<sup>4</sup> Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. М., 2011. С. 400-401.

<sup>5</sup> Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». М., 2002. С. 15.



и «настоящим»<sup>6</sup>. Порожденная этой войной действительность, с ее особым психоэмоциональным надрывом, стала катализатором целой цепи событий и процессов. В России это Февральская и Октябрьская революции, кровопролитная Гражданская война и эмиграция значительных масс людей за границу. Прежние имперские пространства разрушались – в 1918 г. произошли национальные революции и в Австро-Венгрии. Все это, так или иначе, отразилось и на менявшихся образах славянства. В России складывались принципы новой политической концепции, геополитические и идеологические основы внешней политики большевиков: идеология пролетарского интернационализма приходила на смену идеям «монархизма, державности, имперскости, “славянского братства” и защиты христианских (по преимуществу православных) народов»<sup>7</sup>.

Нередко политики и публицисты русского зарубежья выступали в роли непрофессиональных историков, интерпретаторов славянской проблематики. В их сочинениях малого формата, публицистического и полемического характера, актуальная современность пересекалась с вопросами прошлого, оценками исторических процессов и явлений. В связи с этим возникает проблема пересечения науки и политики в отражении историографической ситуации русского зарубежья – конструирования определенных моделей славянской идеи, ее истории. Здесь мы сталкиваемся, по определению советского и российского историка В.А. Муравьева, с «моделируемым» историографическим объектом прошлым<sup>8</sup>. В связи с этим нужно учитывать и сопутствующую проблему распространения сочинений исторического характера, не строгой научной направленности.

Представители начавшего складываться с 1918 г. русского зарубежья, размышляя о славянстве, посредством создаваемых ими публицистических и научных сочинений, осуществляемой общественной и политической

<sup>6</sup> Osterhammel J. Die Verwandlung der Welt: eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München, 2009. S. 87-88.

<sup>7</sup> Романенко С.А. Россия и Австро-Венгрия в 1917 г.: два типа революции. По материалам российской прессы. Исторический вестник. 2018. Т. XXIII. С. 101-102; См. также: Его же. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». М., 2011.

<sup>8</sup> Муравьев В.А. История вновь и вновь // Источниковедческая компаративистика и историческое построение : тез. докл. и сообщений XV науч. конф. Москва, 30 янв. – 1 февр. 2003 г. М., 2003. С. 25.

деятельности, так или иначе, включились в дискуссии, касавшиеся будущего послевоенной Европы. После Первой мировой войны поиски ответов на вопрос о целесообразности использования идеи славянской взаимности как культурной основы, которая бы дополнила сферу политики и дипломатии стран со значительным славянским этническим элементом, а также вопрос о судьбе России после 1917 г. стали частью этих дискуссий. В них своеобразно пересекались и соотносились между собой элементы идеологии, политики и науки. Все это отражалось в разной степени и в различных ракурсах в созданных эмигрантами текстах разных жанров. Развитие представлений о славянстве в среде эмигрантов – политиков и ученых – происходило в контексте борьбы с большевизмом (в преобладающем случае) либо солидарности с новой Советской Россией.

Исследование сосредоточено на анализе идей монархистов, конституционных демократов (кадетов) и социалистов-революционеров (эсеров) – основных идейно-политических течений дореволюционной России, впоследствии представленных в эмиграции. Идеи и дискуссии меньшевиков о славянстве не стали предметом нашего внимания. Во-первых, в большей степени монархисты, в меньшей республиканцы – кадеты и эсеры, как отметил сербский историк М. Йованович, оставили заметный след в общественно-политической и интеллектуальной жизни русского зарубежья в КСХС<sup>9</sup>. Во-вторых, славянская тема в политической и исторической мысли меньшевиков была представлена незначительно.

Эмиграция характеризуется понятием «русская», так как в изучаемой исторической плоскости учитывается, в первую очередь, проблема национальной и культурной самоидентификации тех представителей послереволюционной эмиграции, кто ощущал и определял себя как русских. В особо сложных условиях жизни, в окружении общества чужой страны, было велико стремление сохранить свою «русскость» – национальный облик, политические и культурно-бытовые традиции. К тому же историческое и политическое сознание многих беженцев складывалось еще в рамках культурно-исторических и идеологических процессов

---

<sup>9</sup> Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. М., 2005. С. 49-53.

развития Российской империи, в том числе и дискуссий о национальной идее, поисков основ национального самосознания, дискуссий об идее «Великой России» и ее основ.

В то же время необходимо учитывать, что немалое число тех эмигрантов, кто определял себя как русских (по своей этнонациональной принадлежности), рассматривали себя и как восточную часть – «ветвь» – славянского мира в широком этнокультурном (этноязыковом) контексте. Они исходили из идеи общности (общеславянского) происхождения. Этот контекст нередко перерабатывался, абсолютизировался и проецировался на образ «славянской России». Все это оказывало влияние на создание эмигрантами исторического нарратива о славянстве.

**Цель исследования** – проанализировать представления о славянстве в общественно-политическом и историческом сознании русского зарубежья в Королевстве СХС как полиэтнической общности, его образе и возможной роли в Европе и регионе ЦВиЮВЕ. **Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:**

1. Выявить особенности восприятия славянской идеи в представлениях русской общественности в предреволюционный период, в начале XX в.
2. Рассмотреть послереволюционные дискуссии о месте и роли России в славянском мире в контексте осмысления истории славянства.
3. Проанализировать особенности взаимного восприятия русскими эмигрантами и югославянами (сербам, хорватами и словенцами) друг друга в 1920-е гг.
4. Выявить элементы «старой» (дореволюционной) и «новой» (послереволюционной) историографической традиции восприятия славянской идеи и истории славянства, отраженные в сочинениях ученых, политиков и мыслителей русского зарубежья, тесно связанных с их политико-идеологическими воззрениями.

5. Охарактеризовать отражение славянской идеи в исторических взглядах русских монархистов-консерваторов и либералов-конституционалистов, обосновавшихся в КСХС.

6. Исследовать преломление в славянском историческом нарративе социалистов-революционеров идей сотрудничества ПСР в эмиграции на территории КСХС и «славянского мира» с целью распространения идей демократической России.

7. Определить специфику образа славянства в историографии и публицистике новых течений в эмиграции 1920-х гг. – евразийства и сменовеховства.

8. Квалифицировать представления о славянстве как фактор международных отношений в историко-политической мысли русской эмиграции в КСХС.

**Теоретико-методологическая основа исследования.** Диссертация как научно-квалификационная работа основывается на принципе историзма, который позволяет рассматривать исторические процессы и явления как изменяющиеся и развивающиеся во времени, с учетом конкретно-исторической ситуации. Применение традиционных методов исторического исследования в сочетании с методами историографического анализа (метод деконструкции исторического текста), а также методологией изучения эволюции понятий в текстах (историческая семантика), предоставило возможность охватить разнообразные аспекты преломления славянской темы в текстах различной видовой и жанровой принадлежности.

*Историко-генетический метод* дал возможность проследить эволюцию представлений о славянстве, его образах, сложившихся в русской историческом и политическом сознании. Данный метод применим при анализе большей части источников: научных и публицистических трудов русских и зарубежных авторов о славянстве, материалов прессы, а также дипломатических документов того времени. Этот метод позволяет решить следующие задачи: определить концептуальную основу славянской идеи и исследовать характер ее восприятия в

исторической мысли российского общества в период, непосредственно предшествующий революции, а также в последующее время.

*Историко-сравнительный метод* позволил провести сравнение сочинений представителей различных общественно-политических групп и определить специфику их идейных концепций и складывавшихся исторических нарративов. Историко-сравнительный метод используется при анализе таких видов источников как: публицистика, периодическая печать, источники личного происхождения – письма, воспоминания и дневники.

Применение *историко-типологического метода* помогло распределить рассматриваемых представителей русской эмиграции в соответствии с их идейно-политическими воззрениями. Данный метод используется при анализе протоколов съездов и собраний политических партий, программ организаций с определенной идейно-политической составляющей (эсеровской, либеральной-кадетской и монархической направленности), сочинений публицистического характера. Позволяет решить следующие задачи: охарактеризовать специфику восприятия и интерпретации славянской идеи в исторической мысли русских монархистов, обосновавшихся в КСХС; изучить идеи сотрудничества ПСР в эмиграции на территории КСХС и «славянского мира» в контексте образа «демократической России» в славянском историческом нарративе; определить специфику образа славянства в публицистике и печати новых течений в эмиграции 1920-х гг. – евразийства и сменовеховства.

Для анализа содержания понятий, связанных со славянской идеей (славянофильство, панславизм, панруссизм, славянская взаимность, славянское братство), развития во времени и в соотношении с социально-политическими течениями (консерватизм, либерализм, социализм, неонародничество) автор обращается к *исторической семантике*. Историческая семантика – исследовательский подход, «направление исторической науки, исследующее значения и смыслы исторических дискурсов в контексте социально-политических

практик эпохи»<sup>10</sup>. В трактовке исторической семантики диссертант придерживается подхода, который был сформирован в рамках немецкой школы истории понятий (Begriffsgeschichte). Ведущую роль в этом научном направлении сыграл немецкий историк и методолог Р. Козеллек. Предметом внимания в рамках данного подхода выступают языковые тексты, в контексте «исторически обусловленного» соотношения социальной истории и истории понятий в их развитии<sup>11</sup>. Этот подход применяется нами при исследовании сочинений о славянстве, позволяя выявить слова с определенной оценочной коннотацией, смысловое наполнение которых менялось со временем.

Для корректной интерпретации и выявления отличительных особенностей складывавшейся историографической традиции на основе многочисленных историко-публицистических сочинений требуется применение *метода деконструкции источника*. Этот метод подразумевает «расслоение» структур источника, выявления тех материалов (источники источника), которые тот или иной автор, в зависимости от своей мировоззренческой, научной или идейно-политической позиции, привлекал (зачастую целенаправленно) для написания своего текста<sup>12</sup>. Метод деконструкции применим к публицистическим и научным сочинениям, публикациям на историческую тему в прессе. Этот метод позволяет обнаружить выбранную тем или иным автором стратегию трактовки славянской идеи, истории ее развития на основе поставленных самим автором акцентов в тексте. Его применение помогает решить такие исследовательские задачи, как: исследовать дискуссии о славянской идее и истории славянства, отраженные в текстах политиков и мыслителей русского зарубежья; выяснить обстоятельства заинтересованности славянской тематикой и ее применения в публичных текстах монархистами, кадетами и эсерами, преследуемых ими целей, навязывания читателю своего понимания проблемы.

<sup>10</sup> Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М., 2016. С. 174-176.

<sup>11</sup> Козеллек Р. Социальная история и история понятий / Пер. с нем. Ю. И. Басилова // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX века. СПб., 2006. С. 37-38.

<sup>12</sup> Подробнее см.: Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. С. 149-152.

### **Понятийно-терминологический аппарат исследования.**

Понятие «**Зарубежная Россия**» сложилось в результате переосмысления своего положения эмигрантами, прежде всего теми, кто придерживался консервативного, правого или центристского направления в идейно-политическом спектре. В частности видный политический деятель П.Б. Струве и его сторонники подчеркивали в качестве одного из руководящих принципов «духовного единства» русской эмиграции – твердое неприятие большевизма, «коммунистического интернационала»<sup>13</sup>.

Следует исходить из того, что понятие «**славянская идея**», в рассматриваемой исторической плоскости, не представляло собой четко очерченного и конкретизированного содержания. На наш взгляд, широкое понятие «славянская идея» может рассматриваться как совокупность представлений (не всегда схожих, но связанных с теми или иными социально-политическими взглядами и национально-политическими идеологиями) о прошлом, настоящем и будущем славянства. В широком смысле понятие славянская идея также определяют как «всю совокупность исторически меняющихся форм общественного сознания, в которых проявлялась идея славянской общности»<sup>14</sup>. Наиболее устойчивой ее составляющей являлось понятие «**славянская взаимность**», в основе которой лежали сложившиеся представления о близости славянских народов на основе этнокультурного и этноязыкового родства, ощущения исторической общности<sup>15</sup>. Первым ее в наиболее четком виде сформулировал в 1830-е гг. словацкий национальный деятель Я. Коллар, включая в это понятие «право каждого славянского народа на культурное самоопределение»<sup>16</sup> и не углубляясь в политические вопросы<sup>17</sup>. За

<sup>13</sup> См., например: Сущность и назначение Зарубежной России // Возрождение. Париж. 1926. 6 апреля. Однако в широком смысле понятие «русское зарубежье», как определяющее распространение за рубежом всей совокупности русских эмигрантов, встречается на страницах прессы не только консервативной направленности, но и либеральной – кадетской, и левой – эсеровской.

<sup>14</sup> Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый. С. 73-74.

<sup>15</sup> См.: Лаптева Л.П. Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // Славянские съезды XIX-XX вв. М., 1994. С. 5-20; Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый. М., 2023; Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». М., 2002.

<sup>16</sup> Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый. С. 155.

<sup>17</sup> Maxwell A. The 1848 Revolution and the limits of Sorbian Czechoslovakism // New Zealand Slavonic Journal. 2012. Vol. 46. S. 9-22.

прошедшее время данное понятие практически не изменило смысла в научных и общественных дискуссиях<sup>18</sup>. В контексте складывавшихся вокруг славянской темы дискуссий русской эмиграции, размышления о славянской идее нередко включали в себя звенья цепочки: славянская взаимность – (обще)славянское самосознание – идея самобытности славянского мира. **«Общеславянское сознание»** включало в себя представления о существовании прочных цивилизационных и культурно-исторических связей между славянами. Что касается идеи «самобытности», здесь нужно заметить, что она оценивалась в зависимости от влияния идеологии и политических воззрений. К тому же возникала проблема соотношения социально-политических взглядов с национально-политическими, дискуссиями о национализме.

Славянская идея находила отражение в разных ракурсах. С учетом преломления в указанных ранее формах сознания русских эмигрантов и особенностей ощущения современной им исторической эпохи, славянская идея выражалась и как элемент какой-либо идеологии (например, политической), и в рамках научной теории. Некоторые элементы в ее структуре были связаны с сохранением памяти о прошлом (историческая память, определенные выработавшиеся штампы и стереотипы), другие же отражали переосмысление с учетом новых реалий. Часто играли роль и иные обстоятельства. В частности, в текстах эмигрантов учитывался конфессиональный аспект – позитивная оценка роли моральных и духовных ценностей православия в понимании сущности славянского мира.

Поэтому представляется корректным рассматривать славянскую идею как феномен интеллектуальной и политической жизни, ее преломление в текстах и фразеологии эмигрантов в тесной связи с таким понятием как **«образ славянства»**. Само понятие образ можно раскрыть как «результат реконструкции объекта в сознании человека»<sup>19</sup>. Совокупность представлений о славянстве складывалась в сознании русского общества, с учетом особенностей его

<sup>18</sup> Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый. С. 15.

<sup>19</sup> Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2010. С. 128.



исторической, культурной и политической форм сознания, психологии, осмысления им внутренних и внешних факторов развития Российского государства.

В свою очередь в смысловом пространстве славянской идеи находились (и находятся) сопутствующие ей понятия. Одно из них – «**славянство**» – в широком смысле множество всех славянских народов. Это давало пищу для дальнейших размышлений некоторым мыслителям и публицистам, включавшим в пространство славянства (уже не только на уровне представлений об этничности) или использовавшего как синоним понятия – славянского мира. В рамках этого понятия рассматривалось как факт наличие скрепляющего славянство элемента – общеславянского сознания как духовной и культурной связи славян.

Опорой для ментальных конструкций, составлявших представления о славянской идее среди русской общественности за рубежом, становились штампы предшествовавших лет. Одно из них оставалось довольно популярным: представление о «славянской миссии России» – Россия всегда являлась и будет являться защитницей и опорой славян. В противовес этому выдвигали суждения о том, что старая Россия (царская) сыграла свою роль среди славян. Она осталась в прошлом. По сути, приверженцы подобного взгляда отводили славянской политике царского времени место лишь в истории – по выражению известного британского историка Э. Хобсбаума, в «долгом XIX веке».

К числу сложных и многозначных в трактовке понятий относятся также «**славянофильство**» и «**славянофил**»/«**славянолюб**». При обращении к этим терминам необходимо учитывать изменение их смыслового содержания и особенности их применения в разные исторические периоды. Слово «славянофил», по замечанию крупного исследователя славянофильства Н.И. Цимбаева, уже с 1830-х гг. имело определенный смысл по отношению к человеку, который любил славян и проявлял значительный интерес к их истории и культуре, с некоторой долей идеализма относился к их прошлому и настоящему<sup>20</sup>. Вскоре слово «славянофил» стало ассоциироваться с более определенным содержанием

<sup>20</sup> Цимбаев Н.И. Славянофильство. М., 1986. С. 17-18.

понятия «славянофильства» – исторического феномена, направления в русской историософской и общественно-политической мысли середины XIX в.

В учении классических славянофилов 1840-х-1850-х гг. была обоснована идея русской национальной самобытности, центральным элементом которой становились представления о православии как духовной основы самосознания русского народа. Однако еще классическими славянофилами были заложены представления о взаимосвязи этнического русского и общеславянского компонентов, ставшие основой формировавшегося в России отношения к зарубежным славянам и создававшегося идеализированного образа «славянского мира»<sup>21</sup>. Соответственно, термины «славянофил» и «славянофильство», несмотря на вариативность их интерпретаций, со временем стали неизменно содержать в себе славянский компонент<sup>22</sup>. Это необходимо учитывать, так как многие общественные деятели и интеллектуалы, впоследствии называвшие себя славянофилами или, не обязательно являлись прямыми последователями дела «истинных славянофилов» (что подчеркнул Н.И. Цимбаев<sup>23</sup>).

**Славянофильские взгляды как часть традиции романтизма и теоретико-методологическое направление** в изучении славянской проблематики можно трактовать как подход к оценке процессов развития славянской культуры и истории с присущими ему представлениями о славянской взаимности. Эти представления в мировоззрении того или иного автора зачастую детерминировали картину прошлого и настоящего славянства. Славянофильству, как отметила Л.П. Лаптева, свойственны провиденциализм и рассмотрение славянства как «единого организма»<sup>24</sup>.

С другой стороны, важным элементом модели исторической практики историков модерна являлся **позитивизм** – научный подход, в рамках которого историческое исследование связывается с «добросовестным и критическим

<sup>21</sup> Досталь М.Ю. Славянский мир и славянская идея в философских построениях и «практике» ранних славянофилов // Славянский альманах. М., 2001. С. 93-94.

<sup>22</sup> Аксенова Е.П. Славянская идея в русской философской мысли (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Г.В. Флоровский) // Славянский альманах. С. 152-154.

<sup>23</sup> Цимбаев Н.И. Указ. соч. С. 19. Прим.

<sup>24</sup> Лаптева Л.П. История славяноведения в России. М., 2012. С. 752.

отношением к историческим источникам, полнотой источниковой базы», а также «основанным на фактах конструированием истории»<sup>25</sup>.

Обратимся к смыслу понятия **«русская историческая школа»**, так как для раскрытия темы исследования необходимо принимать во внимание наличие связующих нити, соединявшей традиции исторической науки в России дореволюционного времени с исторической мыслью русского зарубежья. В смысловое пространство понятия «русская историческая школа» входят сформированные русскими историками идейно-теоретическая основа и проблематика исторических сочинений, характерной особенностью которых стало значительное влияние социально-политической обстановки пореформенной России. Русские историки дореволюционного периода делали акцент на общественной функции «их науки, систематически занимались публицистикой и просветительской деятельностью, видя в этом долг ученого»<sup>26</sup>. Эти же черты во многом были присущи и многим историкам русского зарубежья.

В контексте проблематики диссертации, понятие **«историческая мысль»** представляет собой процесс осмысления эмигрантами исторических фактов, обусловленный «конкретно-исторической обстановкой, идейной атмосферой, содержанием духовного наследия»<sup>27</sup>.

Более широким понятием является **«историческое сознание»** – «совокупность продуктов духовной активности (знаний и оценок) субъекта практики по овладению прошлым, что является необходимым условием установления связей между историческими периодами развивающейся действительности»<sup>28</sup>. Историческое сознание тесно связано с другими типами сознания – философским, политическим, этническим, лингвистическим, культурным, религиозно-конфессиональным. Можно выделить три уровня

<sup>25</sup> Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности. Под. ред. Л.П. Репиной. М., 2020. С. 178-179.

<sup>26</sup> История исторической науки / Л.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. М., 2004. С. 195.

<sup>27</sup> Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. М., 2009. С. 5-6.

<sup>28</sup> Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности. Под. ред. Л.П. Репиной. М., 2020. С. 18.

исторического сознания – индивидуальное, групповое, массовое, а также две формы – профессиональное и обыденное.

Научно-исторические произведения в диссертации дополнены выводами историософских работ. В контексте данного исследования диссертант использует понятие **«историософия»** в значении как одну «из форм теоретического отношения к истории», которая связана «с разработкой теории исторического процесса и рефлексией относительно природы исторического познания»<sup>29</sup>.

**«Панславизм».** Важно учитывать, что панславизм как историческое явление также было весьма сложным и неоднозначным в зависимости от затронутого контекста. В изначальном своем бытовании, в широком смысле, панславизм синонимично передает вполне нейтральное значение слова «всеславянство», охватывающее все славянские народы, но не отражая определенных политически и идеологически окрашенных смыслов. Со временем понятие панславизм наполнялся различными смыслами в зависимости от взглядов и установок того или иного человека или группы людей, обращавшихся к нему, или использовавшего его в конкретных целях.

Следующее ключевое понятие, сопутствующее панславизму – славянская общность. Примем во внимание мысль С.А. Романенко о том, что составлявшее основу ощущения этой общности общеславянское сознание представляло собой преимущественно «сознание архаичное, мифологизированное, основанное на этнических стереотипах»<sup>30</sup>.

**«Мнимый панславизм»** (понятие, данное российской исследовательницей О.В. Павленко) – как отражение в оценках (возникших преимущественно в среде немецкой, венгерской, австрийской и итальянской публицистики) опасения перед угрозой со стороны России и остальных славян<sup>31</sup>. В срезе имагологии термин панславизм можно также рассматривать с точки зрения его применения в качестве своеобразного «ярлыка», который давался в немецкой общественной мысли

---

<sup>29</sup> Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина. М., 2016. С. 516.

<sup>30</sup> Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». С. 15.

<sup>31</sup> Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый. М., 2023. С.331.

Другому – славянам. Отражая пренебрежительный или даже дискриминационный смысл, он оказывался погруженным в контекст противопоставления «культурной» Западной Европы «дикому» славянству (как совокупности славянских народов и государств)<sup>32</sup>.

Для обозначения консервативного и державного варианта панславистской концепции необходимо обратиться к термину «**имперский панславизм**», который, в частности, применяет О.В. Павленко. Имперский панславизм предстает в виде системы «ценностных установок, в соответствии с которой Россия мыслилась как ядро консолидации славянского мира, объединявшего отечественные и зарубежные славянские народы»<sup>33</sup>. Таким образом, О.В. Павленко подводит к мысли о сущности имперской модели панславизма как неотъемлемой части процесса очерчивания национально-государственной концепции – Великой Российской империи. Мы увидим, что, зародившись во второй половине XIX в., эта некоторые ее положения преломились в суждениях русских эмигрантов о «Великой России» и славянстве.

**Австрославизм.** В.И. Фрейдзон определил «австрославизм» как «систему политических взглядов, исходившая из представлений о возможности решения национального вопроса в рамках империи». Говоря о взаимозависимости двух направлений в национальном движении, развивавшихся параллельно, но не всегда совпадавших, ученый отметил: «Австрославизм и федерализм славянский буржуазии Австрийской империи являлись выражением национально-либеральных взглядов»<sup>34</sup>.

Теория **чехословакизма** по определению Е.П. Серапионовой являет собой развитые ученым и политиком Т.Г. Масариком представления о едином чехословацком языке и единой чехословацкой нации, которая формировалась с учетом разных исторических условий из двух близких ветвей – чешской и

<sup>32</sup> Renko, Manca G. Vloga Rusije in pomen slovanske vzajemnosti na severnem Jadranu 1848-1914. Doktorska disertacija. Koper, 2017. S. 16.

<sup>33</sup> Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый. 1830-1860-е гг. М., 2022. С. 245.

<sup>34</sup> Фрейдзон В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу: Подъем освободительного движения в 1859—1873 гг. История, идеология, политические партии. М.: Наука, 1970. С. 96.

словацкой<sup>35</sup>. Данная теория стала идейной основой Чехословакии как единого государства, возникшего 28 октября 1918 г.

**Югославизм** – идеология и политическое движение, исходящее из общности культуры, истории и языка сербов, хорватов, словенцев, а также черногорцев, македонцев и боснийских мусульман. Конечная цель югославизма в начале XX в. – объединение южнославянских народов в единое государство, что воплотилось в создании государства КСХС 1 декабря 1918 г.<sup>36</sup>

**Балканизм** – идея общности балканских народов на основе географического положения, исторических связей и исторической травмы, включая взаимодействие в области культуры, экономики и политики. Страны региона объединялись для защиты своих реальных или воображаемых границ от потенциальных агрессоров, для обеспечения общей региональной безопасности путем координации действий. Эта концепция, зародившаяся во второй половине XX в., постоянно существовала в политическом дискурсе региона. Она четырежды осуществлялась на практике в формах военно-политических союзов: в 1866-1868, 1912, 1934-1941, 1953-1955 гг.<sup>37</sup>

**Степень изученности темы.** В основу анализа историографии положен проблемно-хронологический принцип. Складывание образов славянства в исторической мысли русских эмигрантов в КСХС прежде не было объектом специального исследования. Однако в ряде отечественных и зарубежных работ были раскрыты отдельные стороны этой темы.

**Отечественные работы** можно разделить на несколько групп. Отдельно стоит обозначить *первую группу* работ, посвященных проблеме соотношения идейных и мировоззренческих элементов во взглядах на славянскую идею в контексте восприятия русским обществом славян ЦВиЮВЕ в дореволюционный

<sup>35</sup> См. подробнее: Серапионова Е.П. Идея чехословакизма. Истоки и реализация // Национальный вопрос в Восточной Европе. М., 1995. С. 61-71.

<sup>36</sup> См.: Романенко С.А. Национальные движения южных славян Австро-Венгрии 1890-1918 гг. Дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Т. III. Москва, 2013. С.383-385.

<sup>37</sup> Напр. См.: Романенко С.А. Среднеевропейская и балканская дилемма 1917–1918 гг.: Австро-Венгрия или Югославия? // Европейские сравнительно-исторические исследования. Москва: ИВИ РАН 2017. Вып. 5: Парижская мирная конференция (1919–1920): взгляд из XXI века. С. 157–180.

период. Дискуссия об этом намечена в работах В.А. Болдина<sup>38</sup>, З.С. Ненашевой<sup>39</sup>, О.В. Павленко<sup>40</sup>, С.А. Романенко<sup>41</sup>, И.В. Чуркиной<sup>42</sup>. В частности, отметим исследование О.В. Павленко, посвященное многогранной специфике феномена панславизма<sup>43</sup>.

*Во вторую группу* вошли работы, посвященные теме развития идейно-теоретических и общественно-политических взглядов представителей исторической науки русского зарубежья, обосновавшихся в славянских странах, в том числе и в КСХС. Можно выделить два основных этапа развития отечественной историографии по этой теме в контексте изменившихся регулирующих науку и общество идеологических рамок и переосмысления теоретико-методологических основ исторических исследований: историография советского периода и постсоветские исследования с начала 1990-х годов до настоящего времени. В свою очередь за прошедшие годы в историографии, как отметил Е.И. Пивовар, наметились качественные изменения, характеризующийся становлением новых исследовательских подходов и ракурсов, постановкой новых проблем, разнообразием теоретико-методологических концепций, возможность использовать широкий круг ранее недоступных источников<sup>44</sup>.

Тема белой эмиграции в советской историографии долгое время находилась в жестких рамках наложенных на нее политико-идеологических запретов и сложившегося в советском историческом нарративе образа эмигрантов как противников революции и советского государства. Обращаясь к работам видных публицистов, ученых и политических деятелей-эмигрантов из России и истории послереволюционной эмиграции в целом, советские исследователи были вынуждены придерживаться идеологических штампов, заданных еще в работах

<sup>38</sup> Болдин В.А. Панславистские политические концепции. Генезис и эволюция. М., 2018.

<sup>39</sup> Ненашева З.С. Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. Чехи, словаки и неославизм 1898-1914. М., 1984.

<sup>40</sup> Павленко О.В. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60; Она же. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3-15.

<sup>41</sup> Романенко С.А. Югославизм // Славяноведение. М., 1998. № 5. С. 10–17; Он же. Россия, Югославия и «славянская идея». М., 2002.

<sup>42</sup> Чуркина О.В. Россия, славянофилы и зарубежные славяне. Очерки истории. М., 2020.

<sup>43</sup> Павленко О.В. Панславизм: Реальный и воображаемый. М.: РГГУ. 2023.

<sup>44</sup> Пивовар Е.И. Российское зарубежье в новейшей отечественной историографии // Исторические записки. 2019. № 18(136). С. 256. См. также: Пивовар Е.И. Российское зарубежье: Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008.

большевистских идеологов и публицистов в первую очередь В.И. Ленина и первого советского историка-марксиста М.Н. Покровского.

Положительный поворот в сторону более основательного исследования творчества эмигрантов, прежде всего ученых, обозначился в период «оттепели». В 1960-е годы выходит в свет ряд статей советской и российской исследовательницы Л.П. Лаптевой, в которых на основе богатого источникового материала, взятого из неизученного ранее личного архива известного историка-слависта В.А. Францева, была рассмотрена проблематика жизненного пути и творчества ученого в свете развития русского славяноведения<sup>45</sup>.

Одним из первых в советской историографии попытку исследовать научное наследие русских эмигрантов за рубежом предпринял известный советский историк В.Т. Пашуто. Работу над своим трудом ученый начал еще в советский период – с конца 1960-х гг. В это время исследователь лично вел активную переписку с «младшим» поколением ученых-эмигрантов за границей. Непосредственный диалог В.Т. Пашуто с эмигрантами, несомненно, оставил положительный след на начатом исследовании. Особо стоит отметить третью главу книги, посвященную деятельности русских историков-эмигрантов в Югославии. В.Т. Пашуто отметил, что одной из отличительных особенностей условий жизни и работы эмигрантов в этой стране было то, что в ней, помимо прочего, «были живы традиции славянской общности»<sup>46</sup>.

В советской историографии второй половины 1980-х годов появляются исследования, положившие собой первые попытки преодоления устоявшихся идеологических рамок, изменения исследовательской оптики и переосмысления ранее утвердившихся оценок общественно-политической мысли русских эмигрантов с привлечением ранее недоступного архивного материала. В этом

---

<sup>45</sup> См., например: Лаптева Л.П. В.А. Францев как историк славянства // Славянская историография: Сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 1966.

<sup>46</sup> Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 79.



контексте необходимо отметить исследования Ю.А. Писарева<sup>47</sup> и В.А. Тесемникова по истории русской послереволюционной эмиграции в Югославии<sup>48</sup>.

Исследователь истории Балкан и русской эмиграции межвоенного периода К.В. Никифоров отметил, что в отечественной историографии, посвященных истории русского зарубежья в КСХС, «намного меньше работ, которые бы затрагивали политическую историю эмиграции, идейно-политическую борьбу ее представителей»<sup>49</sup>.

Начало 1990-х гг., период становления постсоветской российской исторической науки, характеризуется обращением исследователей к ранее неизученным источникам и началом более глубокой разработки проблематики истории послереволюционной эмиграции. В отечественной и зарубежной историографии стало появляться большее количество работ, посвященных теме русской научной эмиграции в КСХС.

Проблему соотношения общественно-политических воззрений и научно-исследовательского подхода в рамках феномена исторической мысли русского зарубежья одной из первых подняла в своих работах М.Г. Вандалковская. Исследовательницей рассмотрена как научная, так и общественно-политическая деятельность многих ученых эмигрантов<sup>50</sup>. Результатом многолетних исследований М.Г. Вандалковской стала монография, в которой историк выделила наиболее заметные идейные течения в исторической мысли русского зарубежья: либерально-консервативное, либерально-демократическое и евразийское направления<sup>51</sup>.

Проблематику славистических исследований в трудах историков русского зарубежья межвоенного периода, в частности проблему национального

<sup>47</sup> Писарев Ю.А. Российская эмиграция в Югославии 1919-1945 // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 151-161.

<sup>48</sup> Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919-1945 гг.) // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 128-137.

<sup>49</sup> Никифоров К.В. Особенности изучения русской эмиграции в Королевстве СХС (Югославии) // Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII-XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достян. М., 2021. С. 510.

<sup>50</sup> Вандалковская М.Г. П.Н. Милуков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992; Она же. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997.

<sup>51</sup> Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20-30-е гг. XX в. М., 2009.

возрождения славянских народов во взглядах историков-эмигрантов, векторы развития дискуссий ученых по этому вопросу, осветила М.Ю. Досталь<sup>52</sup>.

Инициативы В.А. Дьякова по истории научного и общественно-политического осмысления славянства в России<sup>53</sup>, начатые в советское время, нашли свое продолжение в ряде вышедших в 1990-е – 2000-е гг. работ. Была подготовлена целая серия трудов, посвященных истории развития отечественного славяноведения. Перед исследователями встала задача – на основе архивного материала, становившегося постепенно доступным с конца 1980-х гг., раскрыть ранее малоизвестные (или вовсе неизвестные) подробности о судьбах ученых-славистов, их деятельности, их теоретико-методологических и идейно-политических установок. Особенно интересны для нас сюжеты, проливающие свет на многочисленные случаи сохранения контактов и даже тесных связей между представителями науки в Советской России/СССР и в эмиграции. Они подробно раскрыты в статьях и монографиях советских и российских историков – М.А. Робинсона и Е.П. Аксеновой.

Сделанные М.А. Робинсоном выводы, вытекающие из анализа сложных процессов в российском научном сообществе после Октябрьской революции 1917 г., говорят о том, что несмотря на наблюдавшийся в целом раскол (в том числе идеологический и политический) общественности в России, представители научной интеллигенции своим примером демонстрировали тенденцию к сохранению целостности интеллектуальной (научной) традиции России, разделившейся на два полюса – советской и эмигрантской. К тому же русские ученые-слависты, оказавшиеся в эмиграции, своей деятельностью содействовали восстановлению прежних (и созданию новых) связей между представителями славистического сообщества в Европе<sup>54</sup>.

<sup>52</sup> Досталь М. Ю. Проблемы закарпатского национального возрождения в трудах русских и украинских эмигрантов в межвоенной Чехословакии // Славяноведение. 1997. № 6. С. 67-72.

<sup>53</sup> Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993.

<sup>54</sup> Робинсон М.А. Письма на родину: ученые-эмигранты и российская славистическая элита (20-е годы) // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 212. См. также его же: Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.

На материале из личного архива историка-эмигранта А.В. Флоровского (Архив РАН) Е.П. Аксенова осветила некоторые особенности осуществления исследовательской деятельности и публикации своих трудов профессиональными историками русского зарубежья в КСХС<sup>55</sup>. Говоря о политико-идеологической позиции и взглядах видного русского историка А.Л. Погодина, Е.П. Аксенова охарактеризовала, прежде всего, дореволюционный период его жизни, и в отношении этого времени справедливо указала на то, что взгляды «Погодина отличались либерализмом»<sup>56</sup>. Однако проблема трансформации взглядов ученого в условиях эмиграции, в силу поставленной Е.П. Аксеновой задачи исследования – введения в научный оборот недавно открытых немногочисленных источников личного происхождения, а также самого формата публикации – небольшой статьи, осталась вне рамок данной работы.

Дополняют выводы Е.П. Аксеновой результаты глубокого исследования Л.П. Лаптевой, посвященного истории жизни и творческого пути русских ученых-славистов<sup>57</sup>. Л.П. Лаптевой удалось, на основе значительного архивного материала переписки ученых, проследить путь развития мировоззренческих установок, методологических позиций и политических убеждений ряда известных русских славистов в период их эмиграции. В частности, исследовательница отметила, что А.Л. Погодин, уже находясь в КСХС, под влиянием свершившихся событий и процессов в России (революции 1917 г.) и в ЦВиЮВЕ (национально-политическое самоопределение славянских народов в 1918 г.) частично пересмотрел свои прежние взгляды на славянство, уходя от «мечтательности» в сторону большего пессимизма<sup>58</sup>.

Среди современных отечественных исследователей историографического наследия представителей русской исторической науки следует отметить М.Г. Вандалковскую<sup>59</sup>, В.П. Корзун<sup>60</sup>, М.В. Ковалева<sup>61</sup>, в многочисленных работах

<sup>55</sup> Аксенова Е.П. Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 148-166.

<sup>56</sup> Она же. К истории русской научной эмиграции в Югославии (Письма А.Л. Погодина А.В. Флоровскому) // Славяноведение. 1995. № 4. С. 78-83.

<sup>57</sup> Лаптева Л.П. История славяноведения в России. М., 2012.

<sup>58</sup> Там же. С. 500-501.

<sup>59</sup> Вандалковская М.Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997.

которых рассматриваются различные вопросы развития и становления российской исторической науки в эмиграции. Вопрос о том, действительно ли положение российской исторической науки на рубеже XIX – XX веков являлось кризисным и в какой степени оно оказало влияние на историографическое наследие русского зарубежья, поднят также В.И. Цепиловой<sup>62</sup>.

В современных отечественных работах, посвященных истории русского зарубежья, их авторы, на основе ранее не введенного в научный оборот источникового материала, продолжают разрабатывать тему роли ученых-эмигрантов в европейском научном пространстве. М.Ю. Сорокина аргументирует тезис об интенсивном развитии славистики в Европе после завершения Первой мировой войны, ее включении в большую европейскую политику, а также участия в этом процессе русских эмигрантов<sup>63</sup>.

В центре внимания работы В.В. Тихонова – процесс развития советской историографии 1920-1930-х гг., представленный как часть идейного дополнения строившихся в СССР социально-политических проектов. Вызывает интерес мысль историка об эволюции в исторической идеологии великодержавного дискурса<sup>64</sup>.

Подробные сведения о творческом наследии, развитии общественно-политических и научных взглядов видных представителей русской науки в эмиграции в КСХС – правоведа Е.В. Спекторского и историка Тарановского содержатся в целом ряде исследовательских работ С.И. Михальченко<sup>65</sup>.

---

<sup>60</sup> Корзун В.П. История отечественной науки в осмыслении русских эмигрантов (на примере взглядов Г.В. Вернадского) // Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: новые документы и материалы. М., 2001. С.157-163; Она же. Советские и эмигрантские историки в оценке П. Н. Милокова (1920-1940-е гг.): особенности корпоративной памяти // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2020. №1. С.81-89.

<sup>61</sup> Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940). Саратов, 2012.

<sup>62</sup> Цепилова В.И. Историческая наука в русском зарубежье: методологические аспекты // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 3. С. 176-188.

<sup>63</sup> Сорокина М.Ю. Большая славистика и большая политика: Роман Якобсон (1896-1962) и Королевство сербов, хорватов и словенцев // Славистика. Белград, 2020. XXIV (1). С. 20.

<sup>64</sup> Тихонов В.В. Советская историография 1920-1930-х годов: от антиимперскости к великодержавию // Новое литературное обозрение. 2024. № 4 (188). С. 66-70.

<sup>65</sup> См, например: Михальченко С.И., Ткаченко Е.В. Е.В. Спекторский в эмиграции (1920-1951) // Славяноведение. 2009. №1. С. 14-24; Михальченко С. И. Эмигрантские годы Федора Васильевича Тарановского // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 239-247.

*В третью группу* вошли работы, посвященные теме развития идейно-политической мысли русского зарубежья в славянских странах.

Одной из первых работ, посвященных истории складывания общественно-политической традиции русских эмигрантов в КСХС межвоенного времени стала публикация обзорного характера В.Д. Козлитина, обратившего внимание на то, что в течение 1920-х гг. в сознании эмигрантов в КСХС происходила переоценка мировоззренческих основ, «ломка старых и привычных взглядов», что явно проявилось уже в конце 1920-х гг.<sup>66</sup>. Однако проблема осмысления феномена славянства в контексте дискуссий эмигрантов о прошлом, настоящем и будущем России в работах В.Д. Козлитина была затронута лишь частично.

На фоне происходивших в России в 1990-е гг. внутренних процессов и актуализации дискуссий о выборе своего «национального пути», в отечественной историографии тема национального вопроса в переосмыслении русской послереволюционной эмиграции также находила отклик среди исследователей. А.И. Доронченков сделал важный, на наш взгляд, вывод, рассмотрев развитие политической мысли русского зарубежья в контексте общих тенденций, касавшихся трансформации феномена национальных идеологий в сознании общественности ряда стран ЦВиЮВЕ после завершения Первой мировой войны. Это, прежде всего, КСХС, Польша, Чехословакия и Болгария – славянские страны, где обосновались русские эмигранты. Политическая мысль, по мнению историка, «ощущала потребность в преемственности и относительной абсолютизации представлений о тех структурных элементах отечества, которые способны поддерживать и обеспечивать автохтонность и поступательное развитие в каждом случае прежде всего своего народа»<sup>67</sup>.

Значительно дополняет историю развития взглядов отдельных представителей партии социалистов-революционеров – Ф.Е. Махина и В.И.

<sup>66</sup> Козлитин В.Д. Общественная жизнь русских и украинских эмигрантов в Югославии (1920-е – 1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 5. С. 37.

<sup>67</sup> Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001. С. 113.

Лебедева, активно действовавших в Белграде, монография А.В. Ганина<sup>68</sup>. Проблему осмысления славянского мира в общественно-политической традиции русских эсеров исследовал А.Ю. Суслов. Историк выделил три направления развития представлений об идее славянского единства: в учении евразийства, в сочинениях социалистов-эмигрантов и в идейном фарватере газеты эмигрантов «Россия и славянство». А.Ю. Суслов отмечает, что в формулировке В.М. Чернова, попавшего под влияние панъевропейских взглядов, целесообразной становилась мысль о «новом» объединении славян на основе идей «пангуманизма»<sup>69</sup>.

Комплексное сопоставление многочисленных издательских органов русского зарубежья в соответствии с их политико-идеологической принадлежностью осуществил в своем труде историк П.Н. Базанов<sup>70</sup>, подробно осветив и ключевые фигуры в изданиях, действовавших на территории КСХС. В монографиях И.Е. Воронковой и В.В. Шелохаева рассмотрены различные аспекты идеологических и программных положений кадетов накануне эмиграции и в 1920-1930-е гг.<sup>71</sup>.

**В четвертую группу** входят труды, посвященные теме осмысления русскими эмигрантами (в том числе и в КСХС) идеи славянской взаимности.

Роль русской эмиграции в КСХС/Югославии в контексте проблемы складывания дипломатических отношений между Советской Россией (СССР) и Югославией, а также судьбы идеи общеславянского сближения, была проанализирована С.А. Романенко<sup>72</sup>. По мнению историка неоднозначность восприятия русских беженцев в Королевстве СХС исходила, помимо прочего, из того факта, что «в Хорватии и Словении русских монархистов воспринимали как

<sup>68</sup> Ганин А.В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917-1922 гг. М., 2020. С. 148-249.

<sup>69</sup> Суслов А.Ю. Идеология панславизма в восприятии российской эмиграции первой волны (1920-1930-е гг.) // Русин. 2024. № 77. С. 175.

<sup>70</sup> Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988 гг.). СПб., 2004.

<sup>71</sup> Воронкова И.Е. Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. М., 2010; Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.

<sup>72</sup> Романенко С.А. Между пролетарским интернационализмом и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г. М., 2011; Он же. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI века. М., 2002; Он же. Романенко С.А. Югославизм // Славяноведение. М., 1998. № 5. С. 10–17; Он же. Национальные движения югославянских народов Австро-Венгрии и судьба монархии Габсбургов // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 67–81.

союзников династии Карагеоргиевичей – противников национальной свободы этих народов»<sup>73</sup>. Ситуация в «славянском», но все же полиэтническом государстве, была сложнее того восприятия, которое воспроизводилось в некоторых эмоционально окрашенных панегириках славянской идее<sup>74</sup>.

Тема развития исторических, политических дискуссий русских эмигрантов в рамках идейно-политической полемики виднейших политических деятелей межвоенной Чехословакии – твердого сторонника русофильского направления в «славянской политике» К. Крамаржа и приверженцев концепции «критического славянства» Т. Масарика и Э. Бенеша, проанализирована в работах исследовательницы истории Чехословакии и русской эмиграции Е.П. Серапионовой. Исследовательница на основании значительного источникового материала показала как многие русские эмигранты, в том числе и в КСХС, активно следили за развивавшимися дискуссиями о «славянском» и «русском» вопросах<sup>75</sup>. Симпатии большинства русских «национальных патриотов» были на стороне Крамаржа. Важно принять замечание Е.П. Серапионовой о том, что К. Крамарж был горячим и искренним сторонником идеи внешнеполитического сближения крупнейших славянских государств в ЦВиЮВЕ (КСХС, Чехословакии и Польши) на военно-политической основе. А для этого была необходима, по его мнению, «сильная национальная и славянская Россия», что отражалось в исторических нарративах эмигрантов.

В 1996 г. вышел в свет первый крупный сборник, объединивший научные статьи сербских и российских исследователей. Представленные в сборнике работы в целом посвящены различным аспектам деятельности представителей науки и культуры русского зарубежья в КСХС (Югославии)<sup>76</sup>. В рамках этого

<sup>73</sup> Романенко С.А. Между пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». М., 2011. С. 275. Также см.: Фрейдзон В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики. (1991 г.) СПб, Алетейя, 2001. С. 244-250; Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. СПб, Алетейя, 2011. С. 290-310.

<sup>74</sup> См.: Он же. Путешествие в пространстве и времени. Монархия Габсбургов и монархия Карагеоргиевичей глазами хорватского писателя Мирослава Крлежи (1925 г.) // *Europa Orientalis*, XXXVI, 2017, pp. 355-393.

<sup>75</sup> См.: Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006. С. 380-418; она же. Полемика К. Крамаржа и Э. Бенеша о роли России в решении «чешского вопроса» // *Славянский альманах*. 2015. Вып. 1-2. С. 48-56; Она же. Т.Г. Масарик, К. Крамарж и русская эмиграция // *Славяноведение*. 2003. № 4. С. 60-65; Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. М.: Наука, 2005. Кн. 1; Кн. 2.

<sup>76</sup> Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.

сборника особо стоит обратить внимание на статью В.И. Косика, поставившего вопрос о принципиальном значении славянской темы для публицистического дискурса русского зарубежья в КСХС (Югославии). В контексте по большей части культурного сближения русских и сербов, поисков основ для духовного взаимопонимания, В.И. Косик рассмотрел намеченную проблему. Историк подчеркнул психологическую и эмоциональную подоплеку проблемы<sup>77</sup>.

Во второй половине 1990-х – в 2000-х гг. вышли в свет ряд работ, посвященных проблеме преломления представлений о славянской идее в сознании русского зарубежья. А.Н. Горяинов, рассмотрев и сопоставив между собой сложившиеся в публицистике эмигрантов взгляды на славянскую идею, пришел к выводу, что суждения «представителей различных течений в среде русской эмиграции немногим отличались друг от друга»<sup>78</sup>. Рассмотренные историком взгляды сторонников сложившихся еще в дореволюционной России и оказавшихся в эмиграции идейно-политических течений, необходимо, на наш взгляд, дополнить отражением представлений о славянстве в идейно-теоретических концепциях представителей евразийства и сменовеховства.

С позиции развития идеи славянской взаимности и темы русско-сербской близости рассмотрела содержание некоторых сочинений русских эмигрантов в КСХС С.И. Скороходова. Однако в фокусе исследовательницы оказались в основном представители философской науки. Исследовательница пришла к выводу, что «сербский мир» был духовно близок «русскому миру», в связи с чем можно было успешнее сохранять устои последнего. «Сербия стала национально-духовным центром русской диаспоры»<sup>79</sup>.

Особняком в отечественной историографии расположена тема идейно-теоретического наследия евразийства в русском зарубежье. Проблема развития взглядов на славянство сквозь призму идейно-теоретических построений евразийцев анализируется в ряде исследований. Э.Г. Задорожнюк отметила, что

<sup>77</sup> Косик В.И. Югославянство/славянство в русской эмигрантской периодике // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 101.

<sup>78</sup> Горяинов А.Н. В России и эмиграции. М., 2006. С. 14.

<sup>79</sup> Скороходова С.И. К вопросу о славянской взаимности в 20-40-х годах XX века в Королевстве Югославия // Философская мысль. 2018. № 5. С. 37-46.



взгляды евразийцев в целом характеризовались «критическим отношением к славянофильству и панславизму», но в то же время ими учитывались «реальные факты общежителства славянских и неславянских народов»<sup>80</sup>. По мнению В.Я. Пашенко, в реалиях необычности общественно-политической ситуации после 1918 г. «весьма ослабла привлекательность лозунгов панславизма, славянского единства, особенно после того, как в годы мировой войны славянские народы оказались по разные стороны окопов». «Идеологический вакуум» послевоенной интеллектуальной атмосферы был заполнен евразийцами<sup>81</sup>.

Проблема кризиса славянской идеи в воззрениях русских эмигрантов была рассмотрена в статье Е.П. Аксеновой. В центре внимания исследовательницы оказалось публицистическое наследие периода эмиграции деятеля славянского движения в России А.А. Башмакова<sup>82</sup>. Исследовательница, на примере А.А. Башмакова, обращает внимание на важную особенность идейно-мировоззренческих установок его и некоторых других эмигрантов в 1920-е гг. – они не могли «уловить общую для всех славянских народов позицию, при которой национальные задачи представляются более важными, чем общеславянские»<sup>83</sup>.

*Зарубежная историография* представлена многочисленными исследованиями, затрагивающими отдельные стороны рассматриваемой в диссертации проблематики. Необходимо отметить, что в современных национальных историографиях славянских стран ЦВиЮВЕ (прежде всего Сербии и Чехии) повышен интерес к теме развития идейно-политических взглядов и исторической мысли русских эмигрантов в тесной связи с их представлениями о славянской взаимности.

Среди **исследований ученых США** выделяются работы А. Коэна, обратившегося к истории русской эмиграции в контексте практик мемориализации событий Первой мировой войны в Европе межвоенного

<sup>80</sup> Задорожнюк Э.Г. Славянский вопрос в идейном наследии евразийства: историческая реконструкция // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. С. 353-365.

<sup>81</sup> Пашенко В.Я. Социальная философия евразийства. М., 2003. С. 31.

<sup>82</sup> Аксенова Е.П. Славянофил А.А. Башмаков о кризисе славянской идеи // Славяноведение. 2001. № 5. С. 83-89.

<sup>83</sup> Там же.

времени. Исследователь пришел к выводу, что представления об идее славянской солидарности, переработанные в новых условиях и напрямую соприкасаясь с памятью о Великой войне, стали частью национальных нарративов новых славянских государств, прежде всего КСХС и Чехословакии, укрепляли легитимность их государственных элит<sup>84</sup>. Однако за пределами исследовательской оптики А. Коэна остались проблемы, связанные с неоднозначностью трактовки славянской идеи русскими эмигрантами.

В качестве отличительной особенности научного направления по изучению русского зарубежья в историографии США следует отметить то, что оно было представлено в основном исследователями русского происхождения, из семей эмигрантов – это М.И. Раев Н.В. Рязановский. Оценивая по большей части развитие культурной сферы жизни послереволюционной эмиграции, М. Раев отметил особенность расселения русских эмигрантов в Королевстве СХС. По мнению ученого, отметившего развитие «сербского национализма» как фактор, повлиявший на отношение к беженцам из России, правящая элита нового государства, в сравнении с «другими нациями», в большей степени были склонны доверять именно русским<sup>85</sup>. Однако М.И. Раев не уточнил, какие именно «нации» подразумевались. Н.В. Рязановский предпринял попытку углубиться в вопросы возникновения и развития евразийского направления в среде эмигрантов<sup>86</sup>. Отдельно стоит сказать, что одним из первых крупных исследований, осветивших различные стороны жизни русских беженцев в Югославии, стал труд представителя русского зарубежья В.А. Маевского, изданный в США<sup>87</sup>.

**В сербской историографии** комплексное исследование русской эмиграции на Балканах осуществлено М. Йовановичем. В ряде работ историк осветил

<sup>84</sup> Cohen A.J. «Our Russian passport»: First World War monuments, transnational commemoration, and the Russian emigration in Europe, 1918–39 // *Journal of contemporary history*. 2014. Vol. 49, N 4. P. 627–651.

<sup>85</sup> В русском переводе первого издания: Раев М. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 34. Оригинальное издание: *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939*. New York, Oxford. 1990.

<sup>86</sup> Riasanovsky N. Prince N. S. Trubetskoy's "Europe and Mankind" // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*, Bd. 12, H. 2. 1964. ss. 207–220; Он же. Возникновение евразийства // *Звезда*. 1995. № 10. С. 29–44.

<sup>87</sup> Маевский В. Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии, т. 2. Нью-Йорк, 1966.

различные аспекты жизни российских беженцев в контексте их взаимодействия с социокультурной и политической средой приютивших их на Балканах государств. М. Йовановичем, в частности, были рассмотрены сформировавшиеся в русской среде стереотипы восприятия КСХС (Югославии) не только в культурном и бытовом отношении, но и в политическом<sup>88</sup>.

Многие вопросы, касающиеся развернувшейся в КСХС культурной и общественно-политической деятельности русской эмиграции, осветил в своих работах историк русского зарубежья на территории Югославии из семьи эмигрантов первой волны А.Б. Арсеньев<sup>89</sup>. Русский исследователь А.Ю. Тимофеев, работающий в Белградском университете, отметил, что, несмотря на отсутствие «политических отношений между государствами» на официальном уровне, «в межвоенный период активно развивались два явления общественного характера, которые также имели ярко выраженный политический характер и как таковые могут рассматриваться в качестве разновидности политических отношений (хотя и с противоположными знаками) – деятельность Коминтерна и русская эмиграция»<sup>90</sup>.

Еще одним направлением, характерным для сербской историографии, стало исследование славизмов. Сербский исследователь М. Суботич обращает внимание на то, что для русских славянофилов приоритетным направлением их внимания являлись культурные и религиозные связи между славянскими народами. В то же время политические аспекты славянской проблематики оставались для них второстепенными, и стали приобретать большую значимость позже среди их последователей, уже после смерти ключевых фигур «истинного» славянофильства<sup>91</sup>.

<sup>88</sup> М. Јовановић, Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919-1924. Београд, 1996; Он же. Русская эмиграция на Балканах (1920-1940). М., 2005.

<sup>89</sup> Арсеньев А.Б. У излуцины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду / А.Б. Арсеньев; под ред. В.Б.Кудрявцева. Москва: Русский путь, 1999.

<sup>90</sup> Тимофеев А. Српско-руски друштвено-политички односи у раздобљу националне трагедије. 1917–1945 // Москва – Сербия; Белград – Россия. Сб. док. и мат. Т. 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. М.; Белград, 2017. С. 40.

<sup>91</sup> Subotić M. Političke ideje klasičnog slovenofilstva // Tokovi istorije. Beograd, 1999. S. 32.

Сербский антрополог К. Обшуст, говоря о югославизме как об одной из очерченных форм коллективной этнополитической идентичности южных славян, отмечает безусловное влияние на его идеологов как теории общеславянской взаимности (культурно-языковой), так и особенностей неоднозначного восприятия идей общеславянского единства в тех или иных вариантах (объединительных концепций – панславизма)<sup>92</sup>.

В хорватской историографии особое внимание было уделено сюжетам, связанным с социально-политической обстановкой в Королевстве СХС в 1920-е гг. В рамках проблематики диссертации ценны замечания хорватских историков о факторе возраставшей этнополитической напряженности в 1920-е гг., что позволяет скептически оценивать потенциал славянской идеи в рамках реального положения вещей<sup>93</sup>.

В словенской историографии последних лет необходимо отметить крупное исследование А. Бенедейчича. Он обратился к проблематике развития славянской идеи как одного из факторов международных отношений<sup>94</sup>. Один из центральных вопросов, которым задается словенский исследователь: «отражает ли специфика развития российской внешней политики после распада СССР “славянскую составляющую” российской дипломатии в ее отношениях с Западом, который, в процессе своего расширения, также приобрел характерный славянский компонент?»<sup>95</sup>. В поисках ответа на него исследователь рассматривает истоки славянской идеи, ее эволюцию во времени, затронув непосредственно историю развития концепций «славянского сотрудничества» (“Slavic cooperation”) в рамках отношений между государствами.

На чешскую национальную историографию, посвященную проблемам развития славянской идеи, значительное влияние оказали идеи, заложенные

<sup>92</sup> Obšust K. Konstrukcija slovenstva u politici i nauci: Stvaranje (sve)slovenskih tradicija, ideološke koncepcije o slovenskom jedinstvu i njihove refleksije. Beograd. 2013. S. 221-223.

<sup>93</sup> См.: Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest- Zagreb, Goden marketing, 1999. S. 80; Goldstein I. Hrvatska povijest. Zagreb, Novi Liber, 2003. S.243-250; Matković H. Povijest Jugoslavije.Č 1918-1991 Drugo, dopunjeno izdanje. Zagreb, naklada Pavičić, 2003. S.159-170

<sup>94</sup> Benedejčič, A. (2021), Rusija in slovanstvo: med velikodržavnostjo in vzajemnostjo, Fakulteta za družbene vede, Založba, FDV, Ljubljana. Также см.: Pirjevec J. Jugoslavija. Nastenek, razvoj ter razpad Karadjordjevičeva in Titova Jugoslavije. Koper: Založba Lipa, 1995. S. 51-56.

<sup>95</sup> Ibid. S. 24.

ученым и политиком, первым президентом Чехословацкой республики Т.Г. Масариком. Это направление получило название «критического славянства». Суть его, как заметила видная российская исследовательница О.В. Павленко, отражали три основных принципа: идея постепенного «перехода от общеславянской к национальной идентичности» австрийских славян; осознание «общего исторического опыта и политических интересов» малых народов Габсбургской империи; понимание развития славянской идеи в России с опорой на воззрения русских либеральных мыслителей<sup>96</sup>.

В чешской историографии послевоенного времени следует отметить монографию Й. Колейки, рассмотревшего эволюцию славянской идеи и ее роль в политических проектах славянских стран в межвоенный период. Историк пришел к выводу о том, что «В разных странах, но главным образом, в Чехословакии говорили о дружеских отношениях между славянскими государствами; однако руководящие деятели Чехословакии, Польши и Югославии в результате своей ориентировки и системы договоров были более привязаны к Западу, чем к другим славянским народам»<sup>97</sup>. Потенциал славянской идеи исследователь оценивал достаточно скептически.

Современный чешский исследователь Р. Влчек попытался определить роль славянской идеологии в государственной политике межвоенной Чехословакии, в том числе и в контексте отношений между государствами, проанализировав ряд концепций чехословацких мыслителей и политических деятелей<sup>98</sup>. Историк, как и многие предшественники, также в целом относится к славянской идеологии достаточно сдержанно. Он выражает свое личное мнение о том, что «славянство» должно восприниматься «как реальная совокупность идей» и в то же время подчеркивает, что должна отделяться и отбрасываться «пропаганда, открывающая доступ к воздействию иных, отличных от подлинно славянских идей»<sup>99</sup>.

<sup>96</sup> Павленко О.В. Концепция «критического славянства» Т.Г. Масарика и чехословацкие исследования межвоенного периода // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 131.

<sup>97</sup> Колейка Й. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Praha: Statni Pedagogicke Nakladatelstvi, 1964. С. 112.

<sup>98</sup> Влчек Р. Славянство как идейная основа формирующегося чехословацкого государства (идея, идеология и государственность) // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй. М., 2020. С. 26-44.

<sup>99</sup> Там же. С. 44.

В *германской историографии* работы, посвященные критическому анализу политических групп русской послереволюционной эмиграции, их идей и концепций, принадлежат перу Ганса фон Римши<sup>100</sup>. Не осталась в стороне от взоров немецких исследователей и проблематика евразийства как одного из ярчайших феноменов интеллектуальной и общественно-политической жизни русского зарубежья<sup>101</sup>.

В современной германской историографии тема трансформации взглядов русской эмиграции активно исследуется в работах Леонида Люкса. Обратившись к проблеме идейно-политического развития русской эмиграции первой волны, он обратил внимание на то, что послереволюционные «новые» течения эмигрантской мысли<sup>102</sup> (прежде всего, евразийство и сменовеховство) продолжали по-своему перерабатывать идею национального возрождения, получившую импульс в среде русской интеллигенции еще после революции 1905 года. В их идейно-политических размышлениях часто фигурировали концепты нации и государства, совмещенные с критикой либерально-демократических концепций и идей<sup>103</sup>. Достаточно подробно были проанализированы взгляды П.Б. Струве, его отношение к судьбе России<sup>104</sup>.

Историк Ян Берендс, посвятивший множество своих работ различным сторонам советского прошлого, установил, что в XX в. славянская идея в России существовала в трех вариантах, хронологически сменявших друг друга. Это неославизм при поздней монархии Романовых, «панславистская риторика» в эпоху сталинизма и «славянская тема» в процессе поиска «новой» русской идентичности в постсоветское время<sup>105</sup>.

<sup>100</sup> Rimscha H. Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration 1917-1921. Jena, 1924.

<sup>101</sup> Böss O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1961.

<sup>102</sup> Luks L. Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1986. Vol. 34. P. 374-395.

<sup>103</sup> Люкс Л. К вопросу об истории идейного развития «первой» русской эмиграции // Вопросы философии. 1992. № 9. С. 160-162.

<sup>104</sup> Люкс Л. Русский государственный Петр Струве (1870-1944) / Авт. Пер. с немецкого Б.Л. Хавкина [Электронный ресурс] // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. URL: <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss21/11LuksStruve.pdf> (дата обращения: 19.10.2024)

<sup>105</sup> Behrends C. Jan. Die "sowjetische Rus" und ihre Brüder: Die slawische Idee in Russlands langem 20. Jahrhundert. Osteuropa. 2009, Vol. 59, No. 12. S. 95-114.

*В болгарской историографии* отметим работы исследователя Радостина Русева. По его мнению, среди эмигрантов «почти ничего не осталось от традиционной дореволюционной сути русского славянофильства с его противостоянием Западной Европе, и убежденности в великой, особой, объединительной миссии России»<sup>106</sup>. Тем не менее, нам представляется, что идея «особой миссии России», пусть и в несколько видоизмененном виде, все же находила отражение в сознании русских эмигрантов.

Таким образом, в отечественной и зарубежной историографии за последние сто лет вышло в свет исследования, посвященные актуальным аспектам отношений русских послереволюционных эмигрантов к теме славянства и славянской идее. Однако в этих работах намечены перспективы дальнейшего проблемы изучения отношений между славянскими народами и государствами. В диссертации дополнены и расширены выводы предшественников, изучающих образы славянства, различные идейно-политические течения русского зарубежья, исторические нарративы.

**Источниковая база исследования.** Для решения поставленных в диссертации задач изучены опубликованные и неопубликованные источники различной видовой принадлежности. Диссертантом были использованы источники официального происхождения, делопроизводственная документация общественных организаций и политических партий, а также их программные документы, работы ученых исследуемого периода, периодическая печать, публицистика, источники личного происхождения (личная переписка, мемуары, дневники).

**Неопубликованные источники.** *Первая группа* источников – **делопроизводственные документы**, большая часть которых представлена отложившимися в архиве документами. Эти материалы проливают свет на нюансы развития исторических взглядов на славянство не только

---

<sup>106</sup> Русев Р. Славянофилството, славянската идея и руската емигрантска интелигенция в България през 20-те и 30-те години на XX век [Електронный ресурс] // SESDiva project. 2018. URL: <https://sesdiva.eu/virtualni-stai/ruska-emigracia-balkani/item/60-slavyanstvoto-slavyanskata-ideya-i-ruskata-emigradska-inteligenciya> (accessed: 18.11.2024).

профессиональных историков, но и дополнявших славянский исторический нарратив политиков и общественных деятелей, трудившихся в различных учреждениях и общественных организациях. Сюда входят отложившиеся в фондах ГА РФ *докладные записки* В.И. Язвицкого – советника по славянским делам Второго политического отдела МИД правительства А.В. Колчака в Омске в 1919 году (фонд Р200 «Министерство иностранных дел Российского правительства. Омск»<sup>107</sup>).

Дополняют их переписка Русского отдела Общества славянской взаимности в Белграде и Русского национального комитета (Париж)<sup>108</sup>; письма члена общества И.П. Феодоровича председателю организации<sup>109</sup>. Письмо-прошение эмигранта, бывшего участника Белого движения В.И. Винды в секретариат Общества славянской взаимности<sup>110</sup>. Эти документы отложились в фонде Р6134 Русского отдела Общества славянской взаимности в Белграде.

В составе фонда Р5837 «Объединение русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО)» в Праге сохранились материалы переписки данной организации с белградским Обществом славянской взаимности<sup>111</sup>. Эти документы позволяют раскрыть ранее неизвестные подробности о деятельности членов Русского отдела Общества славянской взаимности в КСХС, проследить эволюцию их взглядов на славянскую идею в эмиграции.

Обнаружены материалы, по всей видимости, присланные Русскому отделу представителями Общества славянской взаимности в Сараево. В частности, листовка-обращение к югославянской публике, в которой положительно охарактеризована роль небольшевистской (царской) России в оказании помощи южному славянству, прежде всего сербам<sup>112</sup>.

Среди документов, отложившихся в фонде видного российского деятеля славянского движения и ученого Д.Н. Вергуна в ГА РФ, особое внимание

<sup>107</sup> ГА РФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 360, 361.

<sup>108</sup> Ф. Р6134. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-2.

<sup>109</sup> ГА РФ. Ф. Р6134. Оп. 1. Д. 1.

<sup>110</sup> Там же. Л. 4-5.

<sup>111</sup> Ф. Р5837. Оп. 1. Д. 80. Л. 7, 63, 63 (об).

<sup>112</sup> Там же. Д. 1. Л. 20.



привлекли материалы известного политика и общественного деятеля, председателя Славянского комитета в Одессе в годы Гражданской войны В.А. Бобринского – его наказ участникам делегаций, посылаемых из России в славянские страны весной 1919 г.<sup>113</sup>. Вызывают интерес извлечения из протоколов Русского национального комитета в Париже, переписка его центрального представительства с отделом в КСХС<sup>114</sup>. Дополняют картину политической атмосферы в Русском отделе Общества тексты из фонда Р6230 «Военная библиотека и архив в Белграде»: сохранившиеся доклады на тему «Ближайшие проблемы монархии»<sup>115</sup>.

Ценные сведения о деятельности сторонников монархии, одного из лидеров монархического движения русского зарубежья – великого князя Кирилла Владимировича, хранятся в фонде Р5763 «Союз русских государевых людей имени ее императорского высочества великой княжны Киры Кирилловны» (СРГЛ). Проанализированы программа СРГЛ, воззвания и распоряжения графа В.А. Бобринского как представителя Кирилла Владимировича на территории КСХС<sup>116</sup>. В фонде также обнаружены материалы из печатного издания «Оповещение Центра законопослушных в Ч.С.Р.», в которых обосновывалась идея «исторической традиции» покровительства южным и западным славянам российских государей начиная с Александра II. В этот ряд был включен и Кирилл Владимирович. В том же фонде сохранилась переписка участников СРГЛ, в своих поездках посещавших КСХС<sup>117</sup>.

Привлеченные **документы политических партий** дополняют непрофессиональные историко-публицистические работы представителей различных идейно-политических течений, а также свидетельствуют о том, что историческая проблематика славянства и славянской идеи являлась частью политического и исторического сознания русского зарубежья. Оценка положения в КСХС, и особо в среде русской эмиграции проживавшей там, глазами

<sup>113</sup> Ф. Р6121. Оп. 1. Д. 17.

<sup>114</sup> ГА РФ. Ф. Р6790. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-2, 5, 5 (об.), 12, 13.

<sup>115</sup> ГА РФ. Ф. Р6230. Оп. 1. Д. 84.

<sup>116</sup> Ф. Р5763. Оп. 1. Д. 16. Л. 5, 31, 31(об.).

<sup>117</sup> Там же. Д. 21. Л. 170, 170 (об.).

либеральных деятелей представлено в документах, отложившихся в ГА РФ в фонде Р7506 «Центральный Комитет партии Народной свободы, Париж»<sup>118</sup>.

Крупное собрание документов членов партии социалистов-революционеров в период их эмиграции хранится в фонде архива Международного института социальной истории в Амстердаме (IISH), большая часть материалов которого оцифрована и доступна на сайте института<sup>119</sup>. Среди них необходимо отметить письма сотрудников отделения Земгора в Белграде Ф.Е. Махина и М.В. Агапова, в составе документов Белградской группы Областного комитета Заграничной Делегации ПСР<sup>120</sup>. Эти документы значительно расширили возможности исследования взглядов представителей партии эсеров на территории КСХС. В том числе и обращение отдельных членов партии к славянской теме и истории славянской идеи<sup>121</sup>.

**Опубликованные источники.** К опубликованным источникам этой разновидности относятся изданные в рамках серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века» издательства «Политическая энциклопедия». Это протоколы партийных собраний и съездов отделений Заграничной Делегации Партии социалистов-революционеров (эсеров)<sup>122</sup>, представителей конституционно-демократической партии (кадетов) – регионального отделения Объединения национально-прогрессивных и демократических организаций в КСХС<sup>123</sup>.

<sup>118</sup> ГА РФ. Ф. Р7506. Оп. 1. Д. 84. Л. 14.

<sup>119</sup> IISH. Partija Socialistov-Revolucionerov (Rossija) Archives. Catalogue of the International Institute of Social History. URL: <https://search.iisg.amsterdam/Record/ARCH01038> (Дата обращения: 06.12.2024).

<sup>120</sup> Folder 1001. Documents of the Belgrade group on the V.I. Sidorin affair. URL: <https://access.iisg.amsterdam/universalviewer/#?manifest=https://hdl.handle.net/10622/ARCH01038.1001?locatt=view:manifest> (Дата обращения: 06.12.2024)

<sup>121</sup> IISH. PSR Archives. Folder 1006. Documents concerning the conference with the PPS in Tešín (Czech.), November 1924. 1924-1925. Images 38-41. URL: <https://access.iisg.amsterdam/universalviewer/#?manifest=https://hdl.handle.net/10622/ARCH01038.1006?locatt=view:manifest> (Дата обращения: 06.12.2024)

<sup>122</sup> Партия социалистов-революционеров в эмиграции 1918 - начало 1950-х гг. : Документы и материалы / Сост. А. А. Голосеева, К. Н. Морозов, А. П. Новиков, А.Ю. Суслов. М.: РОССПЭН, 2022.

<sup>123</sup> Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905-середина 1930-х гг. В 6 тт. Т. 1. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905-1911 гг. М., 1994; Т. 4. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 г. - июнь 1921 г. М., 1996.

Позволили оценить характер позиции в отношении вопроса о русских беженцах в политических кругах КСХС опубликованные стенограммы заседаний Национальной скупщины<sup>124</sup>.

**Дипломатические документы** дополняют другие группы источников, позволяя оценить динамику развития политической мысли в ее пересечении с историческими представлениями, оценок настоящего с позиций исторического прошлого. Хронологически рассматриваемый в первой главе предреволюционный период развития представлений о славянстве дополняет сборник, изданный в СССР в 1930-е гг. – «Международные отношения в эпоху империализма». Имеющиеся в нем материалы позволяют расширить картину в плоскости дипломатической деятельности Российского государства<sup>125</sup>. Для анализа взглядов советской дипломатии на Малую Антанту в контексте проблемы коллективной безопасности в Центральной и Юго-Восточной Европе в 1920-е гг. применяются материалы опубликованных документов из серии «Документы внешней политики СССР»<sup>126</sup>. Дополняют картину дипломатических дискуссий по вопросу об организации Малой Антанты опубликованные материалы британского МИД<sup>127</sup>, а также документы из сборника «Советско-югославские отношения»<sup>128</sup>. Они позволяют более глубоко изучить предпринимавшиеся попытки со стороны Советской России/СССР и КСХС наладить межгосударственные отношения в 1920-е гг., в том числе и в контексте вопроса о статусе русских эмигрантов в КСХС.

Интересные аспекты ситуации в КСХС и на Балканах в целом раскрывают документы двухтомной публикации Института славяноведения РАН «Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции». В ней

<sup>124</sup> Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1921. Број 39. XLVI. Редовни састанак. 4. јуна 1921.

<sup>125</sup> Международные отношения в эпоху империализма (МОЭИ): Документы из архивов царского и временного правительства 1878–1917 гг. Серия III. 1914–1917. Т. III. М.; Л., 1933.

<sup>126</sup> Документы внешней политики СССР. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. ТТ. 4-5. 19 марта 1921 – 19 ноября 1922 г. М., 1960-1961 гг.

<sup>127</sup> Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Series 1st. Vol. 12. London, 1961; Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izvještaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921'1938. Knjiga prva. )1921-1930. Zagreb: Arhiv Jugoslavije; Globus, 1986. Также см.: Balkanski ugovorni odnosi 1876-1996. Dvostrani međunarodni ugovori i drugi diplomatski akti o državnim granicama, političkopj i vojnoj saradnji, verskim i etničkim manjinama. II tom) 1919-1945. Priredio Momir Stoiković. Beograd, Službeni list SRJ, 1998.

<sup>128</sup> Советско-югославские отношения. 1917–1941. М.: Наука, 1992.

содержатся документы Коминтерна и Коммунистической партии Югославии (КПЮ)<sup>129</sup>.

**Вторая группа – научные работы.** Сочинения, входящие в данную группу, рассматриваются нами в качестве источника, так как непосредственно демонстрируют особенности преломления славянской темы в русской историографии изучаемого хронологического периода. Научные труды русских ученых дореволюционного периода: К.Я. Грота<sup>130</sup>, А.Л. Погодина<sup>131</sup>, А.Н. Пыпина<sup>132</sup>, Н.В. Ястребова<sup>133</sup>.

Расширяют представления о своеобразии развития исторической науки русского зарубежья в 1920-е гг. научные исторические работы эмигрантов: исторический очерк историка-эмигранта сербского происхождения А. Елачица<sup>134</sup>, труды русских историков П.М. Бицилли<sup>135</sup> и А.В. Флоровского<sup>136</sup> – их исторические размышления рассматриваются нами как часть интеллектуальной, научной традиции изучаемой в диссертации эпохи.

Для расширения представлений о контексте европейских исследований славянства накануне и после 1918 г. были привлечены научные труды британского историка У. Сетон-Уотсона<sup>137</sup>.

**Третья группа – публицистика.** Значительный комплекс используемых в диссертации источников представляют статьи публицистического характера ученых и политиков, отражавшие, помимо политических, исторические взгляды и теоретические подходы их авторов. Особенностью этого комплекса источников можно назвать соединение публицистического жанра в формате статей и заметок

<sup>129</sup> Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала - середины 1920-х годов). Ч. 1- 2 Москва: Эдиториал УРСС; РОССПЭН, 2000-2003.

<sup>130</sup> Грот К.Я. К истории славянского самосознания и славянских сочувствий в русском обществе. СПб., 1904.

<sup>131</sup> Погодин А.Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. М., 1915.

<sup>132</sup> Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем (1878). Санкт-Петербург, 1913.

<sup>133</sup> Ястребов Н.В. Великая Сербия как разрешение южно-славянского вопроса в великой войне 1914—15 гг. // Вопросы мировой войны. Петроград, 1915.

<sup>134</sup> Јелачић А. Русија и Балкан. Преглед политичких и културних веза Русије и балканских земаља 866—1940. Београд, 1940.

<sup>135</sup> П.М. Бицилли. Очерки теории исторической науки. Прага, 1925.

<sup>136</sup> Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1921-1926) // Труды по истории России, Центральной Европы и историографии: Из архивного наследия / Под ред. В. Ю. Афиани. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 319-353.

<sup>137</sup> Seton-Watson R.W. The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy. London, 1911; Idem. The rise of nationality in the Balkans. London, 1917; Idem. German, Slav and Magyar. L., 1916.

периодических изданий. В рамках диссертационного исследования мы относим эту группу источников к публицистике, так как в них отражено не только мнение автора, но и определенной общественно-политической группы, взгляды которой автор представляет. В суровых реалиях эмиграции страницы периодической печати становились открытой площадкой как для общественно-политической публицистики авторов, так и для малоформатных сочинений научного характера, без соблюдения строгого академического стиля: статей, очерков, пользуясь определением видного источниковеда С.О. Шмидта – научной публицистики<sup>138</sup>.

В этот блок вошли статья историка-слависта Н.В. Ястребова в газете «Биржевые ведомости»<sup>139</sup>, статьи участников славянского движения в России: А.А. Башмакова, А.В. Васильева, Л.П. Лобова<sup>140</sup>. Правоведа и политика В.А. Маклакова<sup>141</sup>, историка В.А. Мякотина<sup>142</sup>. Особое внимание уделено статьям следующих видных представителей русской эмиграции, принадлежавших различным политическим и идеологическим течениям. Среди правых кадетов нужно выделить статьи А.С. Изгоева в газете «Руль»<sup>143</sup>. Размышлял о перспективах славянской федерации бывший кадет, затем участвовавший в монархическом движении Е.А. Ефимовский<sup>144</sup>, барона Н.А. Фиркса, военного обозревателя и публициста консервативных взглядов<sup>145</sup>. В 1920-е гг. Струве активно полемизировал с Милюковым, что нашло отражение и в их дискуссиях о славянстве<sup>146</sup>. В газете «Славянская заря» отметился своими публикациями историк А.Л. Погодин<sup>147</sup>.

*В публицистике русских эмигрантов* отразились тенденции восприятия исторических событий, проблематика исторической памяти в соответствии с

<sup>138</sup> Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 94.

<sup>139</sup> Ястребов Н.В. Италия и славянские интересы на Адриатике // Биржевые ведомости. 1915. 3 января. № 14588.

<sup>140</sup> Башмаков А.А. Балканский союз. Речь, произнесенная на собрании Славянского Общества 26-го октября 1908 года // Славянские известия. 1908. № 7; Васильев А.В. Наш долг в отношении Боснии и Герцеговины // Славянские известия. 1908. № 7; Лобов Л.П. Славянство как мир будущего // Славянские известия. 1909. № 6.

<sup>141</sup> Маклаков В.А. Босния и славянский вопрос // Речь. 1908. 2 ноября. № 265.

<sup>142</sup> Мякотин В. А. «Нео-славизм» и внутренние вопросы // Русское богатство. 1908. № 11; Его же. «Борьба с германизмом» и национальный вопрос // Русское богатство. 1914. № 9.

<sup>143</sup> Изгоев А.С. Д-р К. Крамарж о России // Руль. Берлин. 1927. 16 февраля. № 1889.

<sup>144</sup> Ефимовский Е. Утопия или возможность? // Славянская заря. Прага, 1920. 4 июля. № 165.

<sup>145</sup> Фиркс Н.А. Восстановление России // Русский военный вестник. Белград, 1926. 25 июля. № 51. Продолжение его же статьи там же, в № 57.

<sup>146</sup> «Россия и Славянство» // Последние новости. 1928. 3 декабря. № 2812.

<sup>147</sup> Погодин А.Л. Одна из утопий // Славянская заря. Прага, 1920. 4 июля. № 165.

духом современного авторам времени. Статьи монархиста, известного до революции участника славянского движения в России со стороны правых А.А. Башмакова<sup>148</sup>, историка-слависта А.Л. Погодина<sup>149</sup>, ученого и общественного деятеля русской колонии в Белграде Е.В. Спекторского<sup>150</sup>.

Специфика суждений евразийцев о славянстве отражена в их сочинениях, в частности в книге «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев» (София, 1921)<sup>151</sup>. Ценны оставленные П.Б. Струве публицистические заметки, собранные и опубликованные в отдельном издании<sup>152</sup>.

Отражает специфику развития суждений русских эмигрантов об истории, их оценки процессов в славянских странах в исторической ретроспективе: статьи лидера группы кадетов П.Н. Милюкова (отражая политические пристрастия лидера кадетов)<sup>153</sup>, статьи болгарского политика, бывшего неослависта С. Бобчева<sup>154</sup> в британском журнале “The Slavonic Review”. Из *иностранной публицистики* нужно назвать книгу публицистического характера видного политического деятеля ЧСР и твердого сторонника развития славянской идеи на русофильской основе – К. Крамаржа<sup>155</sup>. Публикации сербского ученого и общественного деятеля Р. Кошутича в журнале «Ступени» (Белград) и Просветни гласник (издание Министерства просвещения КСХС)<sup>156</sup>; сербского ученого Й. Цвийича<sup>157</sup>. Интерес вызывают переведенная на русский язык для журнала «Воля России» статья политического деятеля и одного из лидеров Социалистической

<sup>148</sup> Башмаков А. Мы и они // Вера и верность. Нови Сад. 1923. № 1. 25(12) августа. Продолжение его же статьи там же, в № 2 и 3.

<sup>149</sup> Погодин А.Л. Россия и Сербия // Новое время. Белград. 1921. 10 мая. № 13; Idem. Rusija i Slovenstvo // Nova Evropa. 1923. 1. oktobra. Br. 10.

<sup>150</sup> Спекторский Е.В. Россия и славянство // Возрождение. Париж, 1926. 24 мая. № 356.

<sup>151</sup> Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921.

<sup>152</sup> Струве П.Б. Новая жизнь славянства и России // Дневник политика (1925 – 1935). М.; Париж, 2004. С. 406.

<sup>153</sup> Milyukov P. A new Slavonic policy // The Slavonic Review. 1928. Vol. 6. № 18. P. 481–495; Ibid. The World war and Slavonic policy // The Slavonic Review. 1927. Vol. 6. № 17. P. 268–290.

<sup>154</sup> Bobčev S.S. The Slavs after the War // The Slavonic Review. 1927. Vol. 6. № 17.

<sup>155</sup> Крамарж К. В защиту славянской политики. Прага, 1927.

<sup>156</sup> Кошутић Р. Руске школе // Просветни гласник. Службени лист Министарства Просвете. 1922. Број 7 и 8. С. 139–166.

<sup>157</sup> Цвијић Ј. О основама јужнословенске цивилизације // Српски књижевни гласник. 1922. 1. септембар. С. 349–357.

партии Югославии Ж. Топаловича<sup>158</sup> и статья болгарского революционера и дипломата К. Тодорова<sup>159</sup>.

**Четвертая группа – периодическая печать.** Исследование этой группы источников позволяет нам дополнить сведения о развитии мировоззренческих и идеологических установок, исторических представлений людей накануне и во время эмиграции, а также общества принимающей страны. Специфику складывавшихся образов славянства в исторической мысли дореволюционной России, дополняя научные работы, отражают отдельные статьи от редакции в газете «Славянские известия» Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества (1904-1909 гг.)<sup>160</sup>, в российском ежемесячном журнале либеральной направленности «Вестник Европы»<sup>161</sup>. Разделы «Славянских известий» были посвящены как истории языка и культуры славянских народов, так и современным событиям и процессам, касавшимся жизни всех славян.

*Пресса русского зарубежья 1920-х гг.* Появление многочисленных статей и заметок исторического характера, рассуждения о проблемах славянства, истории славянских народов и идеи славянской взаимности в периодике русского зарубежья свидетельствует о росте интереса к славянской проблематике. Распространение этих сочинений небольшого формата показывает процесс развития исторического сознания русских эмигрантов. При работе с текстами, опубликованными на страницах печати, в особенности передающих содержание устных выступлений, речей того или иного деятеля в эмиграции, необходимо учитывать, что иногда в них могли быть искажены некоторые цитируемые фразы или предложения. Объяснялось это острым и зачастую непримиримым идейно-политическим противостоянием.

Часть печатных изданий русской эмиграции складывалась по принципу конкретной идейно-политической направленности, собирая вокруг себя

<sup>158</sup> На путях объединения балканских славян // Воля России. 1926. № 4.

<sup>159</sup> Южное славянство и Болгария // Воля России. 1926. № 2.

<sup>160</sup> Русская внутренняя политика и славянский вопрос // Славянские известия. 1904. № 3; О русском национальном самосознании // Славянская взаимность. 1907. № 5.

<sup>161</sup> Примеры славянского единения: события в Хорватии // Вестник Европы. 1902. № 10.

соратников и единомышленников в соответствии с политическими или идеологическими критериями, или же просто сочувствующих. К этой группе можно отнести издававшуюся в городе Нови Сад газету «Вера и верность» – правой, твердой промонархической направленности, организованную сторонниками великого князя Кирилла Владимировича<sup>162</sup>.

Издававшаяся в Белграде газета «Новое время» пользовалась популярностью среди не только русской беженской массы КСХС, но и в других странах пребывания эмиграции – редактором которой был М.А. Суворин, сын известного российского журналиста и издателя А.С. Суворина. Можно заметить некоторые пересечения настроений белградского «Нового времени» со своей дореволюционной предшественницей – это отражалось в преемственности патриотически окрашенных штампов – например, о Первой мировой войне и создании «героического» исторического нарратива об этой войне как «славянской»<sup>163</sup>. Любопытны дискуссии с евразийцами<sup>164</sup>. Газета была ориентирована на широкую публику. Однако на ее страницах часто публиковались тексты, отражавшие промонархические симпатии редакции.

При оценке внутренних проблем КСХС большая часть изданий эмигрантов в целом подчеркивала существующие этнонациональные проблемы, «раздирающие славянство на части». При этом значительную роль в этом отводя личным распрям югославянских политиков: сербских, хорватских, словенских.

В нескольких номерах газеты «Русский военный вестник», также выходившей в Белграде с 1925 г. (с 1928 г. выпускалась как «Царский вестник»), ставшей органом организованного в Белграде под в рамках РОВС П.Н. Врангеля Совета объединенных офицерских обществ. Не имея прямо декларируемой связи с определенным политическим течением, данное периодическое издание придерживалось промонархического направления. Наше внимание привлекли

<sup>162</sup> Обращение (передовая) // Вера и Верность. Нови Сад. 1923. 25(12) августа. № 1. С. 1.

<sup>163</sup> Славяне // Новое время. Белград. 1921. 12 июля. № 64; Новое время. Белград. 1924. 14 января. № 816; Открытие 4-го Съезда Русских Ученых // Новое время. Белград. 1928. 18 сентября. № 2212.

<sup>164</sup> Славянофильство и евразийство // Новое время. Белград. 1928. 14 февраля. № 2035.



немногочисленные материалы этой газеты, проливающие свет на специфику воззрений ее редакции в отношении евразийства<sup>165</sup>.

Наиболее известная среди газет либеральной направленности – парижские «Последние новости», долгое время выходившая под редакцией многолетнего лидера партии кадетов П.Н. Милюкова. Интересна статья неназванного полным именем корреспондента «Последних новостей» об оценке этнонационального противостояния в КСХС в контексте наносимого им вреда идее славянской взаимности<sup>166</sup>, оценка перспектив славянской идеи в межвоенное время<sup>167</sup>. Статьи, освещающие взгляды самого главного редактора газеты – Милюкова, как одного из авторитетных экспертов по славянской и балканской проблематике<sup>168</sup>.

Образы славянства конструируются в материалах газеты «Россия и славянство» (Париж)<sup>169</sup>. Участие в ее редактировании (1928-1929 гг.) принимал П.Б. Струве.

Подробнее проанализировать взгляды либеральной русской общественности в КСХС на славянство позволяют материалы передовицы первого номера газеты «Русская мысль», редакционная коллегия которой была представлена кадетами, профессорами А.В. Маклецовым и М.П. Чубинским. Привлекает внимание передовая статья первого номера издания, в которой отражаются суждения редакции о перспективности будущих отношений между небольшевистской Россией и КСХС с оценкой событий прошлого<sup>170</sup>. Интересна издававшаяся недолгое время в Белграде в 1920 г. газета «Славянская жизнь», редакция которой пыталась создать периодическое издание, посвященное оценке событий и процессов, затрагивавших молодые славянские страны вскоре после завершения Первой мировой войны<sup>171</sup>.

<sup>165</sup> Строительство России // Русский военный вестник. Белград. 1926. 31 января. № 26; Статья митрополита Антония «В защиту Евразийства» // Там же.

<sup>166</sup> На Балканах (Хорватия и Словения) // Последние новости. 1927. 18 января. № 2127.

<sup>167</sup> Революция и славянство // Последние новости. Париж. 1921. 5 мая. № 320.

<sup>168</sup> Славянский вопрос после войны // Последние новости. 1923. 21 марта. № 895; «Респ.-демократический союз в Праге». 1926. 6 января. № 1750; «Россия и славянство». 1928. 3 декабря. № 2812.

<sup>169</sup> Вопрос о России и Славянстве в сербской печати // Россия и славянство. Париж. 1929. 23 марта.

<sup>170</sup> Наши задачи // Русская мысль. Белград. 1920. 25 ноября. № 1.

<sup>171</sup> От редакции // Славянская жизнь. Белград. 1920. 8 июля. № 1.

Политически правее «Последних новостей» находилась издававшаяся в Берлине достаточно популярная среди эмигрантов газета либерального направления «Руль»<sup>172</sup>. Интересны публикации журналиста Е.А. Жукова, долгое время прожившего в Белграде и выполнявшего обязанности специального корреспондента<sup>173</sup>.

Среди прессы левого направления особо стоит выделить крупнейшее издание эсеров журнал «Воля России» (как еженедельник с 1922 до 1927 г. издававшийся в Праге). Одним из редакторов журнала и автором ряда статей, посвященных теме сотрудничества между славянскими странами, был В.И. Лебедев – бывший сотрудник Морского министерства Временного правительства России при А.Ф. Керенском<sup>174</sup>. Там же привлекают внимание статьи другого представителя партии, полковника Ф.Е. Махина<sup>175</sup>.

Сведения об идейной направленности и симпатиях редакции журнала относительно трактовки славянской идеи дополняют публиковавшиеся в «Воле России» переводы сочинений крупнейших чехословацких политиков межвоенного периода – Т.Г. Масарика<sup>176</sup> и Э. Бенеша<sup>177</sup>. Другая известная газета эсеровского направления «Дни»<sup>178</sup>, сначала издавалась в Берлине (1922-1925), а затем переехала в Париж.

Расширяют картину развития представлений о славянстве, критической оценки и восприятия таких понятий как «панславизм» и «славянская взаимность» в рамках идеологии интернационализма немногочисленные статьи, затрагивающие славянскую проблематику, в советской газете «Известия»<sup>179</sup>.

<sup>172</sup> Рубрика «За неделю» // Руль. Берлин. 1926. 17 января. № 1558.

<sup>173</sup> Адриатический спор // Руль. Берлин. 1923. 19 июля. № 800; В гостях у славянина // Руль. Берлин. 1924. 27 апреля. № 1032.

<sup>174</sup> На пути славянского сближения // Воля России. 1923. Ноябрь. С. 70–78.

<sup>175</sup> Махин Ф. Вопрос обороны славянства // Воля России. 1920. 19 сентября.

<sup>176</sup> Масарик Т.Г. Славяне после войны // Воля России. Прага. 1923. № 3.

<sup>177</sup> Проблемы славянской политики. 1926. В номерах: № 2, № 3, № 4, № 5, № 6/7.

<sup>178</sup> Россия и Славянство // Дни. Берлин. 1925. 31 декабря; Русские организации и день объединения // Дни. Париж. 1927. 9 декабря. № 1262; «Патриотический» провал // Дни. Париж. 1927. 29 ноября. № 1252.

<sup>179</sup> Из рубрики «Внутренний обзор» (за неделю) // Известия. Москва. 1923. 26 января. № 17 (1754); Среди берлинских эсеров // Известия. 1923. 11 января. № 6 (1743).

*Публикации в периодической печати КСХС: «Време»*<sup>180</sup> (Белград, 1921-1941) – ее основатели представляли радикальную партию, поддерживая властный режим короля Александра Карагеоргиевича, в материалах отражались критические суждения о Советской России. «Застава»<sup>181</sup> (Нови Сад, 1919-1929) – орган Сербской народной радикальной партии в Воеводине. Выражалась критика политики централизации государства на основе интегрального югославизма, а также критика большевизма. Журнал «Nova Evropa»<sup>182</sup> (Загреб, 1920-1941) – издание, объединявшее либеральных интеллектуалов; в нем поддерживалась идея интегрального югославизма. Югославизм трактовался редколлегией и авторами этого журнала как часть более широкой идеи славянской взаимности.

Отдельно стоит обозначить интервью, взятые у представителей эсеров для сербских газет, в первую очередь «Време»<sup>183</sup>, а также заметки о деятельности Белградского отдела Земгора в газетах «Правда» (Белград) и «Време»<sup>184</sup>. События, связанные с работой Русского отдела Общества славянской взаимности, обзоревались в газете «Застава»<sup>185</sup>.

**Пятая группа источников – источники личного происхождения.** Анализ содержаний писем, дневников и мемуаров помогает выявить зачастую не отмеченные в научных исторических и историко-публицистических сочинениях детали, отражающие исторические представления многих рассмотренных в диссертации личностей. В данную группу входят неопубликованные, хранящиеся в личном фонде общественного деятеля Д.Н. Вергуна письма А.В. Васильева, деятеля славянского движения в России последней четверти XIX в., впоследствии члена Общества славянской взаимности в Белграде<sup>186</sup>. Хронологически оно относится уже к периоду жизни А.В. Васильева в эмиграции и дополняет

<sup>180</sup> Јесу ли нам Бугари браћа? // Време. Београд. 1926. 4. маја.

<sup>181</sup> Аустријски рад на «југословенској» идеји у Америци // Застава. 1921. 5. јула. Бр. 148; Шта Бугарска очекује од Ђеновске конференције // Застава. Нови Сад. 1922. 30. априла. Бр. 95.

<sup>182</sup> Nova Evropa. 1920. 16. септембра. Књига 1. Број 1.

<sup>183</sup> Културни и просветни рад есера (Разговор с пуковником Махином) Време. Београд. 1924. 12. Јула; Панрусизам и Словенство. Време. Београд. 1926. Број 1803. 25. Децембра; Тешински договор и његов значај. Време. Београд. 1925. Број 1142. 22. фебруара.

<sup>184</sup> Прослава Земгора. Време. Београд. 1926. 10. новембра; Руска прослава дана уједињења. Правда. Београд. 1927. 1. децембра.

<sup>185</sup> Руси и Срби. Застава. Нови Сад. 1919. 12 јуна.

<sup>186</sup> Ф. Р6121. Оп. 1. Д. 20. Л. 3-4.

представления о мировоззренческой картине представителей русского зарубежья. Достоверность этих источников позволяет дополнить сравнение их с сохранившимися записями других лиц о жизни и деятельности А.В. Васильева до эмиграции (например, в дневниках и воспоминаниях).

Отдельно стоит выделить опубликованную личную переписку бывших дипломатов – В.А. Маклакова и Б.А. Бахметева, в ракурсе оценок международного положения после 1919 г.<sup>187</sup> Материалы переписки сербского ученого и политика М. Московлевича с представительницей партии социалистов-революционеров в эмиграции Е.К. Брешко-Брешковской отражают взгляды на перспективы сотрудничества между славянами на основе культурно-просветительской и общественной деятельности<sup>188</sup>.

*Мемуары и дневники.* Оценка международной обстановки середины 1920-х гг. дана в мемуарах бывшего министра иностранных дел России, оказавшегося в эмиграции Сергея Дмитриевича Сазонова<sup>189</sup>. Интересные подробности о жизни, общественной и политической деятельности русских эмигрантов в Югославии содержатся в мемуарах ученого и административного деятеля русской эмигрантской колонии в Белграде Е.В. Спекторского<sup>190</sup>. Мемуары сотрудничавшего с эсерами общественного деятеля М.В. Агапова позволяют воссоздать некоторые детали атмосферы, царившей во взаимоотношениях между сотрудниками Белградского отдела Земгора<sup>191</sup>. Записи, уточняющие подробности о жизни и деятельности политиков-кадетов оставила в своем дневнике писательница и политик А.В. Тыркова-Вильямс<sup>192</sup>. Интересные подробности о деятельности именитых лиц, например Т.Г. Масарика и К.П. Крамаржа, содержатся в воспоминаниях П.Н. Милюкова<sup>193</sup>. Ценны сведениями об

<sup>187</sup> «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков: Переписка 1919 – 1951. В 3 т. / Публ., вступ. ст. и комм. О.В. Будницкого. М., 2001-2002.

<sup>188</sup> Письма М. Московлевича Е.К. Брешко-Брешковской // Москва — Сербия; Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. М.; Белград, 2017. С. 131-136.

<sup>189</sup> Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927.

<sup>190</sup> Спекторский Е.В. Воспоминания. Рязань, 2020.

<sup>191</sup> Воспоминания М.В. Агапова // Москва – Сербия; Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Том 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / Сост. А.Ю. Тимофеев, Г. Милорадович, А.А. Силкин. М.; Белград, 2017. С. 663-687.

<sup>192</sup> Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М., 2012.

<sup>193</sup> Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

психоэмоциональной и интеллектуальной атмосфере интеллигенции кануна 1917 г. и последовавшей эмиграции воспоминания известного российского философа Ф.А. Степуна<sup>194</sup>.

Некоторые воспоминания о русских эмигрантах, оценка их настроений, их отношения к политической ситуации в КСХС содержит книга-памфлет сербского политика С. Прибичевича против короля Александра Карагеоргиевича<sup>195</sup>. Что касается достоверности, то в данном случае нужно учитывать внешние обстоятельства написания книги Прибичевичем – он создавал ее, находясь в вынужденной эмиграции, после серьезного конфликта с королем Александром.

Были привлечены материалы дневника упоминавшегося югославянского деятеля М. Московлевича в период его пребывания в России накануне Октябрьской революции<sup>196</sup>. Дневник русского политика правого толка В.М. Пуришкевича, содержащий данную автором характеристику славянолюба и панслависта А.В. Васильева<sup>197</sup>. Обращение к мемуарам и дневникам как источнику личного происхождения, требует осторожности при работе с упоминаемыми в них фактами и событиями. Необходимо учитывать в некоторых моментах имевшую место пристрастность того или иного автора, возникавшие конфликты и затаенную обиду на некоторых упоминаемых лиц, в целом условия в которых создавался тот или иной текст.

В ходе поиска был сформирован разноплановый корпус источников, включающий как опубликованные материалы, уже в той или иной мере известные историкам, так и неопубликованные документы из архивов, еще не введенные в научный оборот. Некоторые из источников, хотя и были известны ранее, впервые использованы для анализа истории развития представлений о феномене славянства и славянской идеи в интеллектуальной и политической жизни русской эмиграции, как и возникших связей между эмигрантами и представителями общественности новых славянских государств. Собранные источники в своей

<sup>194</sup> Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. 2-е изд. Т. 2. Лондон, 1990.

<sup>195</sup> Pribićević S. Diktatura kralja Aleksandra. 2 izd. Beograd, 1953.

<sup>196</sup> Московљевић М. У Великој Руској револуцији: Дневничке белешке. Београд, 2007.

<sup>197</sup> Пуришкевич В.М. Дневник. Рига, 1924.

совокупности позволяют в значительной мере дополнить картину развития взглядов эмигрантов на прошлое и настоящее славянской идеи.

**Научная новизна** настоящей работы:

Во-первых, исследован феномен практики конструирования истории развития славянской идеи в контексте представлений о славянстве различных идейно-политических течений русского зарубежья как составляющих историографической традиции. Показано, что их отличает сочетание различных идеологических подходов и значительное влияние российской политической традиции предреволюционного, революционного и постреволюционного (1918-1920-е гг.) времени, субъективизма авторов при интерпретации исторических событий и современных им процессов.

Во-вторых, проанализированы особенности развития взглядов на славянство на основе сравнения подходов к славянской идее, выработанных как русскими эмигрантами, так и интеллектуалами и политиками славянских стран ЦВиЮВЕ, в первую очередь Королевства СХС. Основное внимание уделено рассмотрению специфики восприятия феномена славянства в реалиях трансформации пространств прежних империй (России и Австро-Венгрии) и этнополитических процессов в ЦВиЮВЕ в 1920-е гг.

В-третьих, предпринята попытка воссоздать картину видения историками, мыслителями и политиками происходивших внешнеполитических процессов – складывания региональной системы безопасности, образования военно-политических блоков, в частности Малой Антанты. Проанализированы связанные со славянской тематикой источники и литература и выявлены новые оценки состояния международных отношений в Европе в 1920-е годы.

В-четвертых, на основании впервые введенных в научный оборот архивных материалов из ГА РФ и оцифрованного фонда ПСР в архиве Международного института социальной истории в Амстердаме (ISH), была документально подтверждена тесная взаимосвязь русской общественно-политической мысли со славянской тематикой, что отразилось в деятельности общественных и политических организаций русских эмигрантов, действовавших на территории

Королевства СХС: Общества славянской взаимности в Белграде, Белградского отделения Земгора (представленного эсерами), монархических сообществ и периодических изданий, поддерживавших великого князя Кирилла Владимировича.

### **Положения, выносимые на защиту:**

1. Произведения исторического характера, в которых, в зависимости от идейно-политических установок авторов (либералов, консерваторов, социалистов), выстраивалась своеобразная цепь фактов – событий и процессов, связанных с историей славянских народов, отражали развитие исторической и политической мысли предреволюционной России. Создававшиеся в них образы славянства, дополняя выводы из работ научного исторического формата, расширяли славянский исторический нарратив.

2. Революции и революционный процесс 1917 г., а также Гражданская война в России, отразившись на историческом сознании русского общества, двояко повлияли на развитие взглядов на славянскую проблематику. С одной стороны, эти события подорвали «славянолюбивые» настроения, породив пессимизм относительно будущего славянской идеи даже среди историков-славистов. С другой стороны, к традиции оценки перспектив развития славянства, заложенной в славянофильской концепции, обращались представители Белого движения в России и за границей, оценивая события и процессы в ЦВиЮВЕ в контексте абсолютизированной идеи славянской взаимности.

3. Русская эмиграция в славянские страны 1918-1920-х гг., в особенности в Королевстве СХС, являла собой особый феномен в развитии славянской идеи как в истории взаимоотношений между представителями славянских народов, так и в культурных и политических реалиях первого послевоенного десятилетия. Сложная психоэмоциональная атмосфера, в которой оказались русские эмигранты, подталкивала к теоретико-методологическим поискам. Высказывались претензии к недостаточности позитивистской методологии, ее эмпирической «сухости», уходу от духовно-нравственного «ощущения» исторического процесса и современности. На исторические сочинения некоторых

эмигрантов оказали влияние представления, в основе которых лежал «нравственный критерий» в оценке истории, особенно ярко проявившийся в конструировании образа славянского мира.

4. Несмотря на то, что в России были разрушены традиционные ценностно-идеологические основы, связанные с образом ориентированного на славянство Российского имперского государства, в новых условиях русские эмигранты представляли себя в рамках феномена «Зарубежная Россия». Они задумались о новой возможности по-настоящему «познать» славянский мир через непосредственное общение и взаимодействие с представителями и властями зарубежных независимых славянских государств. Традиционные представления о славянстве продолжали играть роль в формировании исторических нарративов эмигрантов и их оценок положения славянства после 1918 г. Представители русского зарубежья были вынуждены адаптировать идейно-теоретическое содержание своих трактовок славянской идеи к реалиям новой эпохи и контексту этнополитического самоопределения славян ЦВиЮВЕ после 1918 г. — «возрожденного» славянства.

5. В среде русской эмиграции вопросы, связанные с судьбой и перспективами развития славянства, привлекали внимание не только профессиональных историков, но и лиц, не имевших исторического образования. Это привело к формированию специфических подходов при анализе прошлого и настоящего славянской идеи. Эти подходы сочетали элементы консервативной, либеральной и социалистической идеологии при анализе прошлого и настоящего славянства и славянской идеи. История славянства, отношений между отдельными славянскими народами, их национальными движениями и Российской империей служила обоснованием политических проектов различных течений в русской эмиграции, направленных на устранение в России большевистского режима.

6. Политики и ученые русского зарубежья, представлявшие сложившиеся до революции идейно-политические течения, дополняли и расширяли свое понимание славянской идеи в новых реалиях. Их суждения отражали специфику



исторической мысли русского зарубежья. В этом процессе важное значение имел «русский вопрос» – обсуждение возможных перспектив российской государственности: от восстановления монархии и империи в консервативно-монархической схеме до концептов «демократической России», развиваемых либералами-конституционалистами и социалистами-эсерами. В то же время взгляды и представления русских эмигрантов дополняли дискуссии о славянстве в послевоенной Европе.

7. Представители сменовеховства и евразийства, находясь на разных идейно-политических позициях, уходили от идеализации и абсолютизации фактора славянской солидарности. Жестко критикуя консервативных сторонников российской монархии, сменовеховцы выстраивали славянский исторический нарратив, связывая его с современными им событиями и процессами, фокусировались на факторе Советской России, воспринимаемой как альтернативу Франции, подчеркивая значимость ее внешней политики в ЦВиЮВЕ. Евразийцы критически переосмыслили славянофильскую историографическую традицию, ориентированную на конструирование национальной специфики прошлого России в тесной связи с идеализированным образом славянства.

8. Несмотря на возросший интерес ученых-историков, мыслителей и политиков, представлявших в КСХС русскую эмиграцию, к славянской идее, эта идея в сознании общественности и политических деятелей славянских государств ЦВиЮВЕ в 1920-е гг. не приобрела статус ведущей идеологической концепции. Общеславянское самосознание не могло преодолеть сопротивление «этнонационального эгоизма», характерного для каждого из славянских народов. Несмотря на попытки трактовать значимость славянской идеи в контексте организации механизмов обеспечения безопасности в ЦВиЮВЕ (на примере Малой Антанты) славянство так и не оформилось как идейное и геополитическое единство и не выступало как единая сила на уровне международных отношений.

**Теоретическая и практическая значимость** данного диссертационного исследования определяется тем, что содержащиеся в ней фактический материал,

авторский анализ и выводы способствуют более углубленному пониманию этнополитических процессов и явлений, протекавших в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе в рамках Версальской системы после Октябрьской революции, Гражданской, окончания Первой мировой войны, распада Австро-Венгрии, и создания национальных независимых государств. Результаты исследования могут быть внедрены в практику высшей школы при чтении общих и специальных курсов по истории, региона ЦВиЮВЕ южнославянских народов, а также истории общественного движения и внешней политики «первой» Югославии, внешней политики Советского государства и его отношений с КСХС.

**Апробация результатов диссертационного исследования** – его методологии, основных положений и выводов состоялась в ходе изложения докладов на конференциях, проводимых факультетом международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ – «Анализ глобальных и региональных процессов: новые подходы и исследовательские практики» в 2022 и 2023 гг.

Основные положения и выводы диссертации обсуждены на заседаниях кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений Института международных отношений и политических наук Российского государственного гуманитарного университета. Основные идеи и результаты изложены в научных статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК, в количестве 3.

**Структура** работы соответствует проблемно-хронологическому подходу исследования, его целям и задачам. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

## ГЛАВА 1. СЛАВЯНСТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ДО ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

### § 1.1. Славянская идея: ключевые проблемы дискуссий

Для более глубокого понимания особенностей процесса осмысления русским послереволюционным обществом в эмиграции феномена славянской идеи, необходимо провести анализ факторов, которые, на наш взгляд, оказали наибольшее влияние на складывание представлений о славянском мире в предреволюционной России. Важно учесть контекст, в котором формировались те или иные взгляды на славянство и отдельные славянские народы, а также отношения между ними; вопросы и проблемы нашедшие отражение в восприятии и интерпретации представителями общественного мнения России различных явлений, процессов и событий современной им действительности. Известный российский ученый – исследовательница панславизма О.В. Павленко отметила, что в среде консервативных образованных кругов русской общественности, во второй половине XIX и начале XX в., многие продолжали «искренне или по инерции верить в великую славянскую миссию России и приветствовать любые проявления солидарности с “угнетенными и единоверными братьями славянами”»<sup>198</sup>. Исследовательница определила непосредственную связь этих настроений с развитием «имперского панславизма» как формы политического консерватизма<sup>199</sup>. Разумеется, подобного рода убеждения, перекочивая вместе с определенной частью людей, покинувших пределы бывшей Российской империи, нашли преломление в общественно-политическом сознании русского зарубежья. Однако среди русской эмиграции были не только консервативные, но и другие, либеральные и социалистические течения, представители которых по-своему перерабатывали славянскую идею. При этом такое переосмысление происходило в различных формах сознания: политическом, историческом, культурном, религиозно-конфессиональном, лингвистическом.

---

<sup>198</sup> Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 10-11.

<sup>199</sup> Там же.

Можно заметить, что в дореволюционной России в дискуссиях о славянстве обычно прослеживалась характерная двойственность. Условно можно выделить два основных подхода к восприятию славянского мира, пониманию сущности взаимоотношений между «малыми» славянскими народами и Россией: «ценностный» и «прагматический». В плоскости общественно-политической и историософской мысли в целом имело место как ценностное измерение сущности славянства (духовно-нравственный аспект<sup>200</sup>), так и прагматическое (геополитический фактор, борьба за сферы влияния, национальные интересы, условия для экономического развития). В плоскости же официальной риторики дипломатических представителей государства преобладал именно прагматизм, вынуждавший более трезво оценивать положение России в рамках международной политики<sup>201</sup>. В данной части работы мы проведем исследование того как славянская идея преломлялась в русской общественной мысли, в разных формах сознания представителей различного идеологического и политического спектра, научных кругов.

Первые два десятилетия XX в. оказались достаточно богатыми событиями, во многом определившими содержание дискуссий о славянском мире и славянской идее накануне поворотного для России и многих славянских народов ЦВиЮВЕ рубежа 1917-1918 гг. В предреволюционной России отношение к теме славянства коррелировало со сложными внутренними и внешними условиями жизни государства. Постепенно разрастался внутривластный кризис, важнейшими вехами которого стали революция 1905-1907 гг., Февральская и, в конечном итоге, Октябрьская 1917 г. В процессе осмысления славянства в контексте экономических и социально-политических изменений в России параллельно представителями русской общественности учитывались и

<sup>200</sup> Славянство как особый мир, с присущим ему особым духовно-нравственным началом. Эта точка зрения была ясно выражена И.С. Аксаковым в 1860-е гг. и была впоследствии, с некоторым переосмыслением и дополнением, продолжена «преемниками» славянофилов. См., например: Аксаков И.С. Славянский вопрос. 1860-1886. // Собрание сочинений И.С. Аксакова. Т. 1. М., 1886. С. 49-50.

<sup>201</sup> Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый. М., 2023. С. 267-274; Benedejčič, A. Rusija in slovanstvo: med velikodržavnostjo in vzajemnostjo. Ljubljana, 2021. S. 139-141; Dialla A., Heraclides A. The Balkan crisis of 1875-78 and Russia: between humanitarianism and pragmatism // Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century. Manchester, 2015. P. 169-172.

анализировались конкретные международные события и тенденции, оказывавшие влияние на внешнеполитическую стратегию государства. К этому стоит добавить и проблему распространявшихся среди русских интеллектуалов особых эсхатологических настроений – предчувствия глобальных событий, коренным образом способных перевернуть действительность<sup>202</sup>. Ряд международных кризисов и конфликтов, в частности Боснийский кризис 1908 г. и обе Балканские войны 1912-1913 гг., став прологом Первой мировой войны, в русском общественном сознании, так или иначе, связывались с темой славянства, дискуссиями о судьбах зарубежных славян. К тому же, в контексте складывавшихся в России образов славянства, жива была память о русско-турецкой войне 1877-1878 гг. как значительном событии, оказавшем влияние на сознание широкой массы интеллигенции.

В Российской империи в начале XX в. активно шел процесс переосмысления пространственно-географических категорий, понимания места России в мире и ее роли. Под воздействием сложившегося комплекса «исторических, общественно-политических, этнокультурных, естественно-географических и конкретных событийных факторов» в условиях российской общественной жизни возникали определенные же стереотипы геопространственного восприятия географических регионов, в том числе и Балкан<sup>203</sup>. Процесс трансформации взглядов на проблемы национальной безопасности Российской империи в рамках становления геополитических представлений пересекался со сложным процессом самопознания русского общества. Осмысление «славянского компонента» играло в этих процессах немаловажную роль.

Балканское направление традиционно являлось приоритетным для Российской империи в культурном, экономическом и геополитическом отношении. Россия еще со времен правления Петра Великого стала постепенно

---

<sup>202</sup> В этом контексте характерны, например, труды мыслителей Н.А. Бердяева и В.В. Розанова, предрекавших в начале Первой мировой войны «начало духовно-идейной экспансии России» в скором будущем. См.: Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914-1918). С. 73-74.

<sup>203</sup> Улунян Ар.А. Балказия и Россия, 1900-1914 гг. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 13-16.

принимать роль покровительницы православных народов на Балканах перед лицом внешних угроз, прежде всего со стороны Османской империи. Идея славянской взаимности, основываясь на представлениях о близости разных ветвей славян (южных, западных, восточных) по этноязыковому и этнокультурному признакам, входила в национальное сознание славянских народов. В отношении южных славян (прежде всего сербов и болгар) можно еще добавить пункт о близости на основе религии – православия. Со временем эволюционировав, контекст общеславянского самосознания стал играть значимую роль в вопросе об отношениях зарубежных славян с Россией<sup>204</sup>. Но значение его не было однонаправленным и варьировалось в зависимости от развития этнополитических процессов в ЦВиЮВЕ и ситуации на международной арене в целом.

Содержание славянской идеи менялось, время от времени принимая в воззрениях тех или иных славянских интеллектуалов и политиков (в том числе и в зависимости от их идейно-политических предпочтений, философско-исторических и религиозных оснований их мировоззрения) различные формы. Оно дрейфовало между пониманием феномена славянства, с одной стороны, как наднациональной культурно-исторической общности славянских народов, способствующей более тесным взаимосвязям внутри нее, а с другой, как части идеологии, посредством которой славянские народы поддерживали свои собственные национальные движения<sup>205</sup>.

Развернувшийся с середины XIX в. в Центральной Европе и на Балканах процесс самоопределения народов затронул также и славян. В связи с этим, в историографии отмечают, что в условиях борьбы в рамках национальных движений славянским народам, осознававшим недостаточность своих сил, приходилось обращаться к идее славянства – рассматривая себя как неотделимую от более крупной общности часть<sup>206</sup>. Таким образом, общеславянское сознание

<sup>204</sup> См. например: Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. М., 1980. С. 7-15; Чуркина И.В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. М., 1978. С. 79-233; Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. СПб, Алетей, 2011. С. 258-259.

<sup>205</sup> Sapper M., Weichsel V. Idee und Interesse. Osteuropa, 2009. Vol. 59, No. 12. Pp. 5-6.

<sup>206</sup> Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма. М., 1981. С. 240-241.

переплеталось (в разной степени, в разных исторических обстоятельствах) с национальным самосознанием и «служило психологическим и идеологическим обоснованием легитимности требования национального самоопределения»<sup>207</sup>. Следовательно, возникает необходимость принимать во внимание национальные и региональные особенности развития славянских народов и, соответственно, различия форм, в которые выливалась по-своему переосмысленная славянская идея (австрославизм, югославизм и его типы, чехословакизм)<sup>208</sup>.

Слова Любена Каравелова, ключевой фигуры болгарского национального возрождения второй половины XIX в., могут проиллюстрировать особенность трактовки славянской идеи сквозь призму приоритетов национальных интересов: «Мы, болгары, любим русских, но еще больше любим самих себя; мы радуемся русским успехам и русскому величию, но в то же время желаем стать свободными и независимыми; только потом, мы готовы защищать общеславянские интересы, но желали бы, прежде всего, защитить самих себя»<sup>209</sup>. Свою роль при этом играл выбор самой официальной России: кого она решала поддерживать в тот или иной момент. Разумеется, соперничество в лагере южных славян – Сербии и Болгарии, являлось тем реальным фактом, который необходимо было учитывать. «Национальный эгоизм» славян, о котором много писал известный русский философ В.С. Соловьев<sup>210</sup>, на деле представлял собой понимание своих насущных национальных интересов каждым славянским народом/государством. Он то и являлся камнем преткновения в возвышенной риторике славянолюбивых публицистов и политиков о единстве всего славянства. Конечно, было бы не совсем верно однозначно утверждать, что основывавшиеся на представлениях о славянской идее проекты служили исключительно достижению политических целей национально ориентированных партий славянских народов. Однако слова

<sup>207</sup> Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». М., 2002. С. 14.

<sup>208</sup> См. подробнее: Павленко О.В. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 43–60; Романенко С.А. Югославизм // Славяноведение. М., 1998. № 5. С. 10–17; Серапионова Е.П. Идея чехословакизма: истоки и реализация // Национальный вопрос в Восточной Европе: прошлое и настоящее. М., 1995.

<sup>209</sup> Цит. по: Косик В.И. Балканы: «Порвалась цепь великая...». С. 12.

<sup>210</sup> См., например: Аксенова Е.П. Славянская идея в русской философской мысли (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Г.В. Флоровский) // Славянский альманах 2000. М., 2001; Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». М., 2002.

Л. Каравелова явственно указывают на тенденции, что, время от времени, были характерны для национально-политических стратегий не только болгар, но и других славян.

Проблемы зарубежных славян стали находить живой отклик среди русских мыслителей, общественных и политических деятелей в XIX в., в период усиления борьбы славянских народов, отстаивавших свои национальные интересы. Известный российский ученый-славист А.Н. Пыпин заметил, что славянская идея возникла и укрепилась в русском обществе «как нечто сознательное» достаточно поздно<sup>211</sup>. Причины развития славянской идеи в России и среди западных и южных славян, по мнению слависта, были различны. В России не было необходимости «возрождать свою нацию», писал А.Н. Пыпин, следовательно, в ней не разворачивался процесс «национального возрождения» – принявший форму национальных движений – в том смысле, в каком он наблюдался среди южных и западных славян, находившихся под властью Габсбургов и Османской империи<sup>212</sup>.

Элементы идеализации истории славян ярко наметились еще в работах немецкого ученого И.Г. Гердера, заложившего романтическую традицию восприятия славянства<sup>213</sup>. М.В. Белов отметил, что в суждениях «будителей» национального возрождения славянских народов и теоретиков славянской взаимности, опиравшихся на наследие ранее писавших о славянстве предшественников, представления о славянах и присущем им своеобразии переосмысливались в соответствии с попытками построить «националистическую доктрину» определенного славянского народа<sup>214</sup>. Тем самым подчеркивалась «исключительность» одной этнической группы в сравнении с другими. О природе национальных особенностей русского народа глубоко размышляли «классические» славянофилы – И.С. Аксаков и его единомышленники.

<sup>211</sup> Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем (1878). Санкт-Петербург, 1913. С. 74.

<sup>212</sup> Аксенова Е.П. А.Н. Пыпин о славянстве. М., 2006. С. 260-261.

<sup>213</sup> См., например: Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 454-461.

<sup>214</sup> Белов М.В. Перекрестная история «славянской взаимности» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2 (22). С. 57.



Склонность к православному христианству они называли «особенностью предков русского народа, обособляя его тем самым от прочих славян»<sup>215</sup>. Однако, по замечанию историка, еще до «классических» славянофилов утверждения о предрасположенности славян «истинному христианству» – православию, развил сербский историк Йован Раич (1726-1801)<sup>216</sup>. Несколько забегаая вперед, отметим, что среди русских эмигрантов также будут наблюдаться попытки переосмысления религиозно-конфессиональной проблематики (в частности «православного фактора») применительно к суждениям о славянстве. Например, при попытке выделить как якобы общую основу – склонность к православию всех славянских народов. Во многом это объяснялось тоном дискуссий о духовно-нравственных ценностях и ощущения кризиса после Первой мировой войны. То есть в этой интерпретации православие нередко оценивалось как наиболее «соответствующее» духу славянства вероисповедание. И конечно здесь играла роль русская славянофильская традиция, но уже приспособляемая к новым реалиям. В какой-то мере это был страх утраты связи с «национальной» Россией, образ которой дополняла традиция православия. Возвращаясь к проблеме соотношения общеславянского и национального самосознания, обратимся к выводам исследователей. Переработанные идеи предшествовавших эпох служили основанием для конструирования мифов, усиливая традиции национальных нарративов, в которых, в той или иной степени, закреплялись представления об общеславянском самосознании<sup>217</sup>.

Балканы были тем регионом, на территории которого, в контексте ослабления Османской империи и разворачивавшихся национальных движений балканских народов, сталкивались политические и экономические интересы великих держав Европы. В международной политике, в связи с этим, возникло понятие «Восточного вопроса». В начале XX в., в период обострения соперничества России с Австро-Венгрией и Германией, «балканский узел»

---

<sup>215</sup> Там же.

<sup>216</sup> Там же. С. 57.

<sup>217</sup> Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». М., 2002. С. 13-15; Белов М.В. Перекрестная история «славянской взаимности» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2 (22). С. 57-58.

международных противоречий стал еще более запутанным. Как отметил Ар.А. Улунян, ряд «традиционных кодов», оказавших влияние на «пространственно-географическое восприятие политических событий на Балканах» в европейском массовом сознании, «на уровне политической и академической элит» в Западной Европе, включал в себя «политику России, нацеленную на патронирование славян и христиан»<sup>218</sup>. Данная политика в публицистике часто обозначалась как «славянская». Однако сложная действительность – национально-политическое сознание каждого славянского народа отнюдь не развивалось сугубо в рамках абсолютизированного славянства, все же эволюционируя в своем собственном национальном направлении – вынуждает задуматься о противоречивом содержании такой политики. Порой становилось очевидно, что в силу разности национально-политических устремлений славянских народов Центральной Европы и Балкан трудно было подобрать какую-то конкретную внешнеполитическую стратегию в отношении славянства.

Кроме того, в западноевропейском общественном мнении интерес России к балканским славянам интерпретировался как свидетельство роста влияния русского панславизма<sup>219</sup>. В ходе становления взглядов на «славянский вопрос» немаловажна была та позиция, которую занимали западноевропейские интеллектуалы и политики в своих научных работах, публицистических сочинениях и в прессе. Объемные книги и небольшие публикации, особенно распространявшиеся в контексте повышенного интереса европейской общественности к проблематике национализма, оказывали влияние на дебаты о славянстве. Являясь продуктом интеллектуальной и политической деятельности своего времени, они продолжали формировать определенные образы славянского мира в общественном сознании в Западной Европе<sup>220</sup>. В 1915 г., уже в самый разгар войны, британский историк и политический аналитик Р.У. Сетон-Уотсон

<sup>218</sup> Улунян Ар.А. Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж. 1919-1938 гг. М., 1997. С. 19.

<sup>219</sup> Todorova M. *Imagining the Balkans*. New York, 1997. P. 82-85.

<sup>220</sup> В этом отношении стоит отметить видного британского исследователя-слависта и политического аналитика, специалиста по Балканам Роберта Уильяма Сетон-Уотсона, оказавшего значительное влияние своими сочинениями на формирование образов славянских народов в представлении западноевропейской общественности. См.: Seton-Watson R.W. *The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy*. London, 1911; Idem. *The rise of nationality in the Balkans*. London, 1917; Idem. *German, Slav and Magyar*. L., 1916.

подчеркивал особую значимость славянства (особенно балканского) как связующего звена между Западом и Востоком: «южные славяне, также как и богемцы, являются нашими естественными союзниками, выступая посредниками между Британией и Россией, между Британией и великим славянским миром, мысли и политику которого мы, наконец-то, постепенно начинаем понимать»<sup>221</sup>.

Опираясь на теорию исторической семантики Р. Козеллека, попробуем проследить развитие смыслов понятий, связанных с темой славянства, отражавшие социокультурные и политические особенности той действительности, в контексте которой эти понятия развивались.

Известный русский общественный деятель, публицист А.А. Башмаков, разделяя в дореволюционный период своей жизни панславистские убеждения, в своих измышлениях обращался к проблеме общеславянского самосознания, оперируя таким понятием как «русско-славянский мир». Последнее заключало в себе представления об идейно и ценностно обусловленном пространстве, в котором жили и развивались русский народ и зарубежные славяне — конструируемом в сознании части русской общественности. Среди них были те, кто частично вдохновлялся идеями славянофилов и их духовно-нравственными постулатами, а также и те, кто переосмысливал славянскую идею, вкладывая в нее свое понимание внешнеполитических и геополитических целей Российского государства.

Рассуждения А.А. Башмакова касались, в частности, вопроса о значении Балкан в истории Российского государства, и, как ему виделось, детерминированной самой историей связи России и балканских (в первую очередь православных) славян. Предоставляя аргументы в пользу важности Балкан для России, он делал это с определенной долей эмоциональности: «Мы несравненно более заинтересованы в Балканах, нежели Австрия, которая ищет там чужих земель; ибо она ищет обогащения. А мы — не требуя себе ничего материального, ищем в Балканской истории нечто в тысячу раз более важное, нежели все добычи

---

<sup>221</sup> Hanak H. The New Europe, 1916-1920. The Slavonic and East European Review // 1961. Vol. 39, No. 93. P. 372-373.

мира: мы там в погоне за смыслом всего нашего существования на земле, там часть русской души; там русская слава и величие связаны тысячью узлов с судьбами наших сородичей»<sup>222</sup>.

В процитированных словах А.А. Башмакова обнаруживается особый пласт настроений, связанный с проблемой экзистенциального поиска для своего государства. Можно соотнести тексты и риторику подобного рода с характерными для начала XX в. (накануне Великой войны) с упомянутыми выше измышлениями эсхатологического характера, распространявшимися среди некоторых мыслителей в России. В основе их лежали рассуждения о судьбе России, выбора пути ее развития. Фигура А.А. Башмакова представляет для нас особый интерес, поскольку дальнейшая судьба приведет его в эмиграцию на территорию КСХС, где он продолжит свою деятельность. В эмиграции, под влиянием новых реалий, произойдет определенная эволюция его воззрений на славянский вопрос. Однако этот сюжет мы рассмотрим подробнее в следующих главах.

Поражение Российской империи в войне с Японией значительно воздействовало на общественные настроения. После некоторого затишья в 1890-е – начале 1900-х гг., размышлениях российских политиков, ученых и публицистов о внешнеполитических приоритетах государства вновь наметился «славянский поворот». Россия «вернулась» на Балканы. И параллельно с этим вновь росла напряженность международной обстановки. «Балканский вопрос», в сознании русского общества зачастую рассматривавшийся как «славянский вопрос», после некоторого «затишья» вновь оказался в центре внимания. Неудача на Дальнем Востоке, как когда-то после Крымской войны, вызвала в русском обществе рост недовольства, направленного против Запада. Критике подвергались и действия российской дипломатии, за «чрезмерное» доверие западноевропейским государствам<sup>223</sup>.

---

<sup>222</sup> Башмаков А.А. Балканский союз. Речь, произнесенная на собрании Славянского Общества 26-го октября 1908 года // Славянские известия. 1908. № 7. С. 343-344.

<sup>223</sup> Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос. М., 2017. С. 33.

В то же время чехи, как и другие славяне Австро-Венгрии, воспринимали поражение России в войне с Японией как «скрытое благословение» поскольку неудачный исход войны не только переключил внимание Российского государства в направлении «европейских дел», но и привел к важным внутривнутриполитическим изменениям в самой России<sup>224</sup>. Лидеры неославистского движения, широко представленного австрийскими славянами, уповали на начавшееся, как им казалось, «возрождение» России, связанное с революционными событиями 1905 г. Об этом писал и К. Крамарж – крупный чешский политик, одна из ключевых фигур не только в неославизме, но и в деле укрепления русско-чешских (русско-чехословацких) связей. Неослависты сразу оценили новые перспективы «для внутренней организации Славянства», «которые создались после учреждения в России Государственной Думы»<sup>225</sup>.

В условиях нарастающей геополитической конкуренции двух империй за главенствующее положение в регионе, ориентированная на славянство политика, по сути, становилась одним из средств достижения цели. Бывший российский министр иностранных дел С.Д. Сазонов впоследствии в своих воспоминаниях отметил что «пробуждение национального самосознания славянских подданных Габсбургской монархии, явившееся результатом освободительной политики России на Балканском полуострове, должно было рано или поздно неминуемо привести Австро-Венгрию к гибели»<sup>226</sup>.

Перед российскими дипломатическими ведомствами на балканском направлении стояли две основные задачи. Во-первых, необходимо было укрепить влияние России среди малых стран региона. Во-вторых, достичь заветного доступа к Черноморским проливам, что было чрезвычайно важным в контексте геополитического усиления Российского государства<sup>227</sup>. В случае решения первой задачи нельзя было исключать важности использования «славянского фактора» в процессе формирования внешнеполитической стратегии. В записке российского

<sup>224</sup> Benedejčič, A. Rusija in slovanstvo: med velikodržavnostjo in vzajemnostjo. Ljubljana, 2021. S. 132.

<sup>225</sup> Крамарж К. В защиту славянской политики. / пер. С.И. Варшавского. Прага, 1927. С. 20.

<sup>226</sup> Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 16.

<sup>227</sup> История внешней политики России (конец XIX – начало XX века). М., 1997. С. 47; История дипломатии. Т. II. Изд. 2-е. М., 1963. С. 734-738.

посланника в Белграде Н.Г. Гартвига на имя министра иностранных дел С.Д. Сазонова в октябре 1911 г. подчеркивалось, что одной из целей России на Балканах было: «облегчить призванным ею к самостоятельной жизни славянским народностям достижение их заветных идеалов, что сводится к любовному между ними разделу всего турецкого достояния на Балканском полуострове». Следом было добавлено, что необходимо также «осуществить свою собственную вековую историческую задачу: стать твердой ногой на берегах Босфора у входных ворот “Русского озера”»<sup>228</sup>.

До начала Первой мировой войны взгляды на проблему южных славян разнились в среде российских дипломатов, отражая две противоположные точки зрения. С одной стороны, были те, кто выступал за объединение в рамках мощного государственного союза Сербии, Черногории и Болгарии под покровительством России. С другой стороны, обосновывалась идея сохранения слабых и разъединенных между собой в своих интересах славянских государств, однако при соблюдении российского протектората<sup>229</sup>. Глава российского МИД С.Д. Сазонов, хотя и затрагивал славянскую тему, но все же «был готов отбросить балканских славян в случае возникновения угрозы национальным интересам России»<sup>230</sup>. Как можно увидеть, однозначной позиции в вопросе о судьбе балканских народов, прежде всего южных славян, не было.

Обсуждение внешней политики и геополитических проектов в рамках «славянского вопроса» – вопроса о судьбе балканских славян в ближайшем будущем, вошло в общественную мысль России начала XX века, тесно переплетаясь с дебатами об общеславянском самосознании и взаимосвязи национального и общеславянского. Через изначально формировавшуюся на протяжении XIX в. систему «научного изучения славянства» – славистики как научной дисциплины, началось, как отметил известный русский ученый-славист Константин Яковлевич Грот, «пробуждение славянского самосознания и идеи

<sup>228</sup> Цит. по: Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 65.

<sup>229</sup> Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы... С. 66-67; McMeekin S. The Russian origins of the First World War. Cambridge. 2011. P. 27.

<sup>230</sup> Ibid. P. 27.

славянской взаимности в русском обществе». Оно, в свою очередь, было «естественным образом тесно связано с развитием нашего русского национального самосознания»<sup>231</sup>. В русском общественном сознании и научной мысли духовно-нравственное измерение славянства и видевишиеся в соответствии с этим основы славянской политики подкреплялись представлениями об исторической роли России как исконной защитницы славянского мира, ее призвании раскрыть культурный, экономический и политический потенциал славянских народов.

Одним из важнейших элементов российских общественно-политических дискуссий, складывавшихся в первые полтора десятилетия XX в., стала идея «Великой России». Образованное общество ощущало напряжение, скапливавшееся как внутри страны, так и на ее внешних рубежах. Оживилось осмысление происходящего, все чаще стали обращаться к теме «судьбы России» в ближайшем будущем. В свою очередь складывавшийся в духе великодержавной мысли образ должен был спланивать русское общество, однако видение пути достижения «великого будущего» государства среди политиков и интеллектуалов различалось. Представители различных политических направлений включились в острые дискуссии о настоящем и перспективах будущего Российской империи. Эти дискуссии, как можно увидеть, порой включали еще один важный элемент – размышления о славянстве. Забегая вперед отметим, что в среде русской послереволюционной эмиграции категории «Великая Россия» и «славянство» оказались тесно взаимосвязаны (прежде всего, в дискурсе людей консервативной направленности) и занимали значимое место в политическом сознании и исторической мысли.

Теперь выделим достаточно важную «подпроблему» и с ее учетом взглянем на то, как развивались дискуссии о славянской идее на фоне постепенной эволюции социально-политической реальности в России в начале XX в. Это нередко встречающаяся в дискуссиях о славянстве того времени мысль о

---

<sup>231</sup> Грот К.Я. К истории славянского самосознания и славянских сочувствий в русском обществе. СПб., 1904. С. 1-2.

предполагавшемся (скорее воображаемом, нежели реально ожидаемом) «возрождении» (или в вариантах: «перерождении», «преображении») славянской идеи в русском историческом и политическом сознании. Соотносясь с проблемой оппозиции «Россия – славянство», эта мысль своеобразно нашла отражение в речах и текстах некоторых видных российских общественных и политических фигур в первом десятилетии XX века. Обращение к производным от слова «возрождение» порой подразумевало свои отличные смыслы, в зависимости от политического, идеологического, мировоззренческого склада того или иного деятеля. Так упоминавшийся представитель правых, монархист А.А. Башмаков заявлял, что «достойный» ответ на «сильный удар, нанесенный теперь в Боснии и Герцеговине сербскому народу<sup>232</sup>» врагом, ответ, подкрепленный «твердой волей и ясной программой», отчетливо продемонстрирует «перерождение» «нашей востребованной родины»<sup>233</sup>. В данном случае подразумевался призыв вернуть Россию на путь обретения прежнего могущества.

Не остались в стороне и некоторые либералы. Идея «обновления» русского общества и «возрождения» его национального чувства через осознание ценности славянства для России затрагивается в одной из речей известного кадета В.А. Маклакова<sup>234</sup>. В либеральной риторике представителя кадетской партии слово «возрождение» предполагало двойной аспект. С одной стороны, «политическое возрождение» – реформирование и модернизация государства и политического сознания, а с другой – «возрождение» в рамках «национального самосознания, когда «русский национальный элемент» должен был осознать свою связь со славянством в идее «защиты слабых», защиты «славянских национальностей от их угнетателей»<sup>235</sup>. Подобные утверждения хотя и звучали чересчур романтизировано, но все же в них проявлялась отличная от консервативной мысли попытка связать славянскую тему с темой борьбы за либеральные ценности, свободу личности, его прав.

<sup>232</sup> Объявление в сентябре 1908 г. Австро-Венгрией аннексии (присоединения) Боснии и Герцеговины, территория которой была оккупирована Габсбургской монархией после Берлинского конгресса 1878 г.

<sup>233</sup> Башмаков А.А. Балканский союз // Славянские известия. 1908. № 7. С. 342.

<sup>234</sup> Маклаков В.А. Босния и славянский вопрос // Речь. 1908. 2 ноября. № 265.

<sup>235</sup> Там же.



К необходимости активизации славянского движения в среде русской общественности в качестве одной из опор государственной политики призывал дипломат и общественный деятель Г.Н. Трубецкой: «Пока славянская идея не будет осознана как целостное направление, которое должно лечь в основу внешней и внутренней политики... до тех пор программа русской государственной власти по-прежнему лишена будет единства и силы»<sup>236</sup>. Но что должно было включать в себя это «целостное направление»? Возникал вопрос: могла ли быть четко сформулирована фундаментальная основа славянской идеи в российском общественно-политическом контексте? Ведь в идеале она мыслилась как всеобъемлющая, охватывающая (и объединяющая) все славянские народы.

Для лучшего понимания точек соприкосновения славянской проблематики и русского общественного сознания подойдем к определению понятия «общество», его трактовки в рассматриваемое время. Справедливее было бы сказать, что славянская идея была в центре внимания дискуссий и анализа, прежде всего, образованных слоев населения России – тех кругов, которые принято было отождествлять с понятием «общество». Характерно, что многие ученые и общественные деятели «четко различали триаду “власть, общество, народ”», сконструированную ранее славянофилом И.С. Аксаковым<sup>237</sup>. При этом они рассматривали общество как «социальный организм», который в силу еще недостаточного развития общественного сознания, «как бы располагался между народом и властью»<sup>238</sup>.

На заре XX в. в России противостояние между обществом и правительством за власть достигло наивысшей точки. Общество, под которым подразумевалась в первую очередь интеллигенция и ее мысль, становилось одним из ключевых движущих элементов не только во внутренней жизни государства, но и, хотя и в меньшей степени, во внешнеполитических делах. Характерной особенностью развития Российского государства в рассматриваемый период становилось,

<sup>236</sup> Цит. по: Кострикова Е.Г. Указ. соч. С. 89.

<sup>237</sup> Гросул В.Я. У истоков российской общественности // Славянство, растворенное в крови... М., 2010. С. 101.

<sup>238</sup> Гросул В.Я. Русское общество XVIII-XIX веков. Традиции и новации. М., 2003. С. 4-5. Подобного рода определение в рассматриваемый период, в частности, соответствовало пониманию известного русского историка В.О. Ключевского.

пользуясь словами П.Б. Струве, взаимное дополнение «политики общества» и «политики власти»<sup>239</sup>.

Трактовки стремления к «свободе» еще одна важная составляющая славянского нарратива. С.А. Романенко отметил, что в системе сложившихся взглядов значительной части образованной общественности в России начала XX в., «национальная борьба южных славян была символом борьбы за свободу»<sup>240</sup>. Рассматривая тексты, посвященные теме славянства, можно увидеть, что некоторые российские авторы проводили связующую нить между пониманием «свободы», преломляющейся в двух плоскостях: в измерении этнополитического сознания славянских народов (национальные движения), и в измерении внутриполитических процессов в России. В этом ключе характерны слова общественного деятеля, участника Санкт-Петербургского славянского комитета А.В. Васильева, связавшего эти два контекста в исторической ретроспективе. Он замечает, что русский народ еще в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. «свободно, сознательно... и деятельно вмешался в политику, и плодом этого первого его опыта явилось создание нового Славянского Государства – Болгарского княжества». А в последующем, «освободив и наделив политическими правами болгар, русский народ и сам захотел стать свободным и полноправным»<sup>241</sup>. Интерпретация стремления к свободе в общеславянском масштабе, таким образом, как бы соприкасалась с областью социальных и политических преобразований российской действительности.

Сложно с уверенностью утверждать, как это делает А.В. Васильев, что действия русского народа (особенно в своей массе) по отношению к зарубежным славянам были «свободными и сознательными». Однако его размышления дополняют диапазон объяснений русскими интеллектуалами и политиками феномена славянства и представлений о своеобразной взаимной рецепции опыта в границах «славянского мира».

<sup>239</sup> Струве П.Б. Великая Россия // *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 54-55.

<sup>240</sup> Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». М., 2002. С. 28.

<sup>241</sup> Васильев А.В. Наш долг в отношении Боснии и Герцеговины // *Славянские известия*. 1908. № 7. С. 334.

Значимость понятий «славянофильство» и «славянофил» (принимая во внимание изменение их содержания во времени) для нашего исследования обусловлена их активным использованием в дискуссиях о славянстве, которые велись русскими послереволюционными эмигрантами в 1920-е гг. Упоминание «славянофильства» является постоянным элементом славянского нарратива на протяжении всего предреволюционного периода российской истории, что делает его важным для понимания темы.

Основой концепций славянофилов стала идея противопоставления России и Запада, в основе которой лежало представление о православной вере как консолидирующем факторе «русско-славянского мира». Своими размышлениями славянофилы содействовали духовно-культурной славянской взаимности, веры в то, что «Россия выполнит свою освободительную миссию по отношению к православным славянам». При этом они полагали скорее нецелесообразным реализацию политических объединительных проектов во главе с Россией<sup>242</sup>. Однако, как отметила российская исследовательница И.В. Чуркина, славянофилы не верили в возможность длительного существования малых независимых государств, предрекая им поглощение крупными державами. Основанием для этого убеждения служили современные им процессы: в XIX веке наблюдалась консолидация мелких государств Европы в крупные национальные образования, такие как Италия и Германия<sup>243</sup>.

Укажем наиболее известных русских мыслителей, которые сыграли важную роль в формировании представлений о славянской идее в России и в определении отношения к зарубежным славянам. Хотя их позиция укладывается в рамки славянофильской мысли, важно учитывать, что это является лишь отправной точкой. Их взгляды необходимо рассматривать в динамике – в русле влияния «истинного» славянофильства, последующей эволюции и преломления этих идей. Оставленные ими в ряде сочинений измышления в той или иной степени преломлялись во взглядах русских эмигрантов.

<sup>242</sup> Досталь М. Ю. Славянский мир и славянская идея в философских построениях и практике ранних славянофилов // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 93.

<sup>243</sup> Чуркина И.В. Россия, славянофилы и зарубежные славяне. М., 2020. С. 69, 364-365.

Не вдаваясь в подробности, отметим безусловное влияние на дискуссии о славянстве крупнейших русских мыслителей XIX в. Так Николай Яковлевич Данилевский (1822-1885) своим наиболее известным сочинением «Россия и Европа» внес значительный вклад в развитие последующих представлений о славянской идее, что в историографии принято рассматривать в рамках трансформации как «позднего славянофильства», так и панславизма<sup>244</sup> (дискуссии об общем и различном этих явлений продолжаются в историографии). О.В. Павленко, рассматривая воззрения Н.Я. Данилевского, уточняет, что они отражали эволюцию идей имперского панславизма как направления в русской консервативной мысли<sup>245</sup>. Книга Данилевского, подготовив почву для интеллектуального переосмысления путей решения «Восточного вопроса» (и конкретно «славянского вопроса»), стала своеобразным ответом на «европейский вызов», что отражалось в общественных настроениях после неудачной Крымской войны. Ее автор указывал русскому читателю на наиболее перспективный путь дальнейшего становления как самой России, так и зарубежных славян.

Примечательно, что своей книгой Н.Я. Данилевский закрепил представление о существовании особых «русско-славянских интересов». Именно к этой мысли – «особости» и «единства» интересов всех славян, намереваясь в то же время понять специфику русского национального самосознания, обращались затем и многие русские «славянолюбы»<sup>246</sup>. По мысли Н.Я. Данилевского, только через осуществление идеи Славянской федерации («Всеславянского союза») во главе с Россией (как одного из крупнейших центров геополитического влияния в Европе), разработанной в рамках концепции мыслителя о культурно-исторических типах, славянство должно было с точки зрения вопроса о «цивилизационном могуществе» занять место Европы, переживавшей упадок<sup>247</sup>.

<sup>244</sup> Маслин М.А. Николай Данилевский: между славянофильством и панславизмом // Философский журнал. 2023. Т. 16. № 4. С. 5-18.

<sup>245</sup> Павленко О.В. Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 13.

<sup>246</sup> О русском национальном самосознании // Славянская взаимность. 1907. № 5. С. 354-360.

<sup>247</sup> Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1895. С. 432-438.

Проблеме соотношения русского национального самосознания и самосознания общеславянского уделил значительное внимание известный русский философ Владимир Сергеевич Соловьев. Разделяя в общих чертах славянофильское убеждение в особой роли и великом предназначении славян, мыслитель стремился переосмыслить эту веру в более ясных категориях человеколюбия и христианских ценностей. И здесь акцент был сделан уже не на «смене Европы» славянами (как это было у Данилевского), а важной роли славянского элемента в оказании помощи Европе на основе «духовного обновления и объединения христианства». Последняя мысль важна, с учетом того, что она также преломлялась в дискуссиях эмигрантов и сопрягалась с другой мыслью – о сложной и неустойчивой атмосфере на идейно-ценностном и духовном уровне в послевоенной Европе 1920-х гг. А Первая мировая война рассматривалась в данном случае как важная историческая веха, после которой наступала обновленная эпоха.

Е.П. Аксенова отметила, что в воззрениях В.С. Соловьева на славянство, как и про других русских мыслителей, политиков и публицистов, «славянская идея не имела большой самостоятельной ценности в системе их воззрений, она входила естественной составной частью в их представления о русской идее и была производной от их взглядов на противоположность России и Европы»<sup>248</sup>. В этом противопоставлении можно усмотреть славянофильский мотив. По замечанию Н.А. Бердяева, размышлявшего в годы Первой мировой войны над историософским вопросом о роли России в судьбе славянства, непримиримое отношение еще старых московских славянофилов (как и вдохновлявших их идеями русских консервативных кругов) к католичеству и, в частности к Польше, «делало невозможным искреннее славянское единение»<sup>249</sup>.

С большим вниманием останавливался В.С. Соловьев на значимости «конфессионального» фактора по отношению к проблеме межславянского единения. Он понимал, что «славянские народности на почве национального

<sup>248</sup> Аксенова Е.П. Славянская идея в русской философской мысли (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Г.В. Флоровский) // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 164.

<sup>249</sup> Бердяев Н.А. Славянофильство и славянская идея // Судьба России. М., 1918. С. 138.

самолюбия не довольствуются независимостью, а ищут преобладания, а так как преобладание для каждой из них возможно только за счет своей же братии славян, то и происходит неизбежно полная несовместимость национальных интересов в среде славянства»<sup>250</sup>. Ключ к решению этой проблемы внутри самого славянского мира В.С. Соловьев видел в разрешении «церковного вопроса», в первую очередь в объединении католической и православной церквей. Уже в условиях эмиграции размышления о церковно-конфессиональном разделении славянства нашли отражение во многих текстах.

Несмотря на обновление российских политических реалий в начале нового столетия, наследие славянофильства –, зачастую признававшееся в либеральной мысли пережитком прошлого<sup>251</sup>, «продолжало оказывать влияние на идейную борьбу вокруг славянского вопроса»<sup>252</sup>. В то же время было бы вернее говорить о распространении «славянолюбия», не как целостной системы взглядов, а скорее как совокупности некоторых схожих тенденций в восприятии зарубежных славян. Становясь все более консервативным к концу XIX в., славянофильство становится «разновидностью русского национализма»<sup>253</sup>.

Так называемые «пореформенные славянофилы», как отметила российская исследовательница В.М. Хевролина, уделяли значительное внимание разработке проектов славянского единства в рамках своих внешнеполитических программ<sup>254</sup>. С учетом складывавшихся условий, «славянское единство представлялось славянофилам тем звеном, ухватившись за которое, можно было вытащить всю цепь – вернуть России былой международный авторитет, укрепить ее позиции на Балканах»<sup>255</sup>. В этой схеме узкого круга славянолюбов явно прослеживалась

<sup>250</sup> Цит. по: Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». М., 2002. С. 41.

<sup>251</sup> Например, П.Н. Милоков в последнем десятилетии XIX в., в своем сочинении, посвященном эволюции славянофильства, выразил мнение: «Истинное славянофильство, “кровное”, не теория только, а живой тип общественной мысли, – это славянофильство прекратило свое существование». См.: Милоков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев. М., 1893. С. 53.

<sup>252</sup> Кострикова Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос. М., 2017. С. 12.

<sup>253</sup> Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». М., 2002. С. 46.

<sup>254</sup> Хевролина В.М. Идея славянского единства во внешнеполитических представлениях поздних славянофилов (конец 70 – середина 90-х годов XIX в.) // Славянский вопрос: вехи истории. М., 1997. С. 90-91.

<sup>255</sup> Там же. С. 92.

имперская логика. А славянство включалось в рамки своеобразной формулы, согласно которой можно было добиться величия России.

Предоставить однозначное толкование славянофильства накануне и после революции 1917 г., как мы уже отметили, достаточно затруднительно. Славянофилами называли себя сами (или были причислены к лагерю славянофилов другими) как некоторые представители консервативных и крайне правых течений, так и деятели либеральной направленности. К «настоящему славянофильству» относил себя, например, член Союза русского народа, политик крайне правого толка М.Ф. Таубе<sup>256</sup>. В то же время видный представитель партии кадетов, юрист и политик В.А. Маклаков также неоднократно причислялся к лагерю славянофилов<sup>257</sup> или даже либеральных «неославянофилов». Последнее в особенности было следствием активизации движения неославизма в России во второй половине 1900-х гг., немаловажную роль в котором сыграли российские либеральные политики и общественные деятели<sup>258</sup>.

Разумеется, славянская идея просачивалась и в сферу идеологических построений. Концепции известного российского слависта В.И. Ламанского, которого в отечественной историографии нередко относят к кругу, близкому «позднему» славянофильству, оказали значительное влияние не только в области чисто научных – теоретических – изысканий ученых-славистов, но и на взгляды его современников и последующих поколений деятелей славянского движения и русской общественной мысли в целом. Россия, во взглядах ученого, предстала не просто как сложившееся в ходе исторического развития государство, а как особый «цивилизационный проект», основной фундамент греко-славянского мира<sup>259</sup>. При этом Россия не отождествлялась ученым со славянским миром<sup>260</sup>. Русский народ в

<sup>256</sup> Таубе М.Ф. (М. Васьютин) Неославизм, панславизм и славянофильство // К возрождению славяно-русского самосознания. Петроград, 1911. С. 129-135.

<sup>257</sup> Например, небольшая заметка в издававшейся в Белграде газете «Правда», по случаю поездки В.А. Маклакова как члена российской Государственной Думы в Боснию. В ней В.А. Маклаков (по всей видимости, ошибочно напечатаны инициалы «В.Л.») назван «известным славянофилом». См.: Правда. Београд. 1908. 27. декабрь. С. 2.

<sup>258</sup> См.: Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984.

<sup>259</sup> Малинов А.В. Восточный вопрос в политико-географическом учении В.И. Ламанского // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 596.

<sup>260</sup> Саприкина О.В. Трактровка славянской идеи В.И. Ламанским на страницах журнала Министерства народного просвещения // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. №. 18. С. 263.

воззрениях ученого, превосходя все остальные славянские народы, играл главенствующую роль для всего славянства, становясь ядром возможных славянских объединений<sup>261</sup>.

Сущность «славянской политики» в понимании другого славянолюбца А.В. Васильева была определена под влиянием панславистских идей: «должно быть принято представление о Славянстве, как свободном в разнообразных его частях, но вместе с тем едином, целостном племенном организме, – одном живом и неделимом народном теле. Общей целью политики всех свободных славянских государств должно быть освобождение и объединение славянских народов и соединение их в одно великое Всеславянское Союзное Государство»<sup>262</sup>.

Видный историк и публицист Л.П. Лобов, относивший себя к последователям славянофильства, видел в сущности понятия «славянский вопрос» претворение в жизнь идеи «всеславянского союза, которому придается международное в славянских отношениях значение»<sup>263</sup>. Несмотря на попытку достичь межславянского единства, рассматриваемые публицистом «славянские скрепы» кажутся довольно размытыми и неопределенными. Можно сказать, что в некоторой степени они составляют чрезмерно иллюзорную и наивную конструкцию. Осуществлению, по мнению автора, практической реализации идеи всеславянского союза, должны были способствовать «идеализм» и «признание своеобразных особенностей славянства, вытекающих из сравнения его с западно-европейским миром»<sup>264</sup>.

Оценив ситуацию к концу первого десятилетия XX в., Лобов чересчур оптимистично заметил, что Россия, наконец, достигла многих условий своего внутреннего переустройства, которые ставили ей многие славянские интеллектуалы, в том числе и словацкий национальный деятель Л. Штур. Отмена крепостного права и некоторые подвижки в процессе формирования народного

<sup>261</sup> Саприкина О.В. Историческое развитие славянских народов в информационном дискурсе российской славистики второй половины XIX в.: О.М. Бодянский, В.И. Ламанский, А.Н. Пыпин // Люди и тексты. Исторический альманах. 2014. № 5. С. 272-291. С. 283.

<sup>262</sup> Васильев А.В. Наш долг в отношении Боснии и Герцеговины. Речь, произнесенная на собрании Славянского Общества 26 октября 1908 г. // Славянские известия. 1908. № 7. С. 339.

<sup>263</sup> Лобов Л.П. Славянство как мир будущего // Славянские известия. 1909. № 6. С. 736.

<sup>264</sup> Там же.



представительства в России, упоминаемые публицистом, могли быть рассмотрены в качестве основы, сближающей «русскую часть» славянского мира с ее зарубежными «братьями», в первую очередь с западными славянами. Подобные перспективы воображаемого славянства побуждали Лобова думать, что «в деле объединения славян более прав был Штур, и его грандиозные мечтания все-таки ближе к идеалу, чем политическая программа Данилевского, который игнорировал чисто нравственный образ действий для укрепления славянского общения»<sup>265</sup>.

Понимание Восточного вопроса сквозь призму анализа проблем настоящего и предполагаемого будущего славян ярко наметилось и в сочинениях других русских публицистов, причислявших себя к славянофилам. Так в одном из сборников, отражавших развитие консервативной мысли на заре XX в., именованном «русско-славянским», вышедшем в печать в 1902 г., утверждалось, что данный международный «вопрос» «в сущности восточным являлся только для одной Западной Европы. Для России же он был всегда собственным, домашним, чисто Славянским вопросом»<sup>266</sup>. В ряде статей этого сборника отразились взгляды так называемых «преемников» старого славянофильства (как обозначили себя сами авторы) на проблемы славянского движения на «новом» его этапе. Если, по мнению одного из авторов – некоего В.С. В-в, «начало прошлого столетия застало все южное славянство и почти все западное в неволе и в политическом и культурном рабстве», то начало нового XX столетия «застает южное и западное славянство в движении и борьбе со всеми враждебными элементами, давящими его»<sup>267</sup>.

Однако какие конкретные компоненты славянофильской мысли прослеживаются в тезисах авторов рассматриваемого сборника? Здесь стоит отметить религиозный фактор, представленный православной верой, как один из самых значимых в формировании определенного образа славянства. Несмотря на обобщение всего славянского, основное внимание авторов публикаций

---

<sup>265</sup> Там же.

<sup>266</sup> Восточный вопрос и новые веяния в Славянстве // Заря: русско-славянский сборник. М., 1902. С. 120.

<sup>267</sup> Там же. С. 124.

концентрируется на тяжелой участи порабощенной «иностранным игом» православной части славян на Балканах. Так в одной из статей с первых же строк привлекает внимание то, что автор как бы объединяет в единое целое русских и балканских православных славян, говоря «мы» – «северо-восточные и южные православные славяне»<sup>268</sup>.

В 1913 г. А.А. Башмаков, в ответной статье на резкую критику славянофильства публицистом правого направления М.О. Меншиковым, отстаивал идею глубокой связи России (ее народа, «национального духа») со славянским миром<sup>269</sup>. В основе суждений А.А. Башмакова лежала мысль о том, что Россия имеет особую историческую задачу – объединение и защиту славянских народов. Как полагал автор, устремление к «необходимой гегемонии в славянском мире» было непростой задачей – «высоким призванием, тяжелым крестом и подвигом» ложилось на плечи Российского государства. Объясняя идейные основы русского национализма, Башмаков писал: «нет русского национализма вне славянской идеи, подобно тому, как нет и не может быть для нас славянской идеи, отрицающей русский национализм»<sup>270</sup>.

Как заметила Е.Г. Кострикова, тезис М.О. Меншикова, прагматично рассуждавшего о национальных интересах России, заключался в следующем: «основой» благополучного внутривнутриполитического и внешнеполитического развития России «являлось внутригосударственное национальное единство». И «бескорыстному служению славянским интересам» здесь не было место. Утверждению Меншикова А.А. Башмаков противопоставил мысль о значимости осознания «общих идеалов», «общих надежд» и «вполне реальной любви» в отношении русского народа к зарубежным славянам<sup>271</sup>. Воззрения Башмакова, вдохновленные славянофильской традицией, складывались в консервативный панславизм.

---

<sup>268</sup> Там же. С. 120.

<sup>269</sup> Кострикова Е.Г. Указ. соч. С. 79.

<sup>270</sup> Цит. по: Кострикова Е.Г. Указ. соч. С. 79.

<sup>271</sup> Там же.

Теперь обратимся к еще одному достаточно важному контексту, сквозь призму которого развивались представления о славянстве в среде русского общества – дискуссии о славянском самосознании. В его рамках предпринимались попытки определить место славянской идеи в процессе складывания русского национального самосознания. Этот контекст имеет для нас особое значение, поскольку именно в кризисный для России период (после 1917 г.) дискуссии русских эмигрантов о славянстве и занимаемом славянами особом пространстве, дополняли дискурс «национальной России» как неотъемлемой части этого пространства.

Все отчетливее ощущавшаяся с начала 1910-х гг. угроза германизма вновь должна была пробудить в обществе память о «единстве славянства». Допустив немцев в «дело чисто национальное русско-славянское – освобождение задунайских славян от турок», Россия, по мнению И.Р. Баженова, уступила «исконное национальное дело», превратив это «дело русско-славянское в общеевропейское»<sup>272</sup>.

Однако трудно было отрицать, что славянское сознание в России было развито достаточно слабо, на что указывал публицист-славянолюб Л.П. Лобов: «в силу ненациональных особенностей нашего воспитания и образования, идея славянства пока еще для нас не национальная идея, тогда как по существу она должна быть таковой»<sup>273</sup>.

В связи с высказываниями Л.П. Лобова о сложности проблемы культивирования «славянского сознания» интересно обратиться к размышлениям крупного русского мыслителя Н.А. Бердяева. В трактовке известного философа славянская идея в душе русского народа существовала на уровне бессознательного, «как инстинкт, все еще темный и не нашедший себе настоящего выражения». Следовательно, пришел к выводу Н.А. Бердяев, «настоящего славянского сознания, настоящей славянской идеи у нас нет»<sup>274</sup>. Н.А. Бердяев достаточно точно подметил особенность осмысления «славяности»,

<sup>272</sup> Баженов И.Р. Наша внешняя политика на Ближнем Востоке с национальной точки зрения. СПб., 1914. С. 17.

<sup>273</sup> Лобов Л. Славянство как национальная идея // Славянские известия. 1910. № 2. С. 112.

<sup>274</sup> Бердяев Н. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 135.

общеславянской натуры русским обществом. И не только русским. Схожим образом можно охарактеризовать и состояние славянской идеи в общественной мысли зарубежных славян. Этому осмыслению не хватало твердой идейной основы и четкой схемы понимания и мотивации, присущей узко национальным программам. Как справедливо заметил исследователь массовых настроений в России в годы Первой мировой войны В.Б. Аксенов, широко распространявшаяся в прессе и публицистике ориентированная на славянскую идею «риторика не могла вызвать сочувствие в широких социальных слоях»<sup>275</sup>. Иное дело – представители интеллигенции.

Размышления Лобова о «постижении» славянства также соприкасались с представлениями об исторически детерминированной всеславянской миссии России. Но прежде было необходимо взрастить твердые основы славянолюбия в России: «воспитать общественное сознание, что славянская идея не международная только, а и наша, национальная идея». Рассматривая проблематику межславянских отношений с позиции своеобразного идеализма, автор считал, что «в сущности своей ощущение причастности к славянству должно было «покоиться на чисто нравственных основаниях»<sup>276</sup>. И даже в годы Первой мировой войны Л.П. Лобов сохранял свои убеждения, развивая идею «нравственной гегемонии России по отношению к славянству»<sup>277</sup>. Разумеется, такой чрезмерно идеализированный подход не мог соответствовать этнополитическим реалиям бытия славянских народов, их задачам в соответствии с национальными интересами (как, в принципе, и задачам России).

Проблема общеславянского сближения на протяжении многих десятилетий находилась в сознании зарубежных славян, особенно славян Австрийской (Австро-Венгерской империи), в прямой зависимости от воспринимавшейся ими угрозы германской экспансии и политики германизации на территории Балкан и

<sup>275</sup> Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции. 1914-1918. М., 2020. С. 90.

<sup>276</sup> Лобов Л. Славянство как национальная идея // Славянские известия. 1910. № 2. С. 111-113.

<sup>277</sup> Кострикова Е.Г. Указ. соч. С. 75-76.

Габсбургской монархии<sup>278</sup>. Тема многовековой борьбы славянства с германизмом красной нитью проходила через книги и статьи русских славянофилов. На протяжении первых полутора десятилетий XX в. российский общественно-политический дискурс периодически пополнялся утверждениями о наступлении нового этапа набравшей силу немецкой политики «Drang nach Osten». Продвижение Германии на Восток несло в себе большую опасность для славянского мира. Особенно актуальной тема немецкой угрозы в русском общественном дискурсе становится с началом Первой мировой войны. Ориентированная на славянство риторика становится с этого времени востребованной, включившись в противостояние идеологий<sup>279</sup>.

В статьях и докладах, предназначенных для прочтения на партийных и общественных собраниях, националисты и политические деятели правого толка, а также либералы ссылались на выдержки из работ историков, продолжая развивать положение о «вечном» противостоянии славянского и германского миров. Раздавались призывы: «Пора одуматься!», «пробудиться от векового оцепенения!»<sup>280</sup>, «разобраться кто – друг, кто – враг государства»<sup>281</sup> и т.д. Подобного рода публикации были адресованы не только общественному мнению зарубежных славян, но должны были заставить задуматься о серьезности положения и перейти к активным действиям русскую общественность, часть ее правительственных кругов и дипломатию.

В дискуссиях о славянстве и славянской идее ее участники пытались определить, в какой мере «дружественные отношения» России с Германией и Австро-Венгрией могли соответствовать «славянской сущности» России, ее «подлинным интересам» («предательство» не только зарубежных славян, но и

<sup>278</sup> Ненашева З.С. Славянский вопрос и буржуазно-дворянские общественные круги России на рубеже XIX и XX вв. // Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 176-177. Об этом также см.: Волков В.К. Основные этапы развития славяно-германских отношений в XIX-XX вв. в свете германской империалистической политики «Дранг нах Остен» (проблемы и задачи исследования) // Исследования по славяно-германским отношениям. М.: Наука, 1971. С. 7-22.

<sup>279</sup> См., например: Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн.1: Первая мировая война: Исторический очерк. М., 2002. С. 121-128.

<sup>280</sup> Из доклада И.Р. Баженова в Санкт-Петербургском отделении Всероссийского Национального Союза: Баженов И. Р. Наша внешняя политика на Ближнем Востоке с национальной точки зрения. СПб., 1914. С. 31-33.

<sup>281</sup> Из публикации общественного деятеля, хорвата по национальности К. Ю. Геруца: Геруц К. «Слово к русским и слово к славянам» // Санкт-Петербургские ведомости. 1905. 25 января; о К. Ю. Геруце также: Кострикова Е. Г. Указ. соч. С.43-44.

«внутренних» – поляков в составе Российской империи). «Прагматическая» жизнеспособность разнообразных теоретических построений отдельных авторов-публицистов и представителей определенных идейно-политических течений в России, внимание которых привлекала «славянская тема», во многом зависела от международной обстановки и складывавшейся политической реальности<sup>282</sup>.

В сознании части русского образованного общества оценки идеи панславизма, в которой под тем или иным углом обыгрывались представления о единстве славянских народов, объединенных в своих интересах, были неоднозначны. Уже в силу того, что за пределами идеализируемой идеи «единого славянства» можно было увидеть многочисленные разногласия, вызываемые прямо противоположной тенденцией – на деле национальные устремления славянских народов зачастую были направлены в своем собственном направлении.

Пресса в России по-разному оценивала перспективы межславянского сближения, периодически откликаясь в печатных обзорах на события в среде зарубежных славян. В оценке либерального «Вестника Европы», в рубрике «иностранное обозрение» за осень 1902 г., в отношении идеи славянского объединения был вынесен совсем неутешительный вердикт. «Славянское единение давно уже перешло у нас в область утраченных иллюзий... теперь о братстве славян трудно говорить иначе, как в ироническом тоне. <...> Политический расчет заставляет болгар и сербов поддерживать близкие связи с Россией, помимо всяких теорий славянского единения». Говорить о наступлении эпохи идиллических отношений в «славянском мире» в ближайшем будущем, по мнению авторов публикации, не приходилось. Но главная мысль заключалась в том, что взаимная вражда «между отдельными славянскими народами дает себя чувствовать повсюду на Балканском полуострове и в Австро-Венгрии»<sup>283</sup>.

В подтверждение своей позиции, редакция отметила погром сербских магазинов и домов хорватами в Загребе в августе 1902 г. «Естественное

<sup>282</sup> Кострикова Е.Г. Указ. соч. С. 342-343.

<sup>283</sup> Примеры славянского единения: события в Хорватии // Вестник Европы. 1902. № 10. С. 791.

национальное чувство», которое «должно было служить к возвышению и усовершенствованию национальной жизни», превратилось в «узкий национализм», оказавшись «источником нравственной порчи». По мнению автора статьи, это событие подкрепляло мысль о сомнительности идеи «пресловутого славянского единения, о котором так много и усердно рассуждали славянофилы»<sup>284</sup>.

Иначе оценивалось будущее «славянского вопроса» в контексте консервативного дискурса, в сборнике «Заря», в статьях, посвященных отношениям России с зарубежными славянами<sup>285</sup>. В духе славянофильских представлений, православие считалось движущей силой «возрождения» славянского мира. Славянский нарратив авторов строится на противостоянии славянства «чужеземному культурному игу» и утверждении конфессионального фактора – «чистоты православия», подкрепленном верой в «Вечный промысел». Таким образом, по мысли авторов складывалось, что «Большинство славян сознают, что Православие есть ворота, через которые должно пройти мечтаемое славянское объединение»<sup>286</sup>. «Один книжный язык, одна религия [конфессия – Р.К.], одна культура, один Вождь на Земле, один Бог на небе» – таковы, в воззрениях консервативных «славянофилов» избранные идеалы славянства.

В сравнении с либеральным «Вестником Европы», прогнозы авторов публикаций рассматриваемого сборника о вероятности осуществления проекта всеславянской консолидации куда более оптимистичны: «Славянство переживает в настоящее время утро своего возрождения. Общий дух глубокого сознания уже движет на юг и на запад. Оно делает уже усилия сплотиться, стать воедино»<sup>287</sup>.

С началом Первой Балканской войны в российском общественно-политическом пространстве резко возрос интерес к славянской теме. В своем освещении Балканских войн значительная часть русской прессы в целом заметно упрощала реальность, сводя их суть (прежде всего первой войны) к упрощенной

---

<sup>284</sup> Там же.

<sup>285</sup> Заря: русско-славянский сборник. 1902. Вып. 1. С. 125.

<sup>286</sup> Там же. С. 125-126.

<sup>287</sup> Там же. С. 124.

символике славянского единства<sup>288</sup>. Однако "братоубийственная" Вторая Балканская война, развернувшаяся вопреки «идеалам славянства», стала болезненным опытом для многих сторонников славянской идеи в России.

Тем не менее, интерес к славянам активно поддерживался и развивался во многом благодаря усилиям представителей науки и особенно гуманитарного профиля. В этом контексте было характерно создание в октябре 1912 г. «Группы прогрессивных общественных деятелей», по инициативе историка и социолога М.М. Ковалевского и филолога-слависта П.А. Лаврова. Как заметил российский исследователь Ар.А. Улунян, это событие показало, что «впервые в истории России была предпринята попытка создания научной элитой, осознавшей себя самостоятельной общественной силой, объединиться в рамках неформальной структуры», в соответствии с которой проявлялась инициатива по воздействию на «прогрессивную общественность» и политические круги государства<sup>289</sup>.

В контексте развития неославянского движения (которое его некоторые русские современники называли панславизмом) в России (1908-1910 гг.) проанализируем взгляды А.Л. Погодина, видного историка и общественного деятеля либерального направления (остававшегося таковым вплоть до революции 1917 года). Дореволюционный период его деятельности важен для нас с точки зрения сравнения с изменениями, произошедшими в его убеждениях после эмиграции. На различие ценностного содержания двух «моделей» трактовки славянской идеи в общественных и политических дискуссиях – «консервативного славянофильства» и неославизма, указывал Погодин. Несмотря на внешнюю схожесть славянофильства и неославизма в стремлении объять славянство как нечто цельное, идейная основа их принципов, по его мнению, была различной.

Представления о славянском мире, заложенные еще «первыми московскими славянофилами», продолжали развиваться именно как «историческое мировоззрение» во взглядах тех, кто считал себя их последователями. Это

<sup>288</sup> Гусев Н.С. Балканские войны как войны славянские: функционирование одного из символов в публикациях русской прессы // Синеза. 2022. 3(2). С. 60.

<sup>289</sup> Улунян Ар.А. Балказия и Россия. С. 35-36. Также см.: Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. – М., 1984. С. 53-100.



означало, что в концепции славянофилов во главу угла была поставлена рассматриваемая на всем протяжении истории «противоположность двух начал – славянского, с его пристрастием к общине, миру, тихому веселью и ласковому гостеприимству, и германского, с его страстью к индивидуальному строю, войне и захватам». Отметим здесь очевидную ложную дилемму в этих дихотомиях. Однако подобного рода размышления все сильнее оказывали влияние на сознание русской общественности, даже наиболее умеренных его представителей, с началом Первой мировой войны. В военное время доведенная до крайности антинемецкая риторика облекалась в явно выраженные шовинистические формы. Что касается настроений русского общества, то можно сказать, что фактор осмысления славянства в данном случае, за исключением узких кругов славянолюбов и публицистов, не играл важной роли.

В этом ракурсе обосновывалась идея антагонизма славянского и романо-германского миров, использовавшаяся некоторыми мыслителями и публицистами, на что обращал внимание А.Л. Погодин. Подобный подход должен был объяснять «весь ход истории славянских и германских народов»<sup>290</sup>. В свою очередь, последователей неославизма, по мнению Погодина, не интересовали размышления о несоответствии типов исторической психологии двух этноязыковых общностей. Не интересовал их и «конфессиональный вопрос». В теории, для них важнее было переступить через вредоносный шовинизм и «соединить национальное сознание с широкими основами гуманности»<sup>291</sup>. С точки зрения либеральных ценностей, это был наиболее целесообразный для своего времени подход к решению славянского вопроса.

Задумка движения неославизма, а именно К. Крамаржа, как отмечал известный историк и видный политик-кадет П.Н. Милюков, изначально связывалась с замыслом австрийских славян подготовить как можно более твердую почву для «славянского представительства» в Австро-Венгрии на политическом уровне. В соответствии с этим, для К. Крамаржа и его соратников

<sup>290</sup> Погодин А.Л. Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 250-251.

<sup>291</sup> Кострикова Е.Г. Указ. соч. С. 89.

было важно добиться положительных результатов в решении «польского вопроса» в России в пользу поляков. Только так лидеры неославистского движения могли завоевать симпатии польской части Габсбургской монархии и рассчитывать на поддержку «австрийских поляков в венском парламенте»<sup>292</sup>.

Но уже во время Первой мировой войны А.Л. Погодин отмечал, что ожидания участников неославистского съезда в Праге в 1908 г. мало оправдались. Даже энтузиасты движения неославизма стали приходить к выводу, что для межславянского «единения еще не было подготовлено почвы» и что «между сербами и болгарами, русскими и поляками осталось и после съезда много непорешенных вопросов». К тому же, в политическом курсе Австро-Венгрии на Балканах проявлялись мотивы, находившиеся «в резком противоречии с жизненными интересами южного славянства»<sup>293</sup>.

Известный российский историк-славист профессор Н.В. Ястребов, считавшийся авторитетным специалистом по «славянским делам», в период Первой мировой войны, до начала Октябрьской революции 1917 г., помимо научных работ довольно активно занимался публицистикой. В своих сочинениях он, как отметила Л.П. Лаптева, решительно обосновывал принципы «славянской политики России»<sup>294</sup>. Разбирая не только проблематику чешского национального движения, Н.В. Ястребов обращался также к проблемам остальных славянских народов, в частности южных славян – сербов, хорватов, словенцев.

Нужно заметить, что во время Первой мировой войны Н.В. Ястребов активно публиковался, делясь своими аналитическими прогнозами, в которых заметную роль играла и славянская идея. Своим мнением ученый поделился в ряде периодических изданий, в частности в газете умеренно либерального направления «Биржевые ведомости». В одной из своих публикаций аналитического характера он обратился к проблеме «славянских интересов» и противостояния славян с Великими державами (прежде всего Италией и Австро-

<sup>292</sup> Милуков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 310.

<sup>293</sup> Погодин А.Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение... 1915. С. 55; Ненашева З.С. Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии. С. 101-133.

<sup>294</sup> Лаптева Л.П. История Славяноведения в России. М., 2012. С. 259.

Венгрией) в районе Адриатики. В центре внимания историка оказались переговоры дипломатов о готовящемся вступлении Италии в войну против Центрального блока на стороне Антанты (на основании интервью С.Д. Сазонова иностранным корреспондентам в январе 1915 г.). И в данном случае остро стоял вопрос о возможных территориальных уступках «славянства и России» в пользу Италии<sup>295</sup>. В то же время, указывал Н.В. Ястребов, нельзя было забывать, что по другую сторону располагались непосредственно «славянские интересы» – Далмация, которая, по мнению историка, должна была принадлежать Сербии.

Выражая свою позицию как эксперт в «славянском вопросе», он выступал в защиту национальных прав сербского (сербо-хорватского) населения в Австро-Венгрии, работая над тем, чтобы твердо обосновать право Сербского государства на определенные территории: «Русскому общественному мнению и русской дипломатии следовало бы вместо речей о просторе Иллирии, даже вместо неудачных ссылок на “историческое право” Сербии на Далмацию... настаивать на “естественном праве” сербского народа на Далмацию»<sup>296</sup>. Подобный призыв ученый подкреплял тем, что население Далмации имело «исключительно сербо-хорватский характер», а также тем, что значение этой территории было велико «для сербо-хорватского народа с т.[очки]з.[рения] экономической, стратегической». Все собранные аргументы, по мнению Ястребова, «указывают на неразрывную связь принадлежности Далмации не кому-другому, как именно Сербии»<sup>297</sup>.

В самый разгар войны, в 1915 г., Ястребов, апеллируя к формулировке «единый сербо-хорватский народ», размышлял о перспективах возникновения Великосербского государства с включением в его состав сербов и хорватов Австро-Венгрии. Подобный взгляд на положение вещей на Балканах основывался на представлении об идее югославизма, о «единстве интересов» (скорее ожидаемом, чем действительном) двух народов – сербов и хорватов. В то же время Королевство Сербия – союзное России государство, могло рассматриваться

<sup>295</sup> Ястребов Н.В. Италия и славянские интересы на Адриатике // Биржевые ведомости. 1915. 3 января. № 14588.

<sup>296</sup> Там же.

<sup>297</sup> Там же.

с точки зрения большей лояльности. Хорваты, в основной своей массе входившие в состав Австро-Венгрии, воспринимались с меньшим «доверием». В некотором смысле настороженное отношение к хорватам, в силу специфики конфессиональных предпочтений и взглядов на внешнеполитические задачи России, в целом была присуща многим русским консерваторам и либералам дореволюционного времени<sup>298</sup>.

По мнению ученого, «в грядущей Великой Сербии успешно будет развиваться южно-славянская, специально сербо-хорватская культура и ее орган – язык, при полноте его господства в общественно-государственной жизни». Но в то же время особняком стоял вопрос о послевоенной судьбе всех славянских народов и их соседей, «деталей» процесса государственно-территориального переустройства и гарантий безопасности. Ответом на многие возникающие вопросы было создание федеративного государства. Ради «борьбы за свое существование и законные интересы Великая Сербия, подобно другим малым славянским политическим организациям... должна будет войти в прочную, могучую политическую систему, славянскую федерацию, где все эти организмы, как и Румыния, Греция и, наконец, и будущая Мадагьярия, объединились бы под гегемонией России»<sup>299</sup>. Однако со своей стороны Румыния и Венгрия отнюдь не воспринимали себя частью славянской культуры. Идея славянской взаимности была для них чужда. Но объяснить (скорее даже аргументировать) прогнозируемое «тяготение» пречанских сербов и некоторых хорватов к малой Сербии ученому, который твердо придерживался либеральных воззрений, можно было во многом надеждой на реализацию «демократического общественно-политического строя» в новом государстве.

Действия Россия и Сербии в контексте осуществлявшейся ими политики находили, по мнению ученого, общее направление. «Сербия, борясь за

<sup>298</sup> Подробнее об этом см.: Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». С. 14-144; Он же. Национальные движения южных славян Австро-Венгрии 1890-1918 гг. Дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Т. III. Москва, 2013. С.120-214; Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии. С. 179-200.

<sup>299</sup> Ястребов Н.В. Великая Сербия как разрешение южно-славянского вопроса в великой войне 1914—15 гг. // Вопросы мировой войны. Петроград, 1915. С. 176-177.

освобождение и объединение сербо-хорватского народа, желает включить в Великую Сербию и словинский народ [словенцев – Р.К.], принести ему свободу и единство»<sup>300</sup>. Схожим образом можно было интерпретировать устремления России в отношении Польши в перспективах успешного завершения «Великой войны». Таким образом, между сербской программой в отношении «словинского вопроса» и тем, что «обещает сделать Россия для польского народа, т.е. освободить и объединить этот народ, политически и духовно связав его судьбы с судьбами русского народа, ко благу обоих...» Н.В. Ястребов провести параллель<sup>301</sup>. Сравнив две «программы» межнационального сплочения – сербскую и русскую, ученый в то же время сделал оговорку, что значение «словинского вопроса» для Сербии не столь велико, как значение «польского вопроса» для России. «Дело в том, – продолжает ученый, – что судьбы словинцев никогда не были связаны с судьбами сербов (и обратно), между тем как польский вопрос уже давно стал внутренним вопросом для России...»<sup>302</sup>.

Накануне Первой мировой войны российские дипломаты инициативно работали на балканском направлении. В частности, прилагая усилия и в деле упрочения русофильских настроений среди болгарской общественности, разъясняя болгарским партийным органам печати «внутренний смысл и дух» политики России на Балканах, о чем писал российский посланник А.А. Савинский С.Д. Сазонову<sup>303</sup>. Активно прорабатывались и вопросы, связанные с внешней политикой Сербии. В частности, вопрос о подготовке почвы для союза между Сербией и Черногорией<sup>304</sup>.

Осмыслению славянской идеи не хватало твердой идейной основы и четкой схемы понимания и мотивации, присущей узко национальным программам. Особенно это ясно проявилось в годы Первой мировой войны, с которой, как заметил тот же Бердяев, связывали значительные надежды на развитие

---

<sup>300</sup> Там же. С. 166.

<sup>301</sup> Там же.

<sup>302</sup> Там же.

<sup>303</sup> Посланник в Софии министру иностранных дел (от 15/2 мая 1914 г.) // Международные отношения в эпоху империализма (МОЭИ). Сер. 3: 1914-1917. Т. 3. 14 мая - 27 июня 1914 г. М., Л., 1933. С. 11-12.

<sup>304</sup> Посланник в Белграде Н.Г. Гартвиг министру иностранных дел // Там же. С. 40-42.

славянского самосознания. Иным образом, более глубоко проникали в сознание общества того или иного (славянского) народа идейно-национальные программы. Например, сербская – с ее глубокой связью с прошлым Сербии и мотивом неустанной борьбы за свою историческую территорию. Национальные идеи имели характер более целостных (и на практике более сочувственно воспринимаемых народом) идеологических моделей. Славянство в сравнении с ними было более абстрактной конструкцией, особенно когда дело касалось сплочения народа в кровопролитной войне и готовность к пожертвованию. В данном случае высказывания и умозаключения узких кругов публицистов, политиков и общественных деятелей могут разниться с высказываемыми мыслями простой массы людей в годы Великой войны.

Интересным представляется то обстоятельство, что обращению в начале XX в. к мысли о «славянском коде» в русском национальном самосознании, новый импульс придал начавшийся поиск некоторыми из представителей общественности России возможных путей выхода из экзистенциального кризиса российской государственности. Разразившаяся «смута» побуждала искать новые пути решения проблем. В предпринимавшихся некоторыми русскими политиками, мыслителями и публицистами попытках ответить на вызов кризисного времени, трактовки «славянской идеи» соприкасались с объяснением процесса самопознания и самоидентификации русского общества.

В одной из статей, опубликованной в третьем номере журнала «Славянские известия» за 1904 г., был сформулирован тезис о том, что приближающийся этап либерализации политической жизни в России, ее реформирования, «окажет самое решительное влияние и на грядущие отношения России к славянским народам»<sup>305</sup>. По мнению авторов (по всей видимости, кого-то из сотрудников редакции журнала), «то, что составляет сущность предполагаемых политических реформ русской жизни, – уничтожение средостения между властью и народом, – их взаимное сближение», должно было стать «лекарством против главной болезни славянского организма» – разобщенности внутри славянского мира. Грядущая

<sup>305</sup> Русская внутренняя политика и славянский вопрос // Славянские известия. 1904. № 3. С. 265.

«новая эра русской внутренней политики» имела, в представлении авторов, определяющее значение в деле завоевания Российским государством значительных симпатий среди «высших слоев» общества славянских народов – интеллигенции и буржуазии, которым была так характерна «приверженность к западноевропейскому политическому строю»<sup>306</sup>. Однако в целом подобная перспектива вряд ли могла в полной мере воплотиться в жизнь. Политические элиты славянских народов были разделены устремлениями разрешить свои национально-политические задачи. Нужно учитывать и традицию имперского панславизма в рамках общественной и историософской мысли в России. Русские интеллектуалы-панслависты и публицисты (прежде всего консервативных взглядов) в своих суждениях нередко помещали зарубежных славян в пределы представлявшегося им цельного и единого пространства – «славянского мира»<sup>307</sup>. В их представлениях он был тесно связан с Россией, и зачастую отделялся от «Запада» (Европы). Однако многие славяне (особенно австрийские) к тому времени были уже тесно вплетены систему ценностей и идей Западной Европы.

### **§ 1.2. Интеллектуальная традиция осмысления славянской проблематики в работах представителей политической мысли России накануне революций 1917 г.**

Размышления о славянской идее дополняли национальную идеологию славянских народов, их национальных движений. в национальном сознании зарубежных славян время от времени русофильские настроения, то затухая, то вновь набирая популярность, все же подкреплялись мыслями о том, что Россия окажет поддержку их национально-освободительным движениям. Однако в то же время интеллигенция зарубежных славян испытывала значительное влияние веяний западноевропейской политической культуры – развития демократических норм и либеральных ценностей. В этом контексте можно упомянуть слова

---

<sup>306</sup> Там же С. 266.

<sup>307</sup> Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый. М., 2023. С. 239-281.

известного сербского ученого Радована Кошутича, передавшего настроения либерально настроенной части сербской интеллигенции до начала революционных событий в России. Обращены эти слова были, судя по всему, к русским беженцам, пережившим вихри революции, но еще продолжавшим сочувствовать либерально-демократическим установкам: «несмотря на все наше уважение к царю, олицетворявшему в себе военную мощь России, – в душе, в своих стремлениях и в своей работе мы были, как и прогрессивная часть русского общества, западниками...»<sup>308</sup>. В связи с этим вырабатывалось критическое отношение представителей славянской интеллигенции к политической системе Российского государства (в этом смысле можно упомянуть, например, Т.Г. Масарика). Но наметившиеся преобразования внутриполитической ситуации в России стали вдохновлять некоторых российских публицистов и политических деятелей (прежде всего либералов) делать более оптимистичные прогнозы складывавшихся отношений между Россией и зарубежными славянами. В целом же тот факт, что участники дискуссий принадлежали к разным идейно-политическим течениям, конкурировавшим между собой, приводил к неоднородности мнений о сущности идей, связанных со славянством и пониманием «славянского вопроса» в России.

Не оставили без внимания «славянский вопрос» крайне правые промонархически настроенные группы русской общественности. С явным неодобрением, не скрывая презрительного тона, говорили и писали в примыкавших к Союзу Русского Народа (СРН) кругах о растущем интересе к славянству в России в контексте развития неославистского движения. Известный своим консервативным взглядом русский политический деятель М.Ф. Таубе, состоявший в Союзе русского народа (СРН) и придерживавшийся черносотенных убеждений, рассматривал неославизм и в целом распространявшиеся среди западных славян настроения как угрозу «истинно славянским» ценностям.

---

<sup>308</sup> Кошутич Р. Россия и Сербия // Ступени: Общественно-литературный сборник. Белград, 1927. С. 65.



Называя себя сторонником «истинного» «московского славянофильства», «хомяковского»<sup>309</sup> народно-русского направления» в славянском движении, он воспринимал зарождавшиеся среди западных и южных славян тенденции (прежде всего славян в Австро-Венгрии) как «измену» ценностям истинного славянофильства. Суть его, как полагал Таубе, есть «водворение во всем славянстве светлых, чистых, глубоких мыслей эллинско-славянского просвещения кирилло-мефодиевского начала», а также «водворение во всем славянстве самодержавного строя царской, русско-московской государственности, которая избавлена от обмана и лжи»<sup>310</sup>. Неославизм в оценке М.Ф. Таубе предстает не как самобытное течение, но лишь как переименованный «новомодный панславизм» – вобравший в себя суть поклонения «эгоистическим интересам и выгодам».

Обрушивается с критикой на неославистов М.Ф. Таубе и за то, что они, являясь представителями народов, «порабощенных немецким игом», «утратили свою славянскую государственность»<sup>311</sup>. Рассуждая о политических предпочтениях западных славян («самодержавия не понимают»), автор упоминает и Черногорию, хотя относит ее к исключению (подразумевая, что Черногория – все же королевство). По всей видимости, в соответствии со своими политическими воззрениями, публицист был склонен смешивать западных и южных славян. В данном случае проглядывает еще один критерий деления славянства, который в представлении Таубе дополнял славянофильское мерило по вероисповеданию, а именно в отношении к православию. Будучи убежденным монархистом, публицист делил славян на «своих» и «чужих» в зависимости от их лояльности к «самодержавному строю», который он превозносит. Пред ним предстают славяне (прежде всего западные), которые «утратили свою славянскую

<sup>309</sup> Алексей Степанович Хомяков (1804-1860) – философ, публицист, один из основоположников славянофильства.

<sup>310</sup> Таубе М.Ф. (М. Вашутин) Неославизм, панславизм и славянофильство // К возрождению славяно-русского самосознания. Петроград, 1911. С. 133.

<sup>311</sup> Там же. С. 132.

государственность, приспособились и применились кое-как к говорильному строю и подчинились рабству парламентского большинства голосов»<sup>312</sup>.

Обращает на себя внимание составленная публицистом-черносотенцем характеристика панславизма, формы которого он связывает, прежде всего, с «национальным эгоизмом» славянских народов. Славянская идея, пишет автор, «на Балканском полуострове и во всей Средней Европе уже давно резко выделилась от заветов Хомякова под громким названием панславизма, и он по местам проявляется с местной окраской пансербизма, панчехизма и т.д.»<sup>313</sup>. В данном случае интересно и то, что Таубе, в целом отождествляя панславизм с неославизмом (та же суть, но «по новому наименованию»), вдаетя в сопоставление этого явления со славянофильством («Московское народнорусское славянское просвещение»). Последнее он превозносит как явление, превосходящее в своих духовно-нравственных качествах «ничтожный» неославизм (отождествляемый им, повторим, с панславизмом) как попытку зарубежными славянами заимствовать и адаптировать в соответствии со своими потребностями «основы и начала эгоистического пангерманизма» с его скрепами – «общий язык, общее самомнение и высокомерие». Так, по мнению автора, «западники чехи», вынужденные в постоянной борьбе с немецким натиском разрабатывать панславистскую доктрину, заимствовали от Германии «начала эгоистического пангерманизма», создав namного более «слабую копию»<sup>314</sup>.

Славянская идея в дискуссиях черносотенцев, по сути, вплеталась в ткань их мировоззренческих устоев, основой которых стал консервативно-охранительный компонент и поддерживавшая его знаменитая триада «православие, самодержавие, народность». Эта формула в определенной мере переносилась в область дискуссий о зарубежных славянах. И, как мы можем увидеть, важной их частью стал также «великодержавный дискурс». В условиях нараставшего в России внутривполитического кризиса и усиления деятельности левых – революционных сил, борьба за сохранение устоявшихся за долгое время

---

<sup>312</sup> Там же. С. 133.

<sup>313</sup> Там же. С. 130.

<sup>314</sup> Там же. С. 131.

порядков становилась, по правых консерваторов, жизненно необходима. К тому же, в их идейно-политических принципах коренились идеализированные представления о преимуществах общественного и политического устройства допетровской России, в связи с чем в риторике черносотенцев часто использовался утопический образ «Московской Руси». Русская народность утверждалась как державная и стержневая в Российском государстве. Что же касается зарубежного славянства, то в данном случае Россия мыслилась как четко очерченный ценностно-нравственный ориентир для прочих славянских народов. Наблюдалось стремление облечь в определенную символику (например, образ «кирилло-мефодьевского начала» как важный элемент православной традиции, связывавшийся с влиянием России). В главах, посвященных непосредственно анализу представлений о славянстве русской эмиграции, на примере эмигрантских текстов консервативно-монархической направленности мы увидим обращение к православной символике и ее развитие. В этот ряд можно также включить создание культа памяти российского монарха в его тесной связи с идеей защиты всего славянства.

Черносотенцы были непримиримы по отношению к западноевропейским веяниям политической культуры – в частности, конституционализма. Эти веяния представлялись им крайне вредоносными и разлагающими в контексте функционирования не только «русского мира», но и «мира славянского». В этом отношении становится ясно, что обозначенный ими «крамольный дух» интеллектуальной элиты зарубежных славян (прежде всего западных) не вписывался в рамки сконструированной правыми консерваторами схемы, частью которой становилась и переосмысленная терминология славянофильства.

В среде крайне правых в России, особенно в годы кризисного этапа – по мере продолжения Первой мировой войны, выражалось и чрезвычайно критическое, негативно окрашенное отношение к зарубежному славянству. Постепенно ухудшавшееся в стране положение способствовало переосмыслению многих ранее усвоенных идей. Не остались в стороне и славянские «братья». Достаточно резко и эмоционально в своем дневнике дал оценку славянству в

своем понимании ученый и политический деятель правого консервативного направления Б.В. Никольский. В его оценке мы видим связь со старым славянофильским подходом, ставившим православную веру во главу угла при оценке связей с зарубежными славянами. Однако у Никольского этот тезис был абсолютизирован до шовинистической крайности: «Славянство без православия – ничто»<sup>315</sup>. Следуя этой логике, по мнению автора, «ни чехи, ни хорваты не славяне; даже болгары не славяне, ибо раскольники. Остаются только сербы, за исключением магометан. Что же такое славянство? <...> Славянство это просто лозунг для приживальцев России, это “слово”, которое надо “знать”, чтобы жить на русский счет. Довольно, довольно, – пора кончать эти бредни. Пожалуйста, не считайте нас славянами; мы вас не считаем. Мы русские, нам этого довольно»<sup>316</sup>. Здесь же мы видим явное очерчивание «русскости» в ракурсе национального сознания, которая ограждалась от общеславянского самосознания. В данном случае выглядит справедливым замечание славянолюбца Л.П. Лобова о еще недостаточном развитии общеславянского сознания в более широких кругах общественности России, не говоря уже о простой (народной) массе<sup>317</sup>. Следует заметить, что трудности военного времени, неудачи на фронте лишь усиливали эмоциональный всплеск в суждениях тех или иных деятелей.

Между тем не только приверженцы по большей части консервативного мировоззрения внесли свой вклад в осмысление славянства, стараясь прививать на почве русской общественной мысли свои воззрения. Заметный шаг к пересмотру взглядов на проблему межславянских связей в сознании русской общественности наметился на фоне некоторых подвижек в развитии либерального движения в конце XIX в. Связано это было с началом деятельности кружков «Молодая Россия» и «Славянская беседа», положивших начало пути «к выработке нового славянского мировоззрения»<sup>318</sup>. Протекавшие

<sup>315</sup> Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918. Т. 2.: 1904–1918. СПб., 2015. С. 236.

<sup>316</sup> Там же.

<sup>317</sup> Лобов Л. Славянство как национальная идея // Славянские известия. 1910. № 2. С. 111–112.

<sup>318</sup> Ненашева З.С. Славянский вопрос и буржуазно-дворянские общественные круги России на рубеже XIX и XX вв. // Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 177–178.

внутриполитические процессы привели к тому, что «славянский вопрос как один из компонентов внешней политики попадает в зону внимания» либеральных групп общественности<sup>319</sup>.

В борьбе с правыми и националистическими группами за продвижение политических идеалов и общественных ценностей в России либерально ориентированные политики обращались к славянской идее. Среди либералов современное им течение славянофильства, «оскверненное» и ставшее «духовным оружием русской реакции», а также «самодержавный панславизм» как течения «славянской мысли» виделись лишь пережитками ушедшего прошлого<sup>320</sup>. На смену должно было прийти довольно неопределенное и расплывчатое в своей трактовке «новое течение» славянской идеи, основывающееся «на вере в рост культуры и прогресса в славянстве», связывающее «себя не с прошлым, а с будущим, не с реакцией, а с прогрессом»<sup>321</sup>. В этих суждениях заключался ответ, данный на полемические выпады крайне правых, консервативно-охранительных групп русского общества.

Известный российский политик П. Б. Струве, в дореволюционный период своей жизни, пройдя, по определению немецкого историка Л. Люкса<sup>322</sup>, путь от «легального марксизма» до либерального «просвещенного патриотизма», также обращался к «славянской теме». Он придавал «польской политике» властных элит Российского государства особую значимость. Струве рассматривал «правильную» политику в отношении польских территорий, входящих в состав Российской империи, как фактор, способствующий повышению авторитета России в славянской среде. Что же в данном случае подразумевалось под «правильной политикой»? Политик писал: «Опираясь на экономическую прикреплённость Польши к России, мы должны воспользоваться ее принадлежностью к Империи, для того чтобы через нее скрепить наши

<sup>319</sup> Там же. С. 177.

<sup>320</sup> М.С. Новые славянские течения // Русская мысль. 1906. № 11. С. 118-119.

<sup>321</sup> Там же.

<sup>322</sup> Люкс Л. Русский государственный Петр Струве (1870-1944) [Электронный ресурс] // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание. 2014. № 1. URL: <https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss21/11LuksStruve.pdf> (дата обращения: 19.10.2024)

естественные связи со славянством вообще и западным, в частности»<sup>323</sup>. Проанализировав сложившуюся ситуацию в российской части Польши, он пришел к выводу, что «либеральная польская политика» могла значительно приумножить «престиж» России в славянском мире.

Вновь вернемся к формуле П.Б. Струве «Великая Россия». О расширении Российской державы в контексте своего «славянского призвания» и осуществления «имперских задач» писал в 1914 г., с началом «Великой войны», и П.Б. Струве<sup>324</sup>. Через достижение ключевой цели – обладания проливами и даже Константинополем, можно было, по мнению политика, решить и важный славянский вопрос, после чего, цитируя Ф.М. Достоевского, Россия «будет стоять именно как бы на страже свободы всех славян и всех восточных народностей, не различая их с славянами»<sup>325</sup>. В свою очередь Проливы рассматривались в контексте достижения Россией ее миссии «могущественного умиротворителя и третейского судьи между христианскими народами». Струве, таким образом, мыслил шире исключительно славянских рамок. Однако славянство оставалось важнейшим элементом, в том числе и с позиции идеологического обоснования. Эти предвкушаемые результаты российской политики рассматривались публицистом в качестве одной из составляющих «осуществлявшегося идеала» – «Великой России».

Однако П.Б. Струве приходит к заключению, что «Великая Россия есть не только идея и идеал внешнего расширения Российской Империи. Это есть идеал правовой, тесно связанный с духовно-религиозной идеей»<sup>326</sup>. Здесь же закрепились и другая категория – «Святая Русь», выражавшая, по мнению Струве, «идею русской правды»<sup>327</sup>. Как можно увидеть, П.Б. Струве соединял в своих взглядах, в том числе и на судьбу славянства, два подхода. Ценностный подход, в котором преломлялась идеализированная мысль о «славянской свободе», которую несла «Святая Русь», «религиозное чудо слияния силы и правды», а также

<sup>323</sup> Струве П.Б. Великая Россия // *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 58.

<sup>324</sup> Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь // *Русская мысль*. 1914. Кн. 12. С. 176-180;

<sup>325</sup> Там же.

<sup>326</sup> Там же. С. 179.

<sup>327</sup> Там же. С. 180.

прагматический подход – сопутствующие территориальные приобретения и геополитический расчет «Великой России». Все это облекалось в единую формулу под влиянием своеобразных эсхатологических представлений. Ожидания того, что в скором времени разрешится «величайшая загадка в истории»<sup>328</sup>. Эта мысль важна, если учитывать произошедшее уже в реалиях эмиграции переосмысление основ обновленного Версальским миром славянства.

Особое место в контексте развития русской либеральной политической мысли занимала партия конституционных демократов (кадетов). Как отметила российская исследовательница И.Е. Воронкова, на фоне разраставшегося напряжения в отношениях с Австро-Венгрией после аннексии последней Боснии, кадеты «“покупку” доброго согласия с западными соседями ценой пожертвования на германский алтарь исторических обязанностей России по отношению к славянству признали стратегической ошибкой»<sup>329</sup>. Это были рассуждения не в духе абстрактных «славянофильских» умозрений, а по существу – оценки реальных политических интересов Российского государства. Это характеристика направленности кадетской доктрины в целом. Однако она не отменяет того, что отдельные представители партии имели право высказываться от своего имени, придерживаясь, например, и славянолюбивой риторики. В целом же кадеты, направляя свой взор на Балканы, были руководимы соображениями геополитического характера в оценке действий как самой России, так и балканских (и в частности славянских – Сербии и Болгарии) стран. Накануне Первой мировой войны было необходимо подготовить основу для более примирения сербов и болгар, тем самым не допустив перехода Болгарии на сторону Австро-Венгрии<sup>330</sup>.

Среди самих кадетов отношение к проблемам славянства в контексте формирования внешнеполитической доктрины партии не было конкретным и однозначным. Об этом свидетельствуют, в частности, и материалы

<sup>328</sup> Там же. 180.

<sup>329</sup> Воронкова И.Е. Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. М., 2010. С. 129-130.

<sup>330</sup> Романенко С.А. Национальные движения южных славян Австро-Венгрии, 1890-1918 гг. Дисс. д.и.н. Т. III. М., 2013. С. 120-165.

внутрипартийных собраний. Так в октябре 1908 г. состоялось совещание конституционно-демократической фракции III Государственной Думы. Тематика встречи была во многом определена международными событиями – по случаю начатой Австро-Венгрией аннексии Боснии и Герцеговины<sup>331</sup>. В связи с чем одним из центральных пунктов для обсуждения стал «славянский вопрос». Но уже в самом начале выступлений присутствовавшие не смогли избежать сопутствующей проблемы – роли национализма, его сущности, и, наконец, соотношения возникавших крайностей. С одной стороны, обостренного шовинистического национализма, а с другой – сопричастности «антинациональному чувству», космополитизму.

Обратим внимание на этот момент, так как, забегая вперед, нужно отметить, что в последующих дискуссиях о славянстве и славянской идее либералы, в особенности П.Н. Милюков, нередко оценивали то или иное отношение к славянству с позиции оценки сложности самого понятия «национальный», и его производных, имеющих различное смысловое наполнение. После завершения Первой мировой войны возникла необходимость принять новый «вызов национализма», распространившегося, в том числе, и среди славянских народов в трансформировавшемся пространстве ЦВиЮВЕ. Либералам из России было важно выделить умеренное национальное чувство, проведя грань между национальным и националистическим<sup>332</sup>. При обсуждении доклада политического деятеля, члена конституционно-демократической партии Н.А. Гредескула была высказана мысль, что вопрос о славянстве «вызывал опасения» тем, что мог принять «оттенок национализма»<sup>333</sup>.

Солидаризуясь с группой скептически настроенных товарищей по партии, представитель Рижского комитета Н.М. Вторых с недоверием оценил «втягивание» кадетов в «славянские дела», считая это сугубо

<sup>331</sup> Доклад Н.А. Гредескула // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. 1908-1914 гг. М., 2000. С. 59.

<sup>332</sup> См.: Доклад П.Н. Милюкова «Россия и Демократическая эмиграция», прочитанный в Праге, 5 июня 1923 г. // П. Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. М., 2012. С. 31-33.

<sup>333</sup> Доклад Н.А. Гредескула // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905-1920 гг. В 3-х т. Т. 2. 1908—1914 гг. М., 2000. С. 56.



внешнеполитическим вопросом. Участник совещания из Риги стоял на той точке зрения, что большее внимание в партийной работе должно быть уделено решению внутренних проблем государства. Отнюдь не все кадеты были склонны рассматривать русский этнос сквозь призму общеславянской идейной доминанты. Н.М. Вторых высказался следующим образом: «В частности, отношение к славянскому вопросу русской части рижского общества также совпадает с отношением к нему Нижегородской группы: и рижские члены партии удивлены чрезмерным интересом, уделяемым этому вопросу в центре, в то время, когда русским живется самим много хуже, чем славянам...»<sup>334</sup>. В этом рассуждении явно не было пафоса славянолюбов с присущими им идеализацией славянства и размышлениями об идее русско-славянской общности. Противоположного мнения придерживались делегаты от Московского комитета. А.Г. Костенецкий возражал Вторых: «Игнорировать славянский вопрос было бы ошибочным с исторической точки зрения. Партия должна определенно высказаться против аннексии Боснии и Герцеговины»<sup>335</sup>. Схожего мнения придерживался и П.Н. Милюков. И здесь уже была явна оценка перспектив сохранения союзнических отношений со славянами в соответствии с тем, как развивалась международная обстановка. Скорее это был геополитический подход.

П.Н. Милюков, как один из ведущих идеологов партии, указывал товарищам на прагматический аспект «славянской политики»: «Славянским вопросом необходимо интересоваться не в силу сродства и сентиментальных славянофильских мотивов, а потому, что он представляет собою часть международного русского вопроса. Им нужно овладеть, доказав правым, что оппозиция знает его лучше их, и лишив их монополии на патриотизм»<sup>336</sup>. Во главе угла современной международной политики, подчеркивал П.Н. Милюков, стояла проблема антагонизма Германии и Англии. От того, каким образом удалось бы «развязать» этот узел противоречий, зависело многое. И «славянская карта» могла иметь в этом отношении немалое значение.

---

<sup>334</sup> Там же. С. 57.

<sup>335</sup> Там же. С. 63.

<sup>336</sup> Там же. С. 65.

И подчеркнем еще одну важную на наш взгляд мысль, которая будет играть важную роль и в последующем, уже в рамках развития эмигрантского дискурса. Это слова Милюкова о «монополии на патриотизм» в приложении к славянской теме. Славянская идея если и не всегда была частью идеологических построений того или иного политического направления, но все же в определенных условиях имела пропагандирующее значение – некоторые политические группы иногда позиционировали себя в качестве исключительных защитников славянства. В ход при этом шли обращения к историческому и идейному наследию – консервативному или радикальному. Забегая вперед отметим, что в этом ракурсе мы можем оценить роль славянской идеи и применительно к развернувшейся в середине 1920-х гг. деятельности представителей партии эсеров, направленной против «засилья» русских сторонников монархии в Белграде. При этом была важна апелляция к славянам в контексте примата демократических ценностей.

Вернемся к либералам. Ориентация российской внешней политики на Великобританию в противовес усилившейся Германии в глазах П.Н. Милюкова и его единомышленников представляла наибольшую выгоду национальным интересам России при складывавшейся международной ситуации. После Боснийского кризиса такие слова, как «угроза германизма» чаще стали упоминаться и в риторике либералов. Необходимо было предпринимать определенные шаги в «славянском направлении».

На одном из собраний ЦК партии, проходившем дома у видного кадета В.Д. Набокова в начале марта 1909 г., П.Н. Милюков выступил с докладом, посвященным внешней политике России. Он указывал на славянство как на потенциальный ресурс для усиления политики России в европейском направлении. В своей речи лидер кадетов вновь пытался разъяснить товарищам по партии свою точку зрения: «сейчас фактическая группировка славян в Европе идет параллельно нашим союзам против германизма»<sup>337</sup>, в соответствии с чем предлагал «считаться как с фактом» и «брать в расчет» «чувство тяготения к

<sup>337</sup> Протокол заседания Белградской группы к.-д. 8 мая 1921 г. // Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905-середина 1930-х гг. В 6 тт. Т. 1. Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1905-1911 гг. Т. 1. М., 1994. С. 333.

России» среди славян. Выводы, сделанные лидером кадетов, таким образом, интерпретировались в контексте оценки геополитических возможностей и вызовов, стоявших перед Россией в самом ближайшем будущем: «русская оппозиция должна определить свою позицию в этом вопросе. Славянство – даровая сила против германизации Балкан, и эту силу надо использовать»<sup>338</sup>.

Выступление Милюкова не получило всеобщего и безоговорочного одобрения со стороны его однопартийцев. Присутствовавшая на этом собрании А.В. Тыркова-Вильямс впоследствии вспоминала: «Почти ни в ком доклад П. Милюкова не встретил поддержки. Только Гредескул, Кутлер – говоривший о славянстве, и И. Гессен, очень оптимистически оценивший возможность счастливого для нас исхода войны, – ближе подошли к Милюкову»<sup>339</sup>.

Сквозь призму «освободительной борьбы» рассматривал основы славянской идеи российский политический деятель, правовед, профессор М.П. Чубинский (также оказавшийся в будущем в эмиграции в Королевстве СХС). Он попытался проанализировать «общеславянские чувства», сложившиеся в русском обществе в отношении южных славян в годы Первой Балканской войны. Вывод профессора – члена кадетской партии, вполне характерен для взглядов либеральной общественности в рассматриваемое время. По мнению М.П. Чубинского, в понимание славянской идеи необходимо было вложить мысль о победе «разумной национальной идеи и свободного, истинно-культурного режима»<sup>340</sup>. Ключевое понятие – «разумная национальная идея» – как бы противопоставлялось вредоносному, по мнению многих либералов, шовинистическому, или «воинственному» национализму.

В качестве одной из главных заслуг славянской идеи ученый усматривал то, что она, несмотря на раздиравшие славянские народы Балкан противоречия, в то же время «диктовала» им «национальное воодушевление в лучшем смысле этого слова». Благодаря этому удалось сплотить свои силы перед врагом, чтобы

<sup>338</sup> Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. 1908-1914 гг. М., 2000. С. 65.

<sup>339</sup> Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М., 2012. С. 86.

<sup>340</sup> Чубинский М. П. Балканская война и вопросы культуры // Славянский вопрос в его современном значении. Санкт-Петербург: тип. Гл. упр. уделов, 1913. С. 115.

«добиться для своей родины права на лучшее, действительно свободное и культурное будущее»<sup>341</sup>.

Русские либералы в своей риторике также не были чужды мысли об «исторической славянской миссии» России – ее «славянском призвании». Слова М. П. Чубинского о том, что существуют «идеи, которые сами в себе таят известную силу» и есть «вещи, которыми Россия поступиться не может, не теряя своего достоинства, своих лучших традиций и имени великой державы» пересекается с мыслью либерала, кадета В. А. Маклакова о «словах, которые обязывают»<sup>342</sup>.

Василий Алексеевич Маклаков в своих речах пытался донести до оппонентов слева мысль о том, что не стоит опасаться «возрождения национального чувства» и неверно отождествлять его с «возрождением национализма»: «Разве это возрождение не может быть у народа в момент его обновления?». В упрек оппонентам справа (особенно крайне правым) Маклаков ехидно заметил, что есть также и то «извращенное национальное чувство, которое широко открывает двери германскому вмешательству»<sup>343</sup>.

Характерна полемика на страницах российской прессы между историком и политиком левого (партия народных социалистов, неонародничество) направления В.А. Мякотиным и философом Е.Н. Трубецким. Мякотин критически относился к позиции Трубецкого, подчеркивая, что последний рассматривает борьбу с германизмом «в виде стремления к созданию силами России ряда славянских и других национальных государств на развалинах нынешней Австро-Венгрии и отчасти Германии. <...> В частности, лишь в связи с успешным исходом этой борьбы представляется ему возможным и правильное разрешение национальной проблемы в России, *а до поры, до времени он не видит даже надобности особенно пристально присматриваться к конкретным очертаниям этой проблемы* [выделено мной – Р.К.]»<sup>344</sup>.

---

<sup>341</sup> Там же.

<sup>342</sup> Маклаков В.А. Босния и славянский вопрос // Речь. 1908. 2 ноября. № 265.

<sup>343</sup> Там же.

<sup>344</sup> «Борьба с германизмом» и национальный вопрос // Русское богатство. 1914. № 9. С. 329-330.

Цитируя статью философа, Мякотин вступает с ним в полемику. По мнению Трубецкого, освобождение немецкой и австрийской частей Польши и объединение их с российской частью в единую самоуправляемую Польшу, в пределах границ проживания этнического большинства поляков (но не восстановление исторических границ Речи Посполитой), является «жизненным вопросом» и для России. Только решив таким образом «польский вопрос», Россия смогла бы приступить с «собираению» славянства вокруг себя. Критика Мякотина как оппозиционера (тяготевшего влево) была вызвана и тем, что публикации Трубецкого отражали одну из точек зрения в дискуссиях русских панславистов в период начала Первой мировой войны. Так они связывали миссию России по объединению славян с достижением ею своего действительного «величия и могущества». Подобного рода стратегия, по мнению Мякотина, лишь отводила взор от насущных проблем российского бытия, и, к тому же, разжигала межнациональную рознь (имелось в виду обострение антинемецких настроений в обществе).

В мировоззрении В.А. Мякотина, занимавшего видное положение в Партии народных социалистов, отчетливо прослеживался характерный для российских левых сил взгляд на «международный вопрос» в российской политике. Полемизируя с кадетом В.А. Маклаковым, В.А. Мякотин писал: «стремление восстанавливать “правду” в чужих землях очень легко соединяется с желанием уйти от “правды” в своей собственной стране»<sup>345</sup>. Мякотин с критикой обрушился на мысли, высказанные умеренно либеральными газетами «Речь» и «Слово» в октябре 1908 г. о «единодушии мнения русского общества» в отношении «славянского вопроса». По его мнению, серьезно говорить о глубоком понимании «славянского вопроса» общественных и народных масс не приходилось. А заявлять «о каких-либо требованиях всего русского общества» – подразумевало «сознательно уклоняться от истины и оглушать себя и других громкими фразами, так как в действительности русское общество вовсе не высказывалось и не могло высказываться по этому вопросу». Об этом вопросе, продолжает Мякотин,

<sup>345</sup> Мякотин В. А. «Нео-славизм» и внутренние вопросы // Русское богатство. 1908. № 11. С. 208.

«велись беседы в небольших кружках», о нем говорили «в более или менее значительных собраниях отдельные лица, которым это разрешали власти». Но единодушного порыва в общественном сознании так и не произошло<sup>346</sup>.

Социалисты-революционеры (эсеры) обращаясь к теме славянства, не привнесли ничего нового в разработку теоретических конструкций, в основе которых лежали бы рассуждения о славянском мире. В основе их воззрений лежали, в основном, критические выпады в отношении «реакционной политики» русского самодержавия и империалистической политики в целом. Славянство, таким образом, затрагивалось лишь вскользь. Славянская идея как таковая не становилось главным предметом их размышлений. Что касается темы славянства, в сочинениях эсеров довольно часто упоминались и цитировались положения, сформулированные М.А. Бакуниным. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что влияние идей Бакунина было значительно среди эсеров. Так, например, это касалось взгляда на развитие так называемого «интегрального» или народнического социализма, выводимого из «бакунинского» анархизма<sup>347</sup>. И при этом свобода личности, демократические ценности – право на них становились одной из основ идеологии эсеров (неонародников).

Суть воззрений Бакунина на славянство сводилась к тому, что славяне потенциально были готовы распространить революционный пожар на территории Европы, и, тем самым, претворить в жизнь проект «Соединенных Штатов Европы»<sup>348</sup>. И для всех славянских народов, сделал вывод Бакунин, было «спасение одно и путь к соединению один – Социальная революция»<sup>349</sup>.

Главный теоретик ПСР В.М. Чернов в целом не отвергал ориентированные на славянство идеи («славянская федерация») Бакунина. Но лишь в той форме, к которой они сводились в конечном результате – «истинном интернационализме». Этот проект заключал в себе «вековую заветную идею нашего социализма – идею

<sup>346</sup> Там же. С.204-205.

<sup>347</sup> Лазарев Е.Е. Из переписки с друзьями. Прага, 1935. С. 28-30.

<sup>348</sup> Дьяков В.А. Славянский федерализм в воззрениях М.А. Бакунина и М.П. Драгоманова // Славянская идея: история и современность. М., 1998. С. 96-97; Романенко С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». М., 2002. С.32-35.

<sup>349</sup> Бакунин М.А. Полное собрание сочинений. Т. 2. 1907. С. 67.

федеративного переустройства исторически сложившихся государств-левиафанов внутри, идею федерирования между собой нынешних государств вовне»<sup>350</sup>. Ее следующий этап представлял собой «идею федеративной общечеловеческой кооперации равноправных народностей, автономному культурному развитию которых должны быть обеспечены гибкие и свободные политические формы»<sup>351</sup>. Однако с этой мыслью, по мнению Бакунина, были не согласны выделившиеся в общем пестром течении социалистической мысли «империалисты»<sup>352</sup>. При этом М.В. Чернов обратился к вкладываемому К. Каутским в понятие «империализм» содержанию: «стремление индустриальной страны или нации обеспечить себя политическим подчинением входящих в сферу ее экономического влияния аграрных, земледельческих стран и областей, независимо от того, какими национальностями они населены»<sup>353</sup>. Последний пункт касался, по мысли Чернова, немцев и мадьяр. В частности немецкую и венгерскую социал-демократию, представители которой восприняли некоторые положения из идейного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса.

Но что еще важно для понимания картины представлений, заложенных в эсеровской идеологии – это взгляд на сущность социализма как такового. Интересно, что В.М. Чернов, анализируя ключевые идеи «одностороннего», как он определял, «индустриального социализма» Маркса и Энгельса, обращает внимание на то, что его теоретики поддерживали недоверие «в будущность земледельческих народов», не признавая их национальные права. А ведь к числу таких аграрных «мелких народностей» большей частью относились и славянские народы (в особенности южные славяне). Вместе с тем, как отметил российский историк С.А. Романенко, критика Чернова касалась и «позиции Ленина и большевиков», «хотя они ни разу не были названы» в тексте открыто<sup>354</sup>. Это замечание особенно важно учитывать, так как и будучи в эмиграции

---

<sup>350</sup> Чернов В.М. Марксизм и славянство (К вопросу о внешней политике социализма). Петроград, 1917. С. 98.

<sup>351</sup> Там же.

<sup>352</sup> Там же. С.98-99.

<sup>353</sup> Там же. С. 97-98.

<sup>354</sup> Романенко С.А. Национальные движения южных славян Австро-Венгрии, 1890-1918 гг. Дисс. д.и.н. Т. III. М., 2013. С. 244.

представители ПСР в создаваемых текстах периодически наносили полемические выпады в отношении программных положений большевиков, в том числе и в контексте отношения последних к славянству.

Неудивительно, что в эмиграции эсерам было не так уж и сложно адаптировать представления о славянстве – обращаться к земледельческим и сельскохозяйственным в большинстве своем славянским народам Балкан в рамках своей «революционной» идеологии. Однако значительное акцентирование на славянстве, как мы увидим в следующих частях данной работы, шло вразрез со стремлением многих членов Заграничной Делегации ПСР (и самого В.М. Чернова) наладить прочные связи с социалистами других государств, в том числе немецкими и венгерскими.

### Выводы

«Славянская тема» нередко становилась фоном для острой полемики между представителями различных идейно-политических течений, одновременно дополнявших историческую мысль в предреволюционной России. К дискуссии присоединялись и представители российской научной элиты, профессиональные историки. Участники дискуссий отстаивали правоту выдвигаемых ими принципов, опираясь на свое видение прошлого, настоящего и будущего России. Сочинения авторов наполнялись вопросами о соотношении «интересов русского народа», «национального достоинства» государства, в том числе и в контексте вопроса насколько необходимо было (и необходимо ли вообще) подготавливать платформу для осуществления Россией «славянской политики». Что было предпочтительнее ставить во главу угла: внутреннюю жизнь страны или же ее внешнюю политику?

В либеральных кругах предреволюционного времени проявлялась двоякая ситуация. С одной стороны, наблюдалось критическое отношение к современному им славянофильству, воспринимавшемуся как дискредитированное и инструментализированное русской реакцией, а также к самодержавному панславизму. Оба течения «славянской мысли» рассматривались как анахронизмы. В противовес им выдвигалась концепция «новой славянской идеи»,



отличавшаяся значительной содержательной неопределенностью, однако акцентировавшая рост культуры и прогресс, веру в либеральные ценности в славянском мире. Данная позиция представляла собой ответ консервативным и «охранительным» группами русского общества. С другой стороны, элементы славянофильства, такие как стремление видеть в славянстве «единый организм» и представления о «славянской миссии России» периодически встречались и в публицистических статьях либералов.

Славянская идея в дискуссиях между черносотенцами, по сути, вплеталась в ткань их мировоззренческих устоев, основой которых стал консервативно-охранительный компонент и поддерживавшая его знаменитая триада «православие, самодержавие, народность». Эта формула в определенной мере переносилась в область дискуссий о зарубежных славянах. И, как мы можем увидеть, важной их частью стал также «великодержавный дискурс». В условиях нараставшего в России внутриполитического кризиса и активизации деятельности левых революционных сил, борьба за сохранение устоявшихся за долгое время порядков становилась, по правых консерваторов, жизненно необходима. К тому же, в их принципах коренились идеализированные представления о преимуществах общественного и политического устройства допетровской России, в связи с чем в риторике черносотенцев часто использовался утопический образ «Московской Руси». Русская народность утверждалась как державная и стержневая в Российском государстве. А что касается зарубежного славянства, то в данном случае Россия представлялась как четко очерченный ценностно-нравственный ориентир для прочих славянских народов.

Целью создававшихся сочинений историко-публицистического характера было поддержание связи с читающей их общественностью, оказывая при этом на нее идейное воздействие. В статье, сочинении каждого автора выстраивалась своя цепь упомянутых фактов – событий и процессов, связанных с историей славянских народов. Их подкрепляли размышления автора, отражавшие видение им того или иного образа славянства. Эти тексты дополняли работы научного формата, расширяли славянский исторический нарратив.

### § 1.3. Россия и зарубежные славяне: отражение революционных событий и Гражданской войны в дискуссиях о славянстве деятелей антибольшевистского движения

События Февральской революции в России несколько пошатнули ожидания зарубежных славян, возложенные на помощь Российского государства в деле решения национально-политического вопроса на территории Балкан и в Средней Европе. Скоротечные изменения социально-политической реальности в России естественным образом затрагивали и положение славянской идеи, ранее все же находившей достаточный отклик среди политиков и интеллектуалов зарубежных славян. Данная идея преломлялась в сознании людей в соответствии с переосмыслением свершавшихся перемен. После Октябрьской революции<sup>355</sup>, вызвавшей серьезное беспокойство политических элит зарубежных славян, взгляды на судьбу славянской идеи и вовсе подверглись коренному переосмыслению. За пределами России, в особенности в Сербии – союзного России государства, пристально следили за развитием событий. Военные действия еще не были завершены, и окончательное решение «славянского вопроса» оставалось делом хотя и ближайшего, но все же будущего. К тому же, в контексте решавшейся судьбы не только России, но и Австро-Венгрии, актуализировался вопрос о дальнейшей судьбе прежнего имперского пространства в Средней Европе и усиливались межнациональные противоречия<sup>356</sup>.

На смену царскому пришло новое – Временное правительство. «Балканский вопрос» также продолжал находиться и в центре внимания Временного

<sup>355</sup> Для характеристики настроений, распространявшихся среди не принявших революции представителей русской общественности, обратимся к определению Н.А. Бердяева «Русская катастрофа октября 1917 года». См.: Бердяев Н. А. Духи русской революции // Падение священного русского царства. Публицистика 1914–1922. М., 2004. С. 775–780.

<sup>356</sup> См. подробнее: Романенко С.А. Среднеевропейская и балканская дилемма 1917–1918 гг.: Австро-Венгрия или Югославия? // Европейские сравнительно-исторические исследования. Москва: ИВИ РАН 2017. Вып. 5: Парижская мирная конференция (1919–1920): взгляд из XXI века. С. 157–180; Он же. Распад многонациональных государств в Средней Европе в XX в. Австро-Венгерская империя // Общественные науки и современность. 2014. № 6. С. 113–122. Он же. Национальные движения южных славян Австро-Венгрии, 1890–1918 гг. Дисс. д.и.н. Т. III. М., 2013. С. 214–297.

правительства, министром иностранных дел в составе которого стал П.Н. Милюков, пользовавшийся авторитетом эксперта по славянским (особенно балканским) делам. Как отметил российский исследователь С.А. Романенко, накануне революции уже «существовали планы создания на основе этнического родства и под покровительством России чешско-словацкого и сербско-хорватского государств». При этом прежнее царское правительство «в борьбе за позиции на Балканах делало главную ставку на Сербию»<sup>357</sup>. Забегая вперед заметим, что уже в эмиграции, монархисты – некоторые сторонники великого князя Кирилла Владимировича, на страницах издававшейся ими прессы делали акцент на том, что именно русская монархия первой пошла навстречу устремлениям славянских народов (находившимся на тот момент в составе Австро-Венгрии) обрести свою государственность. Данное утверждение было встречено резкой критикой социалистов-революционеров, отвергавших его и одновременно признававших, что одной из заслуг Февральской революции стало полное признание национально-государственного самоопределения славянских народов.

Уже в самый разгар «Великой войны», эксперт по «балканским делам» российского МИД А.М. Петряев предпринял попытку составить аналитическую справку о территориальном переустройстве славянских провинций Австро-Венгрии с учетом интересов России<sup>358</sup>. В составленном документе обосновывалась мысль о том, что «возникновение Единой Великой Сербии или Сербско-Хорватского Государства было бы самым удачным решением югославянского вопроса, и в русских интересах, конечно, стремиться к тому, чтобы эта политическая комбинация осуществилась»<sup>359</sup>. В этом проекте должна была быть реализована идея «большого славянского государства», «интересы коего нигде не сталкиваются с российскими»<sup>360</sup>. Впрочем, процессы,

<sup>357</sup> Романенко С.А. Россия, Югославия и «славянская идея». М., 2002. С. 119.

<sup>358</sup> Тимофеев А.Ю. Февральская революция 1917 г. и Сербия // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3. С. 21.

<sup>359</sup> Цит. по: Тимофеев А.Ю. Февральская революция 1917 г. и Сербия... С. 21.

<sup>360</sup> Там же.

развернувшиеся в России весной 1917 г., так и не позволили увидеть возможную реализацию этого проекта.

Документальные свидетельства показывают, что в особенности среди сербской части югославянского сообщества с напряжением следили за развитием революционной ситуации в России. Изданные уже в КСХС одним из деятелей Югославянского комитета<sup>361</sup> Николой Стояновичем документы содержали любопытные размышления сербских дипломатических кругов (накануне Октябрьской революции в России) об отношении в широкой массе русского общества к идее объединения югославянских народов: «наши проблемы остались неизвестными русскому обществу, массе русского народа — в особенности. Известно, что мы как-то и где-то существуем, что чего-то требуем. Но чего требуем — мало кто знает, а многие и не хотят знать, поскольку русские по характеру индифферентны и им хватает своих собственных забот. С другой стороны, наше дело завоевало себе в России больших и влиятельных друзей, которые нам симпатизируют и его отстаивают. От них можно многое ожидать, в случае, если им снова и к тому же вовремя удастся оказаться на поверхности этого политического болота, которое из себя представляет Россия»<sup>362</sup>. Здесь в целом интересна мысль представителя югославянского сообщества о присущем ментальной системе русского общества безразличии, некотором равнодушии. Эту мысль можно связать с замечанием упомянутого ранее русского славянолюбца Л.П. Лобова о недостаточном развитии уровня общеславянского сознания среди общественности России (не говоря уже о простом русском народе, с особенностями его мировосприятия, политического, культурного и исторического сознания).

О том, что русское общество в целом, за исключением узкого круга славянолюбов, «знало чрезвычайно мало» о значимости Боснии и Герцеговины для Сербии в годы Боснийского кризиса, писал в одной из статей официального

<sup>361</sup> Югославянский комитет — действовавшая с мая 1915 по декабрь 1918 г. организация политического характера, в рамках которой эмигранты из Хорватии, Словении и Боснии вели борьбу за создание единого независимого югославянского государства.

<sup>362</sup> Цит. по: Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»... М., 2011. С. 43.

печатного органа Министерства образования КСХС сербский ученый и общественный деятель Радован Кошутич<sup>363</sup>. Кошутич неоднократно посещал Россию, в том числе и с целью «информирования» русского общества всеми возможными способами об этом вопросе. Позднее, уже во время развернувшейся в Королевстве СХС акции по принятию русских беженцев, сербский деятель периодически принимал участие в торжественных мероприятиях, организованных эмигрантами из России.

По мере развития событий Февральской революции среди российских общественных деятелей и интеллектуалов, которые были до этого более или менее тесно связаны со славянским движением в России, постепенно стали распространяться тревожные настроения. Предчувствие глубокого исторического кризиса углублялось в сознании людей. Теперь на первый план стали выходить размышления о судьбе России. Российский философ Ф.А. Степун, в своих воспоминаниях обращаясь к событиям первых лет после свершения Октябрьской революции (до вынужденной эмиграции осенью 1922 г.), зафиксировал имевшую место «переоценку ценностей» русских интеллектуалов в это непростое время. Вспоминая реакцию Н.А. Бердяева, Степун писал: «Гневно критикуя интеллигенцию... Бердяев не щадил и русского народа, не выдержавшего, благодаря слабо развитому в нем чувству чести, тяжелого испытания войны и оказавшегося “банкротом”»<sup>364</sup>. Это было тяжелое разочарование. А ведь на «судьбоносное» для славянства время – участия России в Первой мировой войне, рассчитывал в частности и сам Бердяев, рассуждая о том, что славянская идея должна была быть «осознана перед лицом грозной опасности германизма»<sup>365</sup>.

О славянской идее, даже в среде ученых-славистов, все чаще стали говорить в пессимистичном духе. О кризисе «славянолюбивых чувств» в русском обществе отзывался российский историк К.В. Харлампович в письме своему старшему коллеге, известному слависту и руководителю Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества академику А.И. Соболевскому в мае

<sup>363</sup> Просветни гласник. Службени лист Министарства Просвете. 1922. Број 7 и 8. С. 165.

<sup>364</sup> Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. 2-е изд. Т. 2. Лондон, 1990. С. 269-270.

<sup>365</sup> Бердяев Н.А. Славянофильство и славянская идея // Судьба России. М., 1918. С. 135.

1917 г. К.В. Харлампович с горестью писал: «Что нам до славян, когда масса отреклась от собственного славянства и даже от русского имени! Захотелось быть интернационалистами...»<sup>366</sup>.

Однако какие внешнеполитические ресурсы и перспективы сохраняла Россия в отношении тех же сербов в разгар революционных потрясений? Безусловно, влияние славянской идеи еще ощущалось. И славянская идея найдет отражение в событиях Гражданской войны. Известный российский политик, одна из центральных фигур «Февральского периода» М.В. Родзянко впоследствии вспоминал: «Да, Россия осталась одна в розыгрыше мировой эпопеи, который теперь совершается. Единая, Великая, Неделимая, Мощная и самостоятельная Россия никому не нужна кроме нас, русских, и наших единственных братьев славян, с которыми нас связывает общность национальных интересов, хотя, быть может, не всеми славянскими народами вполне уясненная себе и понятая. Сильная и могучая Россия даже опасна всем, кроме славянского мира»<sup>367</sup>. Но вновь можно задаться вопросом, насколько корректно рассматривать «славянский мир» как некую целостность, в том числе и скрепленную определенными идейными положениями? И особенно касаясь разнонаправленных национальных интересов и особенностей адаптации «малых» стран к сложившимся вслед за Версалем правилам международной политики. Забегая вперед отметим, что определение основ славянства самими славянами (особенно в прессе и публицистике) нередко коррелировало с состоянием тех нерешенных или обострившихся противоречий, которые неизбежно выступали вперед и вынуждали представителей одного славянского народа с подозрением или даже с неприязнью оценивать место другого славянского народа в «славянской семье».

Подошла к своему завершению Первая мировая война. Ее последствия отразили глубокую трансформацию социальной, экономической и политической структур многих государств. По ее окончании в ноябре 1918 г. державы из лагеря победителей взялись за формирование новой системы международных

<sup>366</sup> Цит. по: Робинсон М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917-начало 1930-х годов). М., 2004. С. 20.

<sup>367</sup> Родзянко М.В. Крушение империи. 1986. С. 333.

отношений, основные принципы которой были закреплены вслед за подписанием Версальского (28 июня 1919 г.), Сен-Жерменского (10 сентября 1919 г.), Нейиского (27 ноября 1919 г.), Трианонского (4 июня 1920 г.) и Севрского (10 августа 1920 г.) мирных договоров. В результате ряда событий и процессов – поражения Центральных держав, развернувшейся в России «долгой» революции, распада империй, в том числе и монархии Габсбургов, и последовавшего национально-политического самоопределения славянских народов, – наметилось обновление содержания дискуссий европейской общественности и политических элит. Так, например, в годы войны британский ученый и авторитетный на Западе эксперт по истории славян Р.У. Сетон-Уотсон несколько переосмыслил сложившуюся ранее в его сознании картину мира, прежние свои воззрения. Он пришел к убеждению, что славянство, в противовес «немецким и мадьярским авторам этой войны», «вдохновляющимся» принципами милитаризма и «расового доминирования», является носителем «прогресса», «справедливости» и «свободы»<sup>368</sup>. Характер суждений именитого британского эксперта коррелировал с быстро менявшейся международной ситуацией. С полной силой полыхал пожар войны, захлестывая Европу. Война оказала значительное влияние на корректировку взглядов британского ученого. Он стал отмечать, прежде всего, борьбу малых национальностей за «свою свободу и индивидуальность» в союзе с Антантой<sup>369</sup>. Сетон-Уотсон в своих работах указывал на заслуги сербов в Великой войне, отмечал в частности, что Сербия представляла собой «основное препятствие немецкому “Drang nach Osten”»<sup>370</sup>.

Но вернемся к тому, что Первая мировая война, помимо прочего, оставила глубокий след в умах многих европейских (в том числе и русских) интеллектуалов. Одним из ярчайших примеров наметившегося переосмысления судьбы европейской цивилизации в плоскости историософии стал известный труд немецкого философа Освальда Шпенглера «Der Untergang des Abendlandes» – в

<sup>368</sup> Hanak H. The New Europe, 1916-1920. The Slavonic and East European Review // 1961. Vol. 39, No. 93. Op. cit. P. 373.

<sup>369</sup> Seton-Watson R.W. The Balkans, Italy and the Adriatic. London, 1930. P. 30-31.

<sup>370</sup> Ibid. P. 31.

русском переводе «Закат Европы» (Москва, 1922). Он вышел в свет в 1918 г. – в самый разгар революционных событий в России, переходивших в гражданскую войну. По этому поводу философ Ф.А. Степун, оказавшись сначала в водовороте политических событий Февраля 1917 г., а затем и наблюдая последствия Октябрьской революции, вспоминал: «Неужели, – спрашивал я себя, – Шпенглер действительно прав, неужели к Европе и впрямь приближается смертный час? Но если так, то кто спасет Россию? Вместе с болью о России (повсюду горели имения, со злобою изничтожался сельскохозяйственный инвентарь, бессмысленно вырезался племенной скот и растаскивались на топливо и цыгарки бесценные библиотеки) – росла в душе и тоска по Европе»<sup>371</sup>. Однако философ, по собственному признанию, не верил в «неизбежную гибель Европы». В ответ на мысль Шпенглера о развитии большевизма в России как одного из «симптомов» гибели Европы Степун противопоставлял другую мысль: «От нашей скифской реализации безбожно-рационалистического европейского социализма [большевизма – Р.К.] я ждал отрезвления Европы»<sup>372</sup>.

После октябрьских событий 1917 г. и состоявшегося прихода к власти большевиков, в 1918 г. в России стала разгораться Гражданская война. Тема борьбы за славянство (и, соответственно, Россию) против их «общего врага» – мадьяр, немцев и большевиков стала активно использоваться как пропаганда в печати антибольшевистского движения<sup>373</sup>. Этот же мотив будут разрабатывать и в печати русского зарубежья, только уже с учетом обретенной зарубежными славянами национальной государственности.

Обратим внимание на место, которое отводилось «славянскому фактору» в представлениях о приоритетах российской внешней политики при так называемых «белых правительствах», в частности правительства адмирала А. В. Колчака и А.И. Деникина. По мнению российской исследовательницы Н.И. Наумовой, сославшейся на материалы особого Совещания при Министерстве

<sup>371</sup> Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. 2-е изд. Т. 2. Лондон, 1990. С. 276.

<sup>372</sup> Там же. С. 277.

<sup>373</sup> Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917-1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С 876, 916.



иностранных дел правительства Колчака в Омске, политика, направленная на активное поддержание идеи сближения всех славянских народов, являлась «приоритетной для колчаковской власти, и защита ее предполагалась на Мирной конференции»<sup>374</sup>. Как мы увидим, впоследствии многие российские представители организованных в рамках осуществления подобной «славянской политики» особых делегаций в славянские страны останутся за рубежом, уже будучи эмигрантами.

Регент при престарелом отце, короле Петре, Александр Карагеоргиевич и правительство Сербии (а затем и КСХС), находясь на твердых позициях непризнания советской власти, поддерживали официальные контакты через своего представителя – консула Йована Миланковича с правительством адмирала Колчака в Омске и русскими политическими деятелями<sup>375</sup>.

В прессе, поддерживавшей Белое движение, распространялись материалы, свидетельствовавшие о росте политической активности вокруг проекта создания союза славянских государств в Восточной Европе осенью 1919 года. Причем данный союз предполагался в тесном взаимодействии с Россией – небольшевистской «единой Россией»<sup>376</sup>. Особого внимания заслуживает характеристика перспектив развития новых государственных образований, появившихся на территории, ранее входившей в состав Габсбургской империи, после Версальского мира. Об этом в Белой периодике писали следующее: «На обломках Австрийской империи воскресли Сербия, Чехия и Венгрия, последняя хотя и не славянская, но, судя по главным политическим течениям государственно мыслящих венгерских элементов, весьма склонная примкнуть к союзу славянских держав»<sup>377</sup>. Как мы увидим далее, в контексте дискуссий о межславянских взаимоотношениях позднее будет фигурировать и неславянская Румыния, в рамках создававшегося военно-политического блока Малой Антанты.

<sup>374</sup> Наумова Н.И. Проблема единства славян и общественность Сибири в годы Гражданской войны. 1918-1919 гг. // Русин. 2019. Т. 58. С. 118.

<sup>375</sup> Животич А. Югославское королевство и Советская Россия/Советский Союз (1918-1924) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Т. 18. № 1-2. С. 13.

<sup>376</sup> Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1920-1922 гг. Ч. 1. М., 2012. С. 238.

<sup>377</sup> Цит. по: Цветков В.Ж. Указ. соч. С. 238.

Вряд ли Венгрия могла испытывать радость от таких перспектив. Ведь в соответствии с Трианонским мирным договором значительная часть прежней территории Венгрии уходила «славянам»: обладавшая ранее автономией в составе Венгерского королевства Хорватия вошла в состав нового государства – Королевства СХС, а Словакия и часть Закарпатья отошли Чехии (Чехословакии).

Да и среди официальных представителей лидеров Белого движения вопрос о привлечении тех или иных стран к антибольшевистской борьбе не вызвал единодушия. Так, например, военный представитель барона Врангеля в Венгрии А.А. фон Лампе в своих дневниковых записях «не без досады констатирует, что русский посол в Белграде В.Н. Штрандтман задержал у себя письмо Главнокомандующего, адресованное адмиралу Хорти, потому что опасался, что оно может испортить отношения с Сербией»<sup>378</sup>.

В свою очередь, опубликованные В.И. Косиком материалы переписки бывших дипломатов царского правительства содержат сведения о попытках участников Белого движения наладить политические связи со славянскими странами. Период активизации этих дипломатических контактов, то есть 1919 год, также ознаменовался началом первой волны русской эмиграции.

В одном из писем дипломат Лев Павлович Урусов, ссылаясь на свою беседу с регентом КСХС Александром Карагеоргиевичем, отметил, что сложившееся послевоенное положение, при котором началось возрождение славянских государств, способствовало дальнейшему развитию перспектив межславянского политического объединения. Русский дипломат в своем разговоре с регентом Александром, как можно увидеть, стремился подчеркнуть взаимную для всех сторон выгоду от исполнения намечавшихся планов: «Не только Россия нужна некрупным славянским братьям для обеспечения их успешной борьбы за независимое международное существование, но и обратно, славянство нужно России, как будущая единственно правильная основа... международной

---

<sup>378</sup> Колонтари А. Несостоявшаяся белая ось: к вопросу о возможностях сотрудничества русской эмиграции с Венгрией // Российская белая эмиграция в Венгрии (1920-1940-е годы). М., 2012. С. 39-40.

политики»<sup>379</sup>. Но прежде чем перейти к практическим шагам реализации столь серьезного проекта славянского единения, российским дипломатам необходимо было со всей тщательностью и обдуманностью подойти к наболевшим проблемам обострившихся за предшествовавшие годы отношений между молодыми славянскими государствами.

В.А. Бобринский в 1919 г. был тесно связан с деятельностью славянских обществ (действовавших в рамках представительств белых политических сил), поддерживал контакты с видными научными, общественными и политическими фигурами в молодых славянских странах. Им были подготовлены так называемые «наказы», инструктировавшие участников российских делегаций, направлявшихся в КСХС, Чехословакию, Болгарию и Польшу. При этом сам Бобринский весной 1919 г. отправится со схожей «агитационной» целью по территории КСХС, и впоследствии останется там на длительное время уже в статусе эмигранта. Теперь это была поездка с конкретной целью – получения помощи.

Исходя из содержания одного из таких наказов можно заметить, что основная цель поездки заключалась в том, чтобы, ознакомив «правительства этих стран с бедственным положением России», «просить у братских народов и у их правительств немедленной помощи делу воссоздания России во имя ее прошлых заслуг перед славянством, во имя братства всех народов, входящих в состав славянского племени...»<sup>380</sup>. На наш взгляд, формулировка – «во имя непосредственных интересов каждого славянского народа в отдельности» – несколько контрастировала с последующими словами автора текста: «только Россия сможет в будущем сохранить за славянами плоды их современных побед»<sup>381</sup>. В данном случае ощущается влияние уже известной мысли о мессианской роли России среди зарубежных славян. Эта формула заключала, что «без сильной России у славян нет адекватной опоры». Однако реалии

<sup>379</sup> Косик В.И. Идея славянского объединения и возрождение России. Шифр «Амур». 1919 год. // Славяноведение. 2002. № 1. С. 97.

<sup>380</sup> Ф. Р6121. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

<sup>381</sup> Там же.

политического бытия славян стремительно изменились. Оценив послевоенные перспективы, ряд политиков новой формации (например, чехословацкие государственные деятели Т.Г. Масарик и Э. Бенеш), старались ориентироваться на страны Антанты, прежде всего на демократическую Францию. Сторонники идей Т.Г. Масарика среди интеллигенции и политических элит не только западных, но и южных славян, не исключив славянскую идею из своей политической системы координат полностью, в то же время критически переосмыслили ее, отступив от чрезмерно идеалистического, с их точки зрения, понимания славянского мира.

Привлекают внимание сохранившиеся среди докладных записок особого советника по славянским делам при Втором политическом отделе В. И. Язвицкого (в марте-апреле 1919 г.) аналитические доклады, посвященные славянской проблеме. Не обошел стороной составитель записки «предвидение» русских славянофилов: многие «мистические и романтические» стороны славянофильской мысли в России, замечает он, основывались на «их искренности и бескорыстности» – «русское общество ощупью интуитивно угадывало... и смутно, но глубоко чувствовало, что без решения славянского вопроса не может быть самостоятельной внешней политики»<sup>382</sup>.

Язвицкий предполагал, что в результате разгрома Германии и Австро-Венгрии в войне центр международного напряжения должен был быть перенесен на Дальний Восток. К подобным выводам Язвицкий пришел, учитывая основные, по его мнению, геополитические факторы – разгром Германии и Австро-Венгрии в войне, а также усиление к этому времени Японии, как внешнеполитических амбиций последней. В перспективе это открывало дорогу России в балканском направлении. В условиях обновления системы международных отношений, уход от пресловутого европейского «баланса сил», отрицательно сказывавшегося на положении славянских народов, был неизбежен. «Подобное перемещение центров создало очень благоприятные условия для славянства, испытавшего на себе всю тяжесть кандалов, которые назывались равновесием в Европе. Вот этот именно

<sup>382</sup> «Россия и славяне». Из докладных записок В. И. Язвицкого // ГА РФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д. 361. Л. 1.

исторический момент и предстоит использовать России и всему славянству...». Но сотрудник дипломатического ведомства, по всей видимости, недостаточно учитывал, что Россия на тот момент (разгар Гражданской войны и политическая неопределенность) была далеко не в том состоянии, в котором можно было бы «решать судьбу» южных и западных славян. К тому же, на международную арену распространял свое влияние организованный под эгидой советского правительства в 1919 г. Коминтерн. Вместе с тем значительно было влияние в оценке геополитических перспектив идеологизированных установок в духе «враждебного окружения, надвигающегося “общего кризиса капитализма” и неминуемой мировой войны»<sup>383</sup>.

В. И. Язвицкий рассуждал с позиций геополитического расчета одержавшей победу «единой национальной России». Но основная проблема заключалась в том, что имперское пространство России в это время раздирали не только идейно-политический, но и обострившиеся этнические конфликты. Все это чрезвычайно усугубляло, разумеется, и внешнеполитический вопрос. Все же Язвицкий пришел к заключению, что «путь к достижению» Россией своих естественных границ – Мраморного моря и проливов – «всегда лежал через разрешение славянского вопроса». На практике его разрешение подразумевало «создание независимых славянских государств, объединенных с Россией общими политическими и культурно-экономическими интересами»<sup>384</sup>. В наиболее удачных перспективах предполагалось установление непосредственного соприкосновения границ Чехословакии с Россией по линии Словакии и Галиции<sup>385</sup>. При этом одним из наиболее важных вопросов, активно поднятых в годы Первой мировой войны (но оставшийся нерешенным), оставался вопрос о включении Прикарпатской Руси в состав Российского государства.

Отдельным пунктом в подготовленной «славянской программе» находился вопрос об установлении «тесной экономической и политической связи с Юго-Славией». Учитывались военные ресурсы югославянского государства. Язвицкий

<sup>383</sup> Улунян Ар.А. Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж. 1919-1938. М., 1997. С. 68.

<sup>384</sup> «Россия и славяне». Из докладных записок В. И. Язвицкого // ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 361. Л. 2.

<sup>385</sup> Там же. Л. 3.

считал, что установив контроль над Проливами и сформировав общий российско-югославский флот, можно будет оказать решающее давление на Болгарию. Целью было парализовать любые враждебные действия с ее стороны, принудить к присоединению к Югославии (как союзника) и, используя угрозу силой, добиться частичного разрешения противоречий между двумя южнославянскими государствами.

Интересны и его размышления о «Триедином народе»: «Хотя словинцы, хорваты и сербы не жили одной политической жизнью и благодаря этому есть между ними отличительные особенности как в лингвистическом, так и в религиозном отношении, не подлежит сомнению, что они составляют одну национальную группу», которую «можно противопоставить другим славянским народам, как болгарскому, чешскому и т.д.»<sup>386</sup>. В выводах докладной записки подчеркивалось, что «наиболее благоприятной почвой для пропаганды русской ориентации является Прикарпатская Русь и Сербия»<sup>387</sup>. И в этом направлении должна была предположительно развиваться «славянская политика» будущей России.

В достаточной мере стереотипизированный образ «славянского братства» лежал в основе подготовленного Б. В. Савинковым плана, который предусматривал создание «почти полумиллионной “славянской” армии из деникинцев и колчаковцев, русских военнопленных в Средней Европе, чехословаков и югославян»<sup>388</sup>. В свою очередь, Савинков видел важность именно «славянского элемента» в подготавливаемом военном «освободительном» походе. По его мнению, это должно было произвести «наилучшее впечатление на русский народ». План «славянского похода» Савинкова активно поддержал хорватский либерал – югославист Анте Трумбич – председатель Югославянского комитета в Лондоне, впоследствии первый министр иностранных дел КСХС (1918-1920), а

<sup>386</sup> О Югославии // ГА РФ. Ф. Р200. Оп. 1. Д.361. Л. 36.

<sup>387</sup> Там же. Л. 21.

<sup>388</sup> Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством»... М., 2011. С. 111-112.

затем и сербский националист, радикал, премьер-министр королевского правительства (1918, 1921-1924, 1924-1926) Никола Пашич<sup>389</sup>.

Разумеется, деятельность белых сил на севере и юге России, в том числе и в рамках проектов «общеславянского» характера, не осталась без внимания советского правительства. В октябре 1919 г. из НКВД РСФСР была направлена специальная нота МИД КСХС. В документе, подписанном Г. В. Чичериным, высказывалось следующее предупреждение: «Российское Советское Правительство выражает полную уверенность в том, что Югославское Правительство ответит решительным отказом на эти попятные белогвардейцев, стремящихся продолжать свои преступные враждебные действия против трудящихся масс России. Мы убеждены, что Югославское Правительство откажется поддаться подобным махинациям, представляющим характер определенного вмешательства во внутренние дела России...». В свою очередь, «допущение» этой деятельности «не могло бы быть рассматриваемо иначе, как враждебный акт» против России<sup>390</sup>.

В июне 1919 в Белграде было основано Общество славянской взаимности. Начало его работы было напрямую связано с деятельностью антибольшевистских политических сил в России (в частности правительства адмирала А.В. Колчака в Сибири), стремившихся наладить политические и экономические связи с представителями зарубежного славянства, заручиться союзнической помощью в борьбе с большевиками. Для достижения этих целей были организованы поездки российских делегаций в славянские государства, прежде всего в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС). В своих выступлениях (отчасти агитационного характера) российские посланники превозносили победы частей белой армии, в надежде добиться всяческой поддержки со стороны правительства КСХС. В апреле 1919 года, после встречи в Париже Николы Пашича и Сергея Дмитриевича Сазонова, на тот момент министра иностранных дел в

---

<sup>389</sup> Там же.

<sup>390</sup> Нота НКВД РСФСР Министерству иностранных дел Королевства СХС относительно возможного формирования на территории Королевства белогвардейских банд // Советско-югославские отношения. 1917–1941 гг. М., 1992. С. 75.

правительстве адмирала Колчака, последовало взаимное признание правительств в Белграде и Омске. После этого были открыты официальные дипломатические представительства. Правительство Колчака назначило посланником в Белграде Василия Николаевича Штрандтмана – бывшего поверенного в делах России в Сербии в годы Первой мировой войны. В то же самое время в Королевство СХС начали прибывать первые корабли с беженцами из России, в крупных городах молодого государства основывались русские колонии.

Стало складываться Общество славянской взаимности, председателем которого стал сербский ученый и политический деятель Йован Жуйович. Председателем русского отдела Общества стал российский политический деятель, бывший член Государственной думы М.В. Челноков. На состоявшихся в начале июня 1919 года торжественных собраниях в Белграде по случаю открытия Общества славянской взаимности М.В. Челноков и граф В.А. Бобринский (правый по своим политическим взглядам, твердый сторонник монархии, деятель развернувшегося в первое десятилетие XX века движения неославизма) выступили с речами, в которых славянское объединение противопоставлялось нараставшей угрозе «большевизма и коммунистического интернационала»<sup>391</sup>. Организованные в Белграде мероприятия с участием делегаций из России были освещены рядом периодических изданий, в частности в подробностях газетой «Застава» (являвшейся органом сербской радикальной партии). «Россия сейчас находится на переломном этапе и недалеко от своего возрождения, – обращался к югославянской публике М.В. Челноков, – чему во многом будет способствовать братская поддержка Сербии, на защиту которой когда-то вставала вся Россия»<sup>392</sup>. В данном случае определенную роль играло и сложившееся за многие годы взаимное восприятие, если мы обратимся к истории взаимоотношений России и балканских народов – например, это стереотипный образ «славянского братства», через призму которого зачастую идеализировались представления друг о друге.

<sup>391</sup> Руси и Срби. Застава. Нови Сад. 1919. 12 јуна.

<sup>392</sup> Ibid.



#### **§ 1.4. Прибытие и адаптация: впечатления эмигрантов и общества страны-реципиента**

На первый взгляд не было удивительным, что Королевство СХС представлялось многим русским эмигрантам, обосновавшимся в нем, достаточно «близким по духу». В особенности так можно сказать о его сербской части – ядре, что было территориально представлено прежним Королевством Сербия. Как отметил исследователь русской эмиграции на Балканах В.И. Косик, это было государство, в котором многое (можно добавить, относительно многое) напоминало о России «прежних дней». Особенно, если учитывать первые впечатления беженцев. Близкое «славянскому уху» название столицы (Београд – «Белый город»), названия многих зданий, прошлое короля «Триединого государства», который в юности получил образование в России<sup>393</sup>.

Между тем отметим, что отношение к русским беженцам в югославянском обществе зачастую коррелировало и с местом расселения эмигрантов – восточная часть страны (непосредственно Сербия) или западная (Хорватия и Словения). По воспоминаниям И.И. Стенбок-Фермора – одного из эмигрантов, которому довелось жить и работать в Королевстве СХС несколько лет, доставшись в наследство от Австро-Венгрии, значительным частям этих территорий, присоединенных к Сербии, были присущи сильные культурные и религиозные различия, что создавало значительные трудности<sup>394</sup>. В частности, мемуарист добавил, что на этих территориях было значительно население, состоявшее из «омадьяренных или онемеченных хорватов», и «которые хоть и являлись славянами, но были католиками, и многое переняли от немцев», выражали недружественное отношение к сербам<sup>395</sup>.

Наиболее «приветливым» среди самих беженцев, как правило, считалось отношение к ним сербского народа, проживавшего на территории, ранее входившей в состав Королевства Сербии. Восприятие русских в КСХС

<sup>393</sup> Косик В.И. Русская эмиграция в Сербии XX-XXI вв. М., 2022. С. 10; см. также: Писарев Ю.А. Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 154.

<sup>394</sup> Stenbock-Fermor I. Memoirs of life in old Russia, world war I, revolution, and in emigration. 1976. P. 530-531.

<sup>395</sup> Ibid. P. 537.

различными народами зависело от целого ряда причин, охватывающих широкий диапазон: от наследия исторической памяти до ситуаций, возникавших в повседневной жизни. Однако ситуация все же не была однозначной, и отношение местных жителей могло варьироваться в зависимости от различных факторов. В частности, русский историк-славист В.А. Мошин, в молодости оказавшийся в эмиграции в декабре 1920 г. в городе Копривница, северной части Хорватии, вспоминал о «гостеприимном отношении всего местного общества» города к русским беженцам<sup>396</sup>. Видный сербский историк Мирослав Йованович на основании ряда воспоминаний русских эмигрантов отметил, что помимо северных районов с венгерским населением, в начале 1920-х гг. на территории «Хорватии реакция на прибытие беженцев была также негативной»<sup>397</sup>.

По мнению М. Йовановича особенности взаимного восприятия русских беженцев и балканского общества складывались в несколько этапов. До начала непосредственного общения между русскими эмигрантами и жителями КСХС существовали первичные представления друг о друге, «сформированные в рамках социально фиксированных стереотипов о Другом», подкрепленные некоторым историческим опытом. Они включали в себя «упрощенные категории и бинарные оппозиции (русофильство – русофобия, славянская взаимность и т.д.), поэтому они рисовали идеализированный и туманный образ другого». В дальнейшем эволюция представлений происходила под воздействием накопленного опыта более тесных контактов и взаимодействия с иными культурами, иным менталитетом<sup>398</sup>. В сознании эмигрантов зачастую возникал образ «славянского Белграда». Его дополнял негативный «исторический опыт» – Первая мировая война, память о военном столкновении русских с населением Австро-Венгрии, значительная часть которого (включая неславянских венгров) вошла в состав «Триединой монархии». В связи с этим еще свежие воспоминания о недавнем

<sup>396</sup> Из воспоминаний В.А. Мошина // Арсеньев А.Б. Русская эмиграция в Югославии. Избранные статьи. Белград, 2024. С. 30-31.

<sup>397</sup> Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. М., 2005. С. 206.

<sup>398</sup> Там же. С. 193-195. См. также: Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919-1924. Београд, 1996.

прошлом в некоторых случаях усиливали враждебные чувства к «вчерашним неприятелям»<sup>399</sup>.

В целом прием русских беженцев в КСХС проходил в атмосфере относительного радушия, что было связано, помимо прочего, с русофильскими взглядами политических партий, иерархов Сербской православной церкви и значимых фигур сербской интеллигенции. Молодое государство, олицетворив собой воплощенную в жизнь идею «южнославянского единения, о котором в особенности мечтали сербы, веками разъединенные на этих территориях. По замечанию исследователя русского зарубежья в КСХС (Югославии) А.Б. Арсеньева, «Предоставляя временный приют русским беженцам, сербы отдавали дань признательности России за ее союзническую поддержку в войне с агрессорами»<sup>400</sup>.

В целом же, на идейно-политической палитре русского зарубежья КСХС выделились два основных «лагеря», противостоявших друг другу: монархический и республиканско-демократический<sup>401</sup>. Это противостояние оставило отпечаток на текстах эмигрантов исторического характера, посвященных славянской теме.

На страницах одной из наиболее читаемых русскими эмигрантами в Королевстве СХС газеты – «Нового времени», историк А.Л. Погодин представил свои размышления. Он выражал сомнения относительно перспектив сотрудничества между Россией (даже небольшевистской) и славянским миром, усматривая политике славянских стран «фальшь». Русский историк как бы оценочно взглянул на прошлое отношений России и зарубежных славян в контексте российско-австрийских взаимоотношений (нужно учитывать – взглянул достаточно эмоционально, после пережитой в России революционной бури, вынудившей расстаться с Россией «прежней»). Но, несмотря на эмоции, все же нужно отметить справедливость слов Погодина, отметившего, в частности, неоднозначность позиции чехов по отношению к России, долгое время

<sup>399</sup> Там же. С. 206-207.

<sup>400</sup> Арсеньев А.Б. Русская эмиграция в Югославии. Избранные статьи. С. 37.

<sup>401</sup> Козлитин В.Д. Общественная жизнь русских и украинских эмигрантов в Югославии (1920-е – 1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 5. С. 37-38.

сохранявших надежды на реализацию определенной национальной программы в составе Габсбургской империи – австрославистской или же неославистской (в начале XX в.). Чехи, по его мнению, «были, по существу, совершенно равнодушны к России, но, пугая Австрию Россией, изображали из себя руссофилов»<sup>402</sup>. В целом у австрийских славян он выделил «показное русофильство» в рамках их взаимодействия с правительственной элитой Монархии Габсбургов. Политику новой Польши в целом назвал «жадно-ростовщической»<sup>403</sup>. Опубликованные в начале XX в. сочинения историка, а также материалы его переписки с коллегами показывают, что до Октябрьской революции 1917 г. Погодин пользовался популярностью либерального «полонофила», и в целом своими симпатиями ко всем славянским народам без различий<sup>404</sup>.

Среди прочих молодых славянских государств историк положительно оценивал и выделял лишь «Сербию» (не КСХС. Однако для русских эмигрантов в целом было свойственно обозначать новое государство Сербией). При этом Погодин не отрицал того, что «славянская политика» России порой имела противоречивый характер. За предшествовавшие сто лет «Австрия немало поработала над тем, чтобы оттолкнуть сербский народ от России», но «не мало сделала для этого и сама неудачная русская политика, неровная, неосведомленная, мало национальная». И вот обратим внимание на определение «национальная». Для Погодина, который еще в дореволюционные годы яро критиковал «реакционных» славянолюбов (славянофилов), но при этом сам оставался (до поры) славянолюбом «прогрессивным» и либеральным, политика проводимая Россией в полной мере не соответствовала ее национальным интересам.

А.Л. Погодин продолжал: «За эти минувшие сто лет в сербской политике были разные настроения по отношению к России. Но со вступлением на престол короля Петра Карагеоргиевича в 1903 году прежние колебания уступили место чрезвычайно определенной, последовательной политике единения с Россией.

<sup>402</sup> Погодин А.Л. Россия и Сербия // Новое время. Белград. 1921. 10 мая. № 13.

<sup>403</sup> Там же.

<sup>404</sup> Лаптева Л.П. История славяноведения в России. М., 2012. С. 430-434.

<...> Я никогда не забуду случайный разговор в Солуни на нашем пароходе с простым сербским солдатом, который говорил: “мы бы рады были принять всех русских...”»<sup>405</sup>. Сербский исследователь М. Йованович отметил, что для многих жителей Сербии (прежде всего самих сербов) в общении с русскими беженцами значительную роль играли «стереотипные представления, впитанные обеими сторонами». Эти «сформированные на основании исторического опыта» представления в своей основе «сводились к двум сюжетам: к воспоминаниям и представлениям о России и ее роли в истории балканских народов и идеализированному, подчас туманному представлению о славянской взаимности (в особенности среди русских, сербов и болгар)»<sup>406</sup>. Вследствие этого представления о славянстве укреплялись закладыванием в них образа «русского-славянина», русского эмигранта как полноправного члена «славянской семьи».

В заключение своих размышлений Погодин рекомендовал русскому эмигрантскому обществу рассматривать «основы наших теперешних отношений» с югославянским населением как принципиально новый этап в развитии связей между славянами. При этом он отводил «южнославянскому королевству» роль «колыбели новой русской государственности» и «последнего оплота русской державности»<sup>407</sup>. Несмотря на то что отдельные русские люди могли «чувствовать себя отчужденно или неудовлетворенно в Сербии», в силу «столкновения интересов и самолюбий», порой взаимного непонимания, но все же, по мнению Погодина, «только в пределах южно-славянского королевства русская интеллигенция и русская культура нашли себе приют, в котором они смогут дожидаться лучших дней»<sup>408</sup>.

Отдельно нужно сказать о влиянии обстановки этого славянского государства (наряду, конечно же, с другими) на наметившиеся направления в разработке истории славянских народов, и в общем – усилившийся интерес к

<sup>405</sup> Погодин А.Л. Россия и Сербия // Новое время. Белград. 1921. 10 мая. № 13.

<sup>406</sup> Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. С. 195.

<sup>407</sup> Погодин А.Л. Россия и Сербия // Новое время. 1921. 10 мая; См. также: Косик В.И. Югославянство/славянство в русской эмигрантской периодике // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 102-104.

<sup>408</sup> Погодин А.Л. Россия и Сербия // Новое время. 1921. 10 мая.

истории славян. Об этом писал в своей крупной статье, посвященной историографии русского зарубежья историк А.В. Флоровский, обосновавшийся в Праге, но сам неоднократно посещавший Белград с целью проведения лекций и докладов. Историк заметил, что само «нахождение многих русских ученых именно в славянских странах», и параллельная их адаптация к местному научному быту, явилось «благоприятным стимулом для направления в сторону изысканий по истории славян»<sup>409</sup>. Причем, далее пишет А.В. Флоровский, «касается это по преимуществу славянских государств на Балканах, Югославии и Болгарии, а также отчасти Чехословакии»<sup>410</sup>. Историю славянской взаимности исследователь выделил в отдельное крупное направление.

Популярность славянской тематики в научных работах перекликалась с тематикой историко-публицистических сочинений и публицистики в целом. В последних, как мы увидим в последующих разделах диссертации, будут выделяться свои «знатоки» славянства и его истории. Только в этом случае на первый план стали выходить идейно-политические мотивы, влиявшие и на оценки событий и процессов в славянском мире, в тесной связи с «русским вопросом» – вопросом о судьбе России, путей ее дальнейшего развития.

В отобранных сербским историком, специалистом по истории русской эмиграции в Королевстве СХС (Югославии) А.Б. Арсеньевым мемуарных свидетельствах русских беженцев сохранились подробности о первых их впечатлениях по прибытии в новое для них государство. Так прибывшие в начале 1921 г. в хорватский Дубровник русские эмигранты организовали издательство небольшой газеты «Русский листок». Обыденным становилось широкое распространение во многих передовицах первых выпусков русских газет в Королевстве СХС обращений к «братьям славянам». Не стала исключением и эта газета. Необходимо учитывать, что подобные тексты-обращения, в силу своей целевой направленности, как правило, носили эмоциональный характер под воздействием психологических факторов тех тяжелых условий, в которых

---

<sup>409</sup> Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции // Труды по истории России, Центральной Европы и историографии. Спб., 2020. С. 338.

<sup>410</sup> Там же.

оказались эмигранты. Зачастую на первый план в данном случае выходили вопросы выживания и обустройства. В связи с этим мог быть сделан особый акцент на «сближающем» факторе – начиная с упоминания об общем славянском происхождении и переходя к упоминанию образа «исторической России – защитницы славянства». «Вынужденные покинуть свой родной кров, мы – дети поруганной и разграбленной России – пришли искать приюта у вас, наши дорогие братья. <...> Мы не раз с оружием в руках ходили в бои с врагами Славянства, помогая вам отстаивать вашу свободу, честь и достояние; много веков уже мы живем с вами одними заботами, одними стремлениями... не может это лихолетье длиться долго, что близко то время, когда воскреснет великая Россия – опора великого Славянского племени, неустанно всюду борющегося за свою самобытность»<sup>411</sup>. Разумеется, нужно учитывать сложное психоэмоциональное состояние людей, создававших тексты такого рода.

Значительную роль играли уже устоявшиеся стереотипы. Например, идея «братства» славян и в более узком смысле – «братства» русских и сербов. Подобные представления также выстраивали славянский нарратив. В статье за подписью «Н.Р.», опубликованной в белградском «Новом времени», развивалась данная идея: «На камнях строится славянский дом. Нужно только этим камням дать стальные скрепы»<sup>412</sup>. Этими скрепами, по мнению автора, стали укоренившиеся в сознании широкой русской беженской массы (особенно в Галлиполи, где некоторое время базировались остатки Добровольческой армии) «грёзы» и «мечты» о Сербии. Далее утверждает автор, что русские эмигранты «полюбили ее [Сербию – Р.К.], прежде чем увидели. Разве можно разбить эти мечты? Ведь Сербия уже много сделала для России...»<sup>413</sup>. Сербия (Королевство СХС) действительно многое сделало для русских беженцев, особенно на раннем этапе эмиграции.

---

<sup>411</sup> Обращение русских к гражданам Дубровника // Арсеньев А.Б. Русская эмиграция в Югославии. Избранные статьи. С. 11.

<sup>412</sup> Славяне // Новое время. Белград. 1921. 12 июля. № 64.

<sup>413</sup> Там же.

Любопытно также взглянуть на характеристику настроений преимущественно в сербском обществе (Белград), оставленную в письме товарищам по партии эсера и организатора Белградского отдела Земгора Ф.Е. Махина. Первые впечатления привели Махина (как, в принципе, и многих других русских эмигрантов) к следующему выводу: отношение к русским среди сербов складывалось под влиянием убеждения в том, что «русская катастрофа явилась следствием войны, начатой в защиту Сербии». И поэтому «помощь русским являлась моральным долгом перед Россией»<sup>414</sup>.

Большинство русских беженцев, осевших в Королевстве СХС, составляли бывшие военнослужащие Белой армии, покинувшие во главе с П.Н. Врангелем Россию в надежде на скорое возвращение и возобновление борьбы с большевиками. Эта надежда была характерна для подавляющего большинства эмигрантов, что отражалось в распространенном в начале 1920-х годов выражении «сидеть на чемоданах»<sup>415</sup>.

Размышляя о реальных перспективах осуществления славянской идеи в практической плоскости, русские эмигранты вновь, в духе дореволюционных дискуссий «поздних» славянофилов, возвращались к вопросу о ее действительной основе, ее «стержне». Что, в качестве такой основы, принимая во внимание текущие условия, можно было вложить в более-менее «полноценную программу», которая бы регулировала отношения между славянскими народами? Но и здесь необходимо было оговориться, урегулированию взаимоотношений в какой именно области (политической, культурной или экономической) славянская идея должна была содействовать?

Можно сказать, что послереволюционная эмиграция в славянские страны, несмотря на весь трагизм сложившегося положения, способствовала развитию в российской среде представлений о славянском мире на новом уровне. Как заметил в одной из своих газетных статей известный российский ученый-правовед и

---

<sup>414</sup> Из письма Ф.Е. Махина Областному Комитету Заграничных Организаций ПСР от 23 февраля 1924 // IISH. PSR Archives. 1001. Image 28. URL: <https://access.iisg.amsterdam/universalviewer/#?manifest=https://hdl.handle.net/10622/ARCH01038.1001?locatt=view:manifest> (дата обращения: 06.12.2024).

<sup>415</sup> Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. С. 380-381.



философ Е.В. Спекторский, представитель русской колонии в Белграде, славянство в условиях русской эмиграции стало восприниматься «как живая реальность и живая связь с живыми людьми»<sup>416</sup>. Схожую мысль выразил и А.А. Башмаков, указав на иронию сложившегося положения. До революционных событий 1917 г., писал он, «не только серая народная масса, но и большое число интеллигенции и даже тех зажиточных слоев, которые привычно ездили за границу», «понятия не имели о славянах». И вот лишь с гибелью Российской империи, после вынужденной эмиграции, многие русские «познали впервые, собственным опытом, что такое славянский мир»<sup>417</sup>. По сути наступил тот момент, когда часть русской общественности, оказавшись на территории славянских стран, с помощью высказываний и текстов приступила к конструированию образа «обновленного» свершившимися событиями славянства. Если официальная Россия выпала из него, то деятельность оказавшейся за рубежом массы русских беженцев должна была олицетворять новый этап в развитии славянского мира. Так, например, в «Новом времени» в 1928 г., описывая открытие Четвертого Съезда русских ученых за рубежом, упоминалась речь русского ученого, специалиста по истории права славянских народов, Ф.В. Тарановского «о едином славянстве и о бесплодности иногда делаемых теперь попыток исключить из славянства Россию»<sup>418</sup>.

С первых дней русские беженцы приступили к активной деятельности по созданию различных организаций и обществ. Как отметил сербский исследователь А.Ю. Тимофеев, создававшиеся в эмиграции русские организации и объединения, несмотря на зачастую провозглашавшийся ими принцип беспартийности и неучастия в политической деятельности, на деле все же имели политическую природу<sup>419</sup>. Н.С. Трубецкой, один из основоположников евразийства, определяя главную особенность эмиграции из России, писал:

<sup>416</sup> Спекторский Е.В. Россия и славянство // Возрождение. Париж, 1926. 24 мая. № 356.

<sup>417</sup> Башмаков А.А. Мы и Они (часть вторая) // Вера и Верность. Нови Сад. 1923. 3 сен. (23 авг.).

<sup>418</sup> Открытие 4-го Съезда Русских Ученых // Новое время. Белград. 1928. 18 сентября. № 2212.

<sup>419</sup> Тимофеев А. Српско-руски друштвено-политички односи у раздобљу националне трагедије. 1917–1945 // Москва – Сербия; Белград – Россия. Сб. док. и мат. Т. 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. М.; Белград, 2017. С. 41.

«Русская эмиграция есть явление политическое, непосредственное следствие политических событий. Как бы ни старались русские эмигранты уйти от политики, они не в состоянии сделать это, не перестав быть эмигрантами». «Политический контекст» был естественен, если учитывать психологические особенности – в первые годы зарубежной жизни многие беженцы из России, как уже было отмечено, жили мыслью о скорейшем возвращении на родину. Часть из них была мотивирована идеей продолжения Белого дела за рубежом – борьбы с большевизмом в стремлении ее освобождения от «коммунистического ига»<sup>420</sup>.

Интересно, что славянофильское мировоззрение, отдельные положения которого были развиты в концепции Н.Я. Данилевского, наложило свой отпечаток на взгляды видного сербского политического и государственного деятеля Николы Пашича еще в годы его молодости, что отметил российский исследователь А.Л. Шемякин<sup>421</sup>. Отсюда проистекала основная идеологически обоснованная линия – противопоставление «славянского мира» Европе, ее культурному и политическому влиянию, стремление найти свой «славянский» путь. Любопытно, что фактор общеславянского сознания сохранится (в несколько переработанном виде, с учетом политической реальности) в идеологии Н. Пашича и на более позднем этапе его политической деятельности, в рассматриваемый нами период образования КСХС и расселения русских эмигрантов в этом славянском государстве.

Что касается развития представлений о славянской идее в КСХС, то в кругах интеллектуалов, ученых и деятелей культуры этого славянского по преимуществу государства также были распространены различные точки зрения. С одной стороны, это были размышления о славянстве как культурной противоположности (романо-германской) Европе. Идея славянского мессианства (вера в мысль об особой задаче славян в мировой истории) в условиях первых лет жизни обретенной славянской государственности и подобного рода настроения

---

<sup>420</sup> Živanović M. Ideje i planovi borbe protiv komunizma u redovima ruske emigracije u Kraljevini SHS / Kraljevini Jugoslaviji. Srpsko-hrvatski odnosi u 20. veku. ur. Darko Gavrilović. Golubić: Centar za istoriju, demokratiju i pomirenje. Pp. 53-71.

<sup>421</sup> Шемякин А.Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868-1891). М., 1998. С. 348-350.

интеллектуалов подкреплялись, помимо прочего, и влиянием мыслей О. Шпенглера о цивилизационно-культурном кризисе Европы<sup>422</sup>. Однако этой позиции придерживались далеко не все. Более умеренные югославские интеллектуалы (например, сербский философ М. Джурич), категорично не отрицавшие фактор Запада в славянской жизни вовсе, выступали за трактовку славянства как своеобразный культурный синтез, образ «моста» между Западом и Востоком<sup>423</sup>.

Следует также учитывать, что на формирование отношения к «русскому вопросу» в КСХС оказывала существенное влияние идейно-политическая ориентация, определяемая принадлежностью к конкретному политическому лагерю. Не все югославы были солидарны в поддержке и одобрении «старой» России.

В докладах британских дипломатов в октябре 1920 г. сообщалось: «с-х-сл. правительство при определенных условиях согласилось принять в Сербии беженцев с Лемноса, Кипра и из Египта. Беженцы с Лемноса были успешно переправлены в начале ноября, но поскольку было стало известно, что у беженцев из Египта отсутствует зимняя одежда, было принято решение переправить их, когда кончится зима. К сожалению, в это время генерал Врангель в Крыму потерпел крах, и в марте в Котор пришло несколько врангелевских кораблей под французским флагом, с 20 000 тысячами беженцев, среди которых находились семьи и гражданские лица, сторонники участников врангелевского предприятия. На Сербию было оказано сильное давление, чтобы она приняла этих беженцев, у многих из которых имелись инфекционные заболевания. Сербия их приняла, но не дала твердых гарантий, что будут их содержать. Учитывая трудности, связанные со столь большим числом беженцев, сербы не выказали готовности выполнить свои обязательства по приему беженцев, находившихся в Египте и на Кипре. В свою очередь «Британское правительство предложило отложить выполнение этих предложений, надеясь, что советское правительство могло бы их принять назад.

<sup>422</sup> См.: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. / пер. с нем. К.А. Свасьяна. Т. 1. М., 1993.

<sup>423</sup> Daskalov R., Mishkova D. *Entangled Histories of The Balkans*. Vol. 2. Leiden, Boston. 2014. P. 83-85.

Схсл правительство не соглашалось с предложенными изменениями, но они все же были выполнены. Оно согласилось принять беженцев из армии Врангеля и использовать их либо на различных общественных работах, либо для охраны границы»<sup>424</sup>.

Вполне ясна была позиция югославянских коммунистов, в идеологическом отношении стоявших на стороне большевиков и поддерживаемых ими. Известный русский общественный и политический деятель, видный представитель партии кадетов Ф.И. Родичев во время поездки на Балканы с целью агитации в пользу Белого движения летом 1919 г., посетив КСХС заметил: «Большевизм здесь не пустой звук. Сейчас они, их агитаторы, выплывают на поверхность. Нашу поездку с нами делил большевистский агитатор; в Сараево, Мостаре, в Катарро были большевистские возгласы»<sup>425</sup>.

Представитель Коммунистической партии Югославии (КПЮ) Никола Ковачевич в одном из своих выступлений в Народной Скупшине довольно эмоционально выразил свое мнение по отношению к «русскому вопросу». При этом он дал ясно понять, что для него (и других его товарищей – коммунистов) этот вопрос не был однозначно ориентирован в сторону памяти «старой России», как, например, для Николы Пашича и короля Александра: «Депутаты от правительственных групп постоянно бросают нам, левым, представителям революционного рабочего класса: “Россия, Россия, Россия”... Да, господа, мы гордимся режимом в Советской России. <...> Господа, вы должны знать тот исторический факт, что если бы не было Великой русской революции, не было бы и национального единства в нашей стране. Это факт: империалистические державы Антанты сделали из нас... рабов, а русская революция первой признала нашу независимость»<sup>426</sup>. В накалявшейся атмосфере слова Н. Ковачевича не

<sup>424</sup> Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izvještaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921-1938. Knjiga prva. 1921-1930. Zagreb: Arhiv Jugoslavije; Globus, 1986. S. 33-34.

<sup>425</sup> Из письма члена Славянской миссии русских общественных деятелей Ф.И. Родичева члену Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР М.М. Федорову (июль 1919 г.) // Москва – Сербия; Белград – Россия. Сб. док. и мат. Т. 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. М.; Белград, 2017. С. 122.

<sup>426</sup> Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1921. Број 39. XLVI. Редовни састанак. 4. јуна 1921. С. 10.

остались без ответа. Бывший посланник Сербии в России Мирослав Спалайкович в глубоком возмущении назвал Ковачевича «большевистским шпионом»<sup>427</sup>.

На момент 1923 г. в Лондон поступали следующие донесения: «Что же касается возможности установления в некоторой форме отношений с Россией, то положение таково, что правительство в целом стремится вступить в контакт с Москвой, но г. Пашич противится любому шагу в этом направлении, который не сопровождался бы шагами великих держав. В декабре белградская печать опубликовала многочисленные статьи с требованиями протянуть руку великой славянской сестре. Существовали и некоторые практические трудности, а именно: присутствие в стране большого количества беженцев и стеснительность при выселении представителя царского правительства из здания русского посольства и нанесение ущерба памяти о режиме, который пожертвовал собой, чтобы спасти Сербию. Все же были предприняты меры, чтобы ограничить деятельность сторонников царя и генерала Врангеля»<sup>428</sup>.

В своей книге, написанной в стиле памфлета против своего политического противника – короля Александра Карагеоргиевича, известный сербский политик, член Демократической партии Королевства СХС Светозар Прибичевич также достаточно критически и негативно охарактеризовал роль сторонников монархии из русских эмигрантов. По его мнению, русские монархисты являлись «опорой диктатуры короля-самодержца Александра», в то время как русский «царизм был перенесен с берегов Невы в Белград»<sup>429</sup>. К тому же, негодовал Прибичевич, монархия стала «единственной официально признанной» формой правления, и король «триединого народа» «следовал примеру» монарших особ России<sup>430</sup>. Значительная часть русской эмиграции в Королевстве СХС действительно выражала симпатии королю Александру Карагеоргиевичу, памятуя о его связи с царской Россией. Вместе с этим на страницах прессы порой старались подчеркнуть образ короля – «преданного защитника дела славянства».

---

<sup>427</sup> Ibid.

<sup>428</sup> Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izvještaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921'1938. Knjiga prva. 1921-1930. Zagreb: Arhiv Jugoslavije; Globus, 1986. S. 176.

<sup>429</sup> Pribićević S. Diktatura kralja Aleksandra. 2 izd. Beograd, 1953. S. 213.

<sup>430</sup> Ibid. S. 213.

Стоит обратить внимание на впечатления о своих прежних соотечественниках – первых русских беженцах, поселившихся в КСХС, зафиксированные русскими либеральными деятелями после поездок с агитационными целями по Балканам. Конечно, нельзя не заметить, что на данную характеристику оказал влияние оставшийся осадок политических противоречий недавнего прошлого (да и настоящего). В своей переписке с Михаилом Михайловичем Федоровым, членом Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР А.И. Деникине, либерал и представитель особой Славянской миссии русских общественных деятелей Ф.И. Родичев с грустью писал: «Рассказываю я Вам это для характеристики той среды, которая здесь представляет Россию, – убожество мысли, фантастические представления о жидомасонском заговоре, о революции русской, посеянной Америкой. Живое место в душах этих людей – ненависть к жидом, радость от погрома, ненависть к французам. На дне души – мечта о германце. <...> Бог с ними, это жалкие, несчастные люди, но беда в том, что, глядя на них, сербы вынуждены сказать, что такова Россия, а глядя на реставраторов, не зададут ли они себе вопрос: так вот кто хочет владеть и руководить Россией?»<sup>431</sup>. В свою очередь с проявлением мысли «реставраторов» - реакционеров, призывал Родичев, необходимо было бороться, вернее выдвинуть более привлекательную альтернативу – с демократическим уклоном. Это была борьба за создание определенного образа России, причем России, которой не было в реальной жизни. России, которая теперь складывалась в деятельности русских эмигрантов, в срезе их идей. Этот образ России лишь условно складывался, по крупицам, в отражении жизни «Зарубежной России».

Проблема функционирования Королевства СХС, как все же полиэтнического по своему составу государственного образования, на основе идеологии югославизма неоднократно поднималась в историографии. Российский историк С.А. Романенко, в частности, оценил развитие идеологии югославизма в рамках ее эволюции от формы полиэтнического национализма к моноэтническому

<sup>431</sup> Из письма члена Славянской миссии русских общественных деятелей Ф.И. Родичева члену Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР М.М. Федорову (июль 1919 г.) // Москва – Сербия; Белград – Россия. Сб. док. и мат. Т. 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. М.; Белград, 2017. С. 121.

национализму, в котором отрицалась «идентичность и права даже родственных этнических общностей и их государственных образований в пользу какого-то одного»<sup>432</sup>. Отечественный исследователь А.Л. Шемякин отметил, что стремление «проюгославянски настроенных представителей сербской интеллигенции и политиков» объявить сербов, хорватов и словенцев частями одного «единого народа» было во многом ошибочным, так как при идеализации общности «происхождения и языка», ими явно «не учитывались иные объективно разделяющие факторы»<sup>433</sup>. Ученый и видный деятель русского церковного зарубежья Н. М. Зернов, вместе с семьей оказавшись в свои молодые годы в эмиграции в Белграде, характеризуя внутреннюю жизнь «Триединого государства» вспоминал: «Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, возникшее на развалинах Австро-Венгерской и Турецкой Империй, переживало трудную переходную пору, когда оно открыло свои двери русским беженцам. Новое государство разрывалось на части соперничеством народов, населявших его. Сербь, хорваты, словенцы, черногорцы, македонцы, далматинцы и босняки не доверяли и завидовали друг другу. Кроме них, Королевство включало арнаутов, немцев и венгров, стремившихся к национальной автономии. Эти трения усиливались благодаря различиям в религии»<sup>434</sup>.

В сложившейся ситуации, продолжает Н. М. Зернов, русским беженцам «было тяжело наблюдать этот балканский сепаратизм, мешавший нашим славянским братьям дружно работать для общего блага». С раздражением воспринимали русские эмигранты и «увлечение Францией»<sup>435</sup>, охватившее интеллигенцию столицы КСХС<sup>436</sup>. Тяготила мысль о том, что великая прежде Россия была разрушена, а во внешней политике славянских государств появился новый ориентир – Франция. Пребывая среди славян, эмигранты, испытыв

<sup>432</sup> Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». С. 21-22.

<sup>433</sup> Шемякин А.Л. К вопросу о роли внешнего фактора... // Версаль и новая Восточная Европа. С. 15.

<sup>434</sup> Зернов Н. М. За рубежом: хроника семьи Зерновых. Париж, 1973. С. 117.

<sup>435</sup> «Увлечение» это во многом объяснялось реальным положением дел во внешней политике молодых государств, порожденных Версальской системой. К концу 1920 г. начинает действовать союзный блок Малой Антанты, куда входили Югославия, Чехословакия и Румыния. Данный союз был во многом детищем французской дипломатии в первые послевоенные годы. Подробнее об этом в следующих главах работы.

<sup>436</sup> Зернов Н. М. За рубежом: хроника семьи Зерновых... С. 117.

серьезное психологическое потрясение, осмысливали (и переосмысливали) закрепившийся в сознании многих старый образ «России – защитницы славянства». И вот пришло время, когда сербы, после тяжелых испытаний, наконец, восторжествовали «своей победой, сделавшей их маленькое королевство государством, с которым считались великие державы». Сербский элемент занял основополагающее место в структуре нового государства, воплотившего в себе идею югославизма. Русские же, испытав глубокий кризис своей государственности, «пришли из иного мира, потрясенного большевизмом», но в то же время «сознавали его угрозу для Балкан, не умеющих найти свое единство»<sup>437</sup>.

Болезненно воспринимался в национально-патриотических кругах эмиграции и символический образ французского императора Наполеона Бонапарта. В своих воспоминаниях русский ученый Е.В. Спекторский, упоминая изданную писателем и поэтом Д.С. Мережковским книгу о Наполеоне, с некоторым возмущением заметил: «Между прочим, после мировой войны наступила новая фаза в истории наполеоновской легенды. Из него сделали защитника демократического славянства против “царистической России”»<sup>438</sup>. Определенная популярность образа Наполеона как символа борьбы за демократическое устройство славянских народов распространилась среди представителей интеллигенции Югославии и Чехословакии. В 1929 году в Любляне состоялись торжественные мероприятия при участии делегации из Франции, на которых был открыт памятный монумент Наполеону Бонапарту как основателю Иллирийских провинций<sup>439</sup>. Тем самым проводилась параллель между Иллирией наполеоновских дней и «возрожденной Иллирией» – новой славянской государственности современной им эпохи.

В то же время образ Франции специфично переосмысливался в контексте внешнеполитической и идеологической линии Советской России. В первую очередь – Франция, олицетворявшая ненавистную политику в рамках

---

<sup>437</sup> Там же.

<sup>438</sup> Спекторский Е.В. Воспоминания. Рязань, 2020. С. 477.

<sup>439</sup> Откривање споменика Наполеону I и прослава оснивања Илирије // Време. Београд. 1929. 14. октобар. С. 3.



Версальской системы. Советский дипломатический представитель в Италии Н.И. Иорданский сообщал первому замнаркому М.М. Литвинову о намеченных в Италии планах включить Советскую Россию в состав межгосударственного блока, предполагавшего две возможные вариации: «Россия, Италия, Германия», а также «Россия, Италия, США»<sup>440</sup>. По мнению Н.И. Иорданского, для Советской России главный интерес всех этих комбинаций в конечном итоге сводился к тому, что «они допускают возможность нашей активной политики в смысле разрушения французской гегемонии и затем Лиги Наций, то есть в смысле возможной дезорганизации механизма современной реакции»<sup>441</sup>. Интересно, что в размышлениях советского дипломата «дипломатический треугольник» с участием Советской России мог быть расширен, помимо прочего, и «присоединением других славянских государств» (но каких конкретно – автор записки не уточнил)<sup>442</sup>.

Британские наблюдатели отмечали: «С присутствием около 40 000 русских в этой стране ее общественное мнение безоговорочно не соглашалось. Чиновники и представители свободных профессий с ужасом наблюдали за конкуренцией, которая исходила от гораздо лучше образованных русских в момент, когда росла безработица. С точки зрения науки и искусства приезд русских приносил выгоду: художники, музыканты, актеры и певцы способствовали благоприятной атмосфере в столице. А университеты открыли свои двери русским ученым»<sup>443</sup>.

Вернемся к вопросу о причинах, ложившихся в основу складывавшегося отношения представителей сербской интеллигенции и политиков к русской эмиграции. По-своему интерпретировал значение потенциала русской эмиграции для Королевства СХС, и шире – для всего «славянства» видный сербский научный деятель, профессор Радован Кошутич. В 1922 г. он представил обществу свои размышления о той роли, которую в перспективе могли сыграть

<sup>440</sup> Записка Н.И. Иорданского М.М. Литвинову от 5 дек. 1923 г. // Москва — Рим: Политика и дипломатия Кремля, 1920-1939. М., 2002. С. 108.

<sup>441</sup> Там же.

<sup>442</sup> Там же.

<sup>443</sup> Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izvještaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921'1938. Knjiga prva. )1921-1930. Zagreb: Arhiv Jugoslavije; Globus, 1986. S. 51-52.

представители русской эмиграции: «теперь самое время сеять семена, чтобы Россия, когда она утвердится, снова стала неисчерпаемым источником нашей силы, выживания и свободы нашего Королевства и всего Славянства». В прекраснотушних словах отражалась хотя и несколько идеалистичная, но высокая по своей нравственной сути мысль: «Давайте воспитаем ее [русскую молодежь – Р.К.] так, чтобы она всей душой любила эту страну, чтобы, вернувшись в Отечество, она была проповедницей любви к нам, проповедницей нашего союза и федерации всех славянских государств. Потому что только если Россия будет славянской, будет обеспечено свободное выживание и развитие славянства»<sup>444</sup>. Однако вновь возникает вопрос: можно ли было всерьез рассчитывать на подобные перспективы, если учитывать, что славянство было разобщено, и во главу угла ставились по-прежнему (даже в еще большей степени) этнонациональные (нежели национально-государственные) интересы.

Взгляды на идеологию интегрального югославизма, представлявшую сербов, хорватов и словенцев как единый «трехименный народ» были различны и в сербской среде. Так среди сторонников и пропагандистов интегрального югославизма находился известный сербский ученый Й. Цвийич. Интересно, что сербский ученый также активно писал и о так называемой идее «самобытной цивилизации» южных славян, представляя возможные пути ее реализации «в способах ведения и направлении общественной и экономической работы, и особенно в науке и искусстве»<sup>445</sup>. По мнению Цвийича для достижения этой заветной цели были необходимы всесторонние «живые» встречи и контакты представителей всего славянства (в том числе и русских). Сюда входила также организация сотрудничества в рамках научно-гуманитарных учреждений, развитие публицистической деятельности<sup>446</sup>. Идея славянской взаимности, таким образом, рассматривалась в широком контексте славянства, находя преломление в сочинениях сербских авторов, посвященных дискуссиям о судьбе югославянства.

<sup>444</sup> Просветни гласник. Службени лист Министарства Просвете. 1922. Број 7 и 8. С. 165.

<sup>445</sup> Цвијић Ј. О основама јужнословенске цивилизације // Српски књижевни гласник. 1922. 1. септембар. С. 349-350.

<sup>446</sup> Ibid. С. 357.

Находясь под влиянием популярной в сербских политических кругах идеологии интегрального югославизма, интеллектуалы активно содействовали ее распространению.

Одновременно с этим выражались и противоположные мнения в отношении идеологии югославизма<sup>447</sup>. В частности, на страницах сербской газеты «Застава», органе сербской Радикальной партии, высказывалась критика в отношении югославизма: «Эта югославская пропаганда и это единство «одного» народа созданы настолько искусственно, что разум человеческий должен задаться вопросом, возможно ли, чтобы доктрина была завернута в настолько фальшивую мантию, с тем, чтобы скрыть правду от всего мира»<sup>448</sup>.

Выступая в роли сторонника демократических ценностей, Кошутич, по-видимому обращая взор на демократическую часть русской эмиграции с некоторым упоением писал о том, что «Россия демократизируется». Свои надежды сербский профессор и политик возлагал и на славянскую идею. «Идея славянской взаимности», писал он, «не должна быть дорога лишь незначительной части русской интеллигенции, но... должна стать руководящим стимулом для самых широких слоев». По мнению Кошутича, русская эмигрантская молодежь, на которую предполагалось делать ставку, как часть «русского народа» была несколько «идеалистична» по своей натуре, «неискушенной» в вопросах реальной общественной и политической жизни. «Просветить» ее, по мнению Кошутича, следовало с помощью расширения сети русских школ в стране<sup>449</sup>.

Высказался о необходимости сотрудничества между представителями славянства на почве культуры, о необходимости в тесном сотрудничестве русских, сербов и других славян вносить вклад в дело «межславянского сближения» сербский ученый, общественный и политический деятель Милош Московлевич. Безусловно интересно содержание опубликованной переписки М.

<sup>447</sup> Особо заметная критика шла со стороны хорватских деятелей. См.: Романенко С.А. Путешествие в пространстве и времени. Монархия Габсбургов и монархия Карагеоргиевичей глазами хорватского писателя Мирослава Крлежи (1925 г.) // *Europa Orientalis*, XXXVI, 2017, pp. 355-393.

<sup>448</sup> Аустрийски рад на «југословенској» идеји у Америци // *Застава*. 1921. 5. јула. Бр. 148. С. 2.

<sup>449</sup> Кошутић Р. Руске школе // *Просветни гласник*. Служебни лист Министарства Просвете. 1922. Број 7 и 8. С. 166.

Московлевича с видной представительницей левой (эсеровской) эмиграции из России, известной революционеркой Е.К. Брешко-Брешковской. Имеющиеся сведения позволяют говорить о налаживании достаточно тесных личных контактов и определенной степени солидарности в обсуждении вопросов, касавшихся темы межславянского культурного взаимодействия (сотрудничество представителей славянских народов в издательствах и отдельных организациях), а также политико-партийных предпочтений. Касаясь оценки положения славянских народов в целом после завершения Первой мировой войны, в одном из писем летом 1921 г. М. Московлевич писал: «только после войны, после тяжелых испытаний и горьких уроков славяне убедились, что только познакомившись сначала друг с другом, они будут в состоянии образовать дружную и сильную семью, которая сможет осуществить задачи, предназначенные им историей человеческого прогресса»<sup>450</sup>. С одной стороны, конечно, на наш взгляд, в этих словах Московлевича отражается значительный (и в ракурсе сохранявшихся, даже усиливавшихся в «славянском стане», этнонациональных и этнополитических противоречий не совсем правомерный) оптимизм. Но почти сразу же Московлевич несколько скорректировал свою мысль, добавив, что наступившее время представлялось не самым «удобным» для «общеславянских» мероприятий, хотя бы и на почве культурной работы. Например, это касалось, по мнению Московлевича, издания «общеславянского журнала» (инициатива Е.К. Брешковской). По этому поводу он писал «бабушке русской революции»: «сейчас все славянские народы находятся в фазисе внутреннего переустройства и обновления после войны, все они слишком заняты своими делами, вылечиваньем ран, исканием новых путей»<sup>451</sup>. Действительно, оценка наступившей исторической фазы, в которую вступили славянские народы после 1918 г., вызывала больше вопросов, нежели давала ответов.

Исходя из той же переписки М. Московлевича с Е.К. Брешковской мы узнаем, что последняя предложила югославянскому политику и члену Земледельческого

<sup>450</sup> Из писем М. Московлевича Е.К. Брешко-Брешковской, от 10 июля 1921 г. // Москва – Сербия, Белград – Россия. М.; Белград, 2017. С. 131.

<sup>451</sup> Там же. С. 131-132.

союза КСХС сотрудничать с эсеровской газетой «Дни», издававшейся в Берлине. При этом сам Московлевич довольно положительно отзывался о данном издании, попутно отмечая свое сочувственное отношение к социалистам-революционерам: «слежу за симпатиями людей, издающих ее [газету – Р.К.], зная их дела еще из раньше (sic!). До тех пор, пока не возникнет настоящая чисто крестьянская партия в России, правые эсеры мне ближе всех других»<sup>452</sup>. В время своего пребывания в России накануне Октябрьской революции, описывая в своем дневнике впечатления о происходивших событиях, М. Московлевич не обошел вниманием фигуру Е.К. Брешковской, дав лаконичную, положительную оценку ее работе: «“Воля народа”, орган умеренных эсеров, в котором пишет Брешко-Брешковская, пишет разумно и умеренно»<sup>453</sup>. Находясь в тесных контактах с представителями левой русской эмиграции, прежде всего правыми эсерами, М. Московлевич выражал надежду на то, что в скором будущем установится тесная связь между КСХС и «демократической Россией».

Политика Королевства СХС в отношении многотысячных масс беженцев из России была обусловлена несколькими факторами. Несомненно, важную роль играли сложившиеся за предшествовавшие годы между Россией и Сербией культурные и политические связи. Кроме того, Россия открыто поддержала Сербию в весьма важное для последней время – в начале Первой мировой войны в июле 1914 г., и продолжала оказывать помощь во время войны сербскому правительству в эмиграции. Одним из факторов, оказавшем влияние на политику властных элит КСХС по отношению к русской эмиграции являлись многочисленные брачные связи сербской и черногорской династий (Карагеоргиевичей и Петровичей-Негошей) с домом Романовых<sup>454</sup>.

Положительное отношение представителей сербского народа и ее правительственных элит к России – традиционному союзнику. Но при этом молодому государству «триединого народа», тесно связанному с

<sup>452</sup> Письмо от 8 января 1923 г. // Там же. С. 132.

<sup>453</sup> Московлевич М. У Великој Руској револуцији: Дневничке белешке. Београд, 2007. С.66.

<sup>454</sup> Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. М., 2005. С. 32; Benedeĵiĉ A. Rusija in slovanstvo: med velikodrĵavnostjo in vzajemnostjo. Ljubljana, 2021. S. 334-335.

установившимися положениями Версальской системой международных отношений, было необходимо учитывать настроения великих держав Европы, в первую очередь Франции. А затем и своими обязанностями в рамках партнерства в Малой Антанте с Чехословакией и Румынией (с осени 1920 г.), а также, что немаловажно, союзными обязанностями с Польшей.

Позиция по вопросу о судьбе обосновавшейся в КСХС армии Врангеля также не отличалась единодушием в политических кругах молодого триединого государства. Сербский ученый и политик левого направления Милош Московлевич выражал озабоченность по поводу того статуса, которым обладал П.Н. Врангель в Королевстве СХС, как «авантюрист» и противник налаживания дружеских отношений с возрождающейся (на что, видимо, надеялся Московлевич) «России демократической»<sup>455</sup>. (Сб. док. 1992).

Пытаясь аргументировать свои доводы, М. Московлевич указывал на активную деятельность русских эмигрантов, так или иначе связанных с личностью П.Н. Врангеля, в политических сообществах и организациях. Многих из них он подозревал в подготовке в среде широких слоев беженства на территории КСХС к мероприятиям военного характера, целью которых была стать Советская Россия. Обращают на себя внимание слова Московлевича депутатам Национальной скупщины в марте 1922 г. о том, что «представитель русских беженцев в русском совете господин Скаржинский<sup>456</sup>, который как представитель барона Врангеля был на Рейхеналльском конгрессе<sup>457</sup>, оставил свою подпись под многими его постановлениями». Рейхеналльский конгресс, подчеркивал Московлевич, установленными на нем принципами «полностью соответствуют интересам Германии и интересам Болгарии и всех противников, врагов нашей страны»,

<sup>455</sup> Из запроса депутата Народной скупщины Королевства СХС М. Московлевича министру иностранных дел д-ру М. Ниничу о статусе генерала Врангеля... от 21 марта 1922 г. // Советско-югославские отношения. 1917–1941. М., 1992. С. 125–127.

<sup>456</sup> Петр Васильевич Скаржинский – русский общественный и государственный деятель, в 1916–1917 гг. губернатор Волынской губернии. Эмигрировал в КСХС в 1919 г., занимал должность председателя совета Объединенных монархических организаций в КСХС.

<sup>457</sup> Первый съезд представителей русского монархического движения, состоявшийся в мае 1921 г. в немецком городе Рейхенгалль.

выдвинувших «требование аннулирования Версальского мира и всех других мирных договоров, на которых основана наша страна»<sup>458</sup>.

Оставалась актуальной проблема трактовки славянской идеи. И здесь нужно было определиться с характером и составными частями возможного сценария объединения с участием славян: либо в форме более узкой югославянской идеи (сербы, хорваты, словенцы – что было уже реализовано), либо в более широких рамках «единения южных славян» (например федерации, куда включали также болгар). Но, как можно заметить исходя из переданных в протоколе слов самого Московлевича, проблема обострения сербско-болгарских (КСХС – Болгарии) отношений, на что оказывали влияние сохранявшиеся противоречия территориального характера между двумя государствами, оставалась актуальной. Ее активно упоминали, особенно сербские политики. В речи Милоша Московлевича восприятие образа Болгарии связывалось с образом врага. Слишком свежа была память о Второй Балканской войне и Первой мировой войне – память о «вражеской Болгарии», выступившей на стороне Германии и Австро-Венгрии и «предавшей» идеалы «славянского дела». И на фоне подобных упоминаний в дискуссиях вопрос об участии Болгарии в общеславянском проекте, или хотя бы на уровне тесного политического сотрудничества Королевства СХС и Болгарии, оставался полемичным или же попросту повисал в воздухе.

Вернемся к проблеме обличения русских эмигрантов в качестве германофилов. Помимо югославян о германофильстве русских беженцев упоминали и британские дипломаты: «Вторая причина претензий имела прежде всего политическую, а не экономическую природу, иными словами, мнимые симпатии беженцев к Германии Людендорфа и их возможная активность и интриги для восстановления свергнутых правителей и ревизии мирных договоров. С другой стороны, русских беженцев обвиняли в том, что они обеспечивают убежище большевистским агентам. В то время как эта ситуация ослабляла симпатии народа и правительства по отношению к русским братьям, двор оставался очевидно

---

<sup>458</sup> Из запроса депутата Народной скупщины КСХС М. Московлевича... // Советско-югославские отношения. 1917–1941. М., 1992. С. 127.

русофильским, что нас не удивляет, поскольку король был воспитан в Петрограде а княгиня Елена – вдова великого князя Ивана Константиновича, убитого большевиками»<sup>459</sup>.

Со своей стороны русские беженцы по возможности старались отстаивать свою репутацию от упреков в симпатиях Германии. По инициативе Русского Национального Комитета представителям многих русских эмигрантских организаций в КСХС весной 1922 г. были разосланы специальные письма. В них РНК предлагал «реагировать организованной русской общественности на появившийся за последнее время в сербской прессе ряд статей с обвинением некоторых групп русской эмиграции в явном германофильстве»<sup>460</sup>.

### Выводы

Значительную роль в восприятии друг друга русскими и сербами как славян играли уже устоявшиеся стереотипы. Например, идея «братства» славян и в более узком смысле – «братства» русских и сербов. Подобные представления также выстраивали славянский нарратив. Метафора славянского единства заключалась в строительстве здания на зыбком каменистом основании, которому были необходимы крепкие опорные конструкции. Среди эмигрантов бытовало мнение, что роль таких «скреп» могли бы сыграть позитивные представления о Сербии, распространенные среди русских беженцев, особенно в Галлиполи, где базировались остатки Добровольческой армии П.Н. Врангеля. На территории КСХС они объединились в рамках Русского общевойскового союза (РОВС) в сентябре 1924 г. В общественно-политическом и научном дискурсе русских эмигрантов сохранялась традиция называть Королевство СХС Сербией. Под влиянием пережитых событий укрепилась мысль о том, что русским эмигрантам уже было свойственно теплое отношение к Сербии (так они воспринимали

<sup>459</sup> Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izvještaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921'1938. Knjiga prva. 1921-1930. Zagreb: Arhiv Jugoslavije; Globus, 1986. S. 52. Подробнее см.: Кузьмичева Л.В. Представители императорского дома Романовых о Карагеоргиевичах и Пйтровичах // Исторически институт. Зборници радова. Кs. 4. Ноововековне српске династије у мемоаристици. Београд, 2008. С.261-284.

<sup>460</sup> Из письма Русского Национального Комитета Русскому отделу Общества славянской взаимности в Белграде от 12 апреля 1922 г. // ГА РФ. Ф. Р6134. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.



КСХС), даже до момента личного знакомства с этой страной. Однако картина была сложнее.

Далеко не все, особенно среди хорватского и словенского национальных элементов однозначно благосклонно отнеслись к русским эмигрантам и не оперировали понятием «славянское братство». Играла свою роль и свежая память о войне, а также в целом то, что некоторые представители «славянской семьи», в том числе и сербы Хорватии и Далмации, учитывая многие десятилетия жизни в Габсбургской империи, все же видели себя частью именно культуры западноевропейской.

И все же наступил тот момент, когда часть русской общественности, оказавшись на территории славянских стран, с помощью высказываний и текстов приступила к конструированию образа «обновленного» свершившимися событиями славянства. Кроме того, русские беженцы постепенно стали отдавать себе отчет в существовании значительных различий между сербами, хорватами и словенцами, а также наличии острых противоречий между ними, несмотря на принадлежность к славянству. Этот образ преломлялся в исторической мысли русских эмигрантов. При этом сохранялись, были адаптированы и традиционные элементы славянофильской оценки, связанные с представлением о русско-славянской общности – с одной стороны русских, а с другой южных и западных славян. Если официальная Россия фактически выпала из орбиты этого образа славянства, то творческая деятельность оказавшейся за рубежом массы русских беженцев должна была олицетворять новый этап в развитии славянского мира.

## ГЛАВА 2. СЛАВЯНСКАЯ ТЕМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КРУГОВ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В КОРОЛЕВСТВЕ СХС: ПРОТИВОСТОЯНИЕ КОНСЕРВАТОРОВ-МОНАРХИСТОВ, ЛИБЕРАЛОВ-КОНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ И ЭСЕРОВ- РЕСПУБЛИКАНЦЕВ В 1918-1929 ГГ.

### § 2.1. Специфика славянского исторического нарратива русского зарубежья: «консервативный» VS «либеральный» подходы в оценке славянства

Образы славянства стали существенным элементом сознания русской эмиграции в разных его формах: политическом, историческом, культурном и религиозном. В сущности, некоторые элементы той традиции осмысления славянской идеи, что закрепились в сознании русского общества еще в XIX – начале XX в., были востребованы и в условиях эмиграции. Но, с другой стороны, это была уже другая эпоха, требовавшая переосмысления утвердившихся ранее идей, их освоения в новых реалиях. Основным компонентом становилась рефлексия представителей эмиграции на положение славянства в обновлявшейся политической и социально-экономической конъюнктуре славянских народов ЦВиЮВЕ, России (ставшей Советской) и Европы в целом. При этом во фразеологии русских эмигрантов, оказавшихся в славянских странах, упрочивалось и само понятие «славянская идея». Большинству тех, кто принимал участие в дискуссиях, пришлось испытать на себе последствия свершившихся событий и процессов. Вернемся к факторам, в целом оказавшим существенное влияние на складывание определенных особенностей эмигрантской мысли. Невиданный ранее по своим масштабам и последствиям военный конфликт – Первая мировая война – по своему завершению определил новые ориентиры в различных сферах жизни многих государств Европы и их обществ. Война и ее завершение подтолкнули интеллектуалов и политиков к переосмыслению ранее устоявшихся идей.

Отмечая частые обращения к образу «славянской России» в общественно-политической мысли русского зарубежья, необходимо принимать во внимание сложность психоэмоциональной среды, в которой обитала русская

послереволюционная эмиграция. В связи с этим целесообразно, на наш взгляд, также соотнести представления о славянстве со сформировавшимися типами мышления в сознании русского эмигрантского общества. В годы пережитых трагических испытаний Первой мировой войны и обеих революций 1917 г. в сознании русской общественности утвердились различные типы мышления. Например, политическое, которое можно разделить на революционное, либеральное и националистическое, имперское, консервативное. Все они дополнялись к тому же разнообразным спектром позитивных и негативных эмоций<sup>461</sup>.

Старые идеи не канули в небытие. Они нашли своеобразное преломление в изменяющейся социально-политической и этнополитической конъюнктуре. Славянство, как сложный феномен, вбирал в себя и научно-теоретическую составляющую (заданное учеными-славистами осмысление славянских народов на уровне общности элементов их культуры), и идеологическую (попытка осмысления общности славян после обретения большей частью из них своей государственности на исходе 1918 г.). Здесь играли роль идейно-политические установки — перенятого дореволюционного наследия политического противостояния, адаптированного эмигрантами к новым условиям жизни и новом окружении. Либо же полного или частичного переосмысления установок предшествовавшего времени. Распространена была также традиция восприятия славянской идеи сквозь призму религиозно-конфессионального влияния — православия. В этом ракурсе развивались представления, распространенные среди консервативной части эмиграции, об «отошедших» от православной как «истинно славянской» веры западных славянах, позабывших о своем «историческом призвании». Далее в этом же контексте «славянский дух» связывался с образами Кирилла и Мефодия как просветителей славянства, идеалы проповеди которых якобы подготавливали всех славян к историческим испытаниям. В этом ключе славянство связывалось «тесными узами» с Россией и ее народом, не

---

<sup>461</sup> Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914-1918). М., 2020. С. 80-82.

забывающим (несмотря на коммунистическое «порабощение») своих православных корней. Анализируя подобный взгляд на славянскую идею, можно выделить еще один аспект, характерный для первых послевоенных лет 1920-х гг.: лишь сплоченное определенными духовно-нравственными ориентирами славянство готово принять вызов истории.

Одним из ключевых моментов явилось возникновение уже в эмиграции нового представления, распространившегося среди русских эмигрантов, обосновавшихся в Королевстве СХС. Согласно этому представлению, несмотря на трагизм сложившегося положения и, казалось бы, разрушения после прихода большевиков к власти образа ориентированной на славянство России, в новых реалиях эмигранты стали задумываться о ранее небывалой возможности «познать» славянский мир в непосредственной близости и взаимодействии с его представителями<sup>462</sup>. И тем самым усматривали «новый этап» в истории славянства, частью которого признавали самих себя. К подобным суждениям подталкивали и все же преобладавшие в массе антибольшевистские настроения. Здесь можно говорить не просто о «свежести» памяти о Гражданской войне, а об идее ее незавершенности, стремлении продолжать борьбу, в связи с чем возникали призывы сплотиться славянам (как целостному блоку) против угрозы Коминтерна. В соответствии с этим, в силу некоторой идеализации и абсолютизации «славяности», славянской идеи, в речах и текстах части эмигрантов порой гармонично соединялись размышления о русском национальном чувстве (в противовес декларируемому большевиками «интернационализму») с идеей принадлежности России к славянству.

Отличительной чертой восприятия славянства, распространенной среди эмигрантов правого консервативного толка, вдохновлявшихся славянофильской традицией, было его противопоставление неславянским европейским народам. Особенно этот мотив развивался эмигрантами в сопряжении с мыслью о вине

---

<sup>462</sup> См., например: Башмаков А. Мы и они // Вера и верность. Нови Сад. 1923. № 1. 25(12) августа. Продолжение его же статьи там же, в № 2 и 3; Спекторский Е.В. Россия и славянство // Возрождение. Париж, 1926. 24 мая. № 356; Брешковская Е.К. Ближайшая задача славян // Воля России. Прага. 1921. 29 апреля. № 190. Далее в основной части работы данный подход будет рассмотрен подробнее.

западных союзников России перед ней за то, что они, несмотря на огромный вклад России в победу над Центральными державами в Первой мировой войне, в свою очередь не оказали должной поддержки антибольшевистским силам в годы Гражданской войны. Развивали идею о некоей обособленности славянского мира на уровне духовно-нравственных ценностей, менталитета, сходства исторического развития славян как целостности от западноевропейских соседей не только консервативно мыслящие эмигранты. Обращалась к «братскому чувству» славян, подчеркивая при том, что «все славяне, вместе взятые, не могут похвалиться бескорыстным к себе расположением народов другого происхождения», «бабушка русской революции», член партии социалистов-революционеров Е.К. Брешко-Брешковская<sup>463</sup>. В первые месяцы после свершившейся Октябрьской революции, Брешковская выступила с речью на одном из заседаний партии, обосновывая антибольшевистскую позицию, отвергая нападки на нее в том, что она «давно ушла вправо»<sup>464</sup>.

Славянство из контекста национально-политического (славянская идея в фокусе ее значения в самоопределении славянских народов) переходила и в контекст социально-политический. Например, сербский ученый-славист Р. Кошутич, выступая с критикой русских «славянофильских реакционеров», рассматривал феномен славянства в контексте движения «вперед под флагом свободы и прогресса»<sup>465</sup>. Интересно, что Кошутич, обращаясь к русским консервативным элементам конца XIX – начала XX вв., ставил понятие «панславизм» в один смысловой ряд с «панцаризмом» и формулой «самодержавие, православие и русский язык».

Идея «духовного оживления» Европы, ее «перерождения» в «гуманитарном и широко моральном смысле». На волне популярности идей О. Шпенглера о «гибели Европы» в КСХС в интеллектуальной среде распространялась мысль со славянским мессианизмом в контексте вопроса о «судьбе Запада» и «обновлении

<sup>463</sup> Революция и славянство // Последние новости. Париж. 1921. 5 мая. № 320.

<sup>464</sup> Заседание 29-го ноября 1917 г. // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900—1925 гг. В 3-х т. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г.—1925 г. С. 102-103.

<sup>465</sup> Кошутич Р. Россия и Сербия // Ступени: общественно-литературный сборник. 1927. Апрель. С. 66.

Европы»<sup>466</sup>. Из рассуждений хорватского философа В. Дворниковича был подхвачен, в том числе и русскими эмигрантами, тезис: «славянский мир – мир мистики и идеалов, победит рационалистический и материалистический западный мир»<sup>467</sup>.

В одном из номеров газеты «Руль» в 1927 г. была высказана интересная мысль: «они (старые славянофилы – Р.К.) были проводниками идеи о нашем родстве с другими славянами, которые только в наше время получили политическую независимость. С ними связана будущность России»<sup>468</sup>. Интересна эта мысль с той точки зрения, что государственное будущее Российского государства признавалось в непосредственной связи с развитием новых славянских государств.

Если обратиться к сравнению тона и характера высказываний в публикациях известной дореволюционной российской газеты «Новое время» (под редакцией известного журналиста и издателя Алексея Сергеевича Суворина) со статьями в одноименной газете эмигрантского периода (уже под редакцией сына А.С. Суворина – Михаила Алексеевича), можно заметить определенные пересечения. Касаясь некоторых тем, белградское «Новое время» под редакцией М.А. Суворина перенимало определенные штампы, задававшиеся в статьях (пропагандистского характера) предшественницы. Например, это касается статей и заметок, выходивших в первые дни начала Первой мировой войны. С июля 1914 г. славянская тема в текстах подобного рода зачастую играла ключевую роль, становясь частью патриотически ориентированной пропаганды.

В реалиях эмигрантского бытия, память о Первой мировой войне и доблестных подвигах русских воинов играла чрезвычайно важную роль. Ее абсолютизировали в героический и патриотический нарративы, и тем самым эта память становилась важным компонентом национального, политического и исторического сознания эмигрантов. Слишком свежа была память об этих событиях, чтобы стать в полной мере предметом взвешенного научного анализа.

---

<sup>466</sup> В гостях у славянина // Руль. Берлин. 1924. 27 апреля.

<sup>467</sup> Там же.

<sup>468</sup> Был ли Н.Я. Данилевский отцом евразийства // Руль. 1927. 20 мая. № 1967.

Сквозь призму подобных установок развивали суждения и о международной политике.

В новогоднем выпуске от 1 января 1924 г., в передовой статье эмигрантской газеты «Новое время» с первых же строк акцент был сделан на памятной дате в предстоящем году – «десятилетия начала Великой войны». В передовице преувеличенно сообщалось о днях еще недавнего прошлого: «Как радостно мы, все русские, встретили эту войну. Войну за освобождение всего Славянства. Это был праздник для нас. Наша мечта претворялась в дело»<sup>469</sup>. Опираясь на выводы исследователей, занимающихся историей массовых общественных настроений в России в годы Первой мировой войны и революции 1917 г., стоит называть явным преувеличением обобщение массовости настроений «всех русских», будто бы единогласно на радостных чувствах поддержавших начало войны<sup>470</sup>. Однако, как было отмечено выше, новые жизненные обстоятельства (также как и изменение внутрисполитической конъюнктуры в странах Европы, и международной ситуации) вынуждали русских эмигрантов возвращаться к теме «Великой войны», том числе и связи с поиском так называемой «исторической справедливости» для России. Поэтому дискуссиям по данной теме были свойственны определенные оттенки, где героический дискурс превалировал над научно-теоретическим.

Еще в эпоху усиления немецкой экспансии на восток и тенденций германизации в пределах Австро-Венгрии, «славянство» (со своим идейно-ценностным стержнем – славянской идеей) для австрийских (и в определенной степени балканских) славян выступало в качестве «маркера разделения своих и чужих»<sup>471</sup>. Таковым было положение на начало XX в., вплоть до решающего 1918 г. Впоследствии мы можем отметить другую особенность. Некоторые публицисты, дискутируя об истории русской общественной мысли, подчеркивали, что даже «истинные» славянофилы 1840-х гг., говоря о кризисе

<sup>469</sup> Новое время. Белград. 1924. 14 января. № 816.

<sup>470</sup> См.: Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914-1918). М., 2020;

<sup>471</sup> Павленко О.В. С. 260.

западноевропейской культуры, не исключали славянские народы из состава Европы в целом<sup>472</sup>.

Ряд же других русских эмигрантов консервативного толка в своих публикациях, размышляя о культурном синтезе русских славян с зарубежными (западными и южными), противопоставляли славянство западноевропейским государствам. Однако здесь мы учитываем психоэмоциональную оценку сквозь призму тяжело воспринятых потрясений, основу которых составлял политический контекст. В передовице русской консервативной газеты «Новое время», посвященной внутриполитическим событиям в Королевстве СХС в августе 1928 г., писали следующее: «Славянским государствам более чем каким либо другим нужно беречь свою внутреннюю спайку. Европейские, не славянские народы, в лучшем случае только равнодушны к судьбам славянства, а в большинстве своем смотрят на них и расценивают их, как “навоз” по выражению Бисмарка, для своих национальных и других целей»<sup>473</sup>. Годом ранее в передовице той же газеты, размышляя над политикой великих держав Европы в рамках Лиги наций, была выражена мысль: «Между ними [великими западноевропейскими державами – Р.К.] идет торг по вопросам личной безопасности и, прежде всего, за счет малых народов, за счет их будущего. <...> У Европы славянство в его целом, не исключая России, всегда служило разменной монетой. Этого славянству не нужно забывать»<sup>474</sup>.

Своеобразную попытку определить место славянства в реалиях обновленной Европы предпринял и видный политический деятель эпохи Февральской революции М.В. Родзянко. Ему пришлось покинуть Россию в период событий Гражданской войны и эмигрировать на территорию Королевства сербов, хорватов и словенцев. Статья Родзянко, опубликованная в 1921 году в журнале «Нова Европа» на сербском языке, представляла собой своеобразный анализ всего пережитого Россией. В ней Автор, оторванный от родины и наблюдавший за происходящим уже издали, в ином ракурсе оценивал

<sup>472</sup> Славянофильство и евразийство // Новое время. Белград. 1928. 14 февраля. № 2035.

<sup>473</sup> Новое время. Белград. 1928. 5 августа. № 2176.

<sup>474</sup> Новое время. Белград. 1927. 10 сентября. № 1907.



свершившиеся трагические события. Рассматривая возможные сценарии будущего для России, Родзянко не мог не обратиться к славянской идее, по своему отпечатавшейся в его мировоззрении и оказавшей влияние на политическую деятельность: «Нацию, создавшую государство, равное одной шестой части всего мира, невозможно вычеркнуть из книги человечества. При полной вере в себя, отрицании всякой другой ориентации, при вере в славянскую идею великая Россия вновь засияет и объединится в крепкий и искренний союз со своими братьями-славянами»<sup>475</sup>. На чем основывались его оценки: это, прежде всего, образ героического сопротивления врагу – развитие дискурса «Священной борьбы» в который вплеталась и тема «Святой Руси». Его частью были пассажи с упоминанием традиции русской и сербской «воинской славы» в историческом обозрении, во взаимном (в положительном ключе) представлении русских и «братьев-славян» (прежде всего сербов). В сущности это был текст антибольшевистской направленности.

Переосмысление «славянского вопроса», под которым теперь стали понимать «защиту» обретенной дорогой ценой «свободы» славян, и с другой стороны с которым стали связывать «русский вопрос» – происходило в эмигрантской среде и отражалось в их сочинениях, публицистических брошюрах и небольших заметках. Так, например, взять «на себя сложный и ответственный труд содействовать, по мере сил, проведению в жизнь всеславянских начал» решилась редакция открытого в словенском городе Целе, журнала «Заря»<sup>476</sup>.

Можно сказать, что в эмиграции развивалась (хотя и в значительно меньшем масштабе относительно общего идейного и интеллектуального развития русского зарубежья) также панславистская традиция в русле русской консервативной мысли. В Белграде, будучи уже в преклонном возрасте, жил и работал русский общественный деятель и публицист А.В. Васильев (1851 – 1929). В молодости он состоял членом Славянского благотворительного комитета во главе с И.С. Аксаковым. Посещал Черногорию, Боснию и Герцеговину во время

<sup>475</sup> Родзянко М. Мисли и погледи пред будућности Русије // Nova Evropa. 1921. 21. септембра. С. 134.

<sup>476</sup> Zarja. Glasilo ruske narodne misli i sveslovanske uzajamnosti. Celje, 1922. № 1-2.

организованного на их территории восстания против Османской империи в 1875 г. Уже в это время у молодого Васильева устанавливаются связи с некоторыми видными представителями интеллигенции среди южных славян, прежде всего сербов. Позже, уже в 1900-е гг., А.В. Васильев принимал активное участие в «Русском собрании», политической организации правой консервативной направленности. Оказавшись в эмиграции в Королевстве СХС, он не остался в стороне от общеславянской деятельности, включившись в работу упоминавшегося выше Общества славянской взаимности в Белграде, в рамках которого были намечены планы культурного сотрудничества между русскими эмигрантами и представителями югославянской общественности. Деятельность данной организации мы рассмотрим подробнее позже.

Интересные сведения, характеризующие панславистские взгляды А.В. Васильева в годы Первой мировой войны, накануне революции, оставил в своем дневнике видный представитель правых в России монархист В.М. Пуришкевич. В это время Васильев принимал участие в организованном Пуришкевичем (в 1916 г.) «Обществе Русской Государственной Карты». Целью этой организации стала разработка плана раздела территорий после победоносного окончания войны с учетом «исторических» и государственных задач России, а также национальных задач славянских народов<sup>477</sup>. Взгляды Васильева на «славянский вопрос» далеко не у всех встречали сочувствие. Любопытно, что даже сам В.М. Пуришкевич с насмешкой встретил подход известного славянолюбца, отметив его максимализм по отношению к славянству: «Стоило послушать только, что говорил сегодня на заседании... А.В. Васильев, чтобы понять до каких абсурдов можно довести дело, отдай мы его в руки ученым теоретикам славянофильского лагеря»<sup>478</sup>. Особенно изумило Пуришкевича то, что Васильев достаточно смело и с размахом «перекроил» на карте будущие границы России, обосновывая их «либо исторически, либо географически, либо этнографически». Но явно без трезвой оценки международной политики. Да и оперируя понятием абстрактного

<sup>477</sup> См. например: Иванов А.А. В.М. Пуришкевич и общество русской государственной карты // Вестник Чебоксарского кооперативного института. 2010. № 1 (5). С. 158-163.

<sup>478</sup> Пуришкевич В.М. Дневник. Рига, 1924. С. 42.

славянства как единого целого, над которым должна была возвышаться Россия, Васильев явно не учитывал настроения каждого из национальных движений славянских народов к подобной перспективе. При этом Пуришкевич записал, что на его явный упрек в «фантастичности» таких границ Афанасий Васильевич возразил: «“Что нам, говорит, Европа, ведь и здесь живут славяне, ведь и это исконно наше”, и тычет пальцем по карте»<sup>479</sup>.

А сейчас обратимся к взглядам Васильева в эмигрантский период его жизни. По всей видимости, известный славянолюб сохранял свои прежние панславистские воззрения. Уже в эмиграции, Васильев в письме другому видному представителю славянского движения, некогда видному пан- неослависту Д.Н. Вергуну вспоминал о своем участии в «Обществе Русской Государственной Карты» (ОРГК). Текст письма в свете воспоминаний Васильева раскрывает подробности его работы в данной организации: «Целью же О-ва Р.Г.К. было выработать прежде всего границы, а затем и другие, такие условия, на которых победившая [подч. А.В. Васильевым – Р.К.] Россия могла заключить достойный ее и соответствующий понесенным ею жертвам мир: чтобы ни будущие конференции и конгрессы и враги и союзники не одурачили и не обсчитали нас и остальных славян и чтобы наши дипломаты не продешевили русскую и славянскую кровь, что неоднократно уже бывало»<sup>480</sup>. А.В. Васильев осознавал понесенные Россией жертвы в войне, которой, еще в ее начале, многие пропагандисты приписывали характер «славянской», делая на этом особый акцент. Все же они оказались отчасти правы – итоги войны действительно привели к решению «славянского вопроса» – возникли новые славянские государства. Однако вопреки тем планам, что рассматривали российские славянолюб, предвкушая победу и как следствие «перерождение» славянского мира, в центре которого должны были усиливаться влияние и престиж России. «Интернациональная Россия», «Совдепия», уже не могла позиционироваться как «защитница славянства».

<sup>479</sup> Там же. С. 43.

<sup>480</sup> ГА РФ. Ф. Р6121. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.

Судя по тексту письма, А.В. Васильев отправил вместе с ним Д.Н. Вергуну еще и оставшиеся со времени работы в ОРГК «объяснительные записки к начертанию границ западных России после войны и границ славянских областей, освобождаемых от нем.[ецкого], мадьяр.[ского] и турец.[кого] ига». При этом он признался Вергуну, что все же не оставил надежду и что «Цель моих стараний и забот это – чтобы русская общественная работа», направленная на «общее благо всего славянства» «не пропала безследно»<sup>481</sup>.

В некрологе А.В. Васильеву, опубликованном в парижском «Возрождении» в июне 1929 г., сообщалось, что «И здесь, в изгнании, этот дряхлый уже старик с апостольской внешностью продолжал верить в то, что славянство спасется по известной формуле “самодержавие, православие и народность”, причем однако третий член этой формулы он заменял “славянством”». Сама по себе это достаточно интересная «метаморфоза» ранее воспринятой консервативными течениями формулы, долженствовавшей объяснять «уклад» внутренней жизни России, показывает воззренческую трансформацию в обновленной обстановке: более-менее очерченная «народность» после бурных революционных событий замещалась, казалось бы, более «надежным», но на деле еще более абстрактным «славянством» – неким цельным пространством славянского мира. Этот мотив сохранялся в сознании А.В. Васильева, по всей видимости, до конца его жизни. При этом автор некролога, эмигрант А. Цакони, подчеркнул что Васильев «глубоко страдал от того, что для этой формулы не находил достаточного числа сторонников»<sup>482</sup>.

Заметим, что к феномену панславизма, как, прежде всего, историческому явлению, многие эмигранты в целом относились с солидной долей критики. Прежде всего, они понимали, что панславизм был дискредитирован за предшествовавшие годы в печати и публицистике (прежде всего западноевропейской), когда нередко под этим словом понималась экспансионистская политика России в направлении зарубежных славян. Иногда к

<sup>481</sup> Там же. Л. 4 (об.).

<sup>482</sup> А.В. Васильев // Возрождение. Париж. 1929. 14 июня. № 1478.

слову панславизм добавляли определения «воинственный» или «боевой», отделяя его тем самым от более «мирного» в ассоциативном ряду понятия – «всеславянство». В следствии этого, одни эмигранты стремились показать неправомерность отождествления панславизма с панруссизмом – размышлений отдельных лиц о необходимости распространения среди зарубежных славян Россией своих культурных ценностей, русского языка и православия, а в политическом смысле – объединения под верховенством российского государя. Во фразеологии опубликованного в «Последних новостях» содержания докладов Милюкова панславизму сопутствовали определения «старый русский» и «политический», подразумевая его прямую связь с империализмом – «империалистические стремления старой националистической России»<sup>483</sup>. Анализируя взгляды Милюкова интересно отметить, что известный либеральный политик и историк в своих высказываниях и текстах балансировал между двумя направлениями: с одной стороны, не отрицал идеи «Великой России» и ее интересов, а с другой, – негативно оценивал тенденции «националистического империализма». Но здесь проявился в некотором смысле и мотив ответственности демократических («прогрессивных») кругов за политику России, проводимой царским правительством.

В то же время П.Н. Милюков, выступая в Праге 23 декабря 1925 г. перед представителями чехословацкой левой политической элиты, высказался от лица всей русской демократии. Его речь-обращение выражала одобрение той позиции, которую занимал Т.Г. Масарик в отношении славянской идеи. За этим следовало, что все русские «не должны питать чувства обиды за то, что ваш президент [Т.Г. Масарик – Р.К.] сразу поставил карту освобождения Чехии не на Россию, а на Европу»<sup>484</sup>. Тем самым лидер кадетов отделил от «старой» официальной царской России позицию «русских демократов».

Примечательны слова известного русского литератора и публициста А.В. Амфитеатрова в газете «Возрождение» о панславизме: «существовал ли когда-

<sup>483</sup> «Респ.-демократический съезд в Праге» // Последние новости. 1926. 6 января. № 1750.

<sup>484</sup> Там же.

либо русский панславизм иначе, как в мечтах философов и поэтов? Панславизм – ученик пангерманизма, и нельзя сказать, чтобы очень успешный. Стихи он сочинял прекрасные (Тютчев) и в диалектике был мастер (Хомяков, Аксаковы), но в математике, географии и статистике был слаб, а историю сочинял и толковал уж очень по своему»<sup>485</sup>.

Авторы газеты консервативной направленности «Россия и славянство» нередко высказывали собственные оценки суждениям печати Королевства СХС о месте и роли России в славянстве. Так под огонь критики попали размышления некоего берлинского корреспондента белградской газеты «Политика» (под инициалами Х.У.З.)<sup>486</sup>. В свою очередь, статья данного автора, как было отмечено, вызвала острую дискуссию не только среди русских эмигрантов, но и в среде югославянской общественности. Перед участниками полемики встал вопрос: было бы присутствие царской России в составе конференции победителей в Великой войне препятствием на пути к становлению новых славянских государств, или же наоборот сыграло бы укрепляющую роль в процессе становления и усиления на международной арене КСХС, Чехословакии и Польши? Сербский корреспондент «Политики» сербская газета! , по замечанию автора из издания «Россия и славянство», в своих взглядах на роль России в «славянском вопросе» после 1918 г. был близок к П.Н. Милюкову: «освобождение Польши и объединение Югославии прошло бы с большим трудом, если бы на мирной конференции присутствовала Россия»<sup>487</sup>. В данном случае необходимо разъяснить смысл слов самого П.Н. Милюкова. По мнению многолетнего лидера кадетской партии, нужно было принимать во внимание «с какой подозрительностью и с каким страхом Запад относился к славянским идеям России», и западноевропейские политики видели в «русской славянской политике ничего, кроме желания расширить сферу своего влияния в Европе»<sup>488</sup>. То есть смысл его оценки сводился к теме «страх перед панславизмом» в Западной

<sup>485</sup> Амфитеатров А. Противославянское дело // Возрождение. 1926. 11 февраля. № 254.

<sup>486</sup> Вопрос о России и Славянстве в сербской печати // Россия и славянство. Париж. 1929. 23 марта.

<sup>487</sup> Там же.

<sup>488</sup> Русское чествование 10-летия независимости Чехословакии // Последние новости. 1928. 14 ноября. № 2793.

Европе. При таком раскладе, потенциальное участие России в мирной конференции могло негативно сказаться на поддержке, которую Франция и Великобритания оказывали национальным стремлениям славянских народов в Средней Европе и на Балканах.

Необходимо обратить внимание и на примечательные слова другого сербского публициста и общественного деятеля, некогда активного участника славянского движения Марко Цемовича, вступившего с «Х.У.З.» в полемику. В них обыгрывался уже устоявшийся (в частности и в российской прессе в годы Первой мировой войны) эмоционально окрашенный штамп о борьбе противоположных друг другу культурно-расовых направлений: славянство против германства. Цемович сделал акцент на том, что «Война 1914 г. была во многом борьбою рас, и Россия выступила в ней, как сознательная защитница Славянства от тевтонства»<sup>489</sup>.

Важным этапом в истории развития русской зарубежной мысли стала идейная полемика между К. Крамаржем, с одной стороны, и Э. Бенешем и Т.Г. Масариком, с другой, по поводу «русского вопроса». Идейные разногласия между этими чехословацкими политиками, фактически продолжавшиеся на протяжении большей части межвоенного периода, явили собой достаточно заметный сюжет в истории Чехословацкого государства<sup>490</sup>. Для понимания специфики развития славянской идеи в 1920-е гг. нам необходимо уделить внимание соответствующему историческому контексту. Роль русской эмиграции в нем, как справедливо отметила Е.П. Серапионова, была значительной.

Одним из основных моментов в возникшем идейном противостоянии стало расхождение во взглядах на славянскую идею, ее консолидирующую функцию, а также споры о месте и роли России, перспектив ее ближайшего будущего – движения по «советскому пути» или ее возможной эволюции в ином идейно-политическом направлении. В представлении Т. Масарика (впоследствии и Э.

<sup>489</sup> Вопрос о России и Славянстве в сербской печати // Россия и славянство. 1929. 23 марта.

<sup>490</sup> Подробно эти сюжеты проанализированы в трудах Е.П. Серапионовой: Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. М., 2006. С. 380-418; она же. Полемика К. Крамаржа и Э. Бенеша о роли России в решении «чешского вопроса» // Славянский альманах. 2015. Вып. 1-2. С. 48-56.

Бенеша) разработка идеи славянского единства должна была способствовать разрешению внутренних проблем в ЦВиЮВЕ, способствовать самоидентификации молодых государств. В духе суждений Масарика и Бенеша, обращение к славянству рассматривалось как основание национальной чехословацкой политики – сыграв роль «народообразующего элемента» и «как идея государствообразующая»<sup>491</sup>. Славянская идея в таком толковании находила себе применение в качестве одной из наиболее приемлемых идеологических моделей обновленного государственно-территориального устройства в регионе после распада Австро-Венгрии. Но при этом, вне рамок славянского содружества оказывалась Россия, так как ее будущее после революции считалось неопределенным.

В своих воспоминаниях русский ученый-правовед Е.В. Спекторский, описывая настроения русских беженцев, наблюдавших за развитием дискуссий о «русском вопросе» и славянстве среди иностранных политиков и государственных деятелей, приводит следующее свидетельство: «Все наши симпатии были на стороне Крамаржа. Мы видели в нем друга России, не изменявшего ей и тогда, когда она попала в беду»<sup>492</sup>. Спекторский особо отметил дальновидность К. Крамаржа как политика, который «думал не о сегодняшнем, а о будущем»<sup>493</sup>. Но при этом нам необходимо учитывать время создания мемуаров русским ученым, то есть приблизительно конец 1930-х и начало 1940-х гг. В эти годы уже стала очевидна та реальная угроза сложившемуся в 1919-1920 гг. порядку в Европе, о которой ранее (еще в 1920-е гг.) предупреждал К. Крамарж, говоря об опасности со стороны Германии и непрочности тех внешнеполитических союзов, в которых участвовала Чехословакия<sup>494</sup>.

Одним из важнейших качеств Крамаржа Спекторский считал его твердость и последовательность в отстаивании собственных взглядов. В основе его политического кредо была «верность своему народу, который он понимал как

<sup>491</sup> Влчек Р. Славянство как идейная основа формирующегося чехословацкого государства // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй. М., 2020. С. 37.

<sup>492</sup> Спекторский Е.В. Воспоминания. Рязань, 2020. С. 358.

<sup>493</sup> Там же. С. 358-359.

<sup>494</sup> Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. М., 2006. С. 411-414.



органическую, живую и жизнеспособную индивидуальность, а не как статистическую основу составную часть какого-то отвлеченного и космополитического человечества»<sup>495</sup>. Оценивая, на первый взгляд, идеалистические воззрения Крамаржа, русский ученый, тем не менее, признавал его как реального политика, действующего в интересах Чехословацкой Республики и отстаивающего ее «по-настоящему» национальную политику. Упоминая в своем сравнении «отвлеченный космополитизм», Спекторский косвенно критиковал основного политического оппонента Крамаржа – Т.Г. Масарика и его взгляды на политическое развитие Чехословакии.

Для Спекторского было не менее важно и то, что Крамарж сохранил приверженность славянской идее: «Верность славянству как соборному единству и посему отказ от формулы Гавличка-Боровского<sup>496</sup>: “сначала чех, а потом славянин”»<sup>497</sup>.

Е.В. Спекторский, подобно многим русским эмигрантам, с болью воспринимал уход «национальной России» (уступившей место России «советской») с международной политической арены, и тем самым ослабление ее связей со славянским миром. Он нередко рассуждал о перспективах возрождения «национальной России», которая, по его мнению, «была до большевиков и будет после них»<sup>498</sup>. В переписке с философом Г.В. Флоровским, своим другом и коллегой по работе в составе Русского юридического факультета в Праге, в январе 1928 г. он делился своим негодованием по поводу значительного снижения русофильских и антибольшевистских настроений в Королевстве СХС (Югославии) и Чехословакии. Е.В. Спекторского беспокоило, что «в Белграде не хуже, чем в Праге твердят, что Россия не только никогда не помогала славянам, но и еще вредила им. Прежде всего посматривали на Францию, а теперь на Германию и большевиков, которых иногда прославляют как настоящих

<sup>495</sup> Спекторский Е.В. Воспоминания. С. 359.

<sup>496</sup> Карел Гавличек-Боровский (1821-1856) – чешский публицист и политический деятель, одним из первых выразил принципы чешской национальной идентичности. См. подробнее: Павленко О.В. “Святой мученик” Карел Гавличек-Добровский. Мифологизация национального героя // Славяноведение. 2004. № 1. С. 80-92; Morava J. Der k.k. Dissident Karel Havlíček 1821-1856. Wien, 1985.

<sup>497</sup> Спекторский Е.В. Воспоминания. С. 359.

<sup>498</sup> Там же.

славян»<sup>499</sup>. Говоря о Королевстве СХС заметим, что в это время уже не было в живых Н. Пашича – твердо отстаивавшего позицию непризнания Советов и прежде покровительствовавшего русской эмиграции.

А.С. Изгоев – юрист, политический деятель и кадет-центрист, акцентировал внимание на ключевой роли «русофильского» направления в славянской политике в процессе формирования дружественного союза славянских государств на Балканах и в Центрально-Восточной Европе. В своей публицистике он особо выделял и приводил в пример деятельность К. Крамаржа – твердого приверженца национальной, свободной от большевизма России и пророссийской ориентации в решении славянского вопроса. Стоит также отметить, что Изгоев непосредственно сотрудничал с Крамаржем и подготовил перевод его сочинения «Русский кризис»<sup>500</sup>.

Вслед за Крамаржем русский политик предостерегал от политического признания коммунистической России, так как это «есть явная неблагодарность по отношению к славянской России, без которой не было бы и чехословацкой независимости»<sup>501</sup>.

Не рассматривая всерьез Советскую Россию как искреннего и надежного союзника славян, Изгоев, в то же время, видел в мощной национальной и небольшевистской России единственную силу, способную защитить славянские народы от экспансии европейских держав. Его опасения подпитывались, в частности, итало-югославскими конфликтами, которые, по его мнению, ставили под угрозу независимость Сербии (КСХС) и Чехословакии. В то же время в своей книге «В защиту славянской политики» Карел Крамарж, полемизируя с Бенешем, обращал внимание на роль Италии в жизни обновлявшегося славянского мира с момента начала Первой мировой войны, намекая на подписание в апреле 1915 г. Лондонского договора между Антантой и Италией: «почему Италия пошла на войну, знает каждый, но, однако, это стремление захватить славянские земли,

<sup>499</sup> Е.В. Спекторский – Г.В. Флоровскому от 11 января 1928 г., Белград / Трибунский П.А. Переписка Г.В. и К.И. Флоровских и Е.В. Спекторского (1926-1948) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2022. № 38. С. 241.

<sup>500</sup> Крамарж К. Русский кризис / пер. с чешского А.С. Изгоева. Прага, 1925.

<sup>501</sup> Изгоев А.С. Д-р К. Крамарж о России // Руль. Берлин. 1927. 16 февраля. № 1889.

Горицу, Истрию и Далмацию, все-таки нельзя назвать последним словом в развитии... гуманизма!»<sup>502</sup>.

Теперь обратимся к воззрениям крупнейшей фигуры русского зарубежья в целом, и одному из видных знатоков славянства П.Н. Милюкову. Историк и политический деятель либеральных взглядов, долгое время находившийся в хороших отношениях с чехословацким президентом Т.Г. Масариком<sup>503</sup>, попытался разобраться в проблемах «славянской политики» после Первой мировой войны. Несмотря на некоторые расхождения, Милюков не скрывал своих симпатий в отношении воззрений первого президента Чехословакии. Касаясь рассуждений о славянстве, Милюков по его выражению, подобно Масарику, сам старался бороться «против национальной исключительности старого романтического славянофильства»<sup>504</sup>. Упоминания о последнем ассоциировались либерально-демократическими и кругами с олицетворением негативно окрашенного традиционализма, а порой и более опасной для них «реакционности» монархических групп. Так и неонародническими-эсеровскими кругами – славянофильство нередко рассматривалось в тесной связи с «самодержавным панславизмом».

Однако здесь были свои исключения и оговорки. П.Н. Милюков, обратившись к размышлениям представителя эсеров Е.К. Брешко-Брешковской об общеславянском самосознании. Забегая немного вперед (мы подробнее остановимся на текстах Брешковской, обратившейся в ряде статей к славянскому населению КСХС, в следующих разделах) осветим оценку Милюковым слов «Бабушки русской революции», абсолютизовавшей «братское чувство славян» – сближая людей «одной крови и одних традиций». Милюков оставляет замечание: «Было бы конечно ошибкой и преувеличением заключить отсюда, что национальное чувство, нас объединяющее с братьями-славянами, составляет базу

<sup>502</sup> Крамарж К. В защиту славянской политики. Прага, 1927. С. 65.

<sup>503</sup> См., например: Вандакловская М.Г. Политическое и научное единомыслие первого президента Чехословакии Т.Г. Масарика и лидера российского либерализма П.Н. Милюкова // История и историки: историографический вестник. 2009-2010 / отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2012. С. 171–186.

<sup>504</sup> Милюков П.Н. Мои встречи с Масариком // П. Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. М., 2012. С. 290-291.

настолько прочную, что она может заменить все другие и сама по себе стать основой тех «крепких союзов», о которых мечтает уважаемая Е.К. Брешковская»<sup>505</sup>.

В своих воспоминаниях о встречах с Масариком Милюков сообщает: «Через Масарика открылись мне перспективы нового славянского мира, непохожие на славянофильские мечтания»<sup>506</sup>. При этом Милюков-либерал, по крайней мере в 1920-е гг., явно симпатизировал взгляду Масарика на славянство, основанном на «новом понимании основ славянской культуры, как общеевропейской и способной подняться над национальным своеобразием до общечеловеческого уровня, не претендуя на специальную “расовую” избранность в плане мирового прогресса»<sup>507</sup>.

Рассматривая особенности развития славянского мира после 1918 г., Милюков писал, что результаты Первой мировой войны и состоявшихся революций в целом ознаменовали собой совершенно новую стадию развития межгосударственных отношений. В послевоенных условиях стали проявляться новые настроения, складывалось совершенно новое положение на международной арене. Россия при этом, как неоднократно подчеркивал Милюков, в силу внутрисполитических обстоятельств утратила свою ключевую роль в славянском мире, что, по его мнению, привело к необходимости установить своеобразную разграничительную черту. Эта черта разделяла славянскую политику на два ее исторических этапа: ушедшего прошлого и актуального настоящего<sup>508</sup>. Поэтому, следуя далее логике Милюкова, положение вещей в начале 1920-х годов должно было подталкивать к иной постановке вопросов в рамках межславянских отношений. Ученый, понимая сложность проблемы межнациональных столкновений в ЦВиЮВЕ, отмечал, что «всякая идея славянского государства с наличием определенных национальных меньшинств очень сомнительна» и что

<sup>505</sup> Революция и славянство // Последние новости. 1921. 5 мая.

<sup>506</sup> Там же. С. 291.

<sup>507</sup> Там же. С. 290.

<sup>508</sup> Miljukov P. The World war and Slavonic policy // The Slavonic Review. 1927. Vol. 6. № 17. P. 269.

«идея славянской политики должна применяться молодыми государствами с большой осторожностью»<sup>509</sup>.

Милюков в роли теоретика славянского вопроса в 1920-е гг. продолжал исходить из своих прежних, дореволюционных убеждений<sup>510</sup>, негативно воспринимая панславистские течения и ориентированные на русское самодержавие «славянизированные» идеологии. Как уже имевшиеся результаты, так и перспективы деятельности сторонников данных течений Милюков оценивал скептически. Размышляя над сложившимся положением, он пишет, что «любая славянская политика в настоящее время может осуществляться только в рамках согласия всей системы славянских государств, ревниво относящихся к своей независимости и отвергших идею российского покровительства»<sup>511</sup>. Учитывая обстоятельства современной ему международной ситуации, оценка многолетнего лидера кадетов выглядит вполне трезвой и справедливой. Но вместе с тем «малые государства», коими являлись новые государственные образования славянских (и не только) народов, учитывали и проблему создания гарантий безопасности (в том числе и коллективной). Разумеется, подобные убеждения Милюкова в массе приверженцев национально-патриотических взглядов, в эмигрантском сообществе были встречены негативно, или же даже враждебно.

Однако П.Н. Милюков (как, впрочем, и Э. Бенеш) полностью не отрицал роли российского фактора в дальнейшей судьбе славянских государств. Вопрос скорее касался политической идеологии будущего российского государства. Лидер кадетов задавался вопросами: какой будет Россия с учетом уже свершившегося «коммунистического эксперимента»? Свершится ли эволюция большевистской идеологии? В скорую победу над большевизмом в России силами Русского Зарубежья он не верил.

Иного мнения, однако, придерживался П.Б. Струве, политический и идейный оппонент Милюкова. В определенной степени идеализируя образ

<sup>509</sup> Ibid. P. 270.

<sup>510</sup> Милюков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев : [Публ. лекция, чит. 22 янв. 1893 г. в аудитории Ист. музея] / П. Милюков. М., 1893. 53 с.

<sup>511</sup> Miljukov P. A new Slavonic policy // The Slavonic Review. 1928. Vol. 6. № 18. P. 481.

духовно-ценностного и государственного устройства славянских народов в 1920-е гг., Струве надеялся, что славянская общность найдет силы мобилизовать внутренние силы в противостоянии с «коммунистической опасностью» в помощь образу «национальной России». Для этого можно было использовать исторические сюжеты, обращаться к категории «наследия прошлого». Разумеется, при этом акцентируя внимания на наиболее «положительных» моментах «славянской истории» (обобщая славянский фактор – например, его сплоченность). Таким образом, создавался своеобразный образ славянства, служивший насущным задачам антибольшевистски настроенной эмиграции. В целом позицию П.Б. Струве по отношению к славянской идее отражает его мысль о том, что большевистская угроза готовила «новый подъем России, и новый расцвет славянского единения»<sup>512</sup>.

Хотя Милюков и считал, что «довольно нелепо рассматривать славянскую политику в качестве основного внешнеполитического вектора России»<sup>513</sup>, он продолжал рассматривать будущую Россию как неотъемлемую часть европейского политического пространства. А Россия, в свою очередь, «наравне с другими европейскими державами будет заинтересована в сохранении баланса и мира в Европе»<sup>514</sup>. С этой точки зрения предопределяется участие России в «славянских делах», так как славянские государства (здесь Милюков ссылается на слова Э. Бенеша), подобно России являются частью Европы<sup>515</sup>.

Концепт «Великой России» часто преломлялся в текстах русских эмигрантов, в том числе и в контексте обсуждения славянской идеи. Но находясь вдали от родной страны, после столь крупномасштабных и глубоких изменений, говорить об этом можно было, основываясь лишь на своей вере в будущее той самой чаемой «Великой России». В номере 110 «Последних новостей» (еще до прихода на пост главного редактора П.Н. Милюкова) имели место рассуждения о ряде сербских органов печати, в которых призывали к нейтралитету КСХС в

<sup>512</sup> Струве П.Б. Новая жизнь славянства и России // Дневник политика (1925 – 1935). М.; Париж, 2004. С. 406-407.

<sup>513</sup> Ibid. P. 491.

<sup>514</sup> Ibid. P. 491-492.

<sup>515</sup> Ibid. P. 493.

отношениях с Советской Россией, «незаметно подсовывая вместо Великой России – Россию социалистическую»<sup>516</sup>.

Рассмотрим тексты представителей кадетской партии в КСХС. В составленном В.В. Зеньковским докладе о деятельности Белградской группы партии в 1920-1921 гг. был выделен один из пунктов проведенной работы: организация «политических собеседований с сербскими общественными и политическими деятелями». Основной целью этих обсуждений для кадетов было доказать, что большевизм в сущности своей не мог эволюционировать. Однако их сербские оппоненты («два представителя республиканской партии и два беспартийных, но очень видных деятеля») придерживались иной точки зрения – «разделяли тогда частое в Западной Европе убеждение о возможности эволюции большевизма»<sup>517</sup>. Однако не все кадеты-эмигранты учитывали значимый геополитический фактор – Коминтерн, и поставленные в рамках его деятельности цели.

В созданной в Белграде группой русских либералов газете «Русская мысль» (в редакцию входили А. В. Маклецов, М. В. Зверев и М. П. Чубинский), в передовой статье первого номера затронут «общеславянский контекст» – отражаются воззрения членов редакции на славянскую проблематику в реалиях современного им мира. «Обезличение России, – писали редакторы, – болезненно ощущается всем славянством. Пусть же постигшее Россию несчастье еще теснее сблизит ее с братским народом сербов, хорватов и словенцев на благо всего Славянства, в интересах международного равновесия и европейского мира»<sup>518</sup>. Образ славянского государства – Королевства СХС, в тексте связывается с высокой идеей свободы, достигнутой югославянами «ратным подвигом и гражданской стойкостью». В данном случае, как мы уже отмечали, необходимо учитывать и место деятельности этого печатного органа – сербский Белград.

<sup>516</sup> Сербия и возрождение России // Последние новости. 1920. 2 сентября. № 110.

<sup>517</sup> Протокол общего годичного собрания группы к.-д. в Югославии 22 мая 1921 г. // Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905-середина 1930-х гг. В 6 тт. Т. 4. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 г. – июнь 1921 г. М., 1996. С. 356.

<sup>518</sup> Наши задачи // Русская мысль. Белград. 1920. 25 ноября. № 1.

«Безумному плану» распространения коммунизма в России, по мнению группы эмигрантов-либералов, «должна быть противопоставлена не идея реставрации старого режима, а идея правового государства, уважение к правам человека и гражданина, и к правам отдельных национальностей»<sup>519</sup>.

В 1920-е гг. на территории Королевства СХС были основаны ряд культурно-общественных организаций, название которых говорило само за себя – «Общество славянской взаимности» (Друштво словенске узајамности). Так в городе Велика Кикинда в апреле 1920 г. начало свою деятельность общество с таким названием. Его состав был представлен югославами, которые симпатизировали славянской идее. В уставе Общества славянской взаимности города Велика Кикинда в качестве основной цели было обозначено следующее: «знакомство и распространение творений и достижений интеллектуальной деятельности всех славянских народов»<sup>520</sup>. Стимулировало распространение подобного рода общественных организаций начавшееся в это время массовое расселение беженцев из России по территории Королевства СХС. Эти процессы оценивались как начавшееся реальное (а не просто теоретическое) соприкосновение представителей славянства – русских и югославы (сербов, хорватов, словенцев).

Остановим свое внимание на одноименной организации, возникшей годом ранее, весной 1919 г. в Белграде, во время состоявшихся торжественных мероприятий с участием ряда представителей меньшевистской России (тогда еще не эмигрантами, участниками антибольшевистского движения). Представителями югославянской политической и культурной элиты были намечены первые шаги к созданию общественной организации – целью которой также было способствовать развитию идеи славянской взаимности, и при том придерживаться твердой антибольшевистской и антикоминтерновской основы.

На собраниях русского отдела организации периодически проводились лекции и зачитывались доклады. Один из таких докладов, материалы которого

<sup>519</sup> Там же.

<sup>520</sup> Сивчев С. Друштво словенске узајамности // Attendite: Гласник Историјског архива у Кикинди. Бр. 11. Историјски архив Кикинда, 2019. С. 137-138.



впоследствии отложились в фондах эмигрантских архивов, был связан непосредственно с вопросом определения наиболее «подходящей» для России (в соответствии с воззрениями составителей текста) формы правления, а именно монархического строя. Учитывая содержание данной лекции, можно предположить, что среди членов организации, несмотря на сохранявшийся принцип внепартийности, все же преобладали монархические симпатии. Речь шла о «власти, которой суждено сменить большевиков»<sup>521</sup>. Приоритет, как заметили авторы, учитывая в целом тяжелое экономическое положение в Советской России, должен был быть отдан «устойчивости и незыблемости положения» носителя власти.

Информация о работе Русского отдела ОСВ в Белграде передана в ответном письме Русской секции Студенческого общества славянского единения в Праге. «Наше общество было основано около 3 с половиной лет тому назад в Белграде группой видных представителей русской и сербской государственной, общественной и научной мысли». Говоря о цели организации, председатель русского отдела В.Н. Смольянинов сообщал следующее: «Останавливая прежде всего свое внимание на общеславянских проблемах, общество направило свои усилия и на борьбу с большевизмом, разорвавшем и опозорившем мать Славянства Россию». В.Н. Смольянинов подчеркивал, что без победы над большевиками «невозможно возрождение нашей родины, а без сего последнего немыслимо и процветание Славянства»<sup>522</sup>.

В число конкретных мероприятий входили устраивавшиеся каждое по воскресеньям «чтения и обсуждения докладов, которые охотно посещаются лицами всевозможных политических взглядов»<sup>523</sup>.

Некоторые подробности о деятельности русского отдела Общества можно почерпнуть из письма одного из его членов – И.П. Феодоровича (письмо было направлено председателю Общества). Помимо сказанного, члены Общества славянской взаимности занимались проведением лекций и подготовкой

<sup>521</sup> «Ближайшие проблемы монархии». 8 августа 1922 г. // ГА РФ. Ф. Р6230. Оп. 1. Д. 84.

<sup>522</sup> ГА РФ. Ф. Р5837. Оп. 1. Д. 80. Л. 63.

<sup>523</sup> Там же.

специальных статей-публикаций, организацией художественных выставок (как правило, на тему славянской взаимности). В фонде русского отдела Общества славянской взаимности отложились также материалы статей историка-слависта А. Погодина (по всей видимости, состоявшего в организации), в которых была рассмотрена история взаимоотношений России и славянских народов. Было бы интересно хотя бы кратко и

Мы увидели, что деятельность рассматриваемого общества по большому счету была сопряжена с антибольшевистским движением. И.П. Феодорович также подчеркивает основную цель организации – это ведение непримиримой борьбы с большевизмом. Основным орудием борьбы Общества, по мнению автора текста, должна была стать пропаганда: «Я полагаю, - пишет Феодорович, - что в настоящее время, когда большевики ведут усиленную пропаганду за распространение своих преступных идей за границей – члены нашего Общества должны быть наиболее активны. Они обязаны по мере своих сил противопоставить контрпропаганду особенно сильную, яркую, убедительную»<sup>524</sup>.

Однако работа организации была малоэффективной, как и многие другие начинания эмигрантов, в силу нехватки финансовых средств. На это указывает и письмо упоминавшегося выше И. П. Феодоровича. Финансовые проблемы организации усугублялись отсутствием упорядоченной системы финансирования. Остро стояла проблема денежного обеспечения всей деятельности членов Общества. Феодорович с негодованием обращал внимание на то, что идеи большевиков «широко распространяются членами коммунистического общества и при том на распространение их тратятся громадные средства», в то время как эмигрантам – членам Общества – приходилось вкладывать свои личные средства. «Между тем наши рядовые работники при постановке лекций, рефератов, докладов и пр. с целью борьбы против большевизма, не только не получают от О-ва каких бы то ни было денежных авансов, но даже лишены официальной

---

<sup>524</sup> Письмо члена Русского отдела Общества славянской взаимности И. П. Феодоровича // ГА РФ. Ф. 6134. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

поддержки перед соответствующими учреждениями...»<sup>525</sup>. Неравное положение в борьбе с большевиками было очевидным для многих беженцев.

Одной из важных сторон деятельности русского отдела Общества славянской взаимности стала работа по ознакомлению местных жителей КСХС с культурой «былой» России. В связи с этим дополнительно проводились занятия по русскому языку, чтения русской литературы. Участникам Общества славянской взаимности было необходимо показать (и доказать), что большевистская (Советская) Россия – «Совдепия» – не была тождественна той «подлинной» России, что десятилетиями стояла защитницей славян и боролась за их будущее. Необходимо было привлечь на свою сторону как можно большее число сторонников из общественности КСХС и других славянских государств, раскрыв перед ними «истинный лик» большевизма. Но перед обществом постепенно возникла проблема выживания – нехватка средств была катастрофической. К тому же, нужно полагать, деятельность организации в той же югославянской среде рассматривалась по большей части сквозь призму ее культурно-просветительской работы, но не политической и идеологической.

Но все же Феодорович сохранял оптимизм: «Далекие от России со смутным пониманием русских настроений, живущие за границей видят издали в совершающемся там что то чрезвычайно красивое, грандиозное. И вот Члены О-ва, именно Русского его Отдела, приехавшие из России, пережившие красный террор... особенно должны напрячь усилия, чтобы должным образом информировать за границу... внести некоторый корректив в существующий заграничный взгляд о большевизме»<sup>526</sup>.

Можно сказать, что многие беженцы, на первый взгляд, лично пережив тяжелый психологический надлом, были несколько наивны в своих рассуждениях. Все же их призывы к действию зачастую выражали искренние настроения и чаяния. Но в сопоставлении с действительными условиями звучали довольно фантастично, а предлагавшиеся «проекты» в области их практической

---

<sup>525</sup> Там же. Л. 1 – 1 (об.).

<sup>526</sup> Там же. Л. 1.

реализации не были продуманы. В направленном в марте 1920 г. Обществу славянской взаимности «заявлении» за подписью В.И. Винды, инженера, участника Кубанского «Ледяного» похода зимой-весной 1918 г., говорилось: «Священный долг не только всех русских, пребывающих сейчас за границей, но и всех славян, получивших свою свободу ценой таких страшных жертв русского народа – спасти жизнь остающихся еще на юге России израненных и измученных героев»<sup>527</sup>. По мнению В.И. Винды помочь «святому делу» можно было, сплотив силы «всех русских в Сербии и вообще за границей, а также всех сербских патриотов».

Среди документов Общества славянской взаимности, помимо статей и докладов, сохранились также письма сочувствующих делу организации людей и печатные воззвания, приветствия, подписанные представителями схожих по целям – развитие идеи славянской взаимности – обществ, деятельность которых также отличалась антибольшевистской и «славянолюбивой» риторикой. В частности одним из них было Общество «Славянская взаимность», действовавшее в Сараево, председателем которого являлся боснийский политический и общественный деятель Ристо Хаджи Дамьянович.

Красной нитью через отложившиеся материалы проходит тема исторической связи России и Сербии. Довольно эмоционально и торжественно говорится в документе о роли России в деле национального движения сербского народа: «Давайте вспомним, чем являлась для нас Россия в прошлом, давайте вспомним ту оберегавшую нас руку, которой она [Россия – Р.К.] вырастила и укрепила наш “Пьемонт”, нашу Сербию, поведшую нас всех к победе и освобождению»<sup>528</sup>. В послании русским эмигрантам выражалась надежда, что «возрожденная» в скором времени «Россия будет для всего славянства» столь же важна, сколь «она была прежде»<sup>529</sup>. В значительной степени здесь играла роль благодарность сербской части югославянского общества за оказанную в предшествовавшие годы Россией помощь – в конечном счете, победу одержал

<sup>527</sup> ГА РФ. Ф. Р6134. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 (об.).

<sup>528</sup> «Narodel». Sarajevo u julu 1919 // ГА РФ. Ф. Р6134. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.

<sup>529</sup> Там же.

ориентированный на главенствующую роль Сербии проект югославизма, югославянского государства<sup>530</sup>.

Отдельно стоял вопрос о дискуссиях, касавшихся внутреннего положения в Королевстве СХС. И его оценки сквозь призму славянской проблематики 1920-х гг. Конец 1920-х гг. ознаменовался в КСХС (Югославии) ухудшением внутривнутриполитической ситуации, что выразилось в обострении правительственных кризисов и усилении борьбы в Национальной Скупщине. Король Александр Карагеоргиевич, чьи антипарламентские настроения значительно усилились к этому времени, пришел к выводу, что «бурная» деятельность партий «в конце концов, ведет страну к хаосу и развалу»<sup>531</sup>. Весьма нестабильная политическая ситуация в стране продолжала оставаться объектом внимания и русской эмиграции. Наиболее остро стоял вопрос о политическом противостоянии, происходившем на фоне растущей межнациональной напряженности<sup>532</sup>.

По случаю десятилетнего юбилея югославянской государственности в газете «Россия и славянство» в декабре 1928 г. была опубликована статья с красноречивым названием «Спор славян». Эта статья, своеобразная «заметка очевидца», являла собой попытку более внимательно взглянуть на проблему год за годом усиливавшихся межэтнических противоречий, выражавшихся в притязаниях каждого из частей «триединого народа». Проанализировав факты затянувшейся борьбы между сербами и хорватами – «двумя отраслями славянства», автор подводил к мысли, что Видовданская конституция уже не могла в достаточной мере регулировать взаимоотношения в рамках «той запущенной политической обстановки», которая сложилась в государстве на тот момент. «Здравый государственный смысл» должен был, по мнению автора, в конечном счете, «взять верх» над «мелкими личными честолюбиями» сербских и хорватских политиков в деле государственного строительства и развития на основе «разумного понимания взаимных интересов»<sup>533</sup>.

<sup>530</sup> См. подробнее: Фрейдзон В.И. Исторические корни и сущность югославизма // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 31-45.

<sup>531</sup> Цит. по: Югославия в XX веке. М., 2011. С. 238.

<sup>532</sup> Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством», С. 272-288.

<sup>533</sup> «Спор славян»... // Россия и славянство. 1928. 8 декабря.

Небезынтересным представляется то, что автор рассматривает внутриполитический кризис (в более широком смысле конфликт межнациональных интересов) в КСХС не просто как локальный процесс, но и как кризис, который оказывал влияние и на стабильность «славянского мира», и в то же время имел «немалое международное значение». Автор был прав, осознавая значимость Балкан с точки зрения вопроса о безопасности в Европе, что сложившаяся ситуация непосредственно затрагивала «интересы европейского равновесия и мира на Балканах». Но если политика в рамках «видовданского порядка» явно зашла в тупик, то необходимо было найти новый выход из сложившегося положения. Можно заметить проницательные замечания автора, обратившего внимание на распространявшиеся в обществе настроения. Он уловил приближение предстоящих изменений, заметив, что «вопрос о реформе сделался предметом обсуждения широких общественных кругов» в КСХС, и «что общественное мнение приписывает короне в этом отношении самые широкие взгляды»<sup>534</sup>.

Представляется вероятным, что автор также был сторонником решительных действий (и даже применения «жестких мер») в деле «реформирования» политической обстановки в стране. А такой вариант вполне предполагал усиление властных полномочий короля Александра Карагеоргиевича. На эту мысль наталкивают завершающие статью строки, подчеркивающие, что интересы мира и баланса на международной арене «властно требуют существования могущественной и сильной в своем единстве Югославии»<sup>535</sup>.

В той же газете «Россия и славянство» присутствовали оценки Королевства СХС как единственной «из современных славянских держав», которая «заключает в себе восточных и западных славян, призванных на равных правах к совместной работе (сербов, хорватов и словенцев)»<sup>536</sup>. Этому тезису, однако, не соответствовали реалии жизни внутри государства. Проблему межэтнического конфликта нельзя было оставлять без внимания. Эмигранты признавали, что опыт

---

<sup>534</sup> Там же.

<sup>535</sup> Там же.

<sup>536</sup> Кризис славянства и славяне (письмо из Югославии) // Россия и славянство. 1928. 1 декабря.

государственного устройства и функционирования Королевства СХС в контексте дискуссий о славянской идее подразумевал решение непростой задачи — «согласовать неодинаковые культуры и примирить разные политические стремления, в которых немалую роль играют и вопросы национального самолюбия»<sup>537</sup>.

Иные настроения и оценки свойственны другому, оппозиционному газете П.Б. Струве печатному органу, многие годы находившемуся под редакцией либерала П.Н. Милюкова. В «Последних новостях» также нередко публиковались статьи, предметом внимания которых становилось внутреннее положение в Королевстве СХС. Тон многим публикациям задавал постоянный журналист, сотрудничавший с изданием, Л.М. Неманов. В данном случае заметными становились суждения о преобладании в КСХС идеи «Великой Сербии», великосербской политики, препятствовавшей развитию «Юго-Славии свободной, сильной и цветущей». По мнению автора, суть такой политики сводилась к тому, что хорваты и словенцы становились «только объектами властвования и эксплуатации намербованных только из сербов белградских чиновников»<sup>538</sup>. В № 2812 Последних новостей (1928) в статье посвященной выходу в свет первого номера газеты «России и славянства», Милюковым была критически высказался в отношении взглядов на славянскую идею ее главного редактора П.Б. Струве, назвав размышления последнего «старой точкой зрения», оставшейся в прошлом. Давние политические соперники, П.Н. Милюков и П.Б. Струве, к концу 1920-х гг. продолжали полемику и по вопросу о «старом» и «новом» течениях в дискуссиях о славянской идее. Милюков также не обошел стороной проблему развивавшихся в Королевстве СХС процессов («острой и глубокой распри между сербами и хорватами»). Вывод его: «эта распря есть результат конфликта старой великосербской политики с правильной югославянской»<sup>539</sup>. Милюков, как можно увидеть исходя из содержания его публикаций, относил себя к сторонникам «новой» точки зрения на славянство. Суть ее сводилась к пониманию тех новых

---

<sup>537</sup> Там же.

<sup>538</sup> На Балканах (Хорватия и Словения) // Последние новости. 1927. 18 января. № 2127.

<sup>539</sup> «Россия и Славянство» // Последние новости. 1928. 3 декабря. № 2812.

условий политической жизни славянских народов в рамках новых государственных образований, которые стали непосредственным результатом утверждения Версальской системы. По его мнению, именно этого «понимания» не доставало приверженцам «старой» точки зрения – сторонников К. Крамаржа. Лидер кадетов усматривал вину своих идейных оппонентов в том, что они, затушевывая серьезность межнационального столкновения в славянском государстве, в то же время являвшем собой, прежде всего, полиэтническую общность, предавались «самым радужным и весьма неосновательным надеждам».

Следующей немаловажной темой для дискуссий в эмигрантской среде стала проблема, напрямую связанная с состоянием международных отношений и вопросом безопасности на Балканах (и в Европе в целом) в 1920-е гг. А именно, с разных точек зрения были оценены особенности политики как самого Королевства СХС, так и балканского направления политики Италии при Муссолини. В достаточно популярной газете эсеровского направления «Дни» были опубликованы статьи, отражающие продолжавшуюся полемику с правым, выражавшим симпатии монархизму «Возрождением». В связи с этим бросается в глаза один из подтекстов имевшего место идейного противостояния – с одной стороны, выражения некоторой симпатии фашистскому режиму Муссолини как борцу с «коммунистической инфекцией» на страницах «Возрождения», а с другой стороны, стоящей на иной, более продемократической позиции издания А.Ф. Керенского «Дни». В редакции «Дней» обвиняли «национально-мыслящих патриотов», позицию которых выразила газета П.Б. Струве «Возрождение», в «чрезвычайно вредном и для самой Югославии и для России непонимании... действительных и жизненных интересов балканских славян»<sup>540</sup>.

На проблему внешнеполитического вектора КСХС – видя лишь необходимость для югославян идти на компромисс с Италией, во избежание напряжения в отношениях с последней – указывал журналист Е. Жуков<sup>541</sup>.

<sup>540</sup> «Патриотический» провал // Дни. Париж. 1927. 29 ноября. № 1252.

<sup>541</sup> Жуков Е. Адриатический спор // Руль. Берлин. 1923. 19 июля. № 800.



Продолжал (в сравнении с дореволюционным периодом) играть роль в сознании эмигрантов и концепт «Великой России» в контексте взглядов на развитие славянства. В газете «Последние новости» (1920. от 2 сентября): один из корреспондентов издания увидел новую возможную роль КСХС в контексте разворачивавшихся международных событий (и, в частности, «славянского вопроса»). А именно Белграду представилась возможность по своей инициативе объединить «демократические» силы «славянства», «снестись с Прагой и выступить совместно» против Советской России. Тем самым предполагалось спасти Россию «истинную», национальную и «славянскую»<sup>542</sup>.

С середины XIX в. политикам из славянской среды, в силу необходимости защиты своих национальных интересов, приходилось уравнивать свою внешнеполитическую ориентацию между Россией и Европой. На наш взгляд в отношении ситуации 1920-х гг. справедливо замечание О.В. Павленко о том, что привлекая к борьбе за свои национальные права внимание европейского общественного мнения, славянские политики хотели «ощущать себя не только чехами, словаками, словенцами, хорватами, русинами, не только славянами... но и полноправными европейцами»<sup>543</sup>.

## § 2.2. Славянство и русские монархисты в Королевстве СХС

Сторонники абсолютной монархии, осевшие в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, разделились в поддержке двух основных кандидатов на престол – соперничавших между собой великих князей Николая Николаевича и Кирилла Владимировича. По замечанию историка П.Н. Базанова, Николай Николаевич, успешно «пользуясь поддержкой антикирилловски настроенных представителей династии Романовых» все же «формально не предъявлял претензий на престол, оставляя выбор за народом после освобождения Родины от

<sup>542</sup> Сербия и возрождение России // Последние новости. 1920. 2 сентября. № 110.

<sup>543</sup> Павленко О.В. Панславизм // Славяноведение. 1998. № 6. С. 55.

большевиков»<sup>544</sup>. Представители русской эмигрантской общественности в Королевстве СХС поддерживали связи со своими единомышленниками за пределами территории своего проживания (в данном случае югославянского государства). Как и все эмигрантское сообщество в целом, они по возможности совершали поездки, переезжали в другие страны на короткое или более длительное время. К концу 1920 г. на страницах белградской газеты «Политика» периодически сообщалось о значительном росте числа прибывающих беженцев в КСХС<sup>545</sup>. Помимо монархистов в Королевстве СХС действовали также крайне правые кадеты, выступавшие за идею конституционной монархии<sup>546</sup>. На территории «Триединого королевства» эмигрантами были организованы местные отделения монархических объединений.

В ряду многих, кто защищал идеалы русской монархии, оказался, например, Т.В. Локоть – ученый, политический деятель и профессор Белградского университета, представлявший русскую колонию в Белграде. Его коллега, долгое время проживший в Белграде Е.В. Спекторский вспоминал, что Локоть «участвовал в деятельности наших правых политических кругов»<sup>547</sup>. При этом, заметим, участвовал довольно активно. Деятельность в эмиграции профессора Локотя явственно отражала характер его политико-идеологических симпатий. Профессор Белградского университета нередко участвовал в полемике с представителями либерального и социалистического течений.

Так в известной белградской эмигрантской газете «Новое время», в августе 1921 года была опубликована статья, в которой освещался доклад другого видного представителя русской эмиграции в КСХС В.Д. Плетнева – общественного деятеля, организатора и первого директора Русско-Сербской гимназии в Белграде<sup>548</sup>. Основная тема доклада заключалась в оценке возникшего в 1921-1922 гг. голода в Советской России. Однако прения по докладу, как это

<sup>544</sup> Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988 гг.). Спб., 2004. С. 131.

<sup>545</sup> Нове руске избеглице. Политика. Београд. 1920. 7 децембар.

<sup>546</sup> Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. М., 2005. С. 49-50.

<sup>547</sup> Спекторский Е.В. Воспоминания. Рязань, 2020. С. 335.

<sup>548</sup> Доклад проф. Плетнева // Новое время. Белград. 1921. 10 августа. № 88.

было свойственно русской эмиграции в целом, перешли в плоскость политических споров. В.Д. Плетнев как человек умеренно либеральных взглядов, с осуждением высказался в адрес тех лиц, кто участвовал на монархическом Рейхенгалльском конгрессе весной 1921 г. И вновь участники острой дискуссии не остались в стороне от поисков «врагов славянства». Обосновывал свое крайне негативное отношение к участию в упомянутом съезде представителей русских эмигрантов (при этом стараясь подчеркнуть, что не «личная» противомонархическая позиция играет в этом первенствующую роль<sup>549</sup>) Плетнев тем, что поездка эта была, в сущности, «из страны дружественной, славянской, в страну, являющуюся злейшим врагом славянства»<sup>550</sup>. Следовательно, по мысли В.Д. Плетнева, предпринятый эмигрантами-монархистами шаг равносителен «измене дружественной стране, нас приютившей, и участию в подготовке нового Брестского мира»<sup>551</sup>. Все же политическая позиция Плетнева (как и многих других представителей русского зарубежья) откладывала свой отпечаток на суждениях. Эта мысль докладчика-эмигранта в некотором роде пересекается по настроению со словами упомянутого нами ранее представителя политических кругов югославянского государства Милоша Московлевича, с критикой обрушившегося на русских монархистов, к которым он отнес ближайших сторонников барона Врангеля, за их поездку в Германию в Рейхенгалль. В данном случае тоже следовало указание на ее символическое значение – съезд в Рейхенгалле шел в противоречии с интересами югославян.

Ответ Т.В. Локотя на выступление В.Д. Плетнева был не менее эмоционален: «Я принадлежу к числу тех “изменников или дураков”, которые ездили в Рейхенгалль. И не только не жалею, но горжусь этим! Быть “изменником и дураком” в глазах проф. Плетнева, но честным и любящим Родину в глазах всех тех, которые желают и ищут пути спасти Россию от ужасов революции, спасти путем восстановления законной исторической власти Монарха, – это великая

<sup>549</sup> Здесь следуя тексту статьи, подготовленной редакцией газеты. Необходимо учитывать, в силу характера идейно-политических предпочтений редколлегии издания, вероятное предвзятое отношение к выступлению В.Д. Плетнева.

<sup>550</sup> Доклад проф. Плетнева // Новое время. Белград. 1921. 10 августа. № 88.

<sup>551</sup> Там же.

честь и великое счастье!»<sup>552</sup>. При этом, как можно заметить в тексте, Локоть оценивал существовавший среди русской эмиграции спектр политических взглядов и оценки перспектив будущего России с позиции крайностей: «Россия разрушена революцией и продолжает разрушаться теми, кто сочувствует революции и не сочувствует Рейхенгалю». Из этого можно прийти к выводу, что «сочувствие Рейхенгалю» (и попыткам монархистов) в интерпретации профессора Локотья означало исключительное право быть патриотом своей родины, в то время как остальные политические течения, не поддерживавшие воззрения монархистов, без излишних раздумий приравнивались к рядам «сочувствующих» большевистской революции.

Но с другой стороны Локоть верно улавливал серьезность накапливавшихся противоречий на его глазах (и глазах его современников) складывавшейся Версальской системы. По его мнению, в современных ему международных реалиях неверной была та позиция, согласно которой стремились исключить Германию из «круга международных сил, помощь которых может существенно способствовать восстановлению России». И дело касалось не только России. Для профессора Локотья отчетливо вырисовывалась куда более масштабная проблема, в рамках европейского пространства: «Истинный, а не Версальский мир, между борющимися державами Запада невозможен до тех пор, пока не будут найдены пути действительного примирения Германии»<sup>553</sup>. И здесь уже проглядывает не просто эмоционально окрашенные речи о славянстве в духе восторженного и возвышенного славянолюбивого контекста, а скорее более уравновешенные оценки внешней политики и политическая аналитика в целом. В соответствии с ней Т.В. Локоть продолжает: «Политически несерьезна квалификация Германии, как “злейшего врага” России и славянства», в то время как, подчеркнул он, все державы на международной арене «поступают, прежде всего, как “реальные политики”»<sup>554</sup>.

---

<sup>552</sup> Там же.

<sup>553</sup> Там же.

<sup>554</sup> Там же.

Но вернемся к идейно-политической составляющей воззрений Локотя. Пафос «народной монархии» проявляется и в других его текстах. В «Новом времени» в 1921 г. он писал: «Бесспорно, наряду с крестьянством и дворянством к той же исторической, законной государственной власти тянутся и будут все больше тянуться и все другие – живые – национальные силы России... И только злобные, государственно-разрушительные, узко-классовые и узко-национальные элементы из бывшего “революционно-демократического” лагеря все еще продолжают свой грубо-демагогический припев о том, что монархия нужна будто бы только для одного дворянства!». Для него не было сомнений, что в наступившие «нелегкие времена» монархия являлась спасением для русского народа и важнейшим условием «развития русской национальной идеи»<sup>555</sup>. Вновь зададимся вопросом: насколько верно оценивал реальное положение дел (в том числе и в России) профессор Локоть? Его консервативно-идеалистический пафос был во многом подогрет психозмоциональным накалом сложившейся в Королевстве СХС русской эмигрантской среды.

В центре внимания подобного рода публикаций, как мы можем увидеть, находились «государственно-разрушительные элементы» – прежде всего левые либералы и социалисты. Непримируемая критика в отношении последних была неотъемлемой частью большинства текстов. В свою очередь схожим образом действовали либеральные и социалистические издания, изобличая пороки «реакционеров».

Славянская тема становилась частью создававшегося эмигрантами культа памяти убитого большевиками императора Николая II и его семьи. Славянская взаимность в этом случае также абсолютизировалась. Особо значимой в этом отношении, по убеждению эмигрантов, была роль православных сербов, внесших значительный вклад в сохранение памяти о русском царе, «помнящих о той великой исторической роли, которую сыграл покойный Государь в деле освобождения славянства»<sup>556</sup>.

<sup>555</sup> Локоть Т. Монархия и дворянство // Новое время. Белград. 1921. 31 июля. № 80.

<sup>556</sup> Народное моление // Новое время. Белград. 1928. 18 июля. № 2160.

В публикациях «Нового времени» также активно разрабатывалась тема «православие и славянство». Так факт принятия православия некоторыми чехословацкими церковными деятелями был весьма положительно оценен редакцией газеты<sup>557</sup>. Подобные события (хотя они были и редки) рассматривались как значительный прогресс православной церкви, причем акцент делался на том, что православие «на юге и на западе славянства вступает в новую фазу своего развития». Подобный взгляд явно идеализировал действительность.

Вопрос об отношении к Советской России, в котором чехословацкое правительство занимало «осторожную позицию» – а именно, по мнению редакции «Нового времени, не заявляло свою принадлежность твердой антибольшевистской платформе, – был с достаточно резкой критикой разобран в специальной статье<sup>558</sup>. По большей части недовольство эмигрантских «нововременцев» вызывали высказывания министра иностранных дел Э. Бенеша.

В нараставшей полемике был затронут и вопрос «политических предпочтений» русских беженцев на территории Югославии. Не последнюю роль играли промонархические симпатии авторов статьи: «Орган чешских социалистов “Чешское слово” прямо бьет тревогу, что русская эмиграция может объединиться на имени Великого Князя Николая Николаевича, ибо, по мнению этой газеты, “все движение неминуемо попадет в омут германофильской реакции, враждебной всем славянам и в первую голову чехам”»<sup>559</sup>. Но, возражая упрекам оппонентов из демократического лагеря, авторы не преминули сослаться на принципы выраженного президентом Чехословакии Т.Г. Масарика подхода к пониманию славянской идеи и, в этом же ключе, славянской политики: «Боязнь “германофильства” здесь ни при чем. Не сам ли их [чехов и словаков – Р.К.] президент Масарик провозгласил, что “славянская идея отслужила свою службу”, очевидно рассчитав, что раз чехи освободились, то эту славянскую идею можно

<sup>557</sup> Православие и идеализм в Чехии // Новое время. 1921. 29 сентября. № 129.

<sup>558</sup> Новое время. Белград. 1923. 6 июня. № 631.

<sup>559</sup> Там же.

отправить и к чорту – больше не потребуется. А пустив это крылатое выражение, г.[осподин] Масарик призывает тут же к ориентации на Германию»<sup>560</sup>.

Так называемые монархисты-легитимисты, поддерживавшие кандидатуру великого князя Кирилла Владимировича как преемника престола – законного императора, в своей деятельности были связаны с особыми организационными мероприятиями. Созданный в 1920 г. в болгарском городе Тырново-Сеймен «Союз русских государевых людей» (СРГЛ), затем в 1923 г. перенесенный в город Горна Джумая (ныне Благоевград) и возглавленный полковником Г. И. Дементьевым, играл важную роль в распространении идеологии сподвижников Кирилла Владимировича<sup>561</sup>. Представителем великого князя Кирилла на территории КСХС стал известный прежде граф В. А. Бобринский – в эмиграции видный деятель русской колонии в городе Нови Сад, заведовавший работой Новосадского национально-монархического союза.

Граф Бобринский, будучи до революции человеком энергичным и деятельным, остался таковым и в эмиграции. В отличие от М. В. Челнокова<sup>562</sup>, продолжившего заниматься общественной деятельностью, но отошедшего в сторону от всякой деятельности политической<sup>563</sup>, Бобринский активно включился в работу монархического движения. В январе 1920 г. В. А. Бобринский проводит публичную лекцию, озаглавленную «Царь Николай II и сербский народ»<sup>564</sup>.

В одном из подготовленных обращений, в июле 1923 г. в Нови Саде, Бобринский поднял вопрос о важности учреждения своего печатного органа. В обращении говорилось: «Цель еженедельника – не только провозглашать наши верования и правдиво осведомлять наше беженство, но и, путем проникновения его в Россию, сказывать подъяремным братьям нашим, где мы видим

<sup>560</sup> Там же.

<sup>561</sup> См., например: Серегин А.В. «Союз русских государевых людей» в эмиграции и планы организации «весеннего похода» в СССР // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4. № 3. С. 187-195.

<sup>562</sup> М. В. Челноков – один из лидеров кадетской партии, в годы Первой мировой войны городской голова Москвы и один из организаторов Всероссийского союза городов. В эмиграции проживал на территории КСХС (Югославии). М. В. Челноков, как и В. А. Бобринский, принимал участие в организации Русского отдела Общества славянской взаимности в Белграде, деятельность которого подробнее освещается в отдельном параграфе настоящей диссертации.

<sup>563</sup> Шевырин В.М. Михаил Васильевич Челноков // Россия и современный мир. 2008. № 1. С. 214-215.

<sup>564</sup> См.: Арсеньев А.Б. У излуины Дуная. М., 1999.

единственный путь спасения Родины»<sup>565</sup>. Кроме того, в амбициозных планах ближайших сторонников Кирилла Владимировича одной из задач было «установить столь необходимое общение между Русью полоненной и Русью изгнанной»<sup>566</sup>.

В итоге сторонники Кирилла Владимировича (при активном участии графа Бобринского) основали в Нови Саде летом 1923 г. газету «Вера и Верность». В передовой статье первого номера были определены основные принципы и задачи движения. Во главу угла ставилось «надпартийное, надсословное монархическое начало, в своем спокойном величии и ореоле Божьего Предопределения и исторического векового освящения» способное объединить русских людей<sup>567</sup>. Разумеется, не была обделена вниманием в газете и «славянская тема».

В первых трех номерах этой газеты были опубликованы статьи хорошо известного до революции русского общественного деятеля и панслависта А.А. Башмакова. Будучи убежденным монархистом в дореволюционный период, он принимал активное участие в политических дискуссиях, не только став оппонентом либералов, но и «обличителем» недостатков «государственной действительности»<sup>568</sup>. После свершившихся революционных потрясений и последовавшей эмиграции Башмаков сохранил верность своим политическим принципам. Это подтверждает, в частности, и тесное сотрудничество Башмаков с «монархической партией» Кирилла Владимировича.

Заметки Башмакова-славянофила были посвящены размышлениям автора о судьбах славян, и главным образом славян западных. Но теперь публицист размышлял о славянстве в контексте постигшей саму Россию и многих русских – «изгнанников» печальной судьбы. Публикация, разделенная на три заметки, носила название «Мы и Они», что как бы подчеркивало скорее имевшиеся различия среди славян, нежели идею общности славянства. К тому же, Башмаков

<sup>565</sup> «Ко всем русским организациям и лицам, верным идее Верховной Законности» // ГА РФ. Ф. Р5763. Оп. 1. Д. 16. Л. 5.

<sup>566</sup> Там же.

<sup>567</sup> Обращение (передовая) // Вера и Верность. Нови Сад. 1923. 25(12) августа. № 1. С. 1.

<sup>568</sup> Беклемишева М.М. Публицист и редактор А.А. Башмаков о внутриполитическом курсе России в 1905-1907 гг. // Вестник МГПУ. Сер. «Исторические науки». 2022. № 3 (47). С. 17.



рассматривал преимущественно тех славян, кто проживал ранее в составе Австро-Венгрии.

С точки зрения публициста Первая мировая война – «Вторая великая славянская война 1914-18 гг.», «неожиданно даже для самых смелых теоретиков славянской идеологии, ускорила славянское строительство лет на 50 раньше всех ожиданий»<sup>569</sup>. Явившись «счастливой аномалией» «неестественного ускоренного, очевидно недозревшего процесса», результаты этой войны могут «служить успокоительным объяснением той розни между славянами, которая сейчас проявляется при полном расцвете их видимого успеха»<sup>570</sup>.

Кроме того, Башмаков в 1924 г. подготовил статью для юбилейного сборника Славянского благотворительного общества в Болгарии. Эта публикация, озаглавленная «Кризис славянской идеи», также отражает размышления Башмакова над своими прежними убеждениями<sup>571</sup>. Переосмысление всех испытаний первых двух десятилетий XX в., которыми славянская идея была подвергнута на прочность, привело его к весьма пессимистичным выводам.

Как отметила российская исследовательница Е.П. Аксенова, «опасения относительно жизнеспособности славянской идеи возникали у Башмакова и раньше»<sup>572</sup>.

Как мы увидим далее, отношение автора к славянофильскому подходу в осмыслении славянства была не совсем однозначным. С одной стороны он понимал, что заявления в духе «старого славянофильства», в условиях начала 1920-х гг., не могли более соответствовать «сложным запросам современной жизни народов»<sup>573</sup>. Но с другой, славянофильство, как отметил автор, выполнило свою историческую задачу – подготовило Россию к освобождению славянства в годы Великой войны. По мнению Башмакова, результаты, к которым пришли как русские, так и западные и южные славяне, представляли хорошую пищу для

<sup>569</sup> Башмаков А.А. Мы и Они (часть первая) // Вера и Верность. Нови Сад. 1923. 25 (12) авг. С. 3.

<sup>570</sup> Там же.

<sup>571</sup> Аксенова Е.П. Славянофил А.А. Башмаков о кризисе славянской идеи // Славяноведение. 2001. № 5. С. 84-86.

<sup>572</sup> Там же. С. 85.

<sup>573</sup> Цит. по: Аксенова Е.П. Славянофил А.А. Башмаков о кризисе славянской идеи // Славяноведение. 2001. № 5. С. 84.

размышлений. Но пища эта была скорее историософского характера. Славянофильство как направление в славянской мысли, в понимании Башмакова, явило собой своеобразный «исторический синтез русского народного духа», выразившись в историософской концепции, которая подготовила «путь к возрождению славянства и призвала его к новой жизни»<sup>574</sup>.

Со стороны консервативных элементов русского зарубежья славянофильская традиция все же оставалась востребованной при обращении к славянской теме. Как «нравственную силу», которая в то же время «оказывала огромное влияние на политические события, внутренние и внешние» определил «славянофильскую идеологию» и сам А.А. Башмаков<sup>575</sup>. На примере оценки (в том числе и ретроспективной) обратим внимание на один важный контекст, в котором в целом осмысливалась славянская идея эмигрантами-консерваторами. Это обоснование славянофильского тезиса о значимости идеи русско-славянской культурной общности. В историко-политическом дискурсе эмигрантов этот тезис был приложен к контексту «возрождения России» и ее освобождения от большевизма. Размышляя над статьей французского публициста А. Муссэ, Башмаков подчеркивал мысль, что славянская идея может стать основой этого возрождения. Ведь на другом полюсе находился ненавистный «еврейско-азиатский режим», отрицавший идейную составляющую славянской взаимности<sup>576</sup>.

Но в то же время его мысли пронизаны обидой за судьбу России, жертвам которой, как он считал, во многом были обязаны славяне. Осколок великого русского народа, оторванный от некогда главной «защитницы славянства» — «Великой России», оказался теперь разбросанным частями среди «малых» славянских народов, которые обрели свою государственность. Но в то же время, несмотря на весь трагизм, Башмаков заключает, что в этих новых условиях жизни «впервые можно задаваться вопросом: каково общее впечатление, оставшееся у

<sup>574</sup> Цит. по: Горяинов А.Н. В России и эмиграции. М., 2006. С. 15.

<sup>575</sup> Башмаков А.А. Французская оценка политического значения славянофильства // Новое время. Белград. 1921. 14 октября. № 142.

<sup>576</sup> Там же.

русских людей от этого первого в Истории мощного сближения значительной массы народа из русских и западных славян?»<sup>577</sup>.

Эмигрантская жизнь в окружении славян подталкивала к дальнейшим раздумьям. По мнению А.А. Башмакова чрезвычайно важно было разобраться в том, как русские беженцы и принявшие их на своей земле славяне воспринимали друг друга. Важно это было и в силу того, что «от сути полученных впечатлений определится весьма многое в ближайшие десятилетия русско-славянских отношений, когда Россия выползет из могилы и снова займет подобающее ей место на сцене Истории»<sup>578</sup>. Последнее высказывание отражает твердость сохранявшейся (в 1920-е гг.) веры многих эмигрантов консервативной направленности в свое призвание «спасти Россию».

А.А. Башмаков сетовал на то, что славянские государства, принимавшие русских беженцев, уделяли недостаточное внимание эмиграции и в целом недостаточно учитывали потенциальные возможности и силы «Русского зарубежья». В связи с этим Башмаков подчеркивает, что «русский вопрос» не должен быть лишь вопросом «благотворительности». Это «прежде всего огромной важности вопрос политический и культурный»<sup>579</sup>. Он твердо заявил, что русские беженцы могут привнести значительную помощь и силы на пользу молодым славянским странам в это непростое послевоенное время. Это было проще осуществить, чем помощь своей собственной родине.

Среди документов СРГЛ, отложившихся в архиве, обнаружены отдельные выпуски печатного издания «Оповещение Центра законопослушных в Ч.С.Р.», что подтверждает широкую географию деятельности отделений СРГЛ, распространявшуюся на многие славянские страны. В одной из статей, озаглавленной «Монархия в России и русские чехи», сторонники Кирилла Владимировича доказывали, что политические элиты молодых славянских государств (в первую очередь речь шла о Чехословакии) предпочитают «умышленное умалчивание тех решительных действий Императорского

<sup>577</sup> Там же. С. 3.

<sup>578</sup> Башмаков А.А. Мы и Они (часть вторая) // Вера и Верность. 1923. 3 сен. (23 авг.). № 2.

<sup>579</sup> Башмаков А.А. Мы и Они (часть третья) // Вера и Верность. 1923. 10 сен. (28 авг.). № 3. С. 2.

Российского Правительства, которые... сыграли очень важную роль в осуществлении идеи независимости славянских государств»<sup>580</sup>.

В риторике монархистов-легитимистов подчеркивалась протекавшая через историю традиция русской самодержавной монархии – «проявления братского отношения» к «чехословацкому народу». «Неизменность этой заботливости было *исторической традицией* [выделено в тексте – Р.К.] еще со времен Императора Александра II, приветствовавшего деятелей Чехословацкого движения как своих родных братьев»<sup>581</sup>. Эта статья также примечательна акцентом на речи Франтишека Рейфа, председателя «Сдруженья Чехов и Словаков России», произнесенной в марте 1925 г. на вечере «Круга стародружинников» (легионеров)<sup>582</sup>. А если точнее, то на его упоминании «о том сердечном приеме, который встретила чехословацкая делегация еще в июле 1914 года у Министра Иностранных Дел Сазонова и Министра Внутренних Дел Маклакова». Итогом встречи, как подчеркивают авторы статьи, стал переданный «Государю “Меморандум Чехословацкой организации в России”», – принятый российским правительством «как основание русской программы по славянскому вопросу в мировой войне». Предположительно, столь категоричное утверждение «монархистов-кирилловцев» о том, что русский государь и его правительство стремились к созданию единого государства для западных славян, подкреплялось «Воззванием» верховного главнокомандующего Николая Николаевича со вступлением России в Первую мировую войну, в котором Россия декларировала своей целью освобождение этих народов и их воссоединение с «родными братьями»<sup>583</sup>.

Однако эти «детали» отступали на второй план по сравнению с главной целью, которую преследовала публикация в газете. В заключение статьи подчеркивается ключевая мысль – «историческая традиция» «служения» интересам славянства продолжена в политике императора Кирилла I. Тем самым,

<sup>580</sup> ГА РФ. Ф. Р5763. Оп. 1. Д. 16. Л. 31.

<sup>581</sup> Там же. Л. 31 (об.).

<sup>582</sup> Там же. Л. 31.

<sup>583</sup> Чехия и Словакия в XX веке. М., 2005. С. 58-59.

можно заметить, это был один из доводов в обоснование мысли о «законной преемственности» нового «монарха». «Из уважения к традициям Императорской России мы не можем изменить тому Великому Делу – защите прав славянства, о котором так заботился наш покойный государь Николай II и о котором неустанно думает и Его Законный приемник Император Кирилл Владимирович»<sup>584</sup>.

В марте 1925 г. было выпущено постановление об образовании «Союза Верноподданных Его Императорского Величества Государя Императора Кирилла Владимировича» в Белграде<sup>585</sup>. Но еще в декабре 1923 г. один из членов «Союза Верноподданных», некий Косаговский, делился своими впечатлениями от поездки в Белград. «Для нас является необходимым развитие живой, энергичной работы в Белграде, как в беженстве, так и в правительственных сферах»<sup>586</sup>.

Особо подчеркивал наблюдатель от «кирилловцев» то, что «отношение к движению во главе с именем Н.[иколая] Н.[иколаевича] – резко отрицательное». Объяснял Косаговский это тем, что, по его мнению, движение сторонников Николая Николаевича «считается направленным определенно против интересов страны [КСХС – Р.К.] и ее единства, имея при своем успехе неминуемой целью – восстановление Черногорской династии и независимой Черногории». В свою очередь Косаговский объяснял спокойное к этому отношение правительства КСХС тем, что представители государственного аппарата «Триединой монархии» не видели «никаких данных для успеха» «николаевцев»<sup>587</sup>. В «Последних новостях» была опубликована заметка со ссылкой письмо некоего «“Серба”», («черногорец родом»). Внимание привлекло содержащееся в нем сообщение об «авантюре» сторонников Николая Николаевича, который был брачными узами, через супругу принцессу Анастасию, связан с династией Петровичей-Негошей. Указывалось на «раздувание и поддержание существующего» в Черногории «брожения сторонников изгнанной черногорской династии»<sup>588</sup>.

<sup>584</sup> ГА РФ. Ф. Р5763. Оп. 1. Д. 16. Л. 31 (об.).

<sup>585</sup> ГА РФ. Ф. Р.5763. Оп. 1. Д. 21. Л. 71.

<sup>586</sup> Из письма Косаговского Геннадию Игнатьевичу Дементьеву // ГА РФ. Ф. Р. 5763. Оп. 1. Л. 170.

<sup>587</sup> Там же. Л. 170 (об.).

<sup>588</sup> Последние новости. Париж. 1924. 5 марта. № 1186.

Определенную роль сыграл П.Б. Струве, нередко посещавший Королевство СХС, проживая в нем, и в целом неплохо осведомленный о состоянии дел в этом государстве, а также жизни русских эмигрантов на его территории. В своих политических статьях и заметках в 1920-е гг. он признал «тяготение» к «национальной части» русской эмиграции, «живущей преданиями исторической России и живой ее духом» – промонархически настроенным группам беженцев, в рядах которых поддерживалась кандидатура на трон великого князя Николая Николаевича<sup>589</sup>.

Любопытны опубликованные в «Русском военном вестнике» (Белград) статьи барона Н.А. Фиркса – военного и публициста правого толка, монархиста, сторонника славянской идеи, сына русского генерала А.А. Фиркса. Появление этих статей, по признанию самого автора, явилось откликом на дискуссии в рамках состоявшихся банкетов, приуроченных 50-летию с начала русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В этих статьях содержались скорее даже не полноценные планы реализации идеи славянского объединения на практике, а в большей степени заметки с явным максималистским характером взглядов на славянство в духе славянофильского подхода. Автор – представитель Белого движения, из среды консервативно-монархической направленности, предвзято и субъективно оценивает положение советской власти, констатируя, что «все население России... ненавидит советскую власть». Его вывод: «законная власть восстановится; это непреложный закон истории»<sup>590</sup>.

Если проанализировать содержание публикации, подвергнув ее деконструкции – выделив основной смысловой элемент структуры, то можно заметить, что Фиркс обращается к проблеме славянского единства, положительно оценивая его перспективы под углом, прежде всего, «русского вопроса» – вопроса о судьбе российской государственности. Именно этот вопрос в наибольшей степени интересует автора. Поместив в центр своих размышлений проблему «национальной России» и ее возможного будущего, автор, отталкиваясь от этой

<sup>589</sup> Струве П.Б. Наши идеи // Дневник политика (1925-1935). Москва–Париж, 2004. С.123-124.

<sup>590</sup> Фиркс Н.А. Восстановление России // Русский военный вестник. Белград, 1926. 25 июля. № 51

проблемы, дополняет исторический нарратив о славянской взаимности. Получила свое развитие идея автора о том, что новые славянские государства обязаны России, чьи жертвы в годы Великой войны помогли им обрести независимость. Размышляя о проблеме славянского единства Фиркс переходит к тезису, звучащему несколько наивно в контексте современной ему ситуации: «если славяне... помогут России подняться, то сама собой осуществится идея великого славянского союза, в котором всем славянам жить будет свободно и безопасно под сенью русского орла»<sup>591</sup>. Данный тезис, к тому же, на наш взгляд, мог навести читателя на мысль о «самодержавном панславизме». Однако автор в целом осторожно подошел к этой формулировке.

При этом автор статьи заострил внимание на том, что в складывавшихся условиях «усиления большевистского интернационализма» и расширявшейся деятельности Коминтерна, европейские государства, в том числе и Германия, оказывались в куда более опасном положении, нежели это могло быть при царской России. Для этого необходимо было несколько «смягчить» традиционный образ германизма как векового «врага славянства».

Затронул Фиркс и тему русского германофильства накануне Великой войны и после 1918 г. Делает он это также осторожно. Не включая себя открыто в ряды убежденных германофилов, он в то же время и не критикует их, замечая, что, хотя «иностранцы не понимают сущности этого направления; считают его антинародным, враждебным славянству», все же «это не совсем верно»<sup>592</sup>. Он обращается к истории взаимоотношений России и Германии, стараясь выделить положительные моменты «дружеского сотрудничества» двух государств. Но при этом отмечает и возникновение «великодержавного, юнкерского течения» в среде немецких политиков и военных последней четверти XIX – начала XX вв.; принятие идеологии и планов этого течения, по мнению Фиркса, стало фатальной ошибкой и для самой Германии, осознавшей это только после 1918 г. Фиркс акцентирует внимание на мысли русских германофилов 1920-х гг.: «при

---

<sup>591</sup> Там же.

<sup>592</sup> Там же.

подходящей политической обстановке Германия может произвести переворот» в России, восстановив тем самым «законную власть». Автор статьи, воспроизводя размышления германофилов, указал на их уверенность: Россия при таком раскладе «не перестанет быть православной славянской державой». Однако все же добавил, что «чувства же кровного родства и славянского единения действительно будут сильно придушены»<sup>593</sup>. На наш взгляд, Фиркс, ставя вопрос о перспективе славянского единения таким образом, явно не принимал во внимание контекст современной ему эпохи. Германия, как мы увидели ранее, в контексте формировавшихся в новых славянских государствах национально-исторических дискурсов и идеологии (и в том же КСХС), выступала в лице «врага» установившемуся с Версальским миром порядку в ЦВиЮВЕ.

Н.А. Фиркс с энтузиазмом рассуждал о возможности создания единого славянского антибольшевистского блока<sup>594</sup>. В продолжение первой статьи автор так же обратился к мысли о том, был необходим план по оказанию славянскими государствами финансовой помощи русской эмигрантской армии, хотя ранее сам отметил слабость финансового состояния новых славянских государств. И вновь «большевистская угроза» всему славянству выступала как своеобразный лейтмотив публикаций и размышлений. Помогая русским эмигрантам освободить Россию от «коммунистической заразы», славяне, в логике проектов, подобных размышлениям Н.А. Фиркса, оказывали также помощь себе самим. В целом планы подобного рода имели определенную основу. Российский историк С.А. Романенко отметил, что еще «в марте 1922 года в Белграде состоялось совещание командного состава Русской армии, на котором обсуждались планы похода в Россию. К этому готовились серьезно: в том же 1922 году части, расположенные в Сербии и Болгарии, были снабжены новым оружием»<sup>595</sup>. Попытки военизированной деятельности русских эмигрантов в Королевстве СХС находились под усиленным вниманием советских спецслужб.

---

<sup>593</sup> Там же.

<sup>594</sup> Фиркс Н.А. Восстановление России (продолжение) // Русский военный вестник. Белград, 1926. 5 сентября. № 57.

<sup>595</sup> Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». М., 2011. С. 276.



Н.А. Фиркс полагал, что победа над большевиками, при поддержке объединенных усилий и вклада славянских государств, а затем и восстановление «прежней России» подтолкнут сомневающихся славян к возобновлению процесса их объединения. В отличие от А.А. Башмакова, Н.А. Фиркс явно недооценивал сложность реального послевоенного положения дел в современной ему Европе, и в частности в недавно образованных славянских странах. И это обстоятельство придает более иллюзорный характер теоретическим построениям Фиркса.

Следовательно, заключал Н.А. Фиркс, восстановление прежнего Российского государства должно было способствовать снижению возникшей напряженности в международных отношениях<sup>596</sup>.

Но все более заметным становилось, что Франция (хотя и не оперируя лозунгами, основывающимися на славянской идее), как одна из ведущих стран, обеспечивающих выполнение условий Версальского договора, стремится стать главной внешнеполитической поддержкой для славян. Образ царской России (во взглядах большей части западноевропейских и славянских политиков) все явственнее переходил в плоскость ушедшего, памяти о недавнем прошлом.

### **§ 2.3. Социалисты-неонародники и «славянский мир»: деятельность и концепции представителей ПСР в эмиграции на территории Королевства СХС**

Можно сказать, что глубинная проблематика «славянского вопроса» не привлекала повышенного внимания теоретиков партии социалистов-революционеров (эсеров). Как мы уже отметили выше, славянская идея не была значима сама по себе в программных построениях их партии до революции. Напротив, российские левые силы в целом склонны были видеть в славянской идее лишь проявление «реакционной» политики, действий российской монархии. Как признался П.Н. Милуков, в России накануне революционных событий 1917 г. стало привычным делом то, что «течения прогрессивные как-то избегали касаться» славянского вопроса. Подобное отношение складывалось в силу того,

<sup>596</sup> Фиркс Н.А. Восстановление России // Русский военный вестник. Белград, 1926. 25 июля. № 51.

что «почти до самого последнего времени [до Февральской революции 1917 г. – Р.К.]» славянские темы «были монополизированы консервативными и реакционными группами, для которых национализм был базой их политического мировоззрения и программы»<sup>597</sup>. В то время как многие либералы были вовлечены в славянское движение (например, упоминавшийся ранее неославизм), социалистические круги, представленные, в том числе, и эсерами, обращались к теме славянства критически, лишь в контексте оппозиционной критики царской власти. Об этом вспоминал и Т.Г. Масарик: «Радикальная часть русской интеллигенции, особенно социалисты, будучи настроены антиправительственно, были и против официального русского национализма и славянофильства [по всей видимости, речь именно о славянолюбии в широком смысле – Р.К.], а также не сочувствовали нашим национальным усилиям»<sup>598</sup>. Развернувшиеся в России революционные события и последующая вынужденная эмиграция (в славянские страны) привели эсеров к необходимости адаптировать свою деятельность к новым обстоятельствам и пересмотреть взгляды на славянскую идею, обращения к ней.

Любопытно, что эсеры – в целом левое течение – оказавшись в эмиграции стали активнее, нежели прежде, упоминать или же даже достаточно смело рассуждать о славянстве и славянской идее, с которыми, как заметил тот же П.Н. Милюков, многие «прогрессивные» (особенно левые) элементы политической мысли России уже традиционно стали ассоциировать ненавистный им национализм. Среди эсеров, оказавшихся в эмиграции, тема славянства так или иначе находила отражение в их общественно-политических выступлениях. В первую очередь это касалось тех, кто проживал в славянских государствах. В их рядах появились собственные «знатоки» межславянских отношений – здесь нужно сказать об одном из членов партии В.А. Лебедеве, который неоднократно характеризовался в таком духе в газетных публикациях, в том числе и печатных органов Королевства СХС, прежде всего «Време». Лебедев и некоторые его

<sup>597</sup> Славянский вопрос после войны // Последние новости. 1923. 21 марта. № 895.

<sup>598</sup> Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания / авт. пер. Н.Ф. Мельниковой-Попоушек. Т. 1. Прага, 1926. С. 27.

партийные товарищи, как мы увидим далее, сыграли определенную роль в выстраивании особой «революционно-демократической» традиции трактовки славянской идеи, ее исторического развития.

Следует указать, что подобного характера публикации в прессе не остались без внимания идейных оппонентов эсеров в эмиграции. По поводу организованных в 1927 г. Белградским отделением Земгора (преимущественно эсерами) торжественных мероприятий по случаю годовщины возникновения Королевства СХС, писал в парижском «Возрождении» ее проживавший в Белграде корреспондент А.И. Цакони. Не скрывая сарказма, он отметил, что «эсэртствующие потомки Бакунина», по всей видимости, «значительно эволюционировали вправо». «Прежде всего новой в их идеологии является любовь к славянству и мысль о необходимости силами русского народа поддержать славянскую стихию и великую идею славянства»<sup>599</sup>.

Эмоциональный окрас и возвышенная риторика, как мы увидели, в сущности были в целом свойственны дискурсам, создаваемым русскими эмигрантами. Не стали исключением тексты и фразеология эсеров. Можно заметить эмоционально окрашенные пассажи видных членов партии не только в текстах публицистического характера, но и в рамках выступлений на общепартийных собраниях. Во время проведения в Праге Первого съезда заграничных организаций ПСР пользовавшийся уважением среди остальных своих товарищей по партии опытный революционер и политик Е.Е. Лазарев не остался в стороне от ориентированной на славянство риторики, поделившись своими мыслями о положении партии в эмиграции: «Большевики нас похоронили, мы – маленькая кучка здесь, но мы сильны. В чем наша сила? Мы сильны мучениями наших товарищей, нас ждет весь славянский мир, и весь славянский народ смотрит на эту кучку»<sup>600</sup>. Разумеется, бросается в глаза явное преувеличение собственной значимости в глазах «всего славянского мира». Но помимо этого, привлекает внимание употребленное Лазаревым словосочетание

<sup>599</sup> Безпартийный (Цакони А.И.) Югославский праздник // Возрождение. 1927. 17 декабря.

<sup>600</sup> Протокол заседания Первого съезда заграничных организаций ПСР 19 ноября 1923 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции: 1918 – начало 1950-х гг. М., 2022. С. 598.

«славянский народ» – то есть представление о некоей славянской этнокультурной целостности.

Еще в ходе визита в Россию в период Февральской революции Т.Г. Масарику удалось получить достаточную поддержку идеи национальной независимости чехов и словаков со стороны социал-демократической группы Г.В. Плеханова «Единство», народных социалистов и некоторых представителей партии социалистов-революционеров. В дальнейшем данное обстоятельство, как отметила исследовательница Е.П. Серапионова, существенно повлияло на проявление чехословацкой политической элитой благосклонного отношения к левым политическим группам, представляющим русское эмигрантское сообщество<sup>601</sup>. Значительная их часть обосновалась в Праге. О «эсеровском влиянии» в Чехословакии сообщалось и в материалах годового отчета НКВД РСФСР за 1920-1921 гг.: «Связь чехословацкого правительства с контрреволюционными элементами, в особенности эсеровскими, была, однако, все время сильна. С этой ориентацией на социалистов-революционеров связана периодически поднимающаяся в чехословацкой печати травля против Советской России»<sup>602</sup>.

Время от времени эсеры делились своими размышлениями о настоящем и будущем славянского мира на страницах периодических изданий. Далеко не всегда это делалось «от имени партии», но все же зачастую они придерживались основных положений партийной риторики. В этом ряду стоит назвать Е. К. Брешко-Брешковскую, Ф. Е. Махина, В. И. Лебедева, Б. М. Соколова, И. А. Алко. Такие видные представители эсеровского течения как лидер партии В.М. Чернов и ставший ее своеобразным «символом» А.Ф. Керенский лишь поверхностно затрагивали проблему отношений между новыми славянскими государствами, не пытаясь примерять роль «славянолюбов» и знатоков славянского вопроса.

Важным источником, проливающим свет на особенности отношения ряда эсеров к славянству, являются публикации в журнале (сначала издававшегося в

<sup>601</sup> Серапионова Е.П. Т.Г. Масарик, К. Крамарж и русская эмиграция // Славяноведение. 2003. № 4. С. 61.

<sup>602</sup> Из годового отчета Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР к IX Съезду Советов за 1920-1921 гг. (23-28 декабря 1921 г.) // Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960. С. 640.

форме ежедневной газеты в Праге) «Воля России», в котором публиковались соответствующие статьи. Так в одной из передовых статей, озаглавленной «Славянская политика», было изложено видение славянской идеи эсерами с учетом некоторых принципов партийной идеологии. Выражая свое отношение к идее «всеславянского единения», авторы сразу же дали понять, что они не придерживаются взглядов «славянофильства самодержавных сановников» и «мистического панславизма кабинетных теоретиков»<sup>603</sup>. Как мы видим, и здесь можно наблюдать характерное для многих подобных публикаций смешение понятий и определений терминов, так или иначе относящихся к славянской проблематике. Но главное – во всех этих характеристиках отражался продолжавшийся идеологический конфликт.

Далее авторы продолжали: «Надобно понять, что идея единения славянства совершенно не должна быть связана ни с идеей гегемонии славянского мира, ни с пророчеством об его особой миссии, ни с противопоставлением его германскому миру»<sup>604</sup>. Эта мысль была направлена против подхода, названного авторами эсеровской направленности «славянофильским». Было решено окончательно уйти от еще развивавшегося (нередко в той же белградской консервативной газете «Новое время») тезиса о «непримиримости» Славянства и Запада.

Составители статьи, обличая «националистических шовинистов», с этой точки зрения панславизм приравнивали пангерманизму, так как и тот, и другой феномен, по их мнению, в сущности своей есть «расовая или национальная утопия владычества над миром» и инструмент «для создания новой наступательной империалистической коалиции»<sup>605</sup>. Следовательно, вывод был следующим: «Нельзя понимать единение славянства в виде создания себе довлеющей самостоятельной культуры, нарочито отгораживающейся от остального мира в горделивой позе противопоставления собственных духовных богатств чужой немощи и оскудению»<sup>606</sup>. Вслед за Бакуниным эсеры повторяли:

---

<sup>603</sup> Славянская политика // Воля России. Прага. 1921. 16 июля. № 255.

<sup>604</sup> Там же.

<sup>605</sup> Там же.

<sup>606</sup> Там же.

славянская федерация есть шаг на пути к основной цели – «подлинному союзу народов всего мира». То есть славянство – в форме своеобразной общеславянской федерации, но организованной в духе «демократических ценностей» (которые были все же недостаточно отчетливо прописаны, тем более при всех существовавших различиях рассматриваемых народов, их ментальности) – должно было стать лишь одним из этапов некоего «плана» развития, направленного в «светлое будущее». Но подобная «цель» представляется еще более утопичной. Как бы то ни было, наиболее удовлетворяющим для многих эсеров примером становилась Чехословакия (к тому же для текстов изданий эсеровского направления были характерны отзывы с похвалой в адрес чехословацкого правительства) с ее наиболее демократической государственной моделью. Вывод статьи был прост: без существования «демократической» России «никакого единения славянского мира быть не может».

Исходя из первого абзаца статьи, можно заметить, что авторы, следуя за мыслью упомянутого М.А. Бакунина и частично цитируя его высказывания, признавали «царское самодержавие» в России и «обманом, хитростью и насилием» «сколоченную австрийскую тюрьму народов» – основными препятствиями, стоявшими многие годы на пути к объединению славянского мира<sup>607</sup>.

Еще одной представительницей ПСР, нередко писавшей и говорившей о славянстве, была Е. К. Брешко-Брешковская. Ею были подготовлены несколько так называемых «писем братским славянским народам», часть из которых была опубликована на страницах белградской прессы<sup>608</sup>. «Бабушка русской революции», так же как и В.А. Лебедев, представленная редакторами как «видный идеолог общеславянской идеи», писала: «уже в первые дни моего пребывания» в славянском окружении «я осмелилась написать многим известным личностям Чехословакии, Югославии и Болгарии, обращая внимание на значение момента, в котором мы живем, для отношений славян». Действительно, можно вспомнить,

<sup>607</sup> Там же.

<sup>608</sup> См.: Брешко-Брешковска Е. Писмо браћи Србима. Време. Београд. 1926. 27. јануара.

например, упомянутую нами ранее переписку Е. Брешко-Брешковской с сербским ученым и политиком Милошем Московлевичем. По мнению известной революционерки, настало удачное время, когда можно было вновь соединить «ветви одного дерева», которые в силу «случайности отделились друг от друга»<sup>609</sup>. В этом проявлялась старая славянофильская традиция (методологически), заключавшаяся в положительной оценке перспектив славянского единства. Такой крупный представитель либерально-демократического течения как Милюков, оценивая слова Брешковской, заметил, что «национальное чувство», к которому она апеллировала, с трудом пробивались «сквозь толстую броню доктрины»<sup>610</sup>. В действительности, для эсеров было важно избегать злоупотреблений размышлениями в духе «империалистических тенденций» панславизма и все же придерживаться доктрины демократического социализма и конечного идеала – «сближения всех без исключения народов». Авторы-эсеры, обращаясь к славянской теме и создавая исторический нарратив славянства, балансировали между этими исходными тезисами.

Важным посылом обращения Е.К. Брешко-Брешковской к славянам было настоятельное требование ценить свою «славянскую натуру». Анализируя славянскую идею в послевоенном мире, «Бабушка» коснулась и новой актуальной в 1920-е годы проблемы: трудовую эмиграцию славян. Миграционные потоки славянского населения, зафиксированные еще до 1914 г., получили новый импульс в связи с тяжелым экономическим положением и масштабными разрушениями, последовавшими за Великой войной. Эти факторы способствовали оттоку части населения в страны Западной Европы и Северной Америки. Исторические обстоятельства позволили славянам обрести свою государственность и свое «место» в рамках обновившейся системы международных отношений. Однако для Брешко-Брешковской была важна еще и проблема восприятия славян во взгляде западноевропейской общественности.

---

<sup>609</sup> Ibid.

<sup>610</sup> Революция и славянство // Последние новости. Париж. 1921. 5 мая. № 320.

Каждого представителя славянства, по ее мнению, должно было волновать, что «слова “славянин” и “варвар” становятся синонимами для людей на Западе»<sup>611</sup>.

Политическая ситуация в среде русских беженцев в Королевстве СХС характеризовалась значительным распространением монархических убеждений и симпатий. Помимо также действовавших в «Триедином королевстве» кадетских групп, нужно сказать, что представителям левого направления русской эмиграции – прежде всего членам партии социалистов-революционеров – своей общественно-политической работой удалось оставить след в истории российско-югославянских связей. Это подтверждается имеющимися документальными свидетельствами.

В целом деятельность многих эсеров за рубежом была тесно связана с пражским Земгором – Объединением земских и городских деятелей, принимавшем активное участие в организации помощи беженцам из России<sup>612</sup>. Однако нужно отметить, что в состав пражского Земгора входили не только члены ПСР – из 63 человек к партии эсеров принадлежали 29<sup>613</sup>. При этом в руководящем комитете организации преобладали эсеры. Не стал исключением и «филиал» Земгора в Белграде. Эсеры отметились активным участием в общественной и благотворительной деятельности – открытии и обустройстве школ и высших учебных заведений, библиотек, больниц для широких масс населения.

В научных работах, посвященных истории развития программных установок партии эсеров, отмечается отсутствие у нее четкой идейной однородности<sup>614</sup>. Еще до начала Октябрьской революции в ПСР сложилось два направления, сторонники которых вступали в полемику друг с другом по вопросам о соотношении демократической и недемократической альтернатив государственного строительства, отношения к социализму и его трактовки. Уже в

---

<sup>611</sup> Ibid.

<sup>612</sup> Серапионова Е. П. Отношения Пражского и Парижского Земско-городских комитетов // *Cahiers du Monde Russe. Russie. Empire russe. Union soviétique. États indépendants. L'invention d'une politique humanitaire. Les réfugiés russes et le Zemgor (1921–1930)*. Paris, 2005. 46/4 Octobre-décembre. P. 805.

<sup>613</sup> Там же.

<sup>614</sup> Социалисты-революционеры в годы последней эмиграции // *Партия социалистов-революционеров в эмиграции: 1918 – начало 1950-х гг.* М., 2022. С. 17.



эмиграции левые эсеры и эсеры-максималисты, выразившие свою поддержку недемократическому варианту (в чем были близки к большевикам) откололись от ПСР<sup>615</sup>. Таким образом, остальные эсеры, во главе с В.М. Черновым, стремившимся поддерживать баланс внутри партии, были представлены умеренно левыми (В.В. Сухомлин, Е.А. Сталинский), центристами (В.М. Чернов), умеренно правыми (Н.Д. Авксентьев, М.В. Вишняк) и правыми (А.Ф. Керенский, А.А. Аргунов)<sup>616</sup>.

За деятельностью эсеров, на основании публиковавшихся на страницах эмигрантской прессы статей, внимательно следили в Советской России. Так, например, с сарказмом оценивали советские «Известия» новое положение эсеров и их взгляды в эмиграции: «У эсеров, надо сказать, никакой программы нет, но у каждого из них имеется своя собственная программа»<sup>617</sup>. Не оставили в стороне при этом и высказывания А.Ф. Керенского как одной из виднейших фигур русской эсеровской эмиграции, выступившего в роли теоретика славянского вопроса: «Сам Керенский (“Дни” от 23 дек.) характеризует свою программу, как лозунг “свободного славянства”. По мнению Керенского, о славянстве можно говорить, как о “новом международном самостоятельном факторе”»<sup>618</sup>. Эту программу в «Известиях» определили попросту как «славянофильство». Однако подробнее обратимся к размышлениям самого А.Ф. Керенского.

Политик-эсер, как заметил корреспондент «Известий», использовал своеобразный термин – «славянизация государственного уклада». Под ним он понимал политику «нового славянства», а именно модели развития Чехословацкой республики, которая включала, по мнению Керенского, несколько пунктов: «путь к “демократизации” и ко всем благам», «демократизации социальной хозяйственной политики», «стремление к более совершенным формам государственного развития»<sup>619</sup>. Все это и должно было отличать «новое славянство», различные стороны жизни которого обновлялись, от славянства

---

<sup>615</sup> Там же. С. 26.

<sup>616</sup> Там же. С. 26-30.

<sup>617</sup> Среди берлинских эсеров // Известия. 1923. 11 января. № 6 (1743). С. 3.

<sup>618</sup> Там же.

<sup>619</sup> Там же.

«старого». Таким образом, можно заметить, что А.Ф. Керенский ввел понятие «славянства», как первоначально феномена национально-политического характера, в социально-политический и социально-экономический контекст.

Керенский отметил одну деталь – строй жизни «Чехии», выбранный как образец, в котором, по его мнению, сближались «новые западные достижения с нашими старыми русскими чаяниями»<sup>620</sup>. Следовательно, вопрос касался и трактовки понятия «прогресс», соотношения понимания «прогрессивности» западноевропейского образца и реалий некоторой архаичности русской (и основной массы южных славян) жизни. В некоторых моментах эти мысли могут пересекаться с теоретическими суждениями основной массы эсеров (за исключением крайне левых) о модернизации общества в целом, значимой роли демократии в «истинном» социализме, необходимости защиты свободы личности.

Важную роль в развитии размышлений эсеров о славянстве сыграло Королевство СХС. В мае 1924 года в Белграде, под руководством бывшего офицера российской армии и члена ЦК партии социалистов-революционеров Ф.Е. Махина и бывшего сотрудника Морского министерства Временного правительства России, тоже эсера, В.И. Лебедева была налажена работа местного отделения Земгора<sup>621</sup>. Сам факт, что значительная часть руководящего состава этой организации была представлена членами партии ПСР, вызывал явное недовольство монархистов и правых сторонников «национальной России» – их политических противников. Эсеров, которых называли «предателями русского дела» и «губителями» России, политически правые эмигранты подозревали в распространении своего партийного влияния через структуры Земгора<sup>622</sup>.

В составленном Ф.Е. Махиным обращении к правительству КСХС в ноябре 1924 г. отдельным пунктом подчеркивалась особая значимость и близость «славянских демократий» для демократии русской. «Их объединяют схожая

<sup>620</sup> Там же.

<sup>621</sup> Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. М., 2005. С. 52.

<sup>622</sup> Помимо не прекращавшейся критики со стороны монархистов, нужно упомянуть о том, что в ряде эмигрантских газет либерально-демократической направленности («Последние новости», «Руль») весной 1927 года были напечатаны статьи с обвинением представителей белградского Земгора в продвижении политической линии ПСР и реализации левоэсеровских проектов. См., подробнее: Письмо в редакцию // Воля России. Прага, 1931. Янв.-фев. С. 201-208.

психология, общие национальные особенности и обычаи», утверждал председатель белградского отделения Земгора. И, следовательно, опыт славянских демократий должен был быть полезным примером «для русских как в плане активности, так и в плане героизма южных славян»<sup>623</sup>. В своем обращении Махину было важно переместить акцент на образ Королевства СХС как демократического государства, население которого осознанно восприняло ценность «демократической конституции». С этой точки зрения «демократически настроенная» часть русской беженской массы (которую как бы олицетворяли эсеры) должна была найти много общего с массой «демократичных югославян».

Утверждения о наличии политического подтекста в общественных начинаниях Земгора в Королевстве СХС имели определенные основания. В силу широкого спектра идейно-политических взглядов внутри партии (от правых до левых), эсеры часто сталкивались с трудностями в достижении единодушия по различным вопросам. Особую полемику внутри партии вызывал вопрос о том, допустимо ли было использовать принципы политической работы, принятые в партии, в сфере общественной деятельности. На заседании Первого съезда заграничных организаций ПСР в Праге в ноябре 1923 года от левых членов партии – В.Я. Гуревича и поддержавшего его Г.И. Шрейдера звучали предложения поставить под контроль Заграничной Делегации ПСР работу в общественных организациях<sup>624</sup>. В полемику с ними вступил М.В. Вишняк, назвав такой подход явно «заговорщическим»<sup>625</sup>.

Примечательным является то, что Ф.Е. Махин проявил в этом вопросе значительную инициативу. Он заявил о необходимости осуществления всех общественных начинаний в соответствии с принципами партийной деятельности и интересов. В протокольных записях заседания сохранились его слова: «Я должен указать, что, по моему мнению, каждый член партии, какую бы работу он ни вел, он всегда должен проявлять себя как с-р. Мы должны идти в

<sup>623</sup> Цит. по: Ганин А.В. Измена командармов. М., 2020. С. 290.

<sup>624</sup> Партия Социалистов-революционеров в эмиграции. М., 2022. С. 592.

<sup>625</sup> Там же. С. 590.

общественные организации, но должны идти туда как с-ры, особенно это должно сказываться в таких учреждениях как Земгор, Народный университет»<sup>626</sup>.

Находясь в Белграде, Ф.Е. Махин в переписке с соратниками по партии и общественной деятельности откровенно делился своими взглядами на лежавшие перед ними, как он полагал, перспективы. Для этого он был готов всемерно, имеющимися доступными средствами, поддерживать «демократическую работу» на новом месте<sup>627</sup>. Более того, расширение «демократического влияния» эсеров в Королевстве СХС отвечало интересам не только пражского центра ПСР, но и чехословацких политических кругов – в особенности министра иностранных дел Чехословацкой республики Э. Бенеша<sup>628</sup>. Общественная инициатива Земгора, помимо поддержки беженцев из России, должна была способствовать формированию доверительных отношений с правительственными кругами югославянского государства. Однако действовать требовалось осторожно. Открытые упоминания о партийной принадлежности, в условиях неприязненного консервативно-монархического окружения, как полагалось, могли лишь навредить всему делу. Однако скрыть это было довольно сложно.

По всей видимости, часть демократических сил российской эмиграции в КСХС, близкая к левым кадетам, все же осознавала потребность в налаживании более тесных связей с представителями белградского Земгора. В тексте доклада члена российского республиканско-демократического клуба<sup>629</sup> Е.Н. Новохатного в мае 1927 года (вскоре после публикации на страницах кадетских изданий обвинений против эсеров-земгоровцев) подчеркивалась необходимость изменения тактики в отношении Земгора (и соответственно эсеров). По мнению Новохатного было важно включить Земгор «в число не только возможных, но и желательных союзников» демократических сил российской эмиграции в Королевстве СХС «для

---

<sup>626</sup> Там же. С. 600.

<sup>627</sup> Ганин А.В. Указ. соч. С. 175.

<sup>628</sup> Там же. С. 173.

<sup>629</sup> Республиканско-демократические клубы, представленные в основном левыми кадетами, действовали в составе Республиканско-Демократического Объединения – межпартийного блока, в котором принимали участие представители различных политических течений демократической направленности. В КСХС подобной межпартийной организацией было Объединение национально-прогрессивных и демократических организаций.

ведения решительной борьбы с правым засилием»<sup>630</sup>. Среди документов Пражской группы ПСР, в протоколах встреч, обнаружены сведения об отношении членов партии к возможности участия в республиканско-демократических клубах. В частности в одной из рукописных заметок было сказано: «Основной целью клуба является обмен мнений, создание атмосферы взаимного понимания республиканских демократических элементов за границей и координирование действий в отдельных случаях»<sup>631</sup>.

По прибытии в Королевство СХС, Ф.Е. Махин вместе с В.И. Лебедевым развернули активную деятельность в общественной, культурной и (хотя и не афишируя) политической сферах, оказывая поддержку в установлении контактов и связей для успешного функционирования Земгора. Вопросы финансирования обсуждались при посредничестве организации. В частности, в одном из своих писем К.Н. Гулькевичу, бывшему российскому дипломату, выступившему в это время в качестве посредника между русской эмиграцией и Лигой Наций, Махин попытался донести важность работы Земгора на территории Королевства СХС. Для большей убедительности он сослался на «положительную оценку» работы его организации, которая была оставлена на страницах местной югославянской прессы, и в особенности в «"Трговинском Гласнике"» (органе финансовых и коммерческих кругов Югославии))<sup>632</sup>. В переписке речь шла о возможности получения денежного займа в размере 15 тысяч швейцарских франков из фонда Нансена<sup>633</sup>. Подобного рода документальные свидетельства показывают, что благодаря активной деятельности Махина и его ближайших соратников, многие проекты Земгора продолжали свою работу даже в период мирового экономического кризиса конца 1920-х – начала 1930-х гг.

<sup>630</sup> Доклад Е.Н. Новохатного, прочитанный им в Белградском Радикально-демократическом клубе // ГА РФ. Ф. Р7506. Оп. 1. Д. 84. Л. 14.

<sup>631</sup> Об условиях вступления членов ПСР в республиканско-демократические клубы. Б.д. IISH. PSR Archives. 980. Image 95.

<sup>632</sup> Письмо председателя комитета Земгора в Югославии Ф.Е. Махина // ГА РФ. Ф. Р6094. Оп. 1. Д. 85. Л. 3.

<sup>633</sup> Фонд финансовой помощи, сформированный в 1921 году в рамках структуры верховного комиссариата по делам русских беженцев при Лиге Наций. Фонд получил название в честь норвежского ученого и общественного деятеля Фритьофа Нансена, занимавшего должность верховного комиссара до 1930 года.

В ряду таких проектов необходимо назвать и издававшийся под редакцией земгоровцев журнал «Русский архив» (1928–1937), предполагавшейся аудиторией которого были югославянские читатели. Анализ содержания опубликованных в нем статей также показывает, что аспект «славянолюбия» являлся важным компонентом идейной программы белградского Земгора. И один из ее декларируемых пунктов призывал к созданию силами «братских славянских народов» «единого и сильного целого, что сможет встать на защиту своей свободы и высоких идеалов демократии»<sup>634</sup>. С другой стороны, в пределах эсеровской рецепции демократических ценностей лежал не только «славянский контекст». Разумеется, проживая в Европе, русские беженцы могли непосредственно наблюдать и изучать работу демократических институтов современных государств. И это представители белградского Земгора также подчеркивали. Однако более широкий «европейский контекст» был значительно выражен именно в издававшемся в Праге на протяжении 1920-х гг. журнале «Воля России»<sup>635</sup>. Данный печатный орган принято рассматривать в качестве одного из основных средств идейно-политического влияния партии социалистов-революционеров.

Интересные замечания, содержащие оценку ситуации в столице Королевства СХС после совершенной туда поездки, оставил публицист, писатель и член ПСР М.Л. Слоним. Несмотря на некоторую долю пристрастности и эмоциональности, вполне свойственной для газетной публикации, вовлеченной в политическую полемику, эта статья отражает восприятие двух измерений жизни столичного города, тесно пересекавшихся: «Белград югославянский» и «Белград русский». В данном контексте обращает на себя внимание то, что, обличая «правые круги» русского Белграда, Слоним параллельно ставит вопрос о наличии возможностей у русского эмигрантского общества для «изучения Югославии» и развертывания широкой культурной работы – налаживания «культурной связи

<sup>634</sup> Петров А.Н. Руски архив – часопис мисије и парадокса // Часопис Руски архив (1928–1937) и култура руске емиграције у Краљевини СХС/Југославији. Београд, 2015. С. 25.

<sup>635</sup> Ibid.

между русскими и южными славянами»<sup>636</sup>. «В Белграде убеждаешься, – пишет М.Л. Слоним, – что внутренняя связь славянских народов – не кабинетное измышление теоретиков, а живой факт исторической действительности. Русское духовное влияние было и будет преобладающим в формировании всей новой культуры южного славянства»<sup>637</sup>. Этой возможностью необходимо было воспользоваться, как с точки зрения политической борьбы с правыми силами, так и в целях создания большего количества организаций, направленных на тесное взаимодействие «русского – восточнославянского элемента» с представителями южнославянских народов. Подразумевая культурную и политическую работу, начатую «левыми демократами» в КСХС (деятельность Земгора в Белграде под руководством Ф.Е. Махина и В.И. Лебедева), публицист намекнул на желательность ее продолжения. Было необходимо «приложить все усилия, чтобы влияние это было достойно представлено, и чтобы югославы не думали, будто нашу литературу представляет Брешко-Брешковский и князь Касаткин Ростовский»<sup>638</sup>... что бывшие адъютанты великих князей и дворянские недоросли – русское общество»<sup>639</sup>. Мы видим, что этим была и борьба за симпатии.

Некоторые сведения о работе белградского Земгора можно почерпнуть из мемуаров его сотрудника, секретаря организации, М.В. Агапова<sup>640</sup>. Можно предположить, что нелестная характеристика главных лиц Земгора – Ф.Е. Махина и В.И. Лебедева, данная Агаповым, была вызвана личной неприязнью. Это отмечает и российский историк А.В. Ганин, называя Агапова явным недоброжелателем Махина. Исследователь подкрепляет свои доводы тем, что Агапов неоднократно искажал детали жизни руководителя белградского Земгора. Но, тем не менее, данные воспоминания являются весьма ценным для нас источником. В них автор указал на многочисленные связи руководителей

<sup>636</sup> Слоним М. Два Белграда // Дни. Париж. 1927. 24 декабря.

<sup>637</sup> Там же.

<sup>638</sup> Федор Николаевич Касаткин-Ростовский (1875-1940) – поэт, полковник, принимал участие в белом движении в составе Добровольческой армии в годы Гражданской войны, в начале 1920-х гг. жил в КСХС.

<sup>639</sup> Там же.

<sup>640</sup> Воспоминания М.В. Агапова // Москва – Сербия; Белград – Россия. М., 2017, С. 663–687.

белградского Земгора с правительственными кругами КСХС, а также контакты с сербскими и болгарскими (по стороне В.И. Лебедева) социалистами.

Любопытно, что в письме Областному Комитету Заграничной Делегации ПСР о своем приезде в Белград в июле 1924 г. М.В. Агапов оставляет хвалебную оценку деятельности полковника Ф.Е. Махина в столице Триединого королевства. Не подлежали сомнению организаторские способности Махина при ведении работы в КСХС, знание местных условий политической и общественной жизни Королевства, а также наличие необходимых связей и знакомств<sup>641</sup>. «Ф.Е. Махин показал столько такта и понимания обстановки, – пишет М.В. Агапов, – что это сделало его одним из самых популярных людей в Б[елграде]»<sup>642</sup>. М.В. Агапов подчеркнул, что даже временная замена Ф.Е. Махина на посту руководителя организации в конечном итоге должна была привести к краху всего дела Земгора.

Привлекает внимание и признание М.В. Агапова: «Я даже и свое личное пребывание на службе у “Земгора” готов поставить в тесную связь с наличием т-ща Махина в Белграде»<sup>643</sup>. Подобная одобрительная характеристика со стороны М.В. Агапова несколько отличается от той, что дана Махину и Лебедеву в упомянутых воспоминаниях, написанных им позднее.

С весны 1924 г. началась (а затем и продолжилась), по мнению новоприбывшего работника белградского представительства Земгора, «успешная операция культурного завоевания Югославии» людьми эсеровского толка. Конечно же, одним из наиболее важных пунктов проводившейся работы представлялось расширение идейной борьбы с «реакционным засильем». Однако отзыв Агапова представляется излишне оптимистичным: «Правым русским кругам основательно подрезывались крылья и общипывались хвосты, чтобы высоко не могли летать. С сербами и хорватами начали было завязываться отношения самого сердечного характера»<sup>644</sup>.

<sup>641</sup> Из письма М. Агапова ОК ЗД ПСР от 24 июля 1924 г. PISH. PSR Archives. 1001. Image 68.

<sup>642</sup> Там же.

<sup>643</sup> Там же. Image 69.

<sup>644</sup> Там же. Images 69-70.



На тесные связи Ф.Е. Махина и В.И. Лебедева с югославским правительством указал в своих воспоминаниях также Е.В. Спекторский, человек умеренных взглядов (несколько тяготевающий вправо), видный научный и административный деятель колонии русских беженцев в Белграде. Спекторский отметил, что руководители белградского Земгора являлись правительственными «осведомителями» о положении дел в Болгарии и о ситуации «во втором интернационале»<sup>645</sup>, за что получали «субсидии»<sup>646</sup>. Однако и в данном случае необходимо учитывать, что Спекторский в целом относился к деятельности Земгора в Белграде с подозрением. Земгору было необходимо усилить свои позиции в Королевстве СХС, в связи с чем одной из целей его руководителей стало установление более тесных связей с югославянской общественностью. В центре внимания оказался вопрос упрочения взаимоотношений между Югославией и представителями демократической России в эмиграции, в том числе и в контексте лозунгов общеславянского сближения. И, разумеется, продолжалась борьба за политические симпатии русского беженского общества.

С этой точки зрения перед культурными, общественными и политическими начинаниями эсеров в славянских странах возникали определенные положительные перспективы. Привлекая к себе внимание симпатизировавшей левым взглядам части «славянской общественности», эсеры, не исключая славянскую идеологию полностью, а лишь наполняя ее близким им идейно-теоретическим содержанием неонароднического толка, могли выступать в качестве альтернативы коммунистам-марксистам – в частности большевикам.

По просьбе Ф.Е. Махина в белградской газете «Време» было опубликовано его письмо-обращение, в котором были освещены основные положения деятельности Земгора на территории КСХС. Один из пунктов гласил, что перед организацией стояла задача «использовать пребывание за границей, особенно среди славянских народов, с целью познания их культуры, укрепления уз славянского единства и подготовки многих тысяч людей, которые стали бы

<sup>645</sup> Подразумеваются связи эсеров с созданными в межвоенный период структурами международных социалистических объединений.

<sup>646</sup> Спекторский Е.В. Воспоминания. Рязань, 2020. С. 472.

носителями общеславянской идеи в будущей России. Помимо этого, руководители организации видели необходимость «заложить основу не только духовных, но и практических связей со славянской общественностью, что даст главную роль в возрожденной и освобожденной России славянской промышленности, славянской торговле и славянской интеллигенции»<sup>647</sup>. Конечно, указанные Махиным цели были труднодостижимыми, скорее даже иллюзорными. Хотя при этом красочно подчеркивалась идея славянской взаимности в реалиях более тесных контактов русского и югославянского общества. Не зря Ф.Е. Махин, как основанной организатор отдела Земгора в Белграде, в одном из писем объяснял своим партийным товарищам, что «Особенно необходимо в нашей прессе» оставить «большое место Юго-Славии и славянскому вопросу»<sup>648</sup>.

Очевидно, что упомянутые прекраснотушные пассажи о славянстве должны были, в первую очередь, способствовать укреплению престижа «демократической части эмиграции» в лице того же Земгора среди югославянского общества. Об этом писал сам Ф.Е. Махин. К тому же он был убежден, что «Местные [Королевства СХС – Р.К.] политические деятели ищут новой русской общественной силы, которая бы подходила к решению нашей российской проблемы более свойственными сербам демократическими путями. Сербия является страной демократии, а потому вся деятельность и идеология реставраторов им чужда»<sup>649</sup>. С этим утверждением, на наш взгляд, можно согласиться отчасти, лишь с некоторыми оговорками. В сущности, в Королевстве СХС часто сталкивались между собой воля монарха и, собственно, голоса партийных деятелей – парламента. К тому же, итогом разгоравшейся на фоне этнонационального напряжения внутренней политической распри стала узурпация властных полномочий королем Александром в январе 1929 года.

Многие культурные мероприятия с участием Земгора были организованы Русской студией искусств. Ее работой руководил упоминавшийся секретарь

<sup>647</sup> Демократске организације међу Русима-избеглицама. Време. Београд. 1924. 12. септембра.

<sup>648</sup> Из письма Ф.Е. Махина Областному Комитету Заграничных Организаций ПСР от 23 февраля 1924 // ИИИ. PSR Archives. 1001. Image 30.

<sup>649</sup> Ibid.

представительства М.В. Агапов. Так, газета «Време» указывала на присутствовавших среди русских участников торжественного мероприятия по случаю двухлетия Русской Студии искусств в ноябре 1926 года, не называя конкретных имен, «старых и известных “народников” – борцов за русскую демократию»<sup>650</sup>. Среди гостей присутствовали – «почетный член» Студии сербский поэт Станислав Винавер, политический деятель и один из лидеров Социалистической партии Югославии Живко Топалович, хорватский поэт Густав Крклец, а также «немало выдающихся личностей» из Болгарии и Чехословакии. Топалович, сотрудничая с эсеровской «Волей России», опубликовал статью о своем видении славянских проблем. Он согласился с мнением немецкого ученого Германа Венделя в том, что присоединение болгар к югославянам (сербам, хорватам и словенцам) является закономерным и естественным процессом. Однако сербский автор добавил, что болгары в отличие от хорватов – «политически зрелый народ»<sup>651</sup>.

Со специально подготовленной лекцией выступил российский ученый-социолог и общественный деятель народнического направления К.Р. Кочаровский. В ней он подверг критике русскую интеллигенцию (в широком смысле) накануне революции за то, что та утратила «здоровое национальное чувство» и «отпала как сухая ветвь» от народа<sup>652</sup>. Продолжили вечер поэты, зачитывавшие свои стихи, а также выступления певцов и танцевальные номера.

Спустя некоторое время, 1 декабря 1927 года, в газете «Правда», издававшейся в Белграде, была размещена публикация, посвященная участию Земгора в торжественных мероприятиях, приуроченных десятилетней годовщине со дня образования Королевства сербов, хорватов и словенцев. Были организованы выступления Русской Студии искусства, «Русского женского клуба», «Союза увечных и престарелых воинов», а также русского студенческого

<sup>650</sup> Прослава Земгора. Време. Београд. 1926. 10. новембра.

<sup>651</sup> Топалович Ж. На путях объединения балканских славян // Воля России. 1926. № 4. С. 154-160.

<sup>652</sup> Ibid.

клуба «Прогресс»<sup>653</sup>. Идея общеславянского сближения стала основной темой для обсуждений среди присутствовавших гостей.

Отдельно необходимо рассмотреть публицистическую деятельность эсеров, в рамках их контактов с периодическими изданиями КСХС. Зачастую издание эмигрантской публицистики и небольших заметок в прессе, посвященных анализу проблем славянства и взаимоотношений славянских государств, имело политическую подоплеку.

Среди русских политических группировок продолжалась острая полемика. Обвиняя друг друга, они стремились показать себя в роли исключительных «борцов за интересы славянства». Не стали исключением и эсеры, выступавшие от имени «демократической России» и формировавшие в своих статьях образ развивавшегося «прогрессивного» славянского мира в «революционно-демократических» цветах.

Своими размышлениями эсеры, как мы можем увидеть, старались активно делиться с югославянскими читателями. В особенности это касалось В.И. Лебедева, который неоднократно выступал в качестве эксперта по «славянской проблематике»<sup>654</sup>, а также его исторического осмысления славянской идеи. Им и его коллегами на страницах местной периодики затрагивались проблемы межславянских отношений, перспективы интеграционных проектов на основе общеславянской идентичности, соотношения национального и общеславянского самосознаний в политике славянских государств. Обзор содержания лекций Лебедева под общим названием «Россия и Славянство», организованных при посредничестве белградского университета и прочитанных им перед югославянской публикой, был опубликован в газете «Дни». По сведениям корреспондентов среди слушателей присутствовали «ряд депутатов Национальной Скупщины, представители различных министерств, представители всех органов печати» и другие<sup>655</sup>. Конечно же, подобные мероприятия давали

<sup>653</sup> Руска прослава дана уједињења. Правда. Београд. 1927. 1. децембра.

<sup>654</sup> Словенство као проблем Европе. Време. Београд. 1925. 11. марта; См. также: Лебедев В.И. На пути славянского сближения // Воля России. 1923. Ноябрь. С. 70–78.

<sup>655</sup> Россия и Славянство // Дни. Париж. 1925. 31 декабря.

возможность показать себя перед югославянской общественностью в выгодном свете. Сербский ученый Радован Кошутич, представляя лектора, информировал собравшихся о деятельности партии социалистов-революционеров, вкратце (и, по всей видимости, в положительном ключе) ознакомил их «со значением для славянства Февральской революции»<sup>656</sup>.

Помимо этого профессор Р. Кошутич поднял достаточно важную, на наш взгляд, тему перед выступлением В.И. Лебедева, суть которой можно свести к вопросу об идейном транзите в рамках предшествовавших и продолжавшихся (уже в новых реалиях) контактов русского и сербского общества. И еще шире – затрагивая южных славян. Кошутич указывал на явное влияние русской радикальной «революционной мысли» на концепцию югославизма: «Идеи почерпнутые из передовых русских революционных источников и разумно пересаженные на нашу почву, переродили Сербию в смысле общественности и, переродив ее, дали ей возможность стать центром и опорой всех земель наиболее близких ей братьев на Славянском Юге»<sup>657</sup>. Необходимо отметить, что проблематика налаживавшихся связей представителей российского революционного движения с общественностью балканских стран в последней четверти XIX в. получила свое развитие в историографии<sup>658</sup>. В нашем случае, в контексте 1920-х гг., было бы явным преувеличением сказать о серьезном идейном влиянии тех же социалистов-революционеров внутри Королевства СХС. Это были все же «руске избеглице» – беженцы. Слова Кошутича были сказаны в торжественной обстановке, по «воле случая», и эта торжественность в некотором отношении определяла их характер. Однако они все же отражали циркулировавшие размышления о духовном и идейном пересечении русской и сербской демократической мысли на новом этапе ее развития, в новых реалиях, в том числе и в контексте суждений о судьбах славянского мира.

В.А. Лебедев отметил и как непосредственно историк славянской идеи. На это, в частности, указал впоследствии другой представитель исторической

---

<sup>656</sup> Там же.

<sup>657</sup> Там же.

<sup>658</sup> См., например: Гросул В.Я. Революционная Россия и Балканы (1874-1883). М., 1980.

науки в эмиграции, историк русско-сербского происхождения А.К. Елачич. Он отметил, что в исторических работах Лебедева «выясняется в значительной степени революционное и отчасти масонское происхождение славянской идеи в новой России – с конца XVIII века», добавив при этом, что такой вывод «явится весьма неожиданным для очень и очень многих и не только югославянских читателей»<sup>659</sup>. И действительно, если внимательнее приглядеться к структуре сочинений В.А. Лебедева, посвященных славянской теме, и поставленной им проблематике, становится очевидной особенность подбора как источниковой, так и историографической основы. Это сделано таким образом, что акцент ставился именно на «революционно-демократической» традиции. Следовательно, в этом ключе славянская идея и ее развитие в России связывалось в первую очередь с именами Бакунина и Герцена, а генезис славянолюбивого направления русской мысли с именами «первых русских революционеров» – декабристов из Общества соединенных славян.

Помимо «бесед» с В.И. Лебедевым в белградской газете «Време» сохранились размышления Ф.Е. Махина<sup>660</sup>, эсера И.С. Алко<sup>661</sup>, а также мысли о судьбе славянского мира одного из учредителей пражского Земгора эсера Б.Ф. Соколова<sup>662</sup>. Анализируя их статьи, можно заметить обобщающие их особенности. Так образ славянства в них складывался в соответствии с такими определениями и словосочетаниями, как «демократический», «революционный» «свободный союз равноправных братьев»<sup>663</sup>. Идея славянского единства была включена ими в контекст социально-политических революционных движений славянских народов, устремлений к солидаризации на основе демократических ценностей. В духе нередко появлявшегося в прессе славянских стран после Первой мировой войны суждения о наступающем духовном и культурном (а вместе с тем и политическом – что было довольно спорно) подъеме славянства в

<sup>659</sup> Славянский обзор // Воля России. Прага. 1930. Кн. 9. № 11-12. С. 1081.

<sup>660</sup> Културни и просветни рад есера (Разговор с пуковником Махином) Време. Београд. 1924. 12. јула.

<sup>661</sup> Тешински договор и његов значај (Разговор са г. Илијом Алко, иницијатором руско-пољског зближења у Тешину). Време. Београд. 1925. Број 1142. 22. фебруара.

<sup>662</sup> Панрусизам и Словенство. Време. Београд. 1926. Број 1803. 25. децембра.

<sup>663</sup> Словенство као проблем Европе. Време. Београд. 1925. 11. марта; Панрусизам и Словенство. Време. Београд. 1926. Број 1803. 25. децембра.

послевоенном мире, авторы упомянутых статей высказывали мысли о том, что предстоящая эволюция славянского мира, в направлении демократизации политической и культурной жизни славянских народов, должна определить судьбу Европы. На примере статьи Ф.Е. Махина в «Воле России» можно увидеть некоторые основания оптимистических ожиданий – суждений о «новой вехе в истории славянства». Во-первых, последствия поражения держав Центрального блока трактовались с той позиции, что славянские народы (в особенности чехи) избежали «опасности сделаться жертвой немецкого империализма»<sup>664</sup>. Пространство Центральной и Юго-Восточной Европы трансформировалось – начался процесс государственно-территориального преобразования на значительной территории прежней Австро-Венгрии. Следом, по мысли Махина, естественным образом становился очевидным геополитический момент, а именно фактор месторасположения славянских народов – «Волею истории славянство разместились на великих мировых путях, соединяющих Европу с Азией и даже Африкой»<sup>665</sup>. Таким образом, «Современный вопрос обороны славянства» сводился к тому, «чтобы навсегда уничтожить всякие попытки рассматривать территорию, населенную славянами, как объект империалистических вожделений»<sup>666</sup>. Только встав на почву политического и экономического сближения на основе этнической общности, по мнению автора статьи, славянские страны могли повысить свой политический престиж в глазах западноевропейских государств. Но кому-то при этом необходимо было «сыграть роль главной базы» славянства. Махин выдвигает на эту роль «обновленную» Россию. Но это были теоретические суждения. И здесь возникала проблема – каким образом можно было действовать? В сложившихся реалиях на роль опоры для «передового авангарда славянства» более походила Франция.

При этом жесткой критике подвергались действия российского самодержавия в прошлом – политика «панрусизма» в дореволюционный период, в связи с чем употреблялись такие словосочетания с отрицательной коннотацией

<sup>664</sup> Махин Ф.Е. Вопрос обороны славянства // Воля России. 1920. 19 сентября. № 7.

<sup>665</sup> Там же.

<sup>666</sup> Там же.

как, например, «подчинение панславянской Москве», «реакционный панславизм»<sup>667</sup>. Необходимо также отметить, что названные выше авторы, рассуждая о проблемах славянского мира, часто обращались к высказываниям видных политических и государственных деятелей Чехословацкой республики Т.Г. Масарика и Э. Бенеша – теоретиков концепции «критического» восприятия славянства, предполагавшей либеральную трактовку славянской идеи<sup>668</sup>. Таким образом, в языке авторов, разрабатывавших славянскую тему (как чехословацких, так и из среды эсеров), прослеживалось сходство в использовании слов с определенным эмоциональным оттенком.

В сочинениях Ф.Е. Махина, нацеленных на югославянскую публику можно выделить его демократическую риторику. Здесь же мы, проводя деконструкцию источниковой базы его сочинений, встречаем также цитирование А.И. Герцена и М.А. Бакунина. Махин подчеркивал свою принадлежность к «тому русскому передовому течению, которое пошло от декабристов и которому близки славянские идеи Бакунина»<sup>669</sup>. Говоря о России, он сделал акцент на том, что русский народ «входит в новую эпоху своего существования», создавая «пути для новой русской демократии»<sup>670</sup>. Но что же касалось сущности демократии как таковой? В социалистической мысли вопрос о соотношении социализма и демократии вызывал неоднозначные толкования. Неоднократно подчеркивалось их антагонистическое столкновение. Однако, как отметила исследовательница идейного наследия В.М. Чернова О.В. Коновалова, Чернов подчеркивал, что «связь социализма с демократией всеобъемлюща». Она «взаимообусловлена и обязательна, поскольку в самой сущности демократии, ее основных принципах, таких, как всеобщее, прямое, равное и тайное голосование и др., проявляется современная тенденция развития человеческой индивидуальности, самоутверждения человеческой личности, рационализации общественной

<sup>667</sup> Панрусизм и Словенство. Време. Београд. 1926. Број 1803. 25. децембра.

<sup>668</sup> Подробнее см.: Павленко О.В. Концепция «критического славянства» Т.Г. Масарика и чехословацкие исследования межвоенного периода // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 127-135.

<sup>669</sup> Русские организации и день объединения // Дни. Париж. 1927. 9 декабря. № 1262.

<sup>670</sup> Там же.



жизни»<sup>671</sup>. Иное дело – признание недостаточной развитости, несовершенства ее политической формы. В целом «для Чернова демократия не сводится к определенному порядку формирования власти, а предстает как целостная динамичная система, в которой в неразрывном, гармоничном единстве и взаимосвязи сосуществуют политические институты, нормы права, высокий уровень политической культуры и сознания народа. Демократия, по Чернову, – это не только своеобразный тип политической системы общества, но и новый качественный уровень социально-экономических отношений и международной политики»<sup>672</sup>.

Другой деятель эсеровского направления, публицист Б.Ф. Соколов, анализируя историческую проблематику развития славянства, в одной из своих статей смешивал понятия «панруссизм» и «панславизм»<sup>673</sup>. Понимая под «панруссизмом» «реакционную самодержавную идеологию» дореволюционных лет, он, будучи непримиримым критиком русской монархии, вкладывал это содержание и в понимание панславизма, его «великодержавного» варианта. Под славянофильством он понимал именно «славянолюбие», свойственное всем славянским народам. Б.Ф. Соколов как эсер представлял радикально-демократическую мысль, и поэтому с симпатией воспринял размышления Бенеша о «демократическом» содержании славянской идеи в ее политической форме. Следуя за Э. Бенешем и цитируя его, публицист соглашался с тем, что демократия – есть основа потенциальных проектов всеславянского объединения. С этой точки зрения «царская Россия» оставалась вне сферы «новой славянской политики».

Оценивая положение дел в среде российской эмиграции, публицист пришел к мнению, что эмигрантов следует разделить на «отцов» и «детей». К «отцам» он причисляет (не всех, но многих) «гордых» носителей воспоминаний о «былой России», сторонников «старого порядка» – «реакционных» монархистов, «черносотенцев»<sup>674</sup>. Эти «отцы», по его мнению, «смотрят свысока» на

<sup>671</sup> Коновалова О.В. Политические идеалы В.М.Чернова: взгляд через годы. Красноярск, 2005. С. 139.

<sup>672</sup> Там же. С. 142.

<sup>673</sup> Панрусизм и Словенство. Време. Београд. 1926. Број 1803. 25. децембра.

<sup>674</sup> Ibid.

«младших» славянских братьев, не желая учить язык того народа, среди которого они оказались, и не желая ничему учиться у них. Однако «отцам» – меньшинству российской эмиграции, Б.Ф. Соколов противопоставляет «детей», «эмигрантскую молодежь», с одобрением подчеркивая их «здоровый демократизм и радикализм», стремление сблизиться со славянством. Именно эта молодежь, в понимании публициста, должна была, как опора будущей России, внести вклад в начавшийся процесс развития межславянских отношений.

Как Б.Ф. Соколов, так и В.И. Лебедев порой подходили к анализу отношений между славянскими народами через призму их идеалистического восприятия. По мысли В.И. Лебедева, обратившегося к перспективам межславянских связей в будущем, славянские народы относительно многих касающихся их вопросов, которые встанут перед Лигой наций, будут иметь схожие между собой интересы и должны сообща защищать себя<sup>675</sup>. Не отрицая проблемы соотношения узкого националистического и широкого общеславянского мировоззрений, вместе с тем оба публициста достаточно оптимистично смотрели на существовавшие в славянском мире противоречия, придя к выводу, что социалистическая и демократическая солидарность позволят приблизиться к разрешению назревших межнациональных конфликтов. Интересно обратиться к воззрениям авторитетных членов ПСР на соотношение социализма и демократии. Е.Е. Лазарев в частности писал об этом: «Социализм, ставящий своей задачей создание общества, организованного на справедливых началах, естественно должен явиться решительным защитником принципов демократии и противником всякой диктатуры»<sup>676</sup>. Но справедливости ради нужно отметить, что в деятельности эсеров на территории Королевства СХС было более свойственно апеллировать конкретно к принципам демократии, но гораздо реже указывая при этом на социализм. По всей видимости, естественны были опасения также оказаться в одном ассоциативном ряду с левыми – в том числе и коммунистами.

<sup>675</sup> Словенство као проблем Европе. Време. Београд. 1925. 11. марта.

<sup>676</sup> Лазарев Е.Е. Из переписки с друзьями. Прага, 1935. С. 13.

Сербская печать служила для эсеров своеобразной площадкой, на которой они демонстрировали свою значимость в преодолении острых национальных разногласий и в развитии сотрудничества между славянскими народами. В частности, утверждалось, что только российская демократия, представленная партией эсеров, сумела максимально приблизиться к мирному разрешению русско-польских разногласий. Заметным шагом в этом направлении признавались состоявшиеся в Тешине, в ноябре 1924 года, переговоры между представителями ПСР и польскими социалистами<sup>677</sup>. Тем не менее, протоколы встречи русской и польской делегаций в Тешине свидетельствуют о том, что эсеры, присутствовавшие на ней, не проявили заинтересованности в придании славянского характера будущей конференции социалистических партий<sup>678</sup>. В отличие от данной в сербской прессе характеристики, протокольные записи показывают, что отношения русских и поляков не рассматривались теми же эсерами сквозь призму славянской идеи. Это было связано с опасениями, что явный славянский уклон в организации конференции мог вызвать подозрения у социалистов, представлявших другие страны. В протоколе конференции зафиксированы слова В.М. Чернова, отрицавшего «панславянскую» направленность встречи с польскими товарищами в Тешине: «Переговоры ПСР и ППС (Польская социалистическая партия) составляют в нашей практике не единственный факт; такие же переговоры ведем с социалистическими партиями других стран. Это отнюдь не панславизм»<sup>679</sup>.

Небезынтересным представляется подробнее рассмотреть, какие факторы определяли стремление части русских эсеров под руководством В.М. Чернова к установлению более тесных связей с европейскими социалистами и деятельности в рамках единого социалистического фронта. Одна из основных задач конференции — подготовка «идейной оффенсивы» социалистов против распространявшегося влияния большевизма в Центральной и Юго-Восточной

<sup>677</sup> Тешински договор и његов значај (Разговор са г. Илијом Алко, инициатором руско-польског зближења у Тешину). Време. Београд. 1925. Број 1142. 22. Фебруара; Словенство као проблем Европе. Време. Београд. 1925. 11. марта.

<sup>678</sup> Протокол заседания конференции 23 ноября 1924 г. IISH. PSR Archives. 1006. Images 38-41.

<sup>679</sup> Там же. Image 39.

Европе. Вопрос об участии эсеров, как в целом русских социалистов, в политической жизни европейского социалистического движения сам по себе достаточно интересен и неоднозначен.

Там же, на конференции в Тешине (заседание 23 ноября 1924 г.) В.М. Чернов в частности обратился к оценке ситуации на Балканах. По его мнению, нельзя было игнорировать проблематику этнонационального противостояния и спорных территориальных вопросов. Эти проблемы лишь облегчали распространение влияния большевиков. Е.С. Сталинский также с беспокойством говорил о положении на Балканах: «балканским странам грозит опасность стать в будущем плацдармом для большевиков»<sup>680</sup>. Однако Чернов, по крайней мере открыто, не ориентировался на славянскую идею. Им в большей степени учитывался фактор близости связей (исторических, культурных, экономических) между государствами на Балканах. Но отнюдь не только славян.

«Славянская окрашенность» была неудобна, так как она могла негативно сказаться на настроениях прочих неславянских национальных делегаций (участие в Социалистическом Интернационале), принимавших участие в переговорах с эсерами. Эсеров в этом контексте можно рассматривать как своеобразных «проводников» в складывавшихся взаимоотношениях между социалистическими группами Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы.

Очевидно, что для успеха дела, в контексте налаживания контактов между социалистическими партиями, представляющими разные страны и народы – социалистический интернационал, славянская тема была уже не столь пригодна. При анализе проблемы обращения того или иного представителя партии эсеров к размышлениям о славянстве важно учитывать на кого были нацелены тексты отдельных деятелей и в каких условиях это совершалось. Иное дело представляли размышления на страницах печати КСХС, ориентированные на более-менее широкую югославянскую читающую публику. В соответствии с этим «славянолюбивая» риторика, которой было присуще апеллирование к образу «нового славянства», усваивающего демократические ценности, зачастую могла

---

<sup>680</sup> Там же. Image 39.

быть кстати. «Следование демократическим ценностям» как своеобразный маркер – в свою очередь, помогал авторам обособить течение эсеров как от политических течений русского зарубежья справа, так и основного противника слева – большевизма.

Вернемся к анализу содержания вышедших из-под пера эсеров публикаций, посвященных теме славянства. И здесь особенно интересны, с точки зрения адаптации славянской темы в контексте социалистической мысли неонароднического толка, статьи В.И. Лебедева. В.И. Лебедев говорил о необоснованности некогда существовавших европейских страхов перед панславизмом и «славянской опасностью». «Страх перед славянством» являлся, по его мнению, результатом, с одной стороны, «реакционной политики» российского самодержавия, не понимавшего истинные чаяния славянских народов. С другой стороны, по его мнению, отрицательный образ славянства складывался под влиянием работ немецких теоретиков марксизма<sup>681</sup>.

За это упоминание о марксизме в весьма неблагоприятном для славянства контексте В.И. Лебедеву пришлось позже отправить в редакцию газеты «Дни» письмо-разъяснение. В нем он постарался «смягчить» характер некоторых формулировок из своей лекции, по всей видимости, опасаясь негативной реакции «социалистической общественности». В частности, Лебедев сообщал в письме: «мне приписано одно заявление, которого я не делал. А именно. Я не напоминал о том, что “Маркс и Энгельс были открытыми врагами славянства”. Я цитировал места из сочинений этих двух теоретиков марксизма, видевших в славянских народах, с одной стороны, отсталое земледельческое население, а, с другой, вероятных агентов царизма, но *“открытыми врагами славянства”* [выделено В.И. Лебедевым – Р.К.] Маркса и Энгельса не провозглашал»<sup>682</sup>.

В газетных публикациях подчеркивалось, что в отличие от большевиков-ленинцев, эсеры не исключали из своей программы идеологию славянского единства, связывая ее с наследием народничества. Слова И.С. Алко утверждали ту

<sup>681</sup> Словенство као проблем Европе. Време. Београд. 1925. 11. марта.

<sup>682</sup> Из письма В.И. Лебедева в редакцию газеты «Дни» // Дни. Париж. 1926. 27 января.

позицию, которую заняли эсеры по отношению к общеславянским проблемам: «Среди русских социалистов только народники, русские эсеры, имеют славянскую и даже, можно сказать, общеславянскую идеологию — они ведут борьбу с марксистами, мечтая о демократическом новом славянстве»<sup>683</sup>. Таким образом, эсеры противопоставляли свои «прогрессивные» воззрения на развитие славянского мира «империалистическому» подходу сторонников крайне правых идей и промонархических взглядов.

Любопытно, что эсеры, продолжая идеологическое противостояние с большевиками, включали и их в ряды «состоявшихся империалистов». Рассматривали они в контексте империализма внешнюю политику большевиков. В этом смысле они вновь сходились с мыслями Э. Бенеша, который, как заметил чешский историк Р. Влчек, усматривал «преемственность между царской и большевистской Россией» в том, что в обеих проекциях России были значимы представления, в которых «первостепенное внимание уделялось великодержавным политическим (даже империалистическим)» интересам<sup>684</sup>.

Важной составляющей работы эсеров в Королевстве СХС, помимо гуманитарной, культурно-просветительской и политической, стала еще и публицистическая деятельность, отразившаяся в стремлении членов ПСР ознакомить югославянскую публику со своими взглядами на перспективы развития славянского мира, возможных путей выстраивания межславянских отношений. С этой целью печатались аналитические статьи в газетах и журналах, расширялись представления читателей о «прогрессивной славянской политике», построенной на основе демократических ценностей. Этому направлению способствовала и деятельность самого белградского отделения Земгора. Под лозунгами идеи «славянского единства» и защиты интересов «свободного демократического славянства» проходило большинство мероприятий данной

<sup>683</sup> Тешински договор и његов значај (Разговор са г. Илијом Алко, инициатором руско-польског зближења у Тешину). Време. Београд. 1925. Број 1142. 22. Фебруара.

<sup>684</sup> Влчек Р. Славянство как идейная основа формирующегося чехословацкого государства // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй. С. 40.

организации, на которых собирались многие видные культурные и политические деятели – представители различных славянских народов.

По мере продолжения во многом политической по своему характеру полемики правой (монархической) и умеренно левой (социалистической) мысли российской эмиграции, «картина» славянского мира пополнялась определенными образами и смыслами. В сфере публицистики эсеры, в том числе и связанные с Земгором (В.И. Лебедев, Ф.Е. Махин Б.Ф. Соколов), рассматривали «революционно-демократический» аспект, вкладывавшийся в содержание славянской идеи, как основу «перспективной» славянской политики, противопоставляя свою позицию как «реакционерам-монархистам», так и крайним левым – большевикам-ленинцам.

Деятельность эсеров-земгоровцев, на примере Ф.Е. Махина и В.И. Лебедева, а также некоторых их партийных коллег, отражала многосторонность их политической жизни, наглядно демонстрировала идейно-политическое размежевание и эволюцию взглядов как в партийных рядах эсеров, так, в целом, и в среде русской эмиграции на Балканах. Находясь, как и большинство русских эмигрантов, на антибольшевистских позициях, эсеры выступали в периодике с критикой советского коммунистического режима, прежде всего его недемократических сторон. При этом Земгор и его институты, прежде всего библиотеки, становились тем местом, где можно было ознакомиться с советской литературой и газетами, притягивая интерес всех тех, кто симпатизировал левым взглядам.

«Демократический» и «социалистический» аспекты «славянских теорий» эсеров (В.И. Лебедева, Б.Ф. Соколова, И.С. Алко) вкладывались ими в основу представлений о «прогрессивной славянской политике». Тем самым эсеры противопоставили свои идейно-теоретические воззрения на развитие славянского мира «империалистическому панславизму», к сторонникам которого они причисляли как правых («шовинистов»), монархистов, так и большевиков, развивавших идеи ленинизма.

## **§ 2.4. Критическое восприятие славянской проблематики новыми течениями общественной мысли: сменовеховцы и евразийцы**

Трактовки славянской идеи имели различные оттенки и, соответственно, различное восприятие. И это касалось не только сторонников славянской идеи из среды консерваторов (монархисты, правые кадеты), либералов (левые кадеты-«милюковцы») и социалисты-неонародники (эсеры), которые стояли на антибольшевистской позиции. И в данном случае осмысление славянской идеи также осуществлялось неразрывно от насущного вопроса о судьбе России, ее политического и идеологического облика. Значительный интерес представляют и мысли эмигрантов, оказавшихся в своеобразной оппозиции основной массе политического спектра русского зарубежья, выковавшихся еще в дореволюционный период. Это, во-первых, симпатизировавшие советской власти представители сменовеховского движения. Нужно учитывать, что представители сменовеховства делились на правых и левых, в связи с чем в их газетных заметках и сочинениях проявлялась своя специфика суждений.

В эмигрантской газете сменовеховского направления «Накануне» (Берлин), главным редактором которой до октября 1923 г. являлся журналист Г.Л. Кирдецов, ставший вскоре сотрудником советского Полпредства в Италии<sup>685</sup>, была опубликована в мае 1923 г. в рубрике «По газетным столбцам» одна интересная заметка. Г.Л. Кирдецов принадлежал к левому крылу сменовеховского движения<sup>686</sup>. В центре внимания редакции оказалась статья хорватской газеты «Обзор», посвященная новой – Советской России. В характеристике хорватского издания обновленная Россия представляла собой «новый русско-славянский империализм», который должен был «своей духовной экспансией похоронить изживший материалистический демократизм», тем самым «обновить Европу и освободить Восток». В свою очередь симпатии авторов из «Обзора» (как и редакторов «Накануне») находились на стороне советской системы. В то время

<sup>685</sup> См.: Дубровина О. В. Деятельность советского Полпредства по созданию положительного образа СССР в фашистской Италии в 20-е гг. XX века // Исторические исследования. 2017. № 6. С. 113-128.

<sup>686</sup> Сменовеховство: pro et contra, антология. 2-е изд. / Сост., коммент. П.Н. Базанова, А.В. Репникова; вступ. статья П.Н. Базанова. СПб., 2023. С. 31.



как о царской России было сказано, что она «была лишь юридической абстракцией», далекой «от души русского народа»<sup>687</sup>. Сменовеховцы, в целом согласившись с направлением мысли из хорватской газеты, все же сделали оговорку: не корректно, по их мнению, был применен термин «русско-славянский империализм» в отношении внешней политики Советской России. Из этого следовало, что «старому славянофильству» не было места в системе ценностей, которыми руководилась «новая политика» советского государства. Что же насчет славянской идеи? Составители обзорной сводки ясно выразили свою точку зрения, уйдя в сторону от идеализации межславянских отношений в контексте идеи славянской солидарности и политики царской России, а все суждения о славянстве были признаны умозрительными. Однако роль России (в данном случае советской, к которой все же трудно было приписать ярлык «славянская») как ключевого игрока в системе международных отношений не оспаривалось. «Не метафизическому славянству, а только лишь реальной России принадлежит в настоящий момент характеризующая газетой [«Обзор» – Р.К.] великая историческая роль»<sup>688</sup>.

Полемика с консервативными течениями русской эмиграции в КСХС наметилась в статьях, напечатанных в другой газете сменовеховского направления «Новая Россия» (издавалась в Софии), выходившей под редакцией бывшего военного, эмигранта А.М. Агеева, неоднократно посещавшего КСХС. Критика была направлена против одного из известных представителей консервативно-монархического движения в Белграде историка А.Л. Погодина<sup>689</sup>. В частности острой критике подверглись в газете рассуждения консерваторов (монархистов), касавшиеся желанной ими возможности в недалеком будущем «воссоздания» «Славянской России». «Было бы вообще рискованно говорить о тех формах, в какие могла бы вылиться в будущем федерация славянских государств под эгидой России» – говорилось в статье<sup>690</sup>.

<sup>687</sup> По газетным столбцам // Накануне. Берлин. 1923. 27 мая.

<sup>688</sup> Там же.

<sup>689</sup> Понятная тревога // Новая Россия. София. 1922. 17 ноября. № 7.

<sup>690</sup> Там же.

В самой Советской России славянская идея находилась в Критика славянской идеи в советской прессе зачастую сопровождала многие публикации, посвященные деятельности эмигрантов в славянских странах. Задавали тон сверху. Так, в частности, исследователь А.Н. Горяинов обратился к статье известного советского историка М.Н. Покровского, написанной и опубликованной в газете Правда по случаю предстоявшей в конце июня 1927 года конференции историков из стран Восточной Европы, на которую были приглашены также русские эмигранты. По мнению А.Н. Горяинова «Большевистское руководство, взгляды которого выражал руководитель советской исторической науки, было, видимо, серьезно озабочено налаживавшимся взаимопониманием между эмигрантами и зарубежными поборниками идей “славянской солидарности”»<sup>691</sup>.

Не только сменовеховцы, симпатизировавшие Советской России, критически оценивали славянскую идею под знаком «романтического славянофильства», оторванного, как они считали, от реалий обновившейся международной жизни. В рамках оформившегося и развивавшегося в эмиграции течения евразийства вопрос о восприятии славянства как самодовлеющего феномена, а также и самой славянской идеи был неоднозначным. Исследовательница Э.Г. Задорожнюк, обратившись к этой проблеме, отметила, что взгляды евразийцев в целом характеризовались «критическим отношением к славянофильству и панславизму», но в то же время ими учитывались «реальные факты общежителства славянских и неславянских народов»<sup>692</sup>.

Необходимо заметить, что евразийские идеи нашли сторонников и в Королевстве СХС. В качестве примера можно привести белградскую газету «Русский военный вестник», на страницах которой регулярно появлялись публикации, демонстрирующие положительное отношение к евразийству и

<sup>691</sup> Горяинов А.Н. В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006. С. 12.

<sup>692</sup> Задорожнюк Э.Г. Славянский вопрос в идейном наследии евразийства: историческая реконструкция // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. С. 364.

направленные на защиту его идейных положений от критики<sup>693</sup>. Способствовал развитию этой позиции, по всей видимости, главный редактор газеты Н.П. Рклицкий, о чем также упоминает в своем мемуарах Е.В. Спекторский<sup>694</sup>.

Однако далеко не все в консервативной среде русского Белграда симпатизировали идеям евразийства. Не обделили вниманием в консервативной газете «Новое время» доклад русского историка А.А. Кизеветтера – по своим общественно-политическим взглядам принадлежавшего к либеральному лагерю, посетившего в феврале 1928 г. Белград с целью прочесть цикл лекций о евразийстве. Авторы статьи поддерживали точку зрения профессора Кизеветтера: евразийство не имеет ничего общего со славянофильством, в его «классическом» облике, оформившемся в 1840-е гг. В то время как, подчеркивали консерваторы-«нововременцы», евразийцы обрушивались с критикой на западноевропейскую культуру и негативно оценивали ее влияние на Россию. Но главное, что по мнению авторов статьи отвергали евразийцы, это тезисы, оставленные классиками славянофильства: Россия – органическая часть славянского мира, «передовая» славянская страна. «Основные начала русско-славянской культуры» являются «путеводным светочем для всего человечества»<sup>695</sup>, в том числе и для Европы, западноевропейской культуры. И из этого был сделан вывод: славяне это часть Европы. Западные и южные славяне, так же, как и русские, восприняли влияние с Запада.

У основателей-идеологов евразийства в отношении абсолютизируемого образа славянства было другое мнение. В 1921 г. в болгарской Софии была издана первая очень важная для евразийского движения книга – «Исход к Востоку». В предисловии к этой книге в отношении славян, уже с позиций взгляда современников реалий версальского устройства, было сказано, что «перед судом действительности понятие “славянства”, как нам кажется, не оправдало тех надежд, которые возлагало на него славянофильство»<sup>696</sup>. Вероятнее всего, в

<sup>693</sup> См., например: Строительство России // Русский военный вестник. Белград. 1926. 31 января. № 26; Статья митрополита Антония «В защиту Евразийства» // Там же.

<sup>694</sup> Спекторский Е.В. Воспоминания. С. 474.

<sup>695</sup> Славянофильство и евразийство // Новое время. Белград. 1928. 14 февраля.

<sup>696</sup> Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. 7.

данном случае акцент сделан на той цивилизационной и духовно-нравственной оценке славянства, которую сформулировали еще представители «классического» славянофильского движения в России. Славянофильский подход – видение «русско-славянской» общности, проник в исторический нарратив не только многих профессиональных историков в их строго научном историописании, но и в сочинения, отражавшие социально ориентированный тип исторического знания. Последние, как мы увидели ранее, были связаны с идеолого-политическими целями определенных идейно-политических групп.

В некотором роде чувство «разочарования» в славянской идее вынуждало евразийцев всматриваться далее одной лишь ориентированной на славянство традиции. Обратимся к критерию «сродства душ» – включению евразийцами народов «евразийского мира» (но не славянского в его абсолютизированной форме) в сферу взаимодействия с русским народом<sup>697</sup>. Это очень важный элемент историософской концепции евразийцев. Он был вложен в более широкий контекст – приобщения «целого круга восточноевропейских и азиатских народов к мыслимой сфере мировой культуры Российской»<sup>698</sup>.

Революционные процессы 1917 г. обнажили глубину проблемы целостности России – имперского и многонационального государства. Основные теоретики евразийской концепции, в первую очередь Н.С. Трубецкой, в полемике отстаивали идею России – самобытной цивилизации. И у этой особой цивилизации была своя «миссия». Евразия как особый географический, этнографический и культурный мир, должна была сказать свое слово «в полный голос в новую эру, начавшуюся после Первой мировой войны», сыграв «ведущую роль в борьбе колониальных народов против европейского господства»<sup>699</sup>.

Важно и то, что Н.С. Трубецкой связывал развитие европейской культуры с понятием «общероманогерманского шовинизма». Трубецкой видел европеизацию как негативное явление в виду ее неравномерности, раскалывающей

---

<sup>697</sup> Там же.

<sup>698</sup> Там же.

<sup>699</sup> Там же. С. 66.

европеизированные народы<sup>700</sup>. При этом евразийцы видели необходимость противостоять «вызову национализмов» современной им эпохи. Принцип национального государства, как и губительный для России национализм, ведущий к ее распаду, они рассматривали как «романо-германское наследие». В той же плоскости лежал, по их мнению, и «интернационализм» большевиков. Но не все эмигранты-евразийцы примечали эволюцию идеологических устоев советского большевизма – «интернационализма», и его постепенной смены национальными приоритетами государства. Это был уход от идеи «мировой революции».

Что касалось зарубежных (особенно западных, но так же и южных) славян, то, по всей видимости, они рассматривались идеологами евразийства (в частности Н.С. Трубецким) как примыкавшие на культурном уровне к «романогерманскому Западу». Об этом говорится и в отмеченной в обзоре вышедших в 1920-е гг. иностранных публикаций о евразийстве статье чешского журналиста Франтишека Кубки<sup>701</sup>. Ее автор добавлял, что «за нами [славянами – Р.К.] остается в будущем положение моста между романо-германцами (романоанглосаксами) и Россией»<sup>702</sup>.

С точки зрения евразийцев идеи «Великой России» П.Б. Струве были несвойственны и чужды «народному духу православия»<sup>703</sup>. «Великая Россия», концепт которой у Струве основывался все же на традициях «старой России», не соответствовала евразийскому историософскому видению, в котором прежняя Россия закономерно должна была быть разрушена. Октябрьская революция способствовала этому, обновив устои национального и государственного развития. Однако особняком здесь стоял вопрос православной церкви, устоям которой большевизм нанес серьезный удар.

### Выводы

Дискуссии о славянской идее и отношениях между новыми славянскими государствами стала составляющей глубокого процесса – рефлексии

<sup>700</sup> Нойманн И. Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 227.

<sup>701</sup> В борьбе за евразийство. Полемика вокруг евразийства в 1920-ых годах // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. VII. Париж. 1931. С. 7.

<sup>702</sup> Там же.

<sup>703</sup> Глебов С. Евразийство между империей и модерном. М., 2010. С. 54-55.

оторвавшейся от своей родины части русского общества на произошедшие в Европе после завершения Первой мировой войны глобальные изменения, затронувшие разные стороны жизни: политической, социальной, экономической, культурной. Это было переосмысление эпохи, которое происходило, помимо прочего, и на уровне трансформации мировоззренческих и идейных установок предшествовавших лет.

В русском зарубежье славянская проблематика стала предметом оценок и интерпретаций не только профессиональных историков, но и деятелей, не обладавших специальной подготовкой. Тем самым складывались особые формы исторического знания, вмещавшие в себя элементы консервативной, либеральной и социалистической традиций в анализе прошлого и настоящего славянской идеи и славянства в целом. В небольших работах актуальные политические события и личные взгляды тесно переплетались с историческими нарративами. Это обнажает проблему субъективности и политической обусловленности исторической рефлексии этой группы авторов из среды русского зарубежья, в частности, при конструировании и продвижении ими определенных идеологических конструкций, связанных со славянской идеей.

В этом контексте славянская идея приобретала характер политического инструмента, используемого в конкурентной борьбе между различными группировками русской эмиграции за доминирующее положение. Использовался ими и фактор «славянского окружения» – общества страны-реципиента, в связи с чем создавались социально ориентированные тексты.

Будущее развитие славянских народов и их государств рассматривалось большинством из них в неотъемлемой связи с развитием воссозданной большевистской России. Российская империя, по мнению большинства консервативных и некоторых либеральных авторов, многие годы до Первой мировой войны выступала в роли «освободительницы» славянских народов от «оков» Габсбургской монархии и гаранта обретения славянами ЦВиЮВЕ своей государственности.

После 1918 г. «габсбургское наследие» – коллективная память славянских народов о совместном проживании на протяжении многих лет в составе единого имперского пространства, а также рецепция ими «католических ценностей» – рассматривалось русскими эмигрантами в контексте исторической оценки как след, оставленный в менталитете, психологии и образе жизни славян, входивших прежде в состав Габсбургской монархии. Этот фактор необходимо было учитывать в перспективе, в случае выстраивания отношений будущей небольшевистской России со славянскими государствами.

Сторонники претензий великого князя Кирилла Владимировича на российский престол – монархисты-легитимисты в КСХС, а также и сторонники Николая Николаевича, для реализации своих целей прибегали к организационным формам деятельности. В частности, они формировали местные отделения «Союза русских государевых людей» (СРГЛ), организации, учрежденной в 1920 г. в городе Тырново-Сеймен (Болгария).

Идеологи монархического толка, анализируя исторические сюжеты, акцентировали внимание на исторически сложившейся традиции русской самодержавной монархии и ее «братском отношении» к славянам. Главным аргументом являлась «историческая традиция» «служения» славянским народам.

Либеральные конституционалисты (кадеты), обращаясь к славянской теме, продолжали выявлять различия и взаимосвязи между терминами «национальный» и «националистический», подчеркивая разницу между умеренным патриотизмом и проявлениями шовинизма. Кадеты, подобно эсерам, критически рассматривали концепцию самобытности славянства, активно продвигаемую консервативными и правоцентристскими эмигрантскими кругами. При этом и левые кадеты (сторонники П.Н. Милюкова), наряду с эсерами подчеркивали необходимость очищения славянской идеи от любых теорий славянской гегемонии, мессианских представлений о славянской миссии «духовно-ценностного» преображения Европы и враждебности по отношению к западноевропейской цивилизации.

В своих оценках идеи «всеславянского единения» эсеры противопоставляли себя абстрактному славянофильству, которое они олицетворяли с контекстом

русского самодержавия, негативно оценивая «мистический панславизм кабинетных теоретиков» эпохи Российской империи. Анализ эсеровских публикаций 1920-х гг., в том числе и в формате небольших исторических работ, показывает смешение понятий и неоднозначное определение терминов, связанных со славянской проблематикой. Критикуя «националистических шовинистов», эсеры приравнивали панславизм к пангерманизму, рассматривая их как «расовые или национальные утопии мирового господства», служащие интересам формирования новых империалистических коалиций. С точки зрения эсеров, единение славянства не должно было приводить к созданию замкнутой и самодостаточной культуры, противопоставляющей себя остальному миру. В эмиграции они также разделяли тезис Бакунина о том, что славянская федерация является лишь этапом на пути к «подлинному союзу народов всего мира».

Для эсеров Чехословацкая Республика, благодаря её демократическому государственному устройству, представляла собой наиболее желаемый образец. Вместе с тем, они высказывали мнение о том, что «единение славянского мира» не представляется возможным без существования «демократической» России.

Представители партии эсеров в КСХС, действуя через Белградское отделение Земгора, в своих докладах и сочинениях, ориентированных на общественность КСХС, акцентировали внимание на особой значимости и близости «славянских демократий» (называя демократическим государством даже КСХС) для демократического развития России. Важным направлением деятельности эсеров была организация «демократической работы» среди русской эмиграции на территории КСХС. Что немаловажно, в эмиграции эсерам удавалось относительно легко освоить славянскую тему в создаваемых ими текстах для продвижения своей «демократической» идеологии среди преимущественно аграрных славянских народов Балкан. Однако, они делали это осторожно, опасаясь обвинений в «панславистском уклоне» со стороны социалистов других стран.



### **ГЛАВА 3. СЛАВЯНСТВО И ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ 1920-Х ГГ.**

#### **§ 3.1. Славянская тема в дискуссиях русских ученых в КСХС**

Королевство СХС, как мы увидели ранее, было одним из крупнейших центров русской послереволюционной эмиграции, в особенности в 1920-е гг., до активизации последующих перемещений русских беженцев в другие страны. Белград, к тому же, был еще и одним из центров научной эмиграции, хотя и несколько уступал значимостью и масштабом Праге. Многие ученые, в том числе и историки-слависты, даже проживая в соседних с КСХС или иных европейских странах, нередко посещали «триединое Королевство», выступая с публичными докладами на конференциях и съездах. Да и в целом писали и высказывались о проблемах славянства и славянских народов в их прошлом и настоящем.

Обращаясь к общей проблематике истории славянства в трудах представителей исторической науки русского зарубежья, следует принимать во внимание специфику проявлявшегося к этой теме научного и публицистического интереса каждого из рассматриваемых авторов. Каждый из представленных ученых, естественно, поднимал те узкие вопросы, которые интересовали именно его, затрагивая лишь некоторые аспекты славянской проблематики, будь то история взаимоотношений русских со славянами ЦВиЮВЕ или конкретные сюжеты прошлого некоторых славянских народов. К тому же, необходимо учитывать, что в условиях эмиграции (как феномена во многом политического) научное и политическое направления в деятельности эмигрантов нередко шли бок о бок или даже смешивались. С одной стороны, это касалось работ научно-исследовательского формата – которые могли нести, с разной степенью очевидности, отпечаток политических пристрастий автора. С другой стороны, в большей степени это касалось работ иного формата, но которые, можно сказать, были более распространены. Это, как правило, небольшие тексты – статьи и заметки научно-публицистического характера, в которых явным образом прослеживались взгляды того или иного автора на проблемы исторического

прошлого и настоящего славянских народов. Примером этому можно назвать историка-слависта А.Л. Погодина, в эмиграции в КСХС активно поддерживавшего монархистское движение, или же П.Н. Милюкова и Б.А. Евреинова<sup>704</sup> – крупных представителей партии Народной свободы (кадетов).

Обстоятельные и комплексные исследования истории славян Центральной и Юго-Восточной Европы были редкостью среди российских историков в эмиграции. Публикация крупных работ в эмигрантских условиях была доступна лишь тем ученым, кто не только до эмиграции профессионально посвятил себя славистике и продолжил свои изыскания, но и сумел обеспечить себе благоприятные жизненные обстоятельства. Необходимо принимать во внимание тот факт, что в среде профессиональных историков-славистов, оказавшихся в эмиграции, таких как А.Л. Погодин, В.А. Францев и Н.В. Ястребов эмигрантский период научной деятельности оказался не самым плодотворным. Наиболее важные работы представленных ученых были созданы еще в дореволюционный период. В контексте проблемы развития исторической мысли русских эмигрантов мы рассмотрим сочинения малого формата (публицистического характера), распространение которых было характерно для интеллектуальной традиции русского зарубежья. Эти сочинения отражали эволюцию исторических представлений их авторов.

Относительно понимания истории развития славянской идеи в России применительно к третьей четверти XIX в., на наш взгляд важно замечание современной российской исследовательницы О.В. Павленко: «Какие бы интерпретации не возникали, общественный интерес подогревался все же не столько дискуссиями о судьбах “униженных и угнетенных” славянских братьев, сколько о жизни в самой России, понимании внутренних и внешних скрепах российской идентичности»<sup>705</sup>. Это было время Великих реформ, время «великих надежд и иллюзий»<sup>706</sup>. Первые полтора десятилетия XX в. имели несколько

<sup>704</sup> О Б.А. Евреинове как ученом и политическом деятеле подробнее см.: Лаптева Л.П. Русские историки эмигранты в славянских странах в 20–30-е годы XX в. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. Т. 11. С. 44–47.

<sup>705</sup> Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый. С. 243.

<sup>706</sup> Там же. С. 242.

другой характер, однако это время кануна масштабных социальных и политических потрясений, определенных (хотя и не всегда оправдывавшихся) ожиданий.

В контексте развития славянской проблематики в историографической традиции русских эмигрантов, обратимся к выводам А. Елачича, русского историка сербского происхождения. Елачич, будучи одним из современников событий и процессов в ЦВиЮВЕ в 1920-е гг., оценил внешнеполитический вектор Советской России в сравнении с историей «славянской политики» царской России: «Политика Советской России как государства или союза государств, унаследовавшего территорию старой России, везде столкнулась с теми же проблемами, которые существовали и раньше. На Балканах это прежде всего была проблема Проливов»<sup>707</sup>.

Рассмотрим некоторые публикации малого формата и по большей части публицистического стиля, в которых преломлялись взгляды представителей научной элиты о славянском мире. Образы славянства на страницах эмигрантских текстов историко-публицистического характера зачастую выстраивались в несоответствии с принципами строгого позитивизма. Это естественная черта текстов подобного жанра. Однако интересны оценки позитивизма некоторыми русскими учеными-эмигрантами, прежде всего философами и историками, отраженные в их публикациях. Так, например, в опубликованной в газете «Россия и славянство» статье Г.В. Флоровского, посвященной памяти философа П.И. Новгородцева, автор выступил с критикой позитивизма как научного подхода. Сама статья носит характер историко-методологической переоценки. Заметим, что в подобном духе критические оценки пересекались и с распространявшимся настроением исторических суждений на славянскую тему. В основе их — неприятие «силы грубого факта» и абсолютизация «нравственного мерила» при оценках событий и процессов. В условиях эмиграции, когда нередко преобладало болезненное ощущение эмигрантами свершившегося в России и в мире,

---

<sup>707</sup> Јелачић А. Русија и Балкан. Преглед политичких и културних веза Русије и балканских земаља 866—1940. Београд, 1940. С. 117.

историческое нередко оценивалось с позиций непосредственной связи с современностью. Образы славянства, как и дискуссии о славянской идее, оказались в плену «духа времени», в котором происходило своеобразное переосмысление категорий нравственности. В этих условиях неопределенности и эмоционального напряжения нравственность, как приоритетный критерий оценки, «пользовалась спросом».

Данный текст русского философа не затрагивал темы славянства, однако любопытна в нем именно авторская трактовка позитивизма и его значимости. По мнению Флоровского, позитивизм, и сопутствующий ему историзм, являли собой именно «отвлеченное» мировоззрение, приводящее к «нравственному безразличию и бездействию»<sup>708</sup>. Ему должно было быть противопоставлена «абсолютность нравственного сознания». Что же подразумевалось под этим? Оценка общественной жизни, в том числе и в ее прошлом, сквозь призму выработанного нравственного идеала, понимании категории Добра, разработкой концепции понимания которых занимался накануне Октябрьской революции П.И. Новгородцев. Г.В. Флоровский, критикуя позитивизм, был солидарен с мыслью П.И. Новгородцева. Вслед за этими мыслями, с позиций как раз таки более строгого позитивизма, естественным образом возникала проблема идеализации и абсолютизации определенных образов, складывавшихся под влиянием подобного рода суждений. В том числе и в истории. Но об этом писал один из ведущих теоретиков исторической науки в эмиграции П.М. Бицилли. По его мнению, «Историк точно также вполне в праве избрать за *principium individuationis* [принцип индивидуации как бытование множества уникальных индивидов – Р.К.] идеал, который в истории никогда еще не был осуществлен, который, быть может, всецело никогда не осуществится»<sup>709</sup>. Такой подход вполне оправдан при попытке реконструкции исторической эволюции, с точки зрения апеллирования к идеалу. Но он приводит к «ненаучности», когда историк «свою реконструкцию

<sup>708</sup> Флоровский Г.В. Памяти П.И. Новгородцева // Россия и славянство. 1929. 27 апреля.

<sup>709</sup> Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага, 1925. С. 260.

исторического процесса принимает за адекватную истории, прожитой человечеством»<sup>710</sup>.

Но Г.В. Флоровский все же осторожно и предусмотрительно отметил, что «нравственное сознание не строит воображаемого идеального мира, и не ради этого мечтательного призрака судит существующий порядок»<sup>711</sup>. На наш взгляд, именно нередкая идеализация образов славянства, славянского мира была характерна не только для историко-политического, но и научно-просветительского дискурса русского зарубежья. Не утихали дискуссии о кризисном этапе русской исторической мысли в реалиях эмиграции, с чем отчасти соглашался и П.Н. Милюков<sup>712</sup>. Обсуждалась проблема «дробления» исторической мысли в рамках разделявших русскую эмиграцию (особенно молодежь) идейных кружков, ослабление ее научных основ.

Продолжал писать о славянстве будучи в эмиграции (хотя и более скептически) историк А.Л. Погодин. Активно сотрудничавший с белградской газетой Новое время ученый, после тяжело пережитой и негативно воспринятой им Октябрьской революции несколько охладел к славянству и идее славянской взаимности. Он был вынужден признать, что начавшийся процесс оформления государственности у славянских народов в конце 1918 г. окончательно изменил смысл ранее распространенных трактовок славянской идеи. Здесь можно задаться вопросом, насколько глубоко понимал А.Л. Погодин, как и остальные эмигранты, писавшие о проблематике славянства на уровне межгосударственных отношений, что именно зарубежные славяне вкладывали в понимание славянской идеи? Относил ли себя А.Л. Погодин к славянофилам до революции? В первой главе мы отметили, что до революции и последовавших затем «скитаний», ученый, придерживавшийся либеральных воззрений, неоднократно с критикой обрушивался на славянофильские идеи, видя в них отражение «реакционных» (промонархических) настроений. Но при этом А.Л. Погодин продолжал сохранять «теплоту чувств» ко всем славянским народам до самого начала Октябрьской

---

<sup>710</sup> Там же.

<sup>711</sup> Флоровский Г.В. Памяти П.И. Новгородцева // Россия и славянство. 1929. 27 апреля.

<sup>712</sup> Молодежь и национализм // Последние новости. 1928. 16 февраля.

революции, поддерживая многие их устремления к самостоятельности<sup>713</sup>. В то же время, в контексте анализа особенностей исторического пути Российского государства и славянских народов, историк констатировал, что «У России была историческая миссия освободить славянство от турецкого и немецкого ига, и она выполнила ее в полной мере»<sup>714</sup>. Заключая о перспективах славянской идеи, Погодин писал: «славянство как идеал, политически и культурно, может быть воплощено в жизнь только с участием России»<sup>715</sup>.

Интересно, что в эмиграции А.Л. Погодин, вспоминая о прошлом, включает себя в ряды славянофильского круга. С горечью он пишет в одной из статей: «Мы, старые наивные славянофилы, верили, будто существует “славянская взаимность”. Существовала Россия, которая при всех своих пороках таила в своей душе бездну праведности, и был поистине великий русский народ, который умирал за славянских “братьев”. А кто из этих братьев пошел умирать за свободу русского народа?»<sup>716</sup>. В данном случае вновь делается акцент на теме «самопожертвования» за своего «славянского брата» и упрек всем славянским народам, обретшим государственность, в проявляемом «эгоизме».

Разумеется, на воззрениях ученого и публициста (как и в случае многих других представителей эмиграции) сильно сказались тяжелые условия жизни и перенесенные беды состоявшейся «смуты», приведшие к психологическому надлому. Это обусловило то, что в идейно-политическом отношении А.Л. Погодин, будучи эмигрантом, перешел к более консервативным взглядам, сблизившись с русскими монархическими кругами Белграда. В то же время он начинает пересматривать свои прежние взгляды на славянский мир. В переписке с ученым-славистом В.А. Францевым он называет свои старые суждения о славянах «романтической мечтательностью»<sup>717</sup>.

В большей мере скептически размышлял А.Л. Погодин о возможности объединения славян на основе федерации. По его мнению, все те славянские

<sup>713</sup> Лаптева Л. П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. С. 433.

<sup>714</sup> Pogodin A. Rusija i Slovenstvo // Nova Evropa. 1923. 1. oktobra. Br. 10. S. 282.

<sup>715</sup> Ibid. S. 291.

<sup>716</sup> Погодин А.Л. “Сейте разумное, доброе, вечное!” // Новое время. Белград. 1922. 15 декабря. № 493.

<sup>717</sup> Лаптева Л.П. История славяноведения в России. С. 500.

народы, которые встали бы на путь федеративного объединения, должны были испытать серьезные трудности, «быть может такие, которые и не следует и не стоит ради сохранения самого государства преодолевать»<sup>718</sup>. Но все же возможность такого объединения профессор полностью не отрицал, делая при этом оговорку, что оно возможно только на основе идеи «обороны от общего врага». Подобным врагом, по мнению А.Л. Погодина, могла стать Германия, угрозу со стороны которой он осознавал, одновременно акцентируя мысль о политической хрупкости послевоенной Версальской системы<sup>719</sup>. Наиболее оптимальную возможность выйти из складывавшейся ситуации Погодин видел в твердом ориентире на национальную Россию и прекращении «заигрываний с большевиками». В этом отношении проявлялось единодушие русского ученого с мыслью К. Крамаржа, на статьи которого Погодин ссылался<sup>720</sup>.

Внес вклад в переосмысление славянской идеи и известный русский философ В.В. Зеньковский. В его исторических и историософских сочинениях, в ретроспективном обзоре событий и процессов прошлого, явно выступила также проблема восприятия Запада в русском самосознании, проблемы «исторической и духовной неотрываемости» России от Запада<sup>721</sup>.

Объяснение «старой славянофильской традиции» интерпретации славянской идеи представил в одной из своих статей Василий Васильевич Зеньковский – известный русский философ, общественный деятель и член конституционно-демократической партии. Василий Васильевич в 1920–1923 гг. жил на территории КСХС и принимал участие в собраниях членов Белградской группы кадетов. Статья, о которой идет речь, была размещена в британском академическом журнале *The Slavonic Review*, известном своими публикациями в сфере славянских исследований, включая обзоры, аналитические и научные статьи. Необходимо отметить, что многие видные российские представители

<sup>718</sup> Погодин А.Л. Одна из утопий // Славянская заря. Прага. 1920. 4 июля. № 165. Иного мнения был Е.А. Ефимовский. См.: Ефимовский Е. Утопия или возможность? // Славянская заря. Прага, 1920. 4 июля. № 165.

<sup>719</sup> Серапионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. М., 2006. С. 411.

<sup>720</sup> Там же.

<sup>721</sup> Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1997. С. 622.

науки, а также публицисты и политические деятели из числа эмигрантов сотрудничали с данным журналом и публиковались в нем<sup>722</sup>.

В.В. Зеньковский подходит к анализу славянской идеи (в рамках названной выше публикации), на наш взгляд, как мыслитель, в рамках историософского подхода, но не как политик. Это обуславливает в некоторой степени идеалистический характер его суждений. По мнению Зеньковского, компонент «славянолюбия» (именно славянолюбием – в морально-нравственном измерении, он объясняет используемое им определение «славянофильский») был плотно укоренен в сущности «русского варианта» славянской идеи. И хотя эта традиция «никогда не была всенародной, никогда не была особенно сильной», но все же она являлась «глубокой и органичной», привлекавшей «немало самых искренних и творческих русских умов»<sup>723</sup>. С позиций «славянского идеализма» Зеньковский объясняет причины, приведшие Россию к участию в Первой мировой войне: «Великая война, ставшая для России исключительно тяжелым испытанием, берет свое начало в славянской проблеме», подчеркивает он. Выделение «славянства», «бескорыстной жертвенной борьбы за братьев славян» при объяснении характера войны было свойственно многим русским эмигрантам, вовлеченным в дискуссии о славянстве. Очевидно, что в рамках этой объяснительной схемы особое значение придавалось акценту на специфическом «пробуждении славянского самосознания» России «в самый переломный и судьбоносный момент своей истории»<sup>724</sup>.

В контексте исторического анализа проблемы «единого славянства» содержание статьи Ф.В. Тарановского в газете «Россия и славянство». Русский историк права и славист Ф.В. Тарановский вступил в научную полемику с чешским славистом Ярославом Бидло, оспорив его вывод о том, что свершившиеся революционные события в России в 1917 г. имели «для отношений России к Славянству оздоравливающее значение»<sup>725</sup>. Подобно другому ученому-

<sup>722</sup> Pares B. A wandering student. The story of a purpose. Syracuse, 1948. P. 299-300.

<sup>723</sup> Zenkovsky V.V. The Slavophil Idea Re-Stated // The Slavonic Review. 1927. No. 17, Dec. Vol. 6. P. 302.

<sup>724</sup> Ibid.

<sup>725</sup> Тарановский Ф. «Россия и Славянство» // Россия и славянство. Париж. 1929. 19 января.



эмигранту З.Г. Ашкинази, Тарановский приходит к мнению, что позиции многих представителей западно- и южнославянской интеллигенции, видевших «конечный исход славянской истории в удовлетворении желаний» — национальное самоопределение и обретение государственности — «представляют собой не более, как преходящую партийную ориентацию»<sup>726</sup>. То есть, такой подход, по мнению русского ученого, не соответствовал осмысленному в долгосрочной исторической перспективе. Тарановского задевает и то, что Бидло «изъе́млет Россию из Европы и направляет ее на восток — в Азию». Следом идет другая мысль — Тарановский пишет о вступлении России, ориентированной на славянство, в войну по «бескорыстным» мотивам.

Одновременно с этим присутствовали в статьях видных представителей русского зарубежья и положительные оценки панславизма. Вне рамок негативной коннотации характеризовал возможные варианты панславизма (всеславянства — единения равных славянских народов) и коллега и близкий друг Ф.В. Тарановского — Е.В. Спекторского, видного российского ученого и деятеля русской колонии в Белграде. Это был человек умеренно консервативных взглядов, близкий по своим воззрениям к тяготевшей вправо «национальной» части Русского Зарубежья. В одном из номеров газеты «Возрождение» (Париж) в мае 1926 года была напечатана его речь, отражавшая оценку наиболее заметных исторических событий и процессов в истории славянства. Данная речь, как отмечает ученый в своих воспоминаниях, была подготовлена по случаю 35-летнего юбилея клуба чешских студентов «Омладина» и была напечатана в рамках проводившихся дискуссий о судьбе славянской идеи<sup>727</sup>. По мнению Е.В. Спекторского между «Россией национальной» и «Россией славянской» можно было поставить знак равенства. При этом славянскую идею ученый трактует как неотъемлемый элемент русской культуры и политики — связывающий русское национальное сознание с общеславянским. Переломным событием как для самой России, так и для дальнейшего развития славянских народов ЦВиЮВЕ стала

---

<sup>726</sup> Там же.

<sup>727</sup> Спекторский Е.В. Воспоминания. С. 432-433.

Первая мировая война – «последняя жертва», по мнению автора текста, «принесенная Россией ради славянства»<sup>728</sup>. Обращаясь к представителям славянских народов Спекторский утверждал: «Ваше славянское дело это также и наше русское дело. Но и обратно: наше русское дело – это также и ваше славянское дело»<sup>729</sup>. В отличие от П.Н. Милюкова и его соратников, Е.В. Спекторский подчеркивал значимость русофильского (исключая Советскую Россию) направления в славянстве. Здесь пересекалась мысль, которую развивал и К.П. Крамарж (нужно заметить, находившийся в дружественных отношениях со Спекторским): несмотря на ряд отрицательных сторон политики русского самодержавия, его вклад в конечный результат – освобождение славян Австро-Венгрии и Османской империи – нельзя было отрицать. Подобные суждения находили куда больше сторонников среди основной массы эмигрантов в КСХС. Но более сдержанно воспринимались среди политических элит новых славянских государств.

Будет ли «второй том книги “Россия и Славянство”?» – задавался вопросом Е.В. Спекторский. Он продолжал свои размышления: «Наше глубокое убеждение, что продолжение первого тома последует. И если первый том закончился трагической борьбой России за освобождение славянских братьев, то второй том начнется радостным культурным и политическим общением освобожденной России со свободными славянскими народами»<sup>730</sup>. При этом ученый, с уверенностью взирая на положительный политический потенциал панславистской идеи, подчеркивал, что общение между славянами «будет основываться не только на часто осмеиваемом, но по существу, прекрасном чувстве славянофильства... но и на холодном политическом расчете»<sup>731</sup>. В данном случае под славянофильством понималось, по всей видимости, славянолюбие в широком смысле. Спекторский усматривал в самой идее существования дебольшевизированной и в идеологическом плане ориентированной на объединение славян России залог к

---

<sup>728</sup> Спекторский Е.В. Россия и славянство // Возрождение. Париж, 1926. 24 мая. № 356.

<sup>729</sup> Там же.

<sup>730</sup> Там же.

<sup>731</sup> Там же.

надежному политическому развитию славянских народов. И все же ученый подчеркнул различие между панславизмом и панруссизмом в своем понимании славянской идеи. По этому поводу профессор писал: «Молодым славянским государствам легче будет строить свое будущее, имея союзницей мощную национальную Россию. А освободившейся России легче будет восстанавливать вызванный мировой войной и большевиками ущерб, имея союзниками другие славянские народы и государства. Не империалистический панруссизм несет с собою Россия славянству, а призыв к сотрудничеству...»<sup>732</sup>.

Обратимся к другому интересному тексту – публикации в газете, написанной российским ученым и журналистом З.Г. Ашкинази. Одной из центральных идей, красной нитью проходящей сквозь этот текст, является тема внешней политики России до 1917 года в ее соприкосновении с идеей славянской солидарности. Ашкинази взглянул на проблему «Россия и славянство» в ракурсе осмысления не только сугубо «реальных интересов», диктуемых международной политической ситуацией. Перед ним встал вопрос о славянской солидарности, в том числе и на идейно-духовном уровне. В связи с этим была предпринята попытка определить, существует ли на самом деле между славянскими народами «какая-то внутренняя родственная связь, сознание духовной близости и общности интересов»?<sup>733</sup>. При этом автор сразу же подчеркнул свою точку зрения – чувство славянской солидарности если и не полностью определяло, то значительным образом оказывало влияние на проводившуюся Россией политику. В качестве примера, подобно и многим другим эмигрантам, автор указал на русско-турецкую войну 1877-1878 гг. и причины, побудившие российского государя и его правительство, по мнению Ашкинази, вступить в Великую войну 1914 г. Мысль, как можно заметить, не нова, и характерна для славянского нарратива русской эмиграции. Однако привлекает внимание дальнейшее обоснование автором сути внешнеполитического курса Российского государства. А именно характеристика им данная – как политики «большого масштаба», которая в сущности своей была

<sup>732</sup> Там же.

<sup>733</sup> Ашкинази З.Г. Славянская солидарность // Новая русская жизнь. 1920. 9 ноября. № 225.

нацелена на «отдаленные перспективы» и «исторический размах». В силу этого Российскому государству, писал Ашкинази, зачастую приходилось жертвовать «настоящим ради будущего»<sup>734</sup>. Эта мысль явным образом пересекается с другой смысловой единицей – мыслью о «славянском мессианизме» и «общеславянской» роли России.

Апогеем «славянской политики», по мнению Ашкинази, стала «жертва» России «во имя будущего. Но это будущее мыслилось явно не в рамках «Советского» – большевистского проекта. Любопытно что при этом «партнеров» России в этой политике – славянские народы Балкан и Центральной Европы, публицист называет «людьми вчерашнего дня», так как они «всецело поглощены насущными интересами сегодняшнего дня».

«Требовать от них широты взгляда, понимания широких европейских перспектив, готовности к жертвам во имя далекого будущего значит не понимать основного различия между “великодержавной” политикой и политикой провинциальной, “мелкопоместной”». «Узкая» национальная политика малых славянских народов, таким образом, во взглядах автора переносится в плоскость политики «национальных раздоров и взаимного ослабления». Подобно Н.А. Бердяеву, накануне революции 1917 г. взглянувшему на славянскую идею в русском общественном сознании как на нечто подсознательное – точнее «безсознательно» существующий «инстинкт», характеризовал «солидарность интересов славянских народов» и сам З.Г. Ашкинази<sup>735</sup>.

Статье в целом свойственны несколько эмоциональные пассажи, выражавшие обиду условного представителя русской интеллигенции, унесшего с собой в эмиграцию идею мессианской роли России среди славян. Однако подобные настроения, как мы смогли увидеть, присущи основной массе сочинений эмигрантов разных жанров.

---

<sup>734</sup> Там же.

<sup>735</sup> Там же.

### § 3.2. Проблема организации механизмов обеспечения безопасности в ЦВиЮВЕ: Малая Антанта и славянский контекст

Многие русские эмигранты, особенно консервативных взглядов, выражали скептическое, если не негативное отношение к международному порядку, сложившемуся в результате Версальского мира. Так, например, бывший министр иностранных дел России С.Д. Сазонов (уже как эмигрант) в своих оценках международной обстановки середины 1920-х гг. демонстрировал глубокий скепсис по поводу эффективности Версальской системы и связанных с ней принципов регулирования международных отношений. Бывший министр и дипломат в предисловии к своим мемуарам писал: «мировая борьба, начавшаяся в 1914 году, не окончилась с поражением Германии и ее союзников в октябре 1918 года, а продолжается и ныне, хотя и в иной форме и на иной почве. Версальский мир не дал мира человечеству, в чем теперь, я думаю, не усомнятся сами его составители»<sup>736</sup>.

Обратимся теперь к развитию взглядов и оценок представителей интеллектуальной и политической элиты новых славянских государств. Идейное наследие Т.Г. Масарика прочно закрепилось в сознании югославянских интеллектуалов и политиков. О Масарике говорили и писали в КСХС на протяжении всего межвоенного периода. Один из виднейших представителей югославянской интеллигенции Божидар Маркович в 1927 г. писал: «Деятельность Масарика касается не только его собственного народа, она распространяется на все Славянство, и особенно на “Югославянство”... Его политическая деятельность привела к тому, что одновременно, одним и тем же направлением действий, уничтожая общего врага, он участвовал в спасении и объединении не только своего, но и нашего народа. Вот в чем его истинное величие. Отсюда та большая и непосредственная любовь, которой он пользуется среди всего нашего трехименного народа»<sup>737</sup>.

<sup>736</sup> Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж, 1927. С. 3-4.

<sup>737</sup> Цит. по: Ковић М. Масарик и Срби: политичке идеје // Српска политичка мисао. 2020. Број 2, свеска 68. С. 17-18.

Значимость идей Масарика для интеллектуалов из сербской среды Югославянского королевства была очевидна. В конце XIX века хорватские студенты, обучавшиеся в Праге, под влиянием лекций харизматичного профессора, стали пересматривать свои взгляды. Отказавшись от односторонней ориентации на хорватское государственное право, часть из них постепенно стали сторонниками сотрудничества с сербами, чьи национальные права и интересы ранее игнорировали. А впоследствии идеи Масарика даже оказали влияние на создание Хорватско-сербской коалиции, пришедшей к власти на территории Хорватии в 1906 г.<sup>738</sup>

Сходство воззрений Масарика и сербской политической и интеллектуальной элиты (Никола Пашич, Йован Цвиич, Йован Скерлич и др.) наблюдалось и в интерпретации понятия национальная идентичность. Они определяли нацию как динамически развивающееся явление, подверженное изменениям, вызванным, помимо прочего, сознательными действиями людей. Эти концептуальные построения легли в основу процесса «создания наций» – нации чехо-словацкой и нации югославянской, в которой соединялись сербы, хорваты и словенцы как «три племени одного народа»<sup>739</sup>.

Авторитет Т.Г. Масарика к началу 1920-х гг. был невероятно высок. Он считался одним из авторитетнейших европейских политиков, который мог умело сочетать в себе черты «идеал-политика» и «реал-политика»<sup>740</sup>, также в своих рассуждениях неоднократно обращался к «славянскому вопросу». Однако трактовал он его по большей части сквозь призму оценки положения «малых» славянских (и не только) государств в Европе, их национальных задач, геополитических перспектив после развала Австро-Венгрии и произошедших в России изменений после Октябрьской революции 1917 г.

<sup>738</sup> Ковић М. Масарик и Срби: политичке идеје // Српска политичка мисао. 2020. Број 2, свеска 68. С. 18-19.

<sup>739</sup> Шемякин А.Л. К вопросу о роли внешнего фактора в образовании Королевства сербов, хорватов и словенцев // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 13-14.

<sup>740</sup> Здесь используется оценка Т.Г. Масарика, данная ему российской исследовательницей Э.Г. Задорожнюк. Подразумевается, что первый президент ЧСР, признавая «высшими ценностями демократию и гуманизм», все же «ради достижения своих целей шел на контакты с любыми силами в самых сложных ситуациях». См.: Задорожнюк Э.Г. Труд «Мировая революция» Томаша Гаррига Масарика: настоятельность нового прочтения // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй. М., 2020. С. 12-25.

Перед взором Масарика открывалась новая эра в истории славянских народов. Однако чехословацкий политик и философ, стоя на принципах концепции «критического славянства» не признававшей «романтического и абстрактного славянофильства», подчеркивал: «Тот факт, что теперь славянские народы освобождены и политически реорганизованы, не усиливает политического панславизма. Каждый из славянских народов именно благодаря своему освобождению получил особую задачу, в которой лишь частично может быть поддержан остальными славянскими народами»<sup>741</sup>.

Отличную от взглядов Масарика на славянский вопрос после окончания Великой войны позицию занимал известный болгарский политик и общественный деятель Стефан Савов Бобчев: «Я предпочитаю подчеркнуть нечто гораздо более глубокое и значительное: их [славян – Р.К.] глубокое осознание того, что они являются членами одной и той же великой семьи или общины. Даже если некоторые из ее членов разбросаны, все же знание того, что они унаследовали общий язык и общий национальный дух, и, прежде всего, их веру в силу и величие своей семьи и убежденность в пользе, которую принесет их сотрудничество славянам и всему миру, достигают полного выражения только в силу славянской взаимности»<sup>742</sup>.

Вызывают интерес некоторые мысли С.С. Бобчева: «В настоящее время, да и в будущем <...> у славянских народов нет и не должно быть какого бы то ни было суверена, который рассматривался бы как их высший начальник и покровитель. Однако нельзя отрицать, что великая Россия по своему положению самой большой, самой многочисленной и самой заслуженной в деле славянской самопомощи державы имеет право быть первой среди равных»<sup>743</sup>. Все же данный текст, на наш взгляд, не отражает всех особенностей воззрений именитого деятеля из Болгарии. В частности более детально его отношение к «самодержавному»

<sup>741</sup> Масарик Т.Г. Славяне после войны. Прага, 1923. С. 17.

<sup>742</sup> Bobčev S.S. The Slavs after the War // The Slavonic Review. 1927. Vol. 6. № 17. P. 294.

<sup>743</sup> Цит. по: Горяинов А. Н. В России и эмиграции... С. 16; см. также: Он же. Славянская идея и русская эмиграция в Болгарии // Славянский альманах. М., 1999. С. 134-135.

фактору в консервативной мысли представителей русской общественности (в том числе и за рубежом), на что указывал, например, Т.Г. Масарик.

Стефан Бобчев продолжал активно поддерживать славянскую идею на протяжении 1920-х гг. Относительно перспектив развития отношений между славянскими народами, он, даже в условиях, когда упоминание панславизма требовало большой осмотрительности, оставался полон оптимизма: «Мое личное изучение вопроса и частые контакты с видными представителями славянства всех стран убеждают меня в том, что идея славянской солидарности, которая лежала в основе учения славянофилов и является существенным элементом неославизма, не умерла и не может умереть; она набирает силу сегодня и будет продолжать набирать силу, поскольку всеми признается жизненно важным фактором для продвижения славян и для их сотрудничества в интеллектуальной, экономической и политической деятельности цивилизованного мира»<sup>744</sup>.

Бобчев был не единственным в Болгарии политиком, оперировавшим славянской идеей. Любопытно, что еще в начале Первой мировой войны идеи общеславянского единства в формате объединения «южного, балканского славянства» на «демократических началах» выражал лидер болгарской крестьянской партии А. Стамболийский. Видя в мечтах болгарской и сербской интеллигенции о «гегемонии в границах держав Симеона Великого и Стефана Душана» чуждый «народным массам» шовинизм, Стамболийский обращался к идее сближения балканских славян. Важную роль здесь играли элементы леворадикальной идеологии. Для реализации этого проекта было необходимо свергнуть сербскую, черногорскую и болгарскую королевские династии<sup>745</sup>.

Можно задаться вопросом: каким образом отражалась славянская тема в процессе организации основ безопасности в ЦВиЮВЕ в 1920-е гг. Рассмотрим это на примере функционирования Малой Антанты. Малая Антанта – союз Чехословакии, КСХС (Югославии) и Румынии военно-политического характера под эгидой Франции, заключенный в 1920-1921 гг., целью которого стало

<sup>744</sup> Bobčev S.S. The Slavs after the War // The Slavonic Review. 1927. Vol. 6. № 17. P. 293.

<sup>745</sup> Болгария в XX веке. М., 2003. С. 55.



поддержание основ региональной системы безопасности ЦВиЮВЕ, и исключения возможных попыток пересмотра заключенных по окончании Первой мировой войны мирных договоров. Организация союза Малой Антанты последовала вслед за принятием ряда соглашений, носивших первоначально политический характер, направленных против территориальных притязаний со стороны государств бывшего Центрального блока, и прежде всего Венгрии<sup>746</sup>.

Подробно противоречия, заложенные в систему взаимоотношений стран, входивших в этот блок, а также значительную роль министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша в контактах с дипломатами КСХС исследовала советская и российская исследовательница А.А. Язькова<sup>747</sup>. На первый взгляд бросается в глаза фактическая неоднозначность определения Малой Антанты как «славянского союза». Малая Антанта не представляла собой исключительно межславянского альянса уже лишь в силу того, что включала в себя Румынию. К тому же над Малой тяготела дипломатическая опека Франции – в сущности сделавшей ставку на укрепление военно-политических альянсов в ЦВиЮВЕ. И, конечно же, было бы ошибочно утверждать, что суть политики этого межгосударственного блока определялась исключительно «славянским направлением». С точки зрения внешнеполитической целесообразности фактор «славянской солидарности» был в некоторых случаях даже вредным для данного блока. В дипломатических кругах Великобритании была отмечена остро негативная оценка в румынской прессе славянского компонента формирующегося объединения, в особенности в контексте обсуждения перспектив участия в нем Румынии. Критика со стороны части румынской общественности сводилась к признанию «абсурдности и близорукости» политического курса, направленного

<sup>746</sup> Соглашение о взаимопомощи между ЧСР и КСХС (от 14 авг. 1920 г.), а позднее – договоры ЧСР с Румынией (23 апр. 1921 г.) и Румынии с КСХС (17 июня 1921 г.), и югославно-чехословацкой воинской конвенции (1 августа 1921 г.) а также дополнительное соглашение к договорам о дружбе и союзе государств малой Антанты (27 июня 1930 г.) См.: *Balkanski ugovorni odnosi 1876-1996. Dvostrani međunarodni ugovori i drugi diplomatski akti o državnim granicama, političkoj i vojnoj saradnji, verskim i etničkim manjinama. II tom* )1919-1945. Priredio Momir Stoiković. Beograd, Službeni list SRJ, 1998. S. 122-123, 140-141, 342-344.

<sup>747</sup> Язькова А.А. Малая Антанта в европейской политике. 1918-1925. М., 1974.

на сотрудничество в рамках объединения, где существенное влияние имели представители славянских народов – «традиционных врагов Румынии»<sup>748</sup>.

Обозначилось основное направление в политике КСХС в начале 1920-х гг. – дальнейшее укрепление Малой Антанты. В начале 1922 г. военная делегация во главе с генералом Христеску прибыла из Бухареста для заключения военного соглашения, предусмотренного договором, заключенным в июне прошлого года (7 июня 1921 г.). В 1921 году британские дипломаты писали, что Малая Антанта и КСХС «стремятся к возрождению националистической России, которая бы установила равновесие в пользу славян, а не разногласия между Англией и Францией или союз малых государств, ревнующих друг к другу и не имеющих общих врагов, вроде, например, Италии»<sup>749</sup>. Также подчеркивалось, что «Малая Антанта усилилась в ходе испытаний, которые ее подвергли проверке, но также проявлялась и ревность – претензии на лидерство, которые подхватил др. Бенеш в отношениях Малой Антанты с внешним миром, благодаря своей высокой культуре и способностям. Сербская армия невысоко оценивает чехословацкую, и считает, что если др. Бенеш представляет собой мозг Антанты, то сербский (не югославский! – Р.К.) Генеральный штаб представляет собой его физическую силу»<sup>750</sup>. Здесь, как можно заметить, проявляется та же традиция, что и в общественном (и даже научном) дискурсе русского зарубежья – называть КСХС Сербией.

В контексте международной политики распространение договора (КСХС – Ч) на Румынию стало значительным событием в 1921 г. Переговоры о его заключении проходили с трудом до тех пор, пока г. Таке Йонеску не решил лично приехать в Белград. Он прибыл в начале июня, а договор подписан 7 июня. Он предусматривает совместную оборону в случае нападения Венгрии или Болгарии, а также обязывает договаривающиеся стороны согласовывать вопросы внешней политики в соответствии с развитием отношений с любым из двух

<sup>748</sup> Mr. Rattigan (Bucharest) to Earl Curzon (September 17, 1920) // Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Series 1st. Vol. 12. London, 1963. P. 264.

<sup>749</sup> Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izvještaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921'1938. Knjiga prva. 1921-1930. Zagreb: Arhiv Jugoslavije; Globus, 1986. S. 20.

<sup>750</sup> Ibid. S. 31.

вышеупомянутых государств. Предусматривалось военное вмешательство. Союз подвергся испытаниям несколько месяцев спустя, во время попытки бывшего короля Карла IV вернуть себе венгерскую корону. Первая попытка состоялась 27 марта 1921. Второй раз Карл оказался в Венгрии 20 октября, прилетев на самолете из Швейцарии. Под влиянием всех государств Малой Антанты, конференции послов и других стран парламент Венгрии принял решение о лишении Карла и всех членов династии Габсбургов прав на венгерский престол. Карл 1 ноября 1921 г. покинул Венгрию и был интернирован на остров Мадейру, где умер 1 апреля 1922 г. Чехословакия и Югославия немедленно объявили мобилизацию.

Советские дипломаты, во время подготовки к созыву конференции в Генуе в марте 1922 г., выслали ноту правительствам Великобритании и Франции, проявив недовольство политикой Малой Антанты. В этой ноте был поднят вопрос о возможном намерении держав Малой Антанты (как и Большой Антанты) «представить проекты, несовместимые с суверенными правами Российского Правительства и с независимостью Русского государства»<sup>751</sup>.

В дискуссиях рассматриваемых нами лет проблема «славянской составляющей» данного тройственного союза неоднократно поднималась как на страницах прессы, так и в аналитических отчетах дипломатов. Особенно в контексте вопроса о настоящем положении вещей и перспективах ближайшего будущего молодых государств, в которых был значителен славянский этнический элемент. Так, например, представителей западноевропейской общественности привлекли слова, сказанные Э. Бенешем в рамках одной из встреч с официальными представителями КСХС в Белграде: «В нашу обязанность входит содействовать сотрудничеству славян»<sup>752</sup>. Но перед намечавшимся «сотрудничеством», по крайней мере на общеславянской основе, лежали определенные препятствия.

<sup>751</sup> Нота Правительства РСФСР Правительствам Великобритании, Франции, Италии. 15 марта 1922 г. // Документы внешней политики СССР. Т. V. 1 января 1922 г.-19 ноября 1922 г. М., 1961. С. 152-153.

<sup>752</sup> Significance of the "Little Entente": A Safeguard Against Hungary // Current History. 1920. November. Vol. 13, № 2. P. 355.

Еще до создания блока Малой Антанты представителей британской дипломатии, по всей видимости, продолжали беспокоить перспективы того влияния, которое, по их мнению, мог оказать «панславистский фактор» на развитие политической (и геополитической) ситуации в Центральной и Юго-Восточной Европе. 25 февраля 1920 года британский дипломатический представитель Фрэнк Реттиген в письме министру иностранных дел Великобритании Джорджу Керзону излагал свои соображения касательно возможных мер британской дипломатии в регионе: «В целях предотвращения консолидации германской и панславянской экспансии (Pan-Slav expansion) в одно всеобъемлющее движение, направленное против интересов Великобритании, представляется целесообразным сформировать в Центральной Европе конгломерат малых государств, который бы характеризовался внутренней сплоченностью и однородностью, способный эффективно выполнять возложенную на него функцию сдерживания»<sup>753</sup>. Как можно заметить, акцент именно на славянской составляющей намечавшегося союза – Малой Антанты, был как для Великобритании, так и для Румынии не выгоден. Мысли об этом даже вызывали некоторую тревогу. Но это в целом не исключало удачной возможности установления и поддержания «дружественных отношений» между малыми государствами. В свою очередь само понятие панславизма увязывалось в этой схеме по большей части именно с Россией как крупнейшим государством славянского Востока. Панславизм малых славянских государств ЦВиЮВЕ был (если он, как реальный проект, был вообще возможен) с этой точки зрения безобиден.

Мысль о «панславянской опасности» в западноевропейском политическом дискурсе традиционно ассоциировалась с мыслью об угрозе экспансии со стороны России. Даже учитывая, что Советская Россия вышла на международную арену под декларируемым принципом интернационализма, все же она оставалась Россией (в противовес распространенному среди русских эмигрантов мнению, что

<sup>753</sup> Mr. Rattigan (Bucharest) to Earl Curzon (February 25, 1920) // Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Series 1<sup>st</sup>. Vol. 12. London, 1963. P. 145.

«Россия» не есть «Совдепия») в глазах многих западноевропейских политиков и интеллектуалов. Россией, сохранявшей, как представлялось, и ряд прежних внешнеполитических приоритетов.

По мнению президента ЧСР Т.Г. Масарика, для реализации основанного на идее панславизма политического проекта было «необходимо политическое руководство, естественно, руководство величайшего славянского народа»<sup>754</sup>. Но проблема заключалась в том, что, продолжал Масарик, «от этой задачи Россия удалена на долгие годы, на целые поколения, вследствие своего нынешнего упадка»<sup>755</sup>. К тому же лидер Чехословакии подчеркнул, что в России дореволюционной «все передовые политические партии из оппозиции к официальному национализму были а-национальны и даже антинациональны», и это обстоятельство, как считал Масарик, ставило крест на перспективах «панславистской политики»<sup>756</sup>. «Панславизм же партий консервативных и даже реакционных» Масарик рассматривал лишь как вредоносный. В целом согласившись с мнением Масарика о принципах «славянской политики» после 1918 г., П.Н. Милюков все же был не согласен с выводом чехословацкого президента об «антинациональном характере» прогрессивных (либеральных) политических партий из России. Милюков вновь подчеркнул, что в данном случае важно различать понятия «национальный» и «национализм», следовательно, те же кадеты были противниками националистического шовинизма»<sup>757</sup>.

В свою очередь, у руководства Советской России были свои намерения касательно балканского направления. В рамках деятельности Коминтерна, активно курируемого из Москвы, разрабатывались планы по созданию Балканской федерации – «региональной наднациональной федерации, в основе которой была бы пролетарская республика»<sup>758</sup>. Основным намерением было

<sup>754</sup> Масарик Т.Г. Славяне после войны // Воля России. Прага. 1923. № 3. С. 19.

<sup>755</sup> Там же.

<sup>756</sup> Там же. С. 19-20.

<sup>757</sup> Славянский вопрос после войны // Последние новости. Париж. 1923. 21 марта. № 895.

<sup>758</sup> Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». М., 2011. С. 204-205.

организовать платформу для разрушения устроенной Версалем государственно-территориальной структуры на Балканах и в Средней Европе.

Не оставил в стороне президент Чехословакии и вопрос о роли панславизма в процессе налаживания межгосударственных отношений на территории Центральной и Юго-Восточной Европы после завершения Первой мировой войны. Говорить о «частичном панславизме» в сфере внешней политики позволяло существование Малой Антанты, но, как заметил Масарик, с большими оговорками<sup>759</sup>. И вновь уже известный аргумент – в союз вошла Румыния. Помимо этого были и другие проблемы, не позволявшие с уверенностью говорить о безусловной политической значимости славянской идеи. Существовали «сильные трения» между Чехословакией и Польшей, отношения между Болгарией и КСХС («Сербией») продолжали оставаться достаточно напряженными. В последнем случае деструктивную роль играли территориальные претензии – в особенности «македонский вопрос», усугублявший и без того сохранявшиеся негативные оттенки в исторической памяти двух народов.

Если обратить внимание на характер шедших дискуссий о славянстве непосредственно среди самих славян ЦВиЮВЕ, можно заметить, что в них было не все так просто со многими подспудными вопросами. В частности, в силу скопившихся противоречий, нелегко было «договориться» о составе «славянского мира». В белградской газете «Време» в 1926 г. была опубликована статья за подписью сербского политика и общественного деятеля Милутина Марковича с заголовком «Братья ли нам болгары?». Речь шла от лица сербской «ветви» славянства. По мнению Марковича, утверждение о братстве сербов и болгар являлось заблуждением, от которого сербы «уже страдали». «Попытка воссоединения на основе славянства, – продолжал сербский автор, – снова обойдется нам очень дорого»<sup>760</sup>. Явная нелюбовь к болгарам в данном случае обосновывалась памятью о конфликтах (и военных столкновениях) предшествовавших лет. Маркович подчеркнул, что «болгары объявляют себя

<sup>759</sup> Масарик Т.Г. Славяне после войны // Воля России. Прага. 1923. № 3. С. 20.

<sup>760</sup> Јесу ли нам Бугари браћа? // Време. Београд. 1926. 4. маја. С. 4.

славянами только тогда, когда им это нужно» и что сербы «всегда следовали заблуждению веры в их славянство, даже когда они публично отрекались от него и доказывали обратное своими действиями». В выводах Маркович вообще оспаривал «славянское» происхождение болгар<sup>761</sup>.

Проблема отношений с болгарам не уходила с полос сербской прессы. Так в апреле 1922 г. в «Заставе» с усмешкой обрисовали позицию Болгарии в отношении принципов функционирования Малой Антанты<sup>762</sup>. А именно нежелания с болгарской стороны участия в союзе Греции. При этом сербское издание подчеркнуло один из выдвинутых аргументов – «Малая Антанта должна быть более славянской». В большей степени враждебная позиция Болгарии в отношении Греции в вопросе о Малой Антанте была в целом связана с напряжением в отношениях между двумя странами и скопившимися противоречиями. К тому же речь не шла о неславянской Румынии. В свою очередь с сербской стороны была поставлена под вопрос принадлежность болгар к славянству, в том числе и на этническом уровне. Автор статьи насмешливо именовал болгар «татарскими братьями». К тому же прибавлялись обвинения во лжи и неискренности проводимой Болгарией политики, целью которой, как подчеркивалось в статье, было «уничтожение основ» Малой Антанты. Болгария рассматривалась, в первую очередь в Сербии (КСХС), не просто как соперник, но и как представитель проигравшей и униженной стороны – «реваншистского» лагеря, питавшего неприязнь ко всей сложившейся Версальской политико-территориальной системе.

Не осталась без внимания данная проблема и в дискуссиях русских эмигрантов. Они, вслед за размышлениями некоторых видных поборников славянской идеи, также предпринимали попытки взглянуть на Малую Антанту сквозь призму намечавшихся политиками шагов на пути к «межславянскому сотрудничеству». В начале 1920-х годов в среде европейской общественности уже вели дискуссии по ключевым вопросам формирования системы европейской

---

<sup>761</sup> Ibid.

<sup>762</sup> Шта Бугарска очекује од ђеновске конференције // Застава. Нови Сад. 1922. 30. априла. Бр. 95.С. 2.

безопасности. Среди одной из наиболее привлекавших внимание тем был вопрос о вероятности возрождения немецкого милитаризма и прежней военной мощи Германии.

Взгляд на сотрудничество между славянами сквозь призму оценки послевоенной ситуации наметил А.Н. Познанский. В его статье<sup>763</sup> содержится оценка угрозы германской экономической экспансии. Статья препровождена текстом на имя издателя газеты «Общее дело» Владимира Львовича Бурцева. Что особо интересно, составитель записки – бывший российский дипломат Л.Н. Горностаев, оказавшийся в эмиграции в Швейцарии. Помимо прочего Горностаев информирует Бурцева о том, что было учреждено «в городе Женеве Общество под наименованием “Лига Славянского Объединения”»<sup>764</sup>.

По мнению Познанского, об опасности оказаться «под немецким сапогом» для славян в момент заключения Версальского мирного договора говорить всерьез не приходилось. В результате военного разгрома в политическом и экономическом отношении Центральные державы к тому времени были значительно ослаблены. Но все же, несмотря на кажущееся истощение Германии, Познанский настаивал на том, что славянским странам ни в коем случае нельзя предаваться самоуспокоению.

Что касалось экономической стороны вопроса в схеме Познанского: «Уже по одним географическим условиям, не говоря уже о многих других...» Польше и Чехословакии, по мнению Познанского, было крайне затруднительно конкурировать с «промышленной и торговой организацией» Великобритании, Франции и США. Среди единственного жизнеспособного варианта он усматривал лишь «рынки славянские, вообще», а в идеальных перспективах «прежде всего, родственный рынок русский»<sup>765</sup>.

В свою очередь в советской прессе, например в «Известиях», не преминули отметить «славяноориентированные проекты» эмигрантов как вклад в дело империализма. Попутно в тексте статьи, по всей видимости с целью создать

<sup>763</sup> «Призыв к славянам» // ГА РФ. Ф. Р5802. Оп. 1. Д. 1937. Л. 1-15.

<sup>764</sup> Там же. Л. 16.

<sup>765</sup> ГА РФ. Ф. Р5802. Оп. 1. Д. 1937. Л. 6-7.



определенные настроения для читателя, жирным выделялись производные от слова «интервенция». Особенно выделили роль эсеров: «Мир сейчас вновь, как и в 1914 г., походит на пороховой погреб. Достаточно одной искры, чтобы он воспламенился. И всемирным поджигателем из лагеря союзников по-старому содействуют наши эсеры, рассчитывающие при этом на помощь “братьев-славян”». При этом подчеркивались идеи создания «единого блока из Чехо-Словакии, Юго-Славии, Польши»<sup>766</sup>. Вспомним, что, например, Е.К. Брешковская в 1917 г. сотрудничала с изданием «Воля России», взывая продолжать войну с Германией<sup>767</sup>, а впоследствии стала непримиримой противницей большевиков, обосновавшись в Чехословакии.

Позиция Югославии по отношению к России была ясно выражена в выступлении министра иностранных дел Нинко Перича в Скупщине 20 марта 1927 г.: «Наша позиция по отношению к Союзу Советских Социалистических Республик колеблется между желанием иметь с великим русским народом иметь всегда самые близкие и братские связи, и неизвестностью, достаточно ли консолидирован нынешний режим и безопасна ли его агитация за установление известного режима экономико-правового порядка, который мы считаем опасным для общественного существования. И потому, что наш руководящий принцип невмешательства во внутренние дела России. Я должен заявить, что нелегко прийти к заключению, что нынешняя ситуация в России довольно определена и ясно, что мы могли бы принять решение о ее признании. Мы будем внимательно следить за событиями, а Королевскому правительству известно, что наш народ будет приветствовать день, когда можно будет установить с Россией отношения, которые всегда существовали» Мало вероятно, что скоро будет признано советское правительство, хотя г. Маринкович, пока находился в оппозиции, выступал за это.. Со смерти Пашича нынешняя власть гораздо сдержаннее в предоставлении финансовой и другой помощи русским беженцам<sup>768</sup>.

<sup>766</sup> Из рубрики «Внутренний обзор» (за неделю) // Известия. 1923. 26 января. № 17 (1754).

<sup>767</sup> Политические партии России. Конец XX – первая треть XX века. М., 1996. С. 88.

<sup>768</sup> Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izvještaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921-1938. Knjiga prva. 1921-1930. Zagreb: Arhiv Jugoslavije; Globus, 1986. S. 454.

Вновь обратимся к позиции, складывавшейся в периодике КСХС. В первом номере издававшегося в Загребе журнала «Нова Европа» в сентябре 1920 года, то есть вскоре после начала функционирования Малой Антанты, отметили, что «впервые после окончания войны» западноевропейские дипломаты оказались «по-настоящему взволнованы» начавшейся реорганизацией межгосударственных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. По мнению авторов рубрики «Политический обзор», такая заинтересованность была излишней, поскольку, с учетом неразрешенности многих проблем в регионе, что могло быть «естественнее, чем для малых государств Центральной Европы договориться в защиту своих общих интересов, обеспечить независимость своих стран, приобретенную кровью, и минимум их прав, завоеванных Парижским договором»<sup>769</sup>.

Не обошли стороной данную проблему и русские эмигранты, проживавшие в КСХС. О «германской угрозе» в недалеком будущем можно было говорить с трудом, однако в «немецком контексте» дискуссии велись на страницах прессы уже в самом начале 1920-х гг.

Так, в передовой статье издававшегося в Белграде «Нового времени», со ссылкой на публикации французских дипломатов, были представлены оценки перспектив создания «в противовес Германии новой, достаточно сильной державы»<sup>770</sup>. Один из проектов, обсуждавшихся французскими дипломатами, предполагал восстановление династии Габсбургов в качестве основы для нового государственного образования. Однако эта идея вряд ли могла вызвать энтузиазм тех, для кого Габсбурги стали символом государства – «тюрьмы народов». В новых славянских государствах в это время активно культивировался нарратив «героической борьбы за национальное освобождение»<sup>771</sup>.

Редакция «Нового времени» отметила, что, несмотря на то, что «такая идея объединения возможна и прочна», она все же «совершенно неприемлема для славянства, включая в него и Россию». Следом была сделана ремарка: «Не

<sup>769</sup> Nova Evropa. 1920. 16. септембра. Књига 1. Број 1. С. 40-41.

<sup>770</sup> Франция и Габсбурги // Новое время. Белград. 1921. 3 декабря.

<sup>771</sup> Павленко О.В. Панславизм: реальный и воображаемый. М., 2023. С. 36.

советскую Россию, а ту, новую Россию, которая рано, или поздно, но все-таки будет»<sup>772</sup>.

«Первоначальный характер» блока Малой Антанты советские дипломаты связывали с проявлявшейся тенденцией укрепления позиции «Чехословакии и Югославии против диктатуры французской дипломатии», опиравшейся на планы «восстановления в форме союза государств комбинации, соответствующей прежней габсбургской монархии». Разумеется, молодые государства, «рожденные» Версальской системой, добившиеся своей заветной мечты – расставшись с «габсбургским прошлым», не могли симпатизировать такому плану. И лишь после отказа французской стороны от подобных схем, «в течение 1921 года замечается постепенное усиление французского влияния в Центральной Европе»<sup>773</sup>.

В беседе члена советской делегации Л.М. Хинчука с представителями делегации из Королевства СХС на Международной экономической конференции в Женеве (в мае 1927 г.) ясно была выражена мысль о слабости Малой Антанты как политического блока. Советский деятель намекнул, что «ратификация Италией румынского присоединения Бессарабии, создание из Албании полного политического вассала Италии» должны были неминуемо привести к расколу союза<sup>774</sup>. Для советской дипломатической стороны в целом было важно посеять в кругах политической элиты Югославии мысль о том, что последняя постепенно оказывалась в окружении внешнеполитического давления своих соседей, что сближало ее с ситуацией Советского Союза на международной арене. В эмигрантской прессе также стремились проследить и по-своему интерпретировать возникавшие время от времени попытки советско-югославского сближения. Советская дипломатия вела свою игру с Югославией. Выражая интересы Кремля,

<sup>772</sup> Франция и Габсбурги // Новое время. Белград. 1921. 3 декабря.

<sup>773</sup> Из годового отчета Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР к IX Съезду Советов за 1920-1921 гг. (23-28 декабря 1921 г.) // Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960. С. 639-640.

<sup>774</sup> Цит. по: Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». 2011. С. 171.

она видела перед собой важную цель – подготовить твердую почву для создания на Балканах «федерации рабоче-крестьянских республик»<sup>775</sup>.

Так в берлинском «Руле» в январе 1926 г. охарактеризовали одну из таких попыток советских дипломатов наладить контакт с югославской стороной как «новый этап советской политики»<sup>776</sup>. Речь, конечно же, шла и о Малой Антанте. Корреспондент «Руля», подготовивший статью, со ссылкой на советские «Известия» писал, что для Советского Союза главной задачей было «отделить Югославию от Малой Антанты и с помощью ее разбить» данный союзный блок. Но что еще интереснее – корреспондент «Руля» (и, возможно, редакция в целом) интерпретировал желание дипломатически сблизиться с югославской стороны как «стремление к восстановлению близости между Россией и сербами, существовавшей в дореволюционное время»<sup>777</sup>. Это замечание действительно можно назвать справедливым, учитывая, что подобные настроения действительно имели место в пестром обществе Королевства СХС (ведь нужно учитывать не только одну Сербию), в котором далеко не все понимали сложные политические и идеологические распри «в русском стане». Для некоторых из них Россия (хотя и теперь «советская») все же оставалась Россией. Но, добавил автор публикации следом, это близость не «с коммунистической властью». Далее автор статьи, оценивая шаги правительства КСХС, еще более расширяет свой вывод: «Если Советский Союз и имеет значение для Югославии, то только как государство, близкое по своим жизненным интересам и целям балканскому славянству»<sup>778</sup>. Однако это было аналитика возможных действий югославского правительства, но не личная позиция автора, указавшего на то, что правительству Королевства СХС не следует забывать «с кем оно имеет дело, что Югославия в руках большевиков лишь оружие против других»<sup>779</sup>.

<sup>775</sup> Из письма Г.В. Чичерина советнику Полпредства СССР в Германии С.И. Бродовскому о политике Советского Союза на Балканах // Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 2. М., 2003. С. 220.

<sup>776</sup> Рубрика «За неделю» // Руль. Берлин. 1926. 17 января.

<sup>777</sup> Там же.

<sup>778</sup> Там же.

<sup>779</sup> Там же.

Проблематика функционирования Малой Антанты нашла отражение в публицистических и аналитических заметках П.Н. Милюкова, одного из наиболее авторитетных специалистов по «славянским делам» в среде русской эмиграции. В соответствии с духом дискуссий, распространенных в начале 1920-х годов, многих интересовал вопрос о степени самостоятельности политического курса, проводимого данным союзом государств. На момент лета 1923 г., после состоявшейся в Синае (Румыния) конференции стран-участниц Малой Антанты, П.Н. Милюков писал следующее: «Роль Малой Антанты тем интереснее, что это – фактор, стремящийся к самостоятельности от политики больших держав, его породивших»<sup>780</sup>. Можно ли безоговорочно согласиться с П.Н. Милюковым? В советской прессе в то же время особое внимание акцентировалось на усиливающихся противоречиях между Великобританией и Францией, боровшихся за влияние на страны Малой Антанты<sup>781</sup>. Разумеется, для Советской России (затем СССР) важно идеологически обосновать многие проблемы, говорившие о несостоятельности Малой Антанты.

Схожего с Милюковым мнения придерживался и Н.Ф. Езерский: «Мы знаем, что идея ее [создания Малой Антанты – Р.К.] принадлежит славянам и что славяне играют в ней доминирующую роль. Пусть ворчат на нее старые дипломаты Антанты, она показала свою силу в габсбургском эпизоде<sup>782</sup>, с нею уже считаются».

Н.Ф. Езерский полагал, что существенным фактором для «растущей силы» Малой Антанты, имеющей потенциал к дальнейшему расширению, являлось наличие прочного фундамента в виде «габсбургского наследия», под которым подразумевались «многовековые связи, созданные между здешними странами Габсбургской монархией»<sup>783</sup>. К тому же в руках Малой Антанты, по мнению

<sup>780</sup> Конференция Малой Антанты в Синае // Последние новости. 1923. 1 августа. № 1004.

<sup>781</sup> Синайская конференция // Правда. 1923. 2 августа. № 172.

<sup>782</sup> Речь идет о совершенной Карлом Габсбургом весной 1921 г. попытке утвердиться на венгерском престоле. Реставрации удалось избежать в результате острой реакции Чехословакии, КСХС и Румынии, и, в особенности, активных политических действий Э. Бенеша. См. подробнее об этом: Станков Н.Н. Попытки реставрации монархии Габсбургов в Венгрии в 1921 г. и международные отношения в Центральной Европе // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып 4(13). С. 207-241.

<sup>783</sup> Езерский Н.Ф. Идеализм и реализм славянофильства // Zarja. Glasilo ruske narodne misli i sveslovanske uzajamnosti. Celje, 1922. № 1-2. Januar-Februar. S. 10.

публициста, находился значимый экономический ресурс – развитая чехословацкая промышленность. Тем не менее, раскрытие всего потенциала имеющихся ресурсов было возможно только при одном условии: открытии для Малой Антанты обширного российского рынка. На этом неперенном условии Езерский делает особый акцент, подводя, в конечном счете, к выводу о необходимости возрождения национальной России, ее содействия развитию Малой Антанты.

Милюков также обратил внимание на то, что создание Малой Антанты должно было предотвратить угрозу, наступившую после разрушения Австро-Венгрии и некогда существовавшей на ее территории прочной системы экономических связей<sup>784</sup>. Соответственно это обстоятельство должно было способствовать не только военно-политическому сотрудничеству между странами, входящими в состав блока, но и обеспечить хорошие условия для экономического сближения.

Призывы в эмигрантской среде к политическим элитам молодых славянских стран решительно избегать сближения с большевистской Россией («врагом» всего славянства) расходились с оценкой политиками сложной внутренней обстановки послевоенного времени. В этом контексте более весомым доводом считались реальные интересы государств. Что касается Чехословакии, Э. Бенеш и Т.Г. Масарик, размышляя об установлении отношений как с Советской Россией, так и с соседними странами, в целом руководствовались экономическими интересами<sup>785</sup>.

Помимо этого деятельность организации швейцарского адвоката Теодора Обера – Лиги Обера, основной целью которой было сопротивление распространявшемуся влиянию коммунистов III Интернационала, нашла горячий отклик среди русской эмиграции. В поддержку данной инициативы антибольшевистской направленности некоторые русские беженцы внесли свою

<sup>784</sup> Конференция Малой Антанты в Синае // Последние новости. 1923. 1 августа. № 1004.

<sup>785</sup> Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. М., 2005. С. 127-128.

небольшую лепту в виде пожертвований денежных средств, необходимых для работы центральных органов Лиги<sup>786</sup>.

Весной 1925 г. была образована отдельная Русская секция Международной Лиги Обера. В силу сложившихся обстоятельств имевшиеся трудности (жизнь в изгнании, на фактически чужой территории) необходимо было чем-то компенсировать. В случае русских беженцев это были приобретенные связи с влиятельными людьми из разных стран<sup>787</sup>.

В британских дипломатических сводках от 1925 г. описывали сложившуюся ситуацию: «Югославия по-прежнему отвергает признание советского правительства. В начале года, в особенности во время процесса над г. Радичем и болгарского кризиса, правительство было весьма встревожено большевистской пропагандой из Софии и Вены, и были предприняты особые меры предосторожности против возможных беспорядков. В октябре распространились слухи о том, что Пашич колеблется в своей приверженности старому порядку, а один из главных его сторонников, посланник в Берлине г. Балугджич вел переговоры с Чичериным. Посланник Его Величества был извещен о том, что Балугджич действовал не по поручению Белграда, и что поэтому этому событию не следует придавать слишком большое значение. Наряду с трудностями, созданными присутствием большого числа русских беженцев стало известно, что непреодолимое препятствие представляет собой вопрос о русском долге. Хотя до конца года не было предпринято никаких официальных шагов в направлении признания советского правительства, без сомнения в общественном мнении существует необходимое настроение, в первую очередь благодаря влиянию Хорватской Крестьянской партии»<sup>788</sup>.

В дискуссиях эмигрантов оставалась сложной и проблема «Польша – Россия». В одном из писем Б.А. Бахметьеву В.А. Маклаков рассуждал о тех возможных позициях, которые русские эмигранты могли занять в контексте

<sup>786</sup> Серапионова Е.П. Лига Т. Обера и деятельность ее русской секции на Балканах // Славяноведение. 2006. № 4. С. 18.

<sup>787</sup> Там же. С. 19-20.

<sup>788</sup> Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izvještaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921'1938. Knjiga prva. )1921-1930. Zagreb: Arhiv Jugoslavije; Globus, 1986. S. 307.

противостояния Советской России и Польши в 1920 г. С одной стороны, «славянскую» Польшу можно было рассматривать как противника большевизма, в котором видели угрозу славянству и всему миру. Но с другой стороны, Россия «большевистская», в теории откинув идею международной революции (хотя В.А. Маклаков сомневался, что это возможно), могла быть выразительницей национальной идеи Русского государства<sup>789</sup>. Эта идея национального «стержня», которая, как мы увидели, нередко строилась вокруг осознания принадлежности основной массы населения России к славянству. Однако если с приходом большевиков к власти, фактор общеславянской общности и был отстранен на время провозглашенным «интернационализмом», русский народ (теперь уже ставший советским) все же зачастую воспринимал большевистское правительство как преемника и защитника русской национальной идеи.

Восприятие вооруженного конфликта Советской России и Польши в кругах русской эмиграции было двойственным. Многие эмигранты находились перед дилеммой: радоваться неудачам большевиков в войне или все же поддерживать Россию (хотя и большевистскую) перед лицом внешней угрозы. Русская эмигрантская общественность, находясь в неясности, задавалась вопросом: каковы истинные цели Польши – борьба с большевизмом или все же с Россией<sup>790</sup>?

Со ссылкой на статью сербской (белградской) газеты «Прогрес», корреспондент «Последних новостей» Л. Яковлев из Белграда писал: «в статье “Славянский Север” [редакция газеты] вспоминает по поводу польско-советской борьбы торжественные события, развивавшиеся на Руси в смутное время, и предсказывает этой борьбе тот же конец, т.е. торжество России». Вывод белградской газеты характеризовался русофильским настроением: «Будущее может принадлежать только братски-объединенному славянству, среди которого России должно быть отведено подобающее место»<sup>791</sup>.

<sup>789</sup> Письмо В.А. Маклакова Б.А. Бахметьеву от 16 марта 1920 г. // «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметьев – В.А. Маклаков. Переписка. Т. 1. М., 2001. С. 192-193.

<sup>790</sup> Письма из Белграда // Последние новости. Париж. 1920. 27 июня. № 53.

<sup>791</sup> Там же.



О проблеме отношений Польши с Советской Россией писал бывший профессор Санкт-Петербургского университета, эмигрировавший в 1924 г. в Берлин историк В.Н. Строев. Во время Февральской революции ученый состоял членом сформированной при Временном правительстве Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского, целью которой было обеспечение полякам возможности национально-политического самоопределения<sup>792</sup>. Что касается позиции В.Н. Строева по отношению к советской системе, автор статьи (нужно отметить, подвергшийся накануне эмиграции арестам ГПУ в Советской России<sup>793</sup>) сразу же прояснил ее: «Советская власть является угрозой всей европейской культуре»<sup>794</sup>. С одной стороны, историк с удовлетворением отмечает успехи польского народа – обретение государственности, подчеркивая и международное «значение», которого добилась новая Польша после объединения своих прежде разделенных частей. Прошло то время, когда российская политическая элита, «сочувствуя другим славянам, угнетала поляков»<sup>795</sup>. Но с другой стороны, после 1918 г. стал наблюдаться процесс обратного направления. Проблема Польши заключалась в том, как мыслил автор текста (и, отметим, многие русские эмигранты в целом), что она повторила «ошибки своей сестры» – России, проявляя теперь нетерпимость к русскому языку и русскому национальному меньшинству. И решение проблемы, по мнению Н.В. Строева, виделось в «осознании» себя славянами.

И далее идет уже знакомый славянолюбивый мотив: надежда на то, что «Наше отечество рано или поздно, несомненно, возродится, и будущее его связано с остальным славянством»<sup>796</sup>. Попутно автор негативно характеризует идею польского мессианизма (ссылаясь на известного польского мыслителя XIX в. Анджея Тoviaньского) – идеологию, основывавшуюся на представлениях об избранности Польши и значимость ее роли в общеевропейском масштабе. Это

<sup>792</sup> См. подробнее об этом: Яжборская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша: синдром войны 1920 г. М., 2005. С. 88-90.

<sup>793</sup> Квакин А.В. Высылка интеллигенции в 1922-1923 годы: мифы и реальность // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2013. № 2 (10). С. 102-103.

<sup>794</sup> Строев В.Н. Летучие заметки // Последние известия. Таллинн. 1925. 13 ноября.

<sup>795</sup> Там же.

<sup>796</sup> Там же.

была часть имевшей место еще в XIX – начале XX в. рефлексии польских интеллектуалов и политиков на трагичные для польского государства разделы его территории Австрией, Россией и Пруссией. Польский мессианизм автор трактует как в корне вредный общеславянской идее. Также критике подверглось евразийство, «которое представляет собой ту же теорию наыворот» (подразумевая в некоторой степени мессианизм русского народа, но уже как туранского – не славянского). Что касается возможной судьбы польского государства, то для Строева разгром Польши никоим образом не означал «спасения России». По этой мысли поражение поляков могло лишь усилить «чуждые нам германские элементы» (в данном случае проявляется и еще один пункт воззрений Строева, не поддерживавшего германофильские настроения).

Внимание Н.В. Строева было обращено к славянской идее в целом – наступила, по мнению Строева, для славянства эпоха воплощения в жизнь «великой идеи отвлеченной национальности» – подразумевая объединение славян на политической карте Европы<sup>797</sup>. Образцом, по мнению историка, становились южнославянские народы, достигнув «таких размеров, о которых не мечтал и знаменитый Стефан Душан<sup>798</sup>». Однако Строев не учитывал (по крайней мере, не упоминал напрямую в тексте) острую проблему этнонационализма в КСХС, заметно проявлявшуюся и в 1920-е гг. Главным препятствием для развития целостного славянства, по его мнению, была советская власть «со своими агентами, в роде Радича [Степана – Р.К.], искренно заблуждающимися или закупленными».

Не только в советской прессе были остро негативно настроены ко многим практическим политическим шагам в рамках Версальского порядка. Теперь о том, что волновало эмигрантскую прессу. Так в белградском «Новом времени» (№ 508, 1923) была опубликована статья, содержащая острую критику Версальского мира, как и прочих договоров в ряду с ним, и установленного ими

---

<sup>797</sup> Там же.

<sup>798</sup> Душан Стефан – сербский король (перв. пол. XIV в.), создатель крупного средневекового сербского государства. Значительная фигура в истории Сербии.

международного порядка<sup>799</sup>. Версальский мир, по мысли редакции, сотканный заплатами «из гнилого материала» начал рваться. «Починкой» должна была заняться конференция в Лозанне, однако «Новое время» скептически оценило ее перспективы. И причиной тому был факт заключения договора 16 апреля 1922 г. между Советской Россией и Германией в Рапалло.

Обратимся теперь к контексту международной деятельности русских эмигрантов. В рамках переписки отдела Русского национального комитета (РНК) в КСХС с центром в Париже были затронуты вопросы, фигурировавшие в повестке дня Лозаннской конференции в конце 1922 – начале 1923 г., что отразилось в сохранившихся материалах источников. Отдельным пунктом расположился «болгарский вопрос». В особенности важно было учитывать положение в Болгарии и позицию болгарского правительства, так как именно здесь, по мнению эмигрантов, влияние большевиков могло быть решающим.

Внимание делегации от русских эмигрантов привлекли слова представителя Болгарии на Лозаннской конференции К. Тодорова, переданные в протоколах РНК. «Болгария находится в таком положении, когда она ни в какие постоянные “блоки” вступать не может»<sup>800</sup>. Напряженность ситуации была очевидной: непростое послевоенное внутривластное положение страны, оказавшейся в «лагере побежденных», тяжелая экономическая ситуация (в том числе и серьезные продовольственные затруднения) вкупе с внешнеполитическими трудностями. Страна практически утратила роль весомого экспортера зерна в результате экономической блокады держав-победительниц, что дополнялось инфляционными процессами, падением стоимости валюты<sup>801</sup>.

Разумеется, представители РНК с негодованием передавали в документах слова К. Тодорова о том, что Болгария «в каждый данный момент будет с тем, от кого сможет получить наибольшую выгоду»<sup>802</sup>. В наибольшей мере их беспокоила та позиция, которую выражали болгарские дипломаты относительно

<sup>799</sup> Европейские перспективы // Новое время. Белград. 1923. 3 января.

<sup>800</sup> ГА РФ. Ф. 6790. Оп. 1. Д. 9. Л. 5 (об.); См. также: Тодоров К. Южное славянство и Болгария // Воля России. 1926. № 2. 113-129.

<sup>801</sup> Болгария в XX веке. М., 2003. С. 141-142.

<sup>802</sup> ГА РФ. Ф. Р6790. Оп. 1. Д. 9. Л. 5 (об.).

большевистской угрозы. Возмущало эмигрантов то, что «во многих кругах иностранцев, а также и в русской среде, нередко стали раздаваться голоса о якобы национальном облике советского правительства в области восточной политики». Представители РНК от КСХС были солидарны с беспокойством председателя центрального органа РНК в Париже А.В. Карташевым: иностранные политики глубоко ошибаются, соединяя в одно «два несовместимых понятия – советское правительство и русское правительство»<sup>803</sup>.

Несмотря на состоявшуюся встречу советского наркома иностранных дел Г.В. Чичерина с представителем Королевства СХС Момчило Ниничем в начале декабря 1922 г., официальных сообщений из Белграда о желании установить дипломатические отношения с СССР не поступало<sup>804</sup>. Однако подозрения русских эмигрантов, членов упомянутого РНК, по всей видимости, все же были направлены в сторону дипломатических сотрудников КСХС. На момент января 1923 г. в материалах эмигрантской организации сообщалось, что «Даже Сербия готовится облегчить эту работу [налаживания отношений между СССР И КСХС – Р.К.], решив послать постоянную миссию в Москву и в порядке взаимности допустить советскую миссию в Белград»<sup>805</sup>.

В то же время, обращаясь, в частности, к материалам прочитанных в Обществе славянской взаимности в Белграде докладов можно заметить, что в целом усиливались опасения русских эмигрантов в том, что советское (в широком смысле коммунистическое – Коминтерна) влияние быстро распространялось на Балканах. Высказывались обвинения в адрес правительства А. Стамболийского в содействии «работе коммунистов на Балканах», в том, что оно «сообща с советской властью стремится к уничтожению мирных договоров» – имея в виду все договоры, устанавливавшие Версальскую систему<sup>806</sup>.

Помимо ставшей привычной темы «Славянство и Германия», ставшей не столь острой после поражения Центральных держав в Первой мировой войне,

<sup>803</sup> Там же. Л. 1.

<sup>804</sup> Романенко С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». С. 156-157.

<sup>805</sup> ГА РФ. Ф. Р6790. Оп. 1. Д. 9. Л. 5 (об.) – 6.

<sup>806</sup> ГА РФ. Ф. 6230. Оп. 1. Д. 84. Л. 7.

славянский нарратив дополнялся и прочими. Одной из них была проблема «исламского фактора» в лице Турции в ее балканской политике. В данном контексте выделяется статья Г.Г. Григорьева «По пути ли нам с Турцией в Балканском вопросе?»<sup>807</sup>. На примере ее содержания можно сказать о чрезмерно эмоциональной оценке событий войны Греции с Турцией на Балканах («окрашенному тупым восточным фанатизмом зверству мусульман»). Автор заметил, что «история Балканских славян.[ских] народностей нам показала, что без опеки Европейских народностей, в том числе и России, они не могут жить мирно и спокойно». Подкрепляя свой тезис, Г.Г. Григорьев обратил внимание на то, что «все эти народы уже не одно столетие находятся между собой в постоянной вражде и взаимной ненависти, недостойной христианских наций»<sup>808</sup>. Автор изображает «фанатичных» мусульман в негативном свете, что явно контрастирует с его более благоприятным отношением к христианам.

Одним из печатных изданий, непосредственно посвященных славянскому вопросу в новых реалиях международной политической жизни, стала газета «Славянская жизнь», издававшаяся недолгое время в Белграде в 1920 году выехавшими из Крыма эмигрантами<sup>809</sup>. Уже одно название этого издания многое говорит о его содержании. Однако нас все же интересует несколько подробнее взглянуть на выраженную редакцией газеты и принимавшими в ней участие публицистами позицию. В передовой статье первого номера, за авторством редактора Г.В. Лукина, обсуждался не только хорошо известный русскому общественному мнению вопрос культурного сотрудничества славян в широком смысле. «Приступая к изданию нашего органа, – писал Г.В. Лукин, – мы ставим себе целью служение общеславянскому союзу»<sup>810</sup>. В данном случае, как можем видеть, речь шла о попытке высказать свою точку зрения на проблему панславизма с учетом «требований времени».

<sup>807</sup> Григорьев Г.Г. По пути ли нам с Турцией в Балканском вопросе // Русская жизнь. Сан-Франциско. 1922. 22 сентября.

<sup>808</sup> Там же.

<sup>809</sup> Горяинов А.Н. В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006. С. 13.

<sup>810</sup> Славянская жизнь. Белград, 1920. 8 июля. № 1.

Довольно расплывчато определяет главный редактор газеты параметры данной идеи, обращаясь к уже привычным и устоявшимся компонентам – объединяющим основам, включающим родственность «по происхождению, по психике, по языку». Однако к этому добавляется еще стремление помочь «всему славянству» разобраться «с путаницей на современной международной арене»<sup>811</sup>.

Как бы то ни было, детальных проектов по воплощению в жизнь идеи общеславянского объединения предложено не было.

Рассуждения касались адаптации славянской идеи в рамках популярных в это время идейно-политических веяний. В размышлениях представителей данной газеты славянство рассматривалась по большей части сквозь призму его включения в «демократический» контекст – идеалов демократии и гуманизма как элементов «политического духа» Европы, на основе которых можно было провести реконструкцию послевоенного славянского мира.

При таком подходе авторами публикаций подчеркивалась необходимость развития идеи славянского федерализма, но с учетом ее идейного переосмысления. Для достижения желаемых результатов, по их мнению, требовалось отказаться от устаревших и абстрактных суждений славянофилов и схем великодержавных панславистов: «Не романтическое славянофильство прошлого века мы ищем и хотим. Только в славянской демократической федерации мы видим нашу силу»<sup>812</sup>.

Однако более глубокой разработки именно в практической плоскости славянская идея во взглядах авторов данного издания не получила. Этот вывод приложим и ко многим другим «замыслам» русских эмигрантов.

### Выводы

Военно-политический союз Малая Антанта не представляла собой исключительно межславянского альянса. Однако в рамках конструируемого эмигрантами славянского исторического нарратива предпринимались попытки

<sup>811</sup> Там же.

<sup>812</sup> Славянская жизнь. Белград, 1920. 8 июля. № 1.

взглянуть на Малую Антанту сквозь призму намечавшихся политиками шагов на пути к «межславянскому сотрудничеству». В начале 1920-х годов в среде европейской общественности уже велись дискуссии по ключевым вопросам формирования системы европейской безопасности.

Мысль о «панславянской опасности» в западноевропейском политическом сознании традиционно ассоциировалась с мыслью об угрозе экспансии со стороны России. Даже учитывая, что Советская Россия вышла на международную арену под декларируемым принципом интернационализма, все же она оставалась Россией (в противовес распространенному среди русских эмигрантов мнению, что «Россия» не есть «Совдепия») в глазах многих западноевропейских политиков и интеллектуалов. Россией, сохранявшей, как представлялось, и ряд прежних внешнеполитических приоритетов.

У руководства Советской России были свои намерения касательно балканского направления. В рамках деятельности Коминтерна, активно курируемого из Москвы, разрабатывались планы по созданию Балканской федерации – региональной федерации с наднациональным принципом устройства. Основным намерением, таким образом, была организация платформы для подрыва устоев устроенной Версалем государственно-территориальной структуры на Балканах и в Средней Европе. Призывы в русской эмигрантской среде к политическим элитам молодых славянских стран решительно избегать сближения с большевистской Россией («врагом» всего славянства) расходились с оценкой политиками сложной внутренней обстановки послевоенного времени. В этом контексте более весомым доводом считались реальные интересы государств.

В целом, несмотря на множественные обращения к славянской идее, а также идейно и ценностному наполнению феномена славянства, попыток узреть в славянстве внутренне сплоченное единство, все же в практической области межгосударственных (и межэтнических) отношений славян осмыслению славянской идеи среди самих славян не хватало твердой идейной основы и четкой схемы понимания и мотивации, которые были присущи их узко национально-политическим программам.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До 1917 года в России важным составляющим славянского исторического нарратива в текстах была мысль о перспективах «обновления» русского национального самосознания как общеславянского. Образы славянства в исторической мысли представителей русской общественности складывались в контексте внешних (обострение отношений с Австро-Венгрией и Германией, последующий крупномасштабный конфликт, попытка найти основу культурных, духовно-нравственных и политических отношений с западными и южными славянами) и внутренних (социально-политический кризис и его осмысление, политическое противостояние партий) проблем.

Консерваторы-славянофилы видели исторически predeterminedную всеславянскую миссию России, основанную не только на государственной, но и на нравственной гегемонии. Представления о славянской идее в дискуссиях крайне правых коррелировали с их мировоззренческими устоями, абсолютизацией традиций Российской империи и монархии, что составляло «великодержавный» контекст. Взгляды конституционалистов-либералов колебались от оценок в духе славянофильства до прагматичных суждений о национальных интересах. В созданных ими текстах проявлялись элементы не оформившейся в единую концепцию «новой славянской идеи», основанной на категориях прогресса и либеральных ценностей. Социалисты-революционеры, в частности В.М. Чернов, рассматривали славянскую идею в рамках «истинного интернационализма», предполагая федеративное переустройство славянских государств как одной из ступеней к «федеративной общечеловеческой кооперации». Эти размышления впоследствии нашли отражение и в сочинениях русских эмигрантов. Однако различные идейно-политические течения русской эмиграции столкнулись с необходимостью адаптации своих подходов к совершенно иным политическим и международным реалиям.

«Славянский фактор», который можно трактовать как стремление сторонников Белого движения сблизить славянские народы в антибольшевистском движении, оценивался в качестве возможного средства



борьбы с большевизмом во внешнеполитическом курсе Белых правительств в годы Гражданской войны. Традиционные представления о славянстве, продолжая оставаться частью исторического сознания русской общественности, преломлялись в свете новых событий. Предвидя смещение геополитического центра тяжести на Восток (после поражения Германии, Австро-Венгрии и Османской империи, а также усиления позиций США и Японии), выражалась надежда на возможность воспользоваться ситуацией для укрепления позиций России на Балканах и среди западных славян. Однако в силу своей неустойчивости Белые правительства не были готовы реализовать эти амбиции и активно влиять на судьбу славянских народов в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе. Сочинения на славянскую тему политиков, публицистов и мыслителей антибольшевистской направленности в это время отражали противоречивые оценки понятия «славянское братство», содержавшие как пессимизм, так и оптимизм в ожиданиях поддержки со стороны новых славянских государств.

В 1920-е гг. русская антибольшевистская эмиграция, нашедшая приют в славянских государствах, в особенности в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС), внесла значительный вклад в переосмысление славянской идеи и развитие межславянских отношений в контексте развития исторической мысли русского зарубежья. После большевистской революции в октябре 1917 года и разрушения традиционной роли России как центра славянского мира, русские интеллектуалы и политические деятели получили уникальную возможность непосредственно самим соприкоснуться со славянским миром через личное взаимодействие с его представителями в КСХС. Отношение к русским беженцам было неоднозначным и обуславливалось политико-идеологическими и историческими факторами, социокультурными различиями и памятью о Первой мировой войне. Проявился психоэмоциональный надлом мироощущения эмигрантов. В противовес позитивистской методологии многие историко-публицистические сочинения русских эмигрантов, посвящённые славянской

тематике, формировались под воздействием концепций, ориентированных на оценки событий истории через «нравственный критерий».

В консервативной историографической традиции эмигрантов, идея русско-славянской культурной общности, обоснованная славянофилами, была переосмыслена в новых реалиях – в качестве одной из идейных основ для «возрождения России» и освобождения ее от большевизма как «еврейско-азиатского режима», отрицавшего, по мнению консерваторов, чувство славянской общности. Дискуссии о славянстве были включены в контекст полемики многих представителей консервативной и либеральной мысли с евразийцами, которые преуменьшали ценность фактора славянской общности. В наметившемся идейном противостоянии была значима роль исторических представлений эмигрантов. «Габсбургское наследие» и факт рецепции «западных ценностей» славянами, ранее входившими в Австро-Венгрию, рассматривались как важный фактор, который было необходимо понимать и учитывать в будущих (предполагаемых) отношениях России со славянами Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы.

Славянская проблематика рассматривалась не только профессиональными историками, но также политиками и мыслителями различной идейно-политической ориентации. Эти проблемы анализировались в исторической ретроспективе и пересекались с оценками современности. Создавая социально ориентированные исторические тексты, политики и публицисты формировали свою модель истории развития славянской идеи с ее спецификой, коррелировавшей с выражаемыми ими идейно-политическими предпочтениями. В связи с этим целенаправленно подбирались источники, факты, на которых акцентировалось внимание; складывались схемы описания прошлого, соответствовавшие интересам той или иной идейно-политической группы.

Идеологи монархического толка – как сторонники легитимности правления великого князя Кирилла Владимировича, так и сторонники великого князя Николая Николаевича, анализируя исторические сюжеты, акцентировали внимание на исторически сложившейся традиции русской самодержавной

монархии, заключавшейся, по их мнению, в «братском отношении» к славянам. В их сочинениях, содержащих обращения к истории славянской идеи, подчеркивалось, что эта «историческая традиция» сохранялась в воззрениях Николая Николаевича, и была продолжена в политическом курсе самопровозглашенного императора Кирилла I.

Либералы-конституционалисты, обращаясь к славянской теме, продолжали выявлять различия и взаимосвязи между терминами «национальный» и «националистический», подчеркивая разницу между умеренным патриотизмом и шовинизмом. Левые кадеты, подобно эсерам, критиковали концепцию самобытности славянства, которая разрабатывалась в консервативном течении русской эмиграции. В их произведениях подчеркивалась необходимость очищения славянской идеи от любых теорий славянской гегемонии, мессианских представлений о «духовно-ценностном» преображении Европы славянами.

Социалисты-революционеры, критикуя в своих произведениях «имперско-самодержавную» модель панславизма, противопоставляли ему идею «всеславянского единения» в рамках демократической федерации как этапа к всемирному «союзу народов» на демократической основе. Они осуждали панславизм как «расовую утопию», приравнивая его к пангерманизму и считая инструментом самодержавного империализма, абсолютизируя важность фактора существования демократической России для подлинного единения славянства.

В исторической мысли сменовеховцев славянская идея не имела самостоятельной значимости, однако к ней обращались в связи с вопросами о перспективах развития обновленной – Советской России/СССР и ее внешней политики. Сменовеховцы критиковали идеализацию славянской солидарности и «русско-славянский империализм», характерный, по их мнению, для консервативных кругов эмиграции, симпатизировавших прежней «славянской политике» царской России. Сменовеховцы считали, что «старому» славянофильству нет места в новой советской политике, но признавали за Россией ключевую роль в международных отношениях в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе.

Евразийцы в целом относились к славянофильству и панславизму критически, стремясь к более широкому, евразийскому взгляду на Россию как на самобытную цивилизацию, объединяющую народы Восточной Европы и Азии. Эта идея находила поддержку в одних консервативных кругах, но вызывала споры и критику со стороны других кругов, приверженных идеям славянофильства, также видевших в славянах часть европейской культуры, но настаивавших на значимости славянской общности для России. Исторический подход, в рамках которого создавалась традиция восприятия национального прошлого России в тесной связи с идеализированным образом славянства, вызывал возражения у авторов-евразийцев.

Ученые и политики русского зарубежья предпринимали попытки интерпретировать замысел создания Малой Антанты как шаг к «межславянскому сотрудничеству» в рамках создававшегося славянского исторического нарратива. Создание Малой Антанты положительно рассматривалось эмигрантами как способ предотвратить угрозы, возникшие после распада Австро-Венгрии (возвращения императора Карла на венгерский престол, угроза деятельности Коминтерна), и обеспечить экономическое сближение между новыми славянскими государствами в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе. Призывы эмигрантов к политическим элитам славянских стран избегать сближения с большевистской Россией не соответствовали реальным интересам этих суверенных государств. В конечном счете, славянская идея не смогла преодолеть как узкие национально-политические программы новых славянских государств, так и этнонациональную идеологию каждого из славянских народов.

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

### Неопубликованные источники

#### Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

1. Ф. Р200. Министерство иностранных дел Российского правительства, Омск. Оп. 1. Д. 360, 361.
2. Ф. Р6134. Общество славянской взаимности. Белград. Оп. 1. Д. 1, 3.
3. Ф. Р5837. Объединение русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), Прага. Оп. 1. Д. 80.
4. Ф. Р6121. Личный фонд Дмитрия Николаевича Вергуна. Оп. 1. Д. 17, 20.
5. Ф. Р5763. Союз русских государевых людей имени Ее Императорского Высочества великой княжны Киры Кирилловны (СРГЛ), Тырново-Сеймен, Горна-Джумая. Оп. 1. Д. 16, 21.
6. Ф. Р7506. Центральный комитет Партии «Народной свободы», Париж. Оп. 1. Д. 84.
7. Ф. Р6790. Русский национальный комитет в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Белград. Оп. 1. Д. 9.
8. Ф. Р6230. Военная библиотека и архив в Белграде. Оп. 1. Д. 84.

#### Оцифрованные материалы архива Международного института социальной истории в Амстердаме (IISH):

**<https://search.iisg.amsterdam/Record/ARCH01038> (Дата обращения: 06.12.2024).**

9. Материалы Белградского отдела Земгора. Partija Socialistov-Revoljucionerov (Rossija) Archives. Folder 1001. Documents of the Belgrade group on the V.I. Sidorin affair // Catalogue of the International Institute of Social History. URL: <https://access.iisg.amsterdam/universalviewer/#?manifest=https://hdl.handle.net/10622/ARCH01038.1001?locatt=view:manifest> (Дата обращения: 06.12.2024).

## Опубликованные источники

### Дипломатические документы

10. Из годового отчета Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР к IX Съезду Советов за 1920-1921 гг. (23-28 декабря 1921 г.) // Документы внешней политики СССР. Т. IV. 19 марта 1921 г.-31 декабря 1921 г. / М-во иностр. дел СССР. – Москва : Госполитиздат, 1960. – С. 630-727.
11. Из запроса депутата Народной скупщины Королевства СХС М. Московлевича министру иностранных дел д-ру М. Нинчичу о статусе генерала Врангеля от 21 марта 1922 г. // Советско-югославские отношения. 1917–1941. – Москва : Наука, 1992. – С. 125-127.
12. Из письма Г.В. Чичерина советнику Полпредства СССР в Германии С.И. Бродовскому о политике Советского Союза на Балканах от 22 октября 1924 г. // Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала - середины 1920-х годов). Ч. 2. – Москва : РОССПЭН, 2003. – С. 220.
13. Нота НКВД РСФСР Министерству иностранных дел Королевства СХС относительно возможного формирования на территории Королевства белогвардейских банд // Советско-югославские отношения. 1917–1941. – Москва : Наука, 1992. – С. 75.
14. Нота Правительства РСФСР Правительствам Великобритании, Франции, Италии. 15 марта 1922 г. // Документы внешней политики СССР. Т. V. 1 января 1922 г.-19 ноября 1922 г. / М-во иностр. дел СССР. – Москва : Госполитиздат, 1961. – С. 152-155.
15. Посланник в Софии министру иностранных дел (от 15/2 мая 1914 г.) // Международные отношения в эпоху империализма (МОЭИ): Документы из архивов царского и временного правительства 1878–1917 гг. Сер. 3. Т. 3: 14 мая - 27 июня 1914 г. / Подгот. к печ. А.С. Ерусалимский при уч. Б.Г. Вебера. – Москва; Ленинград, 1933. – С. 10-11.

16. Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji. Godišnji izvještaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921-1938. Knjiga prva. 1921-1930. – Zagreb: Arhiv Jugoslavije; Globus, 1986. – 709 str.
17. Balkanski ugovorni odnosi 1876-1996. Dvostrani međunarodni ugovori i drugi diplomatski akti o državnim granicama, političkoj i vojnoj saradnji, verskim i etničkim manjinama. II tom. 1919-1945. Priredio Momir Stoković. – Beograd : Službeni list SRJ, 1998. – 709 str.
18. Mr. Rattigan (Bucharest) to Earl Curzon (September 17, 1920) // Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Series 1st. Vol. 12. London : University press Oxford, 1963. Pp. 264-266.
19. Mr. Rattigan (Bucharest) to Earl Curzon (February 25, 1920) // Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Series 1st. Vol. 12. London : University press Oxford, 1963. Pp. 144-146.

#### **Документы политических партий и организаций**

20. Заседание 29-го ноября 1917 г. // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900—1925 гг. В 3-х т. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г.—1925 г. / Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия», Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, сост., автор предисл., введ. и коммент. Н.Д.Ерофеев, отв. ред. В.В.Шелохаев. – Москва : РОССПЭН, 2000. – С. 99-106.
21. Протокол заседания Первого съезда заграничных организаций ПСР 19 ноября 1923 г. //Партия социалистов-революционеров в эмиграции: 1918 - начало 1950-х гг. : Документы и материалы / Сост. А. А. Голосеева, К. Н. Морозов, А. П. Новиков, А.Ю. Суслов. – Москва : РОССПЭН, 2022. – С. 582-606.
22. Протокол заседания Белградской группы к.-д. 8 мая 1921 г. // Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905-середина 1930-х гг. В 6 тт. Т. 1. Протоколы

- Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1905 – 1911 гг. Москва : Прогресс-Академия, 1994. С. 333-336.
23. Протокол общего годовичного собрания группы к.-д. в Югославии 22 мая 1921 г. // Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905-середина 1930-х гг. В 6 тт. Т. 4. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 г. – июнь 1921 г. – Москва : РОССПЭН, 1996. – С. 353-363.
24. Доклад Н.А. Градескула от 20 октября 1908 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905-1920 гг. В 3-х т. Т. 2. 1908—1914 гг. / Центр полит. и экон. истории России Рос. независ. ин-та соц. и нац. проблем, Ассоц. «Рос. полит. энциклопедия», Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации, сост., автор предисл. и примеч. Н.И. Канищева, отв.ред. В.В.Шелохаев. – Москва : РОССПЭН, 2000. С. 51-60.
25. Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1921. Број 39. XLVI. Редовни састанак. 4. јуна 1921. С. 9-11.

### Научные работы

26. Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. Прага: Пламя. 1925. 338 с.
27. Грот К.Я. К истории славянского самосознания и славянских сочувствий в русском обществе. – Санкт-Петербург : Тип. М-ва внутренних дел, 1904. – 14 с.
28. Погодин А.Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. – Москва: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 420 с.
29. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем (1878). – Санкт-Петербург: Тип. «Колос», 1913. – 189 с.
30. Флоровский А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1921-1926) // Труды по истории России, Центральной Европы и историографии: Из



архивного наследия / Под ред. В. Ю. Афиани. – СПб.: Нестор-История, 2020. – С. 319-353.

31. Ястребов Н.В. Великая Сербия как разрешение южно-славянского вопроса в великой войне 1914—15 гг. // Вопросы мировой войны. – Петроград: Тип. «Правда», 1915. – С. 135-178.
32. Јелачић А. Русија и Балкан. Преглед политичких и културних веза Русије и балканских земаља 866—1940. – Београд: француско-српска књижара А.М. Поповић, 1940. – 120 с.
33. Seton-Watson R.W. German, Slav and Magyar. – London : Williams and Norgate, 1916. – 208 pp.
34. Seton-Watson R.W. The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy. – London : Constable and Co., 1911.– 463 pp.

### Публицистика

35. Аксаков И.С. Славянский вопрос. 1860-1886. Собрание сочинений И.С. Аксакова. Т. 1. – Москва: тип. М. Г. Волчанинова, 1886. – 791 с.
36. Амфитеатров А. Противославянское дело // Возрождение. Париж. – 1926. – 11 февраля. – № 254. – С. 2.
37. Ашкинази З.Г. Славянская солидарность // Новая русская жизнь. – 1920. – 9 ноября. – № 224. – С. 1.
38. Башмаков А.А. Балканский союз. Речь, произнесенная на собрании Славянского Общества 26-го октября 1908 года // Славянские известия. – 1908. – № 7. – С. 341-346.
39. Башмаков А. Мы и они (Первый очерк) // Вера и верность. Нови Сад. – 1923. – 25(12) августа. – № 1. – С.3.
40. Башмаков А. Мы и они (Второй очерк) // Вера и верность. Нови Сад. – 1923. – 3 сент.(21 авг.). – № 2. – С. 3.
41. Башмаков А. Мы и они (Третий очерк) // Вера и верность. Нови Сад. 1923. – 10 сент.(28 авг.). – № 3. – С. 2-3.

42. Башмаков А.А. Французская оценка политического значения славянофильства // Новое время. Белград. – 1921. 14 октября. № 142. С. 2.
43. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. – Москва : Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. – 240 с.
44. Васильев А.В. Наш долг в отношении Боснии и Герцеговины // Славянские известия. – 1908. – № 7. – С. 333-340.
45. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Изд. пятое. – Санкт-Петербург: Издательство «Тип. братьев Пантелеевых», 1895. – 667 с.
46. Доклад П.Н. Милюкова «Россия и Демократическая эмиграция», прочитанный в Праге, 5 июня 1923 г. // П. Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. / Отв. ред., составитель М.Г. Вандалковская. Подг. текста, комментарии В.В. Тихонов. – Москва: РОССПЭН, 2012. – С. 23-37.
47. Ефимовский Е.А. Утопия или возможность? // Славянская заря. Прага. – 1920. – 4 июля. – № 165. – С. 1.
48. Изгоев А.С. Д-р К. Крамарж о России // Руль. Берлин. – 1927. – 16 февраля. – № 1889. – С. 1-2.
49. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. – София : Тип. «Балкан», 1921. – 125 с.
50. Кошутич Р. Россия и Сербия // Ступени: Общественно-литературный сборник. Белград, 1927. С. 61-67.
51. Крамарж К. В защиту славянской политики. Пер. с чешского С.И. Варшавского. – Париж : «N.P. Karbasnikoff», 1927. – 145 с.
52. Крамарж К. Русский кризис / пер. с чешского А.С. Изгоева. – Прага, 1925. – 635 с.
53. Лобов Л.П. Славянство как мир будущего // Славянские известия. – 1909. – № 6. – С. 733-741.

54. Лобов Л.П. Славянство как национальная идея // Славянские известия. – 1910. – № 2. – С. 111-113.
55. Локоть Т. Монархия и дворянство // Новое время. Белград. – 1921. – 31 июля. – № 80. – С. 1.
56. Маклаков В.А. Босния и славянский вопрос // Речь. – 1908. – 2 ноября. – № 265. – С. 2.
57. Масарик Т.Г. Славяне после войны. – Прага: Воля России, 1923. – 24 с.
58. Милюков П.Н. Мои встречи с Масариком // П. Н. Милюков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. / Отв. ред., составитель М.Г. Вандалковская. Подг. текста, комментарии В.В. Тихонов. – Москва: РОССПЭН, 2012. – С. 289-299.
59. Милюков П.Н. «Респ.-демократический союз в Праге» // Последние новости. Париж. – 1926. – 6 января. – № 1750. – С. 2-3.
60. Мякотин В.А. «Борьба с германизмом» и национальный вопрос // Русское богатство. – 1914. – № 9. – С. 323-338.
61. Мякотин В.А. “Нео-славизм” и внутренние вопросы // Русское богатство. – 1908. – № 11. – С. 198-217.
62. Погодин А.Л. Одна из утопий // Славянская заря. Прага. – 1920. – 4 июля. – № 165. – С. 1.
63. Погодин А.Л. Россия и Сербия // Новое время. Белград. – 1921. – 10 мая. – № 13. – С. 1.
64. Спекторский Е.В. Россия и славянство // Возрождение. Париж. – 1926. – 24 мая. – № 356. – С. 2.
65. Струве П.Б. Наши идеи // Дневник политика (1925 – 1935). / Вступ ст. М.Г. Вандалковской, Н.А. Струве; Подг. текста А.Н. Шаханова. – Москва: Русский путь, 2004. – С. 123-124.
66. Струве П.Б. Новая жизнь славянства и России // Дневник политика (1925 – 1935). / Вступ ст. М.Г. Вандалковской, Н.А. Струве; Подг. текста А.Н. Шаханова. – Москва: Русский путь, 2004. – С. 406-407.

67. Тарановский Ф. «Россия и Славянство» // Россия и славянство. Париж. – 1929. – 19 января. – С. 3-4.
68. Топалович Ж. На путях объединения балканских славян // Воля России. 1926. № 4. С. 154-160.
69. Тодоров К. Южное славянство и Болгария // Воля России. 1926. № 2. С. 113-129.
70. Фиркс Н.А. Восстановление России // Русский военный вестник. Белград. – 1926. – 25 июля. – № 51. – С. 1.
71. Фиркс Н.А. Восстановление России (продолжение) // Русский военный вестник. Белград. – 1926. – № 57. – С. 3.
72. Флоровский Г.В. Памяти П.И. Новгородцева // Россия и славянство. Париж. – 1929. – 27 апреля. – С. 3.
73. Чернов В.М. Марксизм и славянство (К вопросу о внешней политике социализма). – Петроград: Издательство ЦК ПСР, 1917. – 102 с.
74. Ястребов Н.В. Италия и славянские интересы на Адриатике // Биржевые ведомости. – 1915. – 3 января. – № 14588. – С. 3.
75. Bobčev S.S. The Slavs after the War // The Slavonic Review. – 1927. – Vol. 6. № 17. – P. 293.
76. Кошутин Р. Руске школе // Просветни гласник. Служебни лист Министарства Просвете. 1922. Број 7 и 8. С. 139-166.
77. Цвијин Ј. О основама јужнословенске цивилизације // Српски књижевни гласник. 1922. 1. септембар. С. 349-357.
78. Milyukov P. A new Slavonic policy // The Slavonic Review. – 1928. – Vol. 6. № 18. – P. 481–495.
79. Milyukov P. The World war and Slavonic policy // The Slavonic Review. – 1927. – Vol. 6. № 17. – P. 268–290.
80. Pogodin A. Rusija i Slovenstvo // Nova Evropa. – 1923. – 1. oktobra. – Br. 10. – С. 282-291.
81. Zenkovsky V.V. The Slavophil Idea Re-Stated // The Slavonic Review. – 1927. – No. 17, Dec. Vol. 6. – Pp. 302-310.

### Периодическая печать

82. Адриатический спор // Руль. Берлин. – 1923. – 19 июля. – № 800. – С. 1-2.
83. В гостях у славянина // Руль. Берлин. – 1924. – 27 апреля. – № 1032. – С. 8.
84. Вопрос о России и Славянстве в сербской печати // Россия и славянство. Париж. – 1929. – 23 марта. – № 17. – С. 2.
85. Из рубрики «Внутренний обзор» (за неделю) // Известия. Москва. – 1923. – 26 января. – № 17 (1754). – С. 3.
86. Махин Ф. Вопрос обороны славянства // Воля России. Прага. – 1920. – 19 сентября. – С. 2.
87. На Балканах (Хорватия и Словения) // Последние новости. – 1927. – 18 января. – № 2127. С. 2.
88. На пути славянского сближения // Воля России. Прага. – 1923. – Ноябрь. – С. 70–78.
89. Наши задачи (передовая) // Русская мысль. Белград. – 1920. – 25 ноября. – № 1. – С. 1.
90. Обращение (передовая) // Вера и Верность. Нови Сад. 1923. 25(12) августа. № 1. С. 1.
91. Открытие 4-го Съезда Русских Ученых // Новое время. Белград. – 1928. – 18 сентября. – № 2212. С. 1-2.
92. От редакции // Славянская жизнь. Белград. – 1920. – 8 июля. – № 1. – С. 1.
93. «Патриотический» провал // Дни. Париж. – 1927. – 29 ноября. – № 1252. – С. 1.
94. Примеры славянского единения: события в Хорватии // Вестник Европы. – 1902. – № 10. – С. 790-791.
95. Революция и славянство // Последние новости. Париж. – 1921. – 5 мая. – № 320. – С. 1.
96. Россия и Славянство // Дни. Париж. – 1925. – 31 декабря. – С. 2-3.
97. Рубрика «За неделю» // Руль. Берлин. – 1926. – 17 января. – С. 1-2.

98. Русская внутренняя политика и славянский вопрос // Славянские известия. – 1904. – № 3. – С. 265-266.
99. Русские организации и день объединения // Дни. Париж. – 1927. – 9 декабря. – № 1262. – С. 3.
100. Славяне // Новое время. Белград. – 1921. – 12 июля. – № 64. – С. 2.
101. Славянофильство и евразийство // Новое время. Белград. – 1928. – 14 февраля. – № 2035. – С. 2-3.
102. Славянский вопрос после войны // Последние новости. Париж. – 1923. – 21 марта. – № 895. – С. 1.
103. Среди берлинских эсеров // Известия. Москва. – 1923. – 11 января. – № 6 (1743). – С. 3.
104. Строительство России // Русский военный вестник. Белград. 1926. 31 января. № 26. С. 1.
105. Франция и Габсбурги // Новое время. Белград. – 1921. – 3 декабря. – С. 1.
106. Аустрийски рад на «југословенској» идеји у Америци // Застава. Нови Сад. 1921. – 5. јула. – Бр. 148. – С. 2.
107. Јесу ли нам Бугари браћа? // Време. Београд. 1926. – 4. маја. – С. 4.
108. Културни и просветни рад есера (Разговор с пуковником Махином) // Време. Београд. – 1924. – 12. Јула. – С. 4.
109. Шта Бугарска очекује од ђеновске конференције // Застава. Нови Сад. – 1922. – 30. априла. – Бр. 95. – С. 2.
110. Нове руске избеглице // Политика. Београд. – 1920. – 7 децембар. – С. 3.
111. О новом Словенству // Застава. Нови Сад. – 1926. – 4 фебруара. – С. 2.
112. Панрусизам и Словенство // Време. Београд. – 1926. – Број 1803. – 25. Децембра. – С. 3.
113. Руси и Срби // Застава. Нови Сад. – 1919. – 12 јуна. С. 1.
114. Significance of the “Little Entente”: A Safeguard Against Hungary // Current History. – 1920. November. – Vol. 13, № 2. – S. 353-355.

### Источники личного происхождения

115. Арсеньев А.Б. Русская эмиграция в Югославии. Избранные статьи. Т. 1. – Белград : МИА-принт, 2024. – 519 с.
116. Воспоминания М.В. Агапова // Москва – Сербия; Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Том 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. / Сост. А.Ю. Тимофеев, Г. Милорадович, А.А. Силкин. – Москва : Институт славяноведения РАН; Белград, 2017. – С. 663-687.
117. Зернов Н. М. За рубежом: хроника семьи Зерновых. Париж : YMCA Press, 1973. – 562 с.
118. Из письма члена Славянской миссии русских общественных деятелей Ф.И. Родичева члену Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР М.М. Федорову (июль 1919 г.) // Москва – Сербия; Белград – Россия. Сб. док. и мат. Т. 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. Москва : Институт славяноведения РАН; Белград, 2017. С. 121-122.
119. Милуков П.Н. Воспоминания. Москва: Политиздат, 1991. – 528 с.
120. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. Москва : РОССПЭН, 2012. – 1114 с.
121. Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918. Т. 2.: 1904–1918. Санкт-Петербург : «Дмитрий Буланин», 2015. – 656 с.
122. Переписка Г.В. и К.И. Флоровских и Е.В. Спекторского (1926-1948) / Трибунский П.А. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2022. – № 38. – С. 226-310.
123. Письмо В.А. Маклакова Б.А. Бахметьеву от 16 марта 1920 г. // «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметьев – В.А. Маклаков: Переписка 1919 – 1951. В 3 т. / Публ., вступ. ст. и комм. О.В. Будницкого. Т. 1. Август 1919 – сентябрь 1921. – Москва : РОССПЭН, 2001. – С. 192-193.
124. Письма М. Московлевича Е.К. Брешко-Брешковской // Москва — Сербия; Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. – Москва : Институт славяноведения РАН; Белград, 2017. – С. 131-136.

125. Пуришкевич В.М. Дневник. – Рига: National Reklama, 1924. – 146 с.
126. Родзянко М.В. Крушение империи. – Нью-Йорк : Multilingual Typesetting, 1986. – 385 с.
127. Сазонов С.Д. Воспоминания. – Париж : Кн. изд-во Е. Сияльской, 1927. – 398 с.
128. Спекторский Е.В. Воспоминания. – Рязань : част. изд-во П.А. Трибунского, 2020. – 654 с.
129. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. 2-е изд. Т. 2. – Лондон : Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. – 429 с.
130. Московљевић М. У Великој Руској револуцији: Дневничке белешке. – Београд : Институт за новију историју Србије, 2007. – 173 с.
131. Pribićević S. Diktatura kralja Aleksandra. 2 izd. – Beograd : Prosveta, 1953. – 304 s.
132. Stenbock-Fermor I. Memoirs of life in old Russia, world war I, revolution, and in emigration. – Berkeley : University of California, 1976. – 1164 p.

## ЛИТЕРАТУРА

133. Аксенов, В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции. 1914-1918. – Москва : Новое Литературное Обозрение, 2020. – 992 с.
134. Аксенова, Е.П. А.Н. Пыпин о славянстве. – Москва : Индрик, 2006. – 504 с.
135. Аксенова, Е.П. Славянофил А.А. Башмаков о кризисе славянской идеи // Славяноведение. – 2001. – № 5. – С. 83-89.
136. Аксенова, Е.П. Славянская идея в русской философской мысли (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Г.В. Флоровский) // Славянский альманах 2000. – 2001. – С. 152-167.
137. Арсеньев, А.Б. У излуцины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду / Под ред. В.Б. Кудрявцева. – Москва : Русский путь, 1999. – 256 с.



138. Базанов, П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988 гг.) / П.Н. Базанов; науч. ред. И.А. Шомракова. – Санкт-Петербург.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2004. – 431 с.
139. Беклемишева, М.М. Публицист и редактор А.А. Башмаков о внутриполитическом курсе России в 1905-1907 гг. // Вестник МГПУ. Сер. «Исторические науки». – 2022. – № 3 (47). – С. 14-26.
140. Белов, М.В. Перекрестная история «славянской взаимности» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. – 2017. – № 2 (22). – С. 51-62.
141. Болгария в XX веке. Очерки политической истории. Отв. ред. Е.Л. Валева. – Москва : Наука, 2003. – 463 с.
142. Булдаков, В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917-1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. – Москва : Новый хронограф, 2010. – 1096 с.
143. Вандалковская, М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. – Москва: Ин-т рос. истории РАН, 2009. – 432 с.
144. Вандалковская, М.Г. Политическое и научное единомыслие первого президента Чехословакии Т.Г. Масарика и лидера российского либерализма П.Н. Милюкова // История и историки: историографический вестник. 2009-2010 / отв. ред. А.Н. Сахаров. – 2012. – С. 171–186.
145. Версаль и новая Восточная Европа. – Москва : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. – 282 с.
146. Влчек, Р. Славянство как идейная основа формирующегося чехословацкого государства (идея, идеология и государственность) // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй. Колл. монография. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2020. С. 26-44.
147. Волков, В.К. Основные этапы развития славяно-германских отношений в XIX-XX вв. в свете германской империалистической политики «Дранг нах Остен» (проблемы и задачи исследования) // Исследования по славяно-германским отношениям. – Москва : Наука, 1971. С. 3-29.

148. Воронкова, И.Е. Доктрина внешней политики партии конституционных демократов. – Москва : АПК и ППРО, 2010. – 368 с.
149. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. – Москва: Новое литературное обозрение, 2003. – 560 с.
150. Ганин, А.В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917-1922 гг. – Москва : Пятый Рим, 2020. – 800 с.
151. Глебов, С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. – Москва: Новое издательство, 2010. – 632 с.
152. Горяинов, А.Н. В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2006. – 320 с.
153. Горяинов, А.Н. Славянская идея и русская эмиграция в Болгарии // Славянский альманах. – 1999. – С. 133-141.
154. Гросул, В.Я. У истоков российской общественности // Славянство, растворенное в крови. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2010. – С. 99-116.
155. Гросул, В.Я. Русское общество XVIII-XIX веков. Традиции и новации. – Москва : Наука, 2003. – 516 с.
156. Гусев, Н.С. Балканские войны как войны славянские: функционирование одного из символов в публикациях русской прессы // Синеза. – 2022. – № 3(2). – С. 51-64.
157. Досталь, М. Ю. Проблемы закарпатского национального возрождения в трудах русских и украинских эмигрантов в межвоенной Чехословакии//Славяноведение. – 1997. – № 6. – С. 67-72.
158. Досталь, М. Ю. Славянский мир и славянская идея в философских построениях и практике ранних славянофилов // Славянский альманах 2000. – 2001. – С. 85-95.

159. Достян, И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. – Москва : Наука, 1980. – 328 с.
160. Дьяков, В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. – Москва : Наука, 1993. – 207 с.
161. Животич, А. Югославское королевство и Советская Россия/Советский Союз (1918-1924) // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2023. – Т. 18. № 1-2. – С. 9-32.
162. Задорожнюк, Э.Г. Славянский вопрос в идейном наследии евразийства: историческая реконструкция // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2016. – С. 353-365.
163. Задорожнюк Э.Г. Труд «Мировая революция» Томаша Гаррига Масарика: настоятельность нового прочтения // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2020. – С. 12-25.
164. Иванов, А.А. В.М. Пуришкевич и общество русской государственной карты // Вестник Чебоксарского кооперативного института. – 2010. – № 1 (5). – С. 158-163.
165. История дипломатии. Т.II. Изд. 2-е. – Москва : Госполитиздат, 1963. – 820 с.
166. История внешней политики России (конец XIX-начало XX века): от русско-французского союза до Октябрьской революции / А. С. Аветян, В. С. Васюков, А. В. Георгиев и др.; редкол.: А. В. Игнатъев (отв. ред.) и др. – Москва : Международные отношения, 1997. – 670 с.
167. Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах (1920-1940). – Москва : Русский путь, 2005. – 488 с.
168. Кирилина Л.А., Пилько Н.С., Чуркина И.В. История Словении. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. – 480 с.
169. Квакин, А.В. Высылка интеллигенции в 1922-1923 годы: мифы и реальность // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2013. – № 2 (10). – С. 97-111.

170. Козеллек, Р. Социальная история и история понятий / Пер. с нем. Ю. И. Баилова // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX века. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2006. – С. 33-53.
171. Колейка, Й. Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. – Praha : Statni Pedagogskie Nakladatelstvi, 1964. – 264 s.
172. Колонтари, А. Несостоявшаяся белая ось: к вопросу о возможностях сотрудничества русской эмиграции с Венгрией // Российская белая эмиграция в Венгрии (1920-1940-е годы). – Москва: Институт славяноведения РАН, 2012. – С. 34-82.
173. Коновалова, О.В. Политические идеалы В.М. Чернова: взгляд через годы. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2005. – 212 с.
174. Косик, В.И. Югославянство/славянство в русской эмигрантской периодике // Русская эмиграция в Югославии. Москва: Индрик, 1996. С. 100-108.
175. Косик, В.И. Балканы: «Порвалась цепь великая...» (середина XIX – начало XXI вв.). – Москва : Институт славяноведения РАН, 2014. – 272 с.
176. Косик, В.И. Русская эмиграция в Сербии XX–XXI вв. – Москва : Пробел-2000. 2022. – 284 с.
177. Кострикова, Е.Г. Геополитические интересы России и славянский вопрос. – Москва : Кучково поле. 2017. – 384 с.
178. Кузьмичева, Л.В. Представители императорского дома Романовых о Карагеоргиевичах и Петровичах // Историјски институт. Зборници радова. Кs. 4. Ноововековне српске династије у мемоаристици. Београд. – 2008. – С. 261-284.
179. Лаптева, Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. – Москва: Индрик, 2012. – 840 с.
180. Люкс, Л. Русский государственный Петр Струве (1870-1944) [Электронный ресурс] // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание. 2014. № 1. URL:

<https://www1.ku.de/ZIMOS/forum/docs/forumruss21/11LuksStruve.pdf> (дата обращения: 19.10.2024).

181. Маловичко, С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография. – Орехово-Зуево : изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.
182. Маслин, М.А. Николай Данилевский: между славянофильством и панславизмом // Философский журнал. – 2023. – Т. 16. – № 4. – С. 5-18.
183. Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн.1: Первая мировая война: Исторический очерк / сост. и авт. ст. В. Л. Мальков, Ю. А. Поляков; ред. Г. Д. Шкундин. – Москва : Наука, 2002. – 686 с.
184. Муравьев, В.А. История вновь и вновь / В.А. Муравьев // Источниковедческая компаративистика и историческое построение : тез. докл. и сообщений XV науч. конф. Москва, 30 янв. – 1 февр. 2003 г. – Москва : РГГУ, 2003. – С. 22-31.
185. Ненашева, З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. – Москва : Наука, 1984. – 239 с.
186. Ненашева, З.С. Славянский вопрос и буржуазно-дворянские общественные круги России на рубеже XIX и XX вв. // Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. – Москва: Наука, 1984. – С. 176-185.
187. Никифоров, К.В. Особенности изучения русской эмиграции в Королевстве СХС (Югославии) // Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достян. – Москва: Институт славяноведения РАН, 2021. – С. 502-512.
188. Нойманн, И. Использование Другого: образы Востока в формировании европейских идентичностей. – Москва : Новое издательство, 2004. – 336 с.
189. Освободительные движения народов Австрийской империи: Период утверждения капитализма. – Москва : Наука, 1981. – 464 с.

190. Павленко, О.В. Концепция «критического славянства» Т.Г. Масарика и чехословацкие исследования межвоенного периода // Запад – Восток. – 2017. – № 10. – С. 127-135.
191. Павленко, О.В. Панславизм и его модели // Новая и Новейшая история. – 2016. – № 5. – С. 3-15.
192. Павленко, О.В. Панславизм: реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. – Москва: РГГУ. 2023. – 404 с.
193. Павленко, О.В. Панславизм // Славяноведение. – 1998. – № 6. – С. 43–60.
194. Пивовар, Е.И. Российское зарубежье в новейшей отечественной историографии // Исторические записки. 2019. № 18(136). С. 226-258.
195. Писарев, Ю.А. Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. – 1991. – № 1. – С. 151-161.
196. Писарев, Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. – Москва : Наука, 1985. – 285 с.
197. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности. Под. ред. Л.П. Репиной. – Москва : Аквилон, 2020. – 464 с.
198. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – Москва : Кругъ, 2011. – 560 с.
199. Робинсон, М.А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). – Москва : Индрик, 2004. – 432 с.
200. Робинсон, М.А. Письма на родину: ученые-эмигранты и российская славистическая элита (20-е годы) // Славянский альманах 2000. – 2001. – С. 211-235.
201. Романенко, С.А. Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе. От начала XX в. до 1991 г. – Москва: Новое литературное обозрение, 2011. – 1024 с.

202. Романенко, С.А. Национальные движения южных славян Австро-Венгрии 1890-1918 гг. Дисс. ... на соискание ученой степени доктора исторических наук. Т. III. – Москва, 2013. – 495 с.
203. Романенко, С.А. Путешествие в пространстве и времени. Монархия Габсбургов и монархия Карагеоргиевичей глазами хорватского писателя Мирослава Крлежи (1925 г.) // *Europa Orientalis*, XXXVI, 2017, pp. 355-393.
204. Романенко, С.А. Распад многонациональных государств в Средней Европе в XX в. Австро-Венгерская империя // *Общественные науки и современность*. – 2014. – № 6. – С. 113–122.
205. Романенко, С.А. Россия и Австро-Венгрия в 1917 г.: два типа революции. По материалам российской прессы // *Исторический вестник*. – 2018. – Т. XXIII. – С. 78-103.
206. Романенко, С.А. Среднеевропейская и балканская дилемма 1917–1918 гг.: Австро-Венгрия или Югославия? // *Европейские сравнительно-исторические исследования*. – Москва: ИВИ РАН 2017. – Вып. 5: Парижская мирная конференция (1919–1920): взгляд из XXI века. – С. 157–180.
207. Романенко, С.А. Югославия, Россия и «славянская идея». Вторая половина XIX – начало XXI в. – Москва: Институт права и публичной политики, 2002. – 623 с.
208. Романенко, С.А. Югославизм // *Славяноведение*. – 1998. – № 5. – С. 10–17.
209. Саприкина, О.В. Историческое развитие славянских народов в информационном дискурсе российской славистики второй половины XIX в.: О.М. Бодянский, В.И. Ламанский, А.Н. Пыпин / *Люди и тексты. Исторический альманах*. – 2014. – № 5. – С. 272-291.
210. Саприкина, О.В. Трактовка славянской идеи В.И. Ламанским на страницах журнала Министерства народного просвещения // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. – 2010. – №. 18. – С. 258-269.

211. Серапионова, Е.П. Идея чехословакизма. Истоки и реализация // Национальный вопрос в Восточной Европе. – Москва: Институт славяноведения РАН, 1995. – С. 61-71.
212. Серапионова, Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. – Москва : Наука, 2006. – 512 с.
213. Серапионова, Е.П. Лига Т. Обера и деятельность ее русской секции на Балканах // Славяноведение. – 2006. – № 4. – С. 16-31.
214. Серапионова, Е.П. Полемика К. Крамаржа и Э. Бенеша о роли России в решении «чешского вопроса» // Славянский альманах. – 2015. – Вып. 1-2. – С. 48-56.
215. Серапионова, Е.П. Т.Г. Масарик, К. Крамарж и русская эмиграция // Славяноведение. – 2003. – № 4. – С. 60-65.
216. Серегин, А.В. «Союз русских государевых людей» в эмиграции и планы организации «весеннего похода» в СССР // Российский гуманитарный журнал. – 2015. – Т. 4. – № 3. – С. 187-195.
217. Сивчев, С. Друштво словенске узајамности // Attendite: Гласник Историјског архива у Кикинди. – Бр. 11. – 2019. – С. 137-145.
218. Сменовеховство: pro et contra, антология. 2-е изд. / Сост., коммент. П.Н. Базанова, А.В. Репникова; вступ. статья П.Н. Базанова. – Санкт-Петербург : РХГУ, 2023. – 888 с.
219. Сорокина, М.Ю. Большая славистика и большая политика: Роман Якобсон (1896-1962) и Королевство сербов, хорватов и словенцев // Славистика. – 2020. – XXIV (1). – С. 19-35.
220. Станков, Н.Н. Попытки реставрации монархии Габсбургов в Венгрии в 1921 г. и международные отношения в Центральной Европе // Центральноевропейские исследования. – 2021. – Вып 4(13). – С. 207-241.
221. Тесемников, В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919-1945 гг.) // Вопросы истории. – 1988. – № 10. – С. 128–137.



222. Тихонов, В.В. Советская историография 1920-1930-х годов: от антиимперскости к великодержавию // Новое литературное обозрение. – 2024. – № 4 (188). – С. 66-70.
223. Улунян, Ар.А. Балказия и Россия, 1900-1914 гг. – Москва : ИВИ РАН, 2002. – 321 с.
224. Улунян, Ар.А. Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж. 1919-1938 гг. – Москва : ИВИ РАН, 1997. – 220 с.
225. Фрейдзон, В.И. Борьба хорватского народа за национальную свободу: подъём освободительного движения в 1859—1873 гг. История, идеология, политические партии. – Москва : Наука, 1970. – 384 с.
226. Фрейдзон, В.И. Исторические корни и сущность югославизма // Новая и новейшая история. – 1997. – № 3. – С. 31-45.
227. Фрейдзон, В.И. История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики. (1991 г.) – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 298 с.
228. Хевролина, В.М. Идея славянского единства во внешнеполитических представлениях поздних славянофилов (конец 70 – середина 90-х годов XIX в.) // Славянский вопрос: вехи истории. – Москва : Институт славяноведения РАН, 1997. – С. 90-106.
229. Цветков, В.Ж. Белое дело в России. 1920-1922 гг. Ч. 1. – Москва : Наука, 2012. – 495 с.
230. Цимбаев, Н.И. Славянофильство. – Москва : Изд-во МГУ, 1986. – 274 с.
231. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. – Москва: Наука, 2005. Кн. 1. 453 с., ил.
232. Чуркина, И.В. Россия, славянофилы и зарубежные славяне. Очерки истории. – Москва: Индрик, 2020. – 368 с.
233. Чуркина, И.В. Словенское национально-освободительное движение в XIX в. и Россия. – Москва : Наука, 1978. – 392 с.
234. Шевырин, В.М. Михаил Васильевич Челноков // Россия и современный мир. – 2008. – № 1. – С. 200-217.

235. Шелохаев, В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. – Москва : РОССПЭН. 2015. – 863 с.
236. Шемякин, А.Л. Идеология Николая Пашича. Формирование и эволюция (1868-1891). – Москва : Индрик, 1998. – 448 с.
237. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. с нем. К.А. Свасьяна. Т. 1. – Москва: Мысль, 1993. – 663 с.
238. Югославия в XX веке. Очерки политической истории. – Москва : Индрик, 2011. – 888 с.
239. Яжборская, И.С., Парсаданова, В.С. Россия и Польша: синдром войны 1920 г. – Москва : Academia, 2005. – 404 с.
240. Язькова А.А. Малая Антанта в европейской политике. 1918-1925. – Москва : Наука, 1974. – 331 с.
241. Benedejčič, A. Rusija in slovanstvo: med velikodržavnostjo in vzajemnostjo. – Ljubljana : Fakulteta za družbene vede, Založba FDV, 2021. – 551 s.
242. Behrends, C. Jan. Die “sowjetische Rus” und ihre Brüder: Die slawische Idee in Russlands langem 20. Jahrhundert. Osteuropa. – 2009. – Vol. 59. No. 12. – S. 95-114.
243. Bilandžić, D. Hrvatska moderna povijest. – Zagreb : Golden marketing, 1999. – 836 str.
244. Böss, O. Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts. – Wiesbaden, 1961. – 130 p.
245. Daskalov R., Mishkova D. Entangled Histories Of The Balkans. Vol. 2. – Leiden, Boston, 2014. – 595 p.
246. Dialla A., Heraclides A. The Balkan crisis of 1875–78 and Russia: between humanitarianism and pragmatism // Humanitarian Intervention in the Long Nineteenth Century. – Manchester, 2015. – P. 169-196.
247. Goldstein, I. Hrvatska povijest. Zagreb, Novi Liber, 2003.-519 str.
248. Hanak, H. The New Europe, 1916-1920 // The Slavonic and East European Review. – 1961. – Vol. 39, № 93. – Pp. 369-400.

249. Јовановић, М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919-1924. – Београд, 1996. – 386 с.
250. Ковић, М. Масарик и Срби: политичке идеје // Српска политичка мисао. – 2020. – Број 2, свеска 68. – С. 15-57.
251. Luks, L. Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1986. – Vol. 34. – P. 374-395.
252. Matković, H. Povijest Jugoslavije. Č 1918-1991 Drugo, dopunjeno izdanje. – Zagreb : Naklada Pavičić, 2003. – 441 str.
253. Maxwell, A. The 1848 Revolution and the limits of Sorbian Czechoslovakism // New Zealand Slavonic Journal. 2012. Vol. 46. S. 9-22.
254. McMeekin, S. The Russian origins of the First World War. Cambrige. 2011. Pp. 324.
255. Osterhammel, J. Die Verwandlung der Welt : eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. – München, 2009. – 1568 S.
256. Pares, B. A wandering student. The story of a purpose. – Syracuse : Syracuse University Press, 1948. – 448 p.
257. Pirjevec, J. Jugoslavija. Nastanek, razvoj ter razpad Karadjordjevičeva in Titova Jugoslavije. – Koper : Založba Lipa, 1995. – 467 str.
258. Русев, Р. Славянофилството, славянската идея и руската емигрантска интелигенция в България през 20-те и 30-те години на XX век [Электронный ресурс] // SESDiva project. 2018. URL: <https://sesdiva.eu/virtualni-stai/ruska-emigracia-balkani/item/60-slavyanstvoto-slavyanskata-ideya-i-ruskata-emigradska-inteligenciya> (accessed: 18.11.2024).
259. Riasanovsky, N. Prince N. S. Trubetskoy's "Europe and Mankind" // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge. – 1964. – Bd. 12, H. 2. Ss. 207-220.
260. Renko, Manca G. Vloga Rusije in pomen slovanske vzajemnosti na severnem Jadranu 1848-1914. Doktorska disertacija. – Koper, 2017. – 193 s.
261. Sapper, M., Weichsel, V. Idee und Interesse // Osteuropa. – 2009. – Vol. 59, №. 12. – Pp. 5-6.

262. Subotić, M. Političke ideje klasičnog slovenofilstva // Tokovi istorije. – 1999. – № 1-4. – S. 7-35.
263. Тимофејев, А. Српско-руски друштвено-политички односи у раздобљу националне трагедије. 1917–1945 // Москва – Сербия; Белград – Россия. Сб. док. и мат. Т. 4. Русско-сербские отношения. 1917–1945 гг. – Москва; Белград, 2017. – С. 34-53.
264. Todorova, M. Imagining the Balkans. – New York, 1997. – 257 p.

**Энциклопедические и справочные издания**

265. Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Т. III. Москва : Мысль, 2010. – 692 с.
266. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. Москва : РОССПЭН, 1996 – 872 с., илл.